
В мире научных открытий

№ 11.3(47), 2013
Проблемы науки и образования

In the World of Scientific Discoverie

No. 11.3(47), 2013
Problems of Science and Education

Электронная версия
журнала размещена
на сайте
www.nkras.ru

Журнал включен
в Перечень ВАК
ведущих рецензируемых
научных журналов

Журнал основан в 2008 г.
ISSN 2072-0831
Импакт-фактор
РИНЦ 2012 = 0,148

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: **Я.А. Максимов**; Ответственный секретарь: **К.А. Коробцева**

А.П. Анисимов, д-р мед. наук, проф.

Н.А. Шнайдер, д-р мед. наук, проф.

Л.В. Музурова, д-р мед. наук, проф.

А.С. Казакова, д-р биол. наук, проф.

Т.В. Рожко, к-т биол. наук, доцент

С.Е. Батырбекова, д-р хим. наук

А.И. Рахимов, д-р хим. наук, проф.

Н.А. Рахимова, д-р хим. наук, проф.

В.Е. Бахрушин, д-р физ.-мат. наук, проф.

Н.П. Шаталова, к-т физ.-мат. наук, проф.

В.Н. Василенко, д-р техн. наук, доцент

Д.И. Прошин, к-т техн. наук, доцент

Е.А. Тыщенко, к-т техн. наук, доцент

Д.В. Покришук, к-т полит. наук

З.П. Оказова, д-р сел.-хоз. наук, доцент

А.А. Лисняк, к-т сел.-хоз. наук, доцент

И.Д. Тургель, д-р экон. наук, проф.

М.П. Придачук, д-р экон. наук, проф.

Г.В. Ившина, д-р пед. наук, проф.

С.Д. Якушева, к-т пед. наук, доцент

Т.П. Грасс, к-т пед. наук, доцент

В.Н. Абросимов, к-т пед. наук, проф.

Ф.Н. Денисенко, к-т пед. наук, доцент

О.Н. Финогонова, к-т психол. наук, доцент

О.В. Евтихов, к-т психол. наук, доцент

Ф.Г. Галиева, д-р филол. наук, к-т ист. наук, доцент

А.Г. Готовцева, д-р филол. наук, доцент

Т.А. Магсумов, к-т ист. наук, доцент

И.В. Корнилова, к-т ист. наук, доцент

Г.С. Широкалова, д-р соц. наук, проф.

Панова О.В. (заведующий отделом коммуникаций)

Максимова Н.А. (выпускающий редактор)

Бяков Ю.В. (заведующий отделом веб-работы)

Издательство «Научно-инновационный центр»

ISSN 2072-0831

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

ПИ № ФС 77-39604 от 26 апреля 2010 г.

В МИРЕ НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. № 11.3(47) (Проблемы науки и образования). 364 с.

Журнал выходит не реже 12 раз в год

Журнал включен в Реферативный журнал и Базы данных ВИНТИ РАН:
<http://catalog.viniti.ru/>

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals directory» в целях информирования мировой научной общественности.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал «В мире научных открытий» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция от 25.02.2011), в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал представлен в ведущих библиотеках страны, в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и имеет импакт-фактор Российского индекса научного цитирования (ИФ РИНЦ).

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Правила для авторов доступны на сайте журнала:
<http://nkras.ru/vmno/ru/rules.html>

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:
660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: open@nkras.ru
<http://nkras.ru/vmno/ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 41276

Учредитель и издатель: Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕМОГРАФИЯ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Кабитова Е.В. 16

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ РЫНКА ТРУДА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Осинцева В.М...... 20

ИСТОРИЯ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО СРЕДНЕГО
ЗАУРАЛЬЯ 1965–1985: ГОДЫ «ЗАСТОЯ» ИЛИ «СТАБИЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ»?

Афонасьева О.В. 26

ОБЛИК ПОСЛЕВОЕННОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА
(ТЮМЕНЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 40-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
50-х гг. XX ВЕКА)

Бакулина Т.И., Кучева А.В. 33

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В к. XIX – ПЕРВОЙ
ЧЕТВЕРТИ XX вв. (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Бармина Т.Б., Кожемяко Т.Н. 39

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ В СФЕРЕ
РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА В НАЧАЛЕ 2000-х гг.

Бодрова Е.В., Калинов В.В...... 44

НЕСТОРИАНСТВО В СТЕПЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Бураев А.И. 51

РОЛЬ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР В РЕШЕНИИ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В 1989–1991 ГОДАХ

Быстров Е.И. 61

ЖУРНАЛИСТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ,
СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Воскресенская М.А. 67

УЧЕТ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА КАК ИНСТРУМЕНТ
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ
ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Галимуллина Н.М. 75

НАРУШЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ И ЗАКОННОСТИ В СОВЕТСКОЙ
МИЛИЦИИ 1953–1968 гг.

Дорохов В.Ж. 81

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИЗГОИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
РАЗМЕЩЕНИЯ ДОНСКОГО И КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ЗАРУБЕЖЬЕ

Ерохин И.Ю. 92

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЙНОГО АППАРАТА КОМИ ОБЛАСТНОЙ
ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ
КОМИ ОБЛАСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ)

Киросова Н.В. 97

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В КОНЦЕ 1920–1930-е гг.: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Кожемяко Т.Н. 102

К ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ ТЕЛЕФОННЫХ СЕТЕЙ
В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Кочергин И.Г. 107

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ТЮМЕНИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953 гг.)

Кучева А.В. 114

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЭТНОСА КАК РЕЗУЛЬТАТ АДАПТАЦИИ К ПРИРОДНОМУ ЛАНДШАФТУ Лебедев В.Э.	120
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В ТУВИНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1947–1960 ГОДЫ Оюн А.М.	126
ОСНОВНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ АГЕНТЫ РОМАНИЗАЦИИ В БЕЛЬГИИ В I–V вв. Разумова Л.В.	132
СОСТАВ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ В КОМИ АССР В 1979–1989 гг. Садек М.О.	139
РАЗВИТИЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КАДРОВ ВВС (1918 – ИЮНЬ 1941 г.) Сидоров И.Ю.	143
ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Сикорская О.Г.	149
МАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В 1939–1945 гг.: ПРОБЛЕМА РАЗМЕЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОВОЛЖЬЯ) Тузова О.В.	155
ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТОВАРАМИ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ Ундалов А.М.	170
ЭВАКУАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРДОВСКОЙ АССР В 1941–1948 гг. Федотов В.В.	177

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ
И ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1946–1953 гг.
(НА ПРИМЕРЕ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Филипчук И.В...... 183

ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ «ВОДНОГО УСТАВА»
В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Цинцадзе Н.С. 189

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР И АДАПТАЦИЯ
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Чуркин М.К...... 195

КПСС ПРОТИВ ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКИ В 1984 ГОДУ

Шадрин В.О...... 200

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ВИДЫ БИОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА: ГЕНЕАЛОГИЯ,
СЕМЕЙНАЯ ЛЕТОПИСЬ/ВОСПОМИНАНИЯ

Артамошкина Л.Е. 205

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Бацанова С.В...... 217

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ И ТИПОЛОГИЯ ТРАДИЦИОННОГО
КОСТЮМА НАРОДОВ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Бодрова А.Ш...... 223

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА
НА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ

Васильева М.А...... 231

КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИВНОСТЬ
ПАМЯТНИКА «ЗАПИСЬ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ...»

Выхрыстюк М.С., Чернякова М.В...... 238

СПОСОБЫ СОКРАЩЕНИЙ СЛОВ В СКОРОПИСИ XVIII в.

г. ТОБОЛЬСКА

Выхрыстюк М.С., Стародубцева А.Н...... 244ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ПРОБЛЕМА
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ СУБКУЛЬТУР**Копытин С.М.**..... 250ИСТОРИЧЕСКИЕ ГОРОДА РОССИИ КАК ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ И ХРАНИТЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**Обедков А.П.**..... 256ТВОРЧЕСТВО ШРИ РАДЖНИША КАК СИНТЕЗ КУЛЬТУР
ВОСТОКА И ЗАПАДА**Сиргия А.С.** 276

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКИХ КРУЖКОВ XVIII ВЕКА

Скопцова Е.А...... 282СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА
И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ**Соколова А.А.**..... 288

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В СУБКУЛЬТУРЕ ДЕТСТВА

Суворкина Е.Н...... 295СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ
И ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИИ**Суслова Р.А.** 301СТРАТИФИКАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА РЕЗУЛЬТАТОВ
ИССЛЕДОВАНИЙ МИФОВ**Тараненко Л.И.** 308МЕТАМОРФОЗЫ МЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ
МЕДИЦИНЫ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**Шестерикова О.А., Галковская О.А.** 319

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕТИПА ГЕРОЯ В КОНСТРУИРОВАНИИ
ИМИДЖА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОЛИТИКОВ

Шкурко Н.С...... 329

КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ФОРМАЦИИ

Яковлева Л.А...... 338

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ
В РУССКОЙ ФАУСТИАНЕ

Бортнюк О.А...... 344

МИФ ОБ УТРАЧЕННОЙ ПРАРОДИНЕ В РУССКОМ
НЕОЯЗЫЧЕСТВЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв.

Яшин В.Б...... 352

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 359

CONTENTS

DEMOGRAPHY

INSTITUTIONAL APPROACH TO THE STUDY OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN RUSSIA

Kabitova E.V...... 16

TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE LABOUR MARKET IN RUSSIA

Osintseva B.M...... 20

HISTORY

AGRICULTURAL INDUSTRY OF CENTRAL TRANS-URALS FOR THE PERIOD 1965–1985: THE YEARS OF «STAGNATION» OR «STABLE DEVELOPMENT»?

Afonasyeva O.V...... 26

THE SHAPE OF THE POST-WAR COUNTRY TOWN (TYUMEN SECOND HALF OF THE 40TH AND THE FIRST HALF OF THE 50s. XX CENTURY)

Bakulina T.I., Kucheva A.V...... 33

THE EVOLUTION OF FAMILY RELATIONS IN LATE 19th EARLY 20th CENTURIES (BY THE EXAMPLE OF STAVROPOLSKOY GUBERNII)

Barmina T.B., Kozhemyako T.N...... 39

THE EVOLUTION OF GOVERNMENT POLICY IN THE SPHERE OF OIL AND GAS COMPLEX DEVELOPMENT IN THE EARLY 2000s

Bodrova E.V., Kalinov V.V...... 44

NESTORIANISM IN STEPPES OF CENTRAL ASIA

Buraev A.I...... 51

THE ROLE OF THE SUPREME SOVIET OF THE SOVIET UNION IN SOLVING OF INTERNATIONAL PROBLEMS IN 1989–1991	
Bystrov E.I.	61
JOURNALISM AS A FACTOR OF FORMATION, PRESERVATION AND TRANSFORMATION OF HISTORICAL MEMORY	
Voskresenskaya M.A.	67
THE ETHNIC FACTOR AS A TOOL OF INCREASE OF EFFICIENCY OF THE SOVIET PROPAGATION OF THE PERIOD OF THE SECOND WORLD WAR	
Galimullina N.M.	75
VIOLATIONS OF DISCIPLINE AND ORDER IN THE SOVIET MILITIA 1953–1968	
Dorohov V.G.	81
ROGUE STATE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DISTRIBUTION OF THE DON AND KUBAN COSSACKS IN FOREIGN COUNTRIES	
Erokhin I.Ur.	92
FORMATION OF THE PARTY APPARATUS OF THE KOMI REGIONAL PARTY ORGANIZATION AT THE BEGINNING OF 1920s (ON THE MATERIALS OF THE KOMI REGIONAL PARTY CONFERENCES)	
Kirosova N.V.	97
SOVIET POWER AND THE PEASANTRY OF NORTH CAUCASUS IN THE LATE 1920–1930's: ESPECIALLY OF RELATIONS	
Kozhemyako T.N.	102
TO THE HISTORICAL ROLE OF TELEPHONE NETWORKS IN THE COURSE OF GLOBALIZATION	
Kochergin I.G.	107
THE MAIN FEATURES OF THE URBAN ENVIRONMENT IN TYUMEN IN THE POST-WAR PERIOD (1945–1953)	
Kucheva A.V.	114

FORMATION OF VALUABLE ORIENTATIONS OF ETHNOS AS RESULT OF ADAPTATION TO THE NATURAL LANDSCAPE Lebedev V.E.	120
FORMATION AND DEVELOPMENT OF CHILDREN'S MUSIC SCHOOL IN THE TUVA AUTONOMOUS REGION IN 1947–1960 YEARS Oyun A.M.	126
MAIN CULTURAL AGENTS OF THE ROMANIZATION IN BELGIUM IN THE I–V CENTURIES Razumova L.V.	132
STRUCTURE OF URBAN FAMILY IN THE KOMI REPUBLIC IN 1979–1989s Sadek M.O.	139
DEVELOPMENT PROBLEMS OF PERIODIZATION TRAINING OF PARTY-POLITICAL CADRES OF THE AIR FORCE (1918 – JUNE 1941) Sidorov I.Y.	143
THE PERIODIZATION OF THE HISTORY OF MEDIA IN RUSSIAN FEDERATION Sikorskaya O.G.	149
MATERIAL RESOURCES OF REGIONAL MUSICAL CULTURE: THE PROBLEM OF PLACING (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGA REGION) Tuzova O.V.	155
THE PROBLEM OF PROVIDING POPULATION OF GORKY REGION WITH CONSUMER GOODS IN THE YEARS OF PERESTROIKA Undalov A.M.	170
EVACUATION PROCESSES IN MORDOVIA ASSR IN 1941–1948 Fedotov V.V.	177

RELATIONSHIP BETWEEN LOCAL AUTHORITY
AND PROVINCIAL INTELLIGENTSIA IN 1946–1953
(BY THE EXAMPLE OF GORKOVSKY REG.)

Filipchuk I.V. 183

HISTORY OF THE DRAFTING OF «WATER STATUTE»
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Tsintsadze N.S. 189

NATURAL GEOGRAPHICAL FACTOR AND THE ADAPTATION
OF IMMIGRANTS OF EUROPEAN RUSSIA, IN WESTERN SIBERIA
(THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES)

Churkin M.K. 195

COMMUNIST PARTY AGAINST THE POPULAR MUSIC IN 1984

Shadrin V.O. 200

CULTUROLOGY

TYPES OF THE BIOGRAPHIC LETTER: GENEALOGY,
FAMILY CHRONICLES/MEMOIRS

Artamoshkina L.E. 205

CORPOREALITY OF THE BODY AS AN INDIVIDUAL PROJECT

Batsanova S.V. 217

SOCIOCULTURAL FUNCTIONS AND TYPOLOGY
OF TRADITIONAL SUITS OF THE PEOPLE OF SIBERIA
IN XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Bodrova A.Sh. 223

THE IMPACT OF THE MODERN MEDIA
TO THE IDENTIFICATION PRACTICES

Vasilyeva M.A. 231

CULTURAL AND LINGUISTIC DESCRIPTIVENESS MONUMENT
«RECORD ASTRONOMICHTSKIH EVENTS ... »

Vyhrystyuk M.S., Chernjakova M.V. 238

WAYS OF REDUCING WORDS IN THE XVIII CENTURY CURSIVE
IN TOBOLSK**Vyhrystyuk M.S, Starodubtseva A.N.**..... 244DEVIANTOLOGICAL METHOD AND SOCIOCULTURAL IDENTITY
IN SUBCULTURE STUDIES**Kopytin S.M.**..... 250HISTORICAL CITIES OF RUSSIA AS A CULTURAL HERITAGE
AND THE CUSTODIANS OF HISTORICAL MEMORY**Obedkov A.P.**..... 256SHREE RAJNEESH'S WORK AS A SYNTHESIS OF EASTERN
AND WESTERN CULTURES**Sirgiya A.S.**..... 276

GENESIS OF RUSSIAN COTERIES IN THE XVIIIth CENTURY

Skoptsova E.A...... 282CONTEMPORARY RUSSIA: THE IDEOLOGY
OF POSTMODERN SOCIETY AND THE TRADITIONAL VALUES**Sokolova A.A.**..... 288

THE CATEGORY OF TIME IN THE SUBCULTURE OF CHILDHOOD

Suvorkina E.N...... 295MODERN CIVILIZATION: TYPOLOGICAL LINES
AND TERMINOLOGY PROBLEM**Suslova R.A.**..... 301SPACE STRATIFICATION OF THE RESULTS
OF MYTHS STUDIES**Taranenko L.I.**..... 308METAMORPHOSES OF MEDICAL ETHICS AND SOCIALIZATION
OF MEDICINE: CULTUROLOGICAL ASPECTS**Shesterikova O.A., Galkovskaya O.A.**..... 319

USE THE ARCHETYPE OF THE HERO IN THE CONSTRUCTION
OF THE IMAGE OF RUSSIAN POLITICIANS

Shkurko N.S...... 329

CULTURE IN THE SOCIO-ECONOMIC STRUCTURE

Yakovleva L.A...... 338

RELIGIOUS

SOTERIOLOGICAL ALTERNATIVES TO RUSSIAN FAUSTIANE

Bortnyuk O.A. 344

THE MYTH OF A LOST HOMELAND IN THE RUSSIAN
NEOPAGANISM LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

Yashin V.B. 352

RULES FOR AUTHORS 359

МАТЕРИАЛЫ

**II Международной научно-практической конференции
«Социально-гуманитарные проблемы современности:
человек, общество и культура»
(30 сентября, 2013 г.)**

ДЕМОГРАФИЯ

DEMOGRAPHY

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Кабитова Е.В.

Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н.Туполева – КАИ, г. Альметьевск, респ. Татарстан, Россия

Развитие демографических процессов в России свидетельствует об угрозе депопуляции страны. Демографическое поведение населения направленно на адаптацию к изменениям институциональной среды. Институциональная среда определяется как динамично изменяющаяся совокупность неформальных ограничений, формальных правил, санкций. Демографический кризис в России обусловлен действием институтов.

Ключевые слова: демографические процессы, институциональная среда, формальные институты, неформальные институты, институциональные ловушки, деструктивная институционализация.

INSTITUTIONAL APPROACH TO THE STUDY OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN RUSSIA

Kabitova E.V.

Kazan national research technical University after A.N. Tupolev – KAI,
Almetyevsk, REP. Tatarstan, Russia

The development of demographic processes in Russia is evidence about the threat of depopulation of the country. Demographic behaviour of the

population directed on the adaptation to the changes in institutional environment. The institutional environment is defined as dynamically changing set of informal restrictions, formal rules, and sanctions. Russia's demographic crisis caused by the effect of institutions.

Keywords: *demographic processes, institutional environment, formal institutions, informal institutions, institutional traps, destructive institutionalization.*

Одним из условий реализации модели устойчивого развития выступает достижение демографического оптимума. Формирование цивилизации устойчивого типа означает, что современное общество осознает ответственность за себя и свое будущее и использует механизмы регулирования демографических процессов в направлении их оптимального состояния.

Тяжесть негативного социально-экономического положения, в котором оказалось наше государство в 90-е годы прошлого столетия, была спроецирована на демографические показатели России (рождаемость, смертность, количество населения, структура возрастных когорт). Демографические процессы в России и зарубежных странах определяют актуальность проблемы поиска оптимальных пропорций воспроизводства населения, а также анализа причин, которые привели к данному положению.

Оптимум народонаселения рассматривается как совокупность экстенсивных и интенсивных критериев, соответствующих прогрессивному состоянию государства. Отклонение от демографического оптимума определяется как перенаселение или недонаселение, последнее характеризует состояние отечественной демографической системы.

Демографическое поведение населения можно трактовать как составную часть поведения, направленного на адаптацию к быстрым и часто неблагоприятным изменениям институциональной среды [1, с. 466]. Институциональная среда – это совокупность формальных, неформальных ограничений и санкций, обеспечивающих ценностный каркас общества, их реализация не всегда обуславливает «правильный» вектор развития.

Неформальные правила являются производной от стихийного, природного поведения членов социума. Негативными проявлениями такого поведения в конце двадцатого столетия стали разрушение базовых эле-

ментов культуры, замена конвенциональных средств достижения целей на личные, анония семейной жизни. Социальные же нормы, интегрированные в законодательство, определяются как формальные правила, выраженные в политических, экономических правилах и контрактах. Если за нарушение формальных норм подразумеваются административные, гражданско-правовые и уголовные санкции, то за несоблюдение неформальных правил по отношению к нарушителям применяются автоматическая санкция, моральная повинность, информационная санкция, двусторонние и многосторонние санкции, требующие издержек [2, с. 32].

Формальные институты и санкции устанавливаются государственными органами и целенаправленно ими поддерживаются с учетом интересов индивидуума и общества в целом, что предполагает экономию транзакционных издержек. Институты стимулируют выбор стратегии сотрудничества экономических агентов, то есть способствуют достижения равновесия по Нэшу, Штакельбергу, Парето.

Достижение точки бифуркации демографических процессов в России на рубеже XX–XXI вв. обусловлены институциональной метаконкуренцией. В институциональной среде, влияющей на демографические процессы, происходят следующие институциональные изменения: дискретные институциональные изменения в экономике и политическом режиме; инкрементные институциональные изменения, выраженные в закреплении неформальных правил и институтов; преобразование неформальных поведений в общепризнанные формальные институты; заимствование ценностных ориентиров (неформальных институтов) в иных культурах (цивилизациях). Утверждаются те институты и санкции, которым следует значительное количество индивидов, что проявляется в реализации закона возрастающей предельной отдачи. Последующее выполнение данных институтов будет привлекательно для большей части общества и не нуждается в принуждении.

Рецессия российской демографической системы во многом связана с влиянием неформальных институтов – распадом системы ценностей и норм, гарантирующих порядок в семейной жизни и общества в целом, кризис морали, что привело к обесценению человеческой жизни. Период институциональной трансформации, «либерализация» частной жизни общества приводят к дискредитации советский норм поведения, что проявляется в росте числа нерегистрируемых браков, доли внебрачных детей, кризисе отношений поколений.

Период трансформации российской социально-экономической системы имеет следующие негативные экстерналии: гистерезис и в следствие институциональные ловушки, что представляет собой неэффективную устойчивую норму, имеющую самоподдерживающийся характер. Примерами институциональных ловушек, ухудшающих демографические показатели, являются: алкогольная и наркотическая субкультура, аномия семьи, маргинальность, повышение уровня безработицы, снижение доходов населения.

Институциональный подход к демографическим процессам не может решить полностью вопрос об однозначности отнесения тенденций к модернизационным либо контрмодернизационным, а также не обеспечивается формализованными методами исследования и прогнозирования, поскольку позволяет дать скорее качественную, а не количественную оценку ситуации.

Список литературы

1. Демография и статистика населения: Учебник под ред. Елисеевой И.И., Клулт М.А. М.: Финансы и статистика, 2006. 688 с.
2. Одинцова М.И. Институциональная экономика: Учеб. пособие. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2009. 397 с.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ РЫНКА ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Осинцева В.М.

Тюменский госуниверситет, г. Тюмень, Россия

В работе отражены актуальные проблемы формирования российского рынка труда. Особое внимание уделено вопросам квалификации трудовых ресурсов в развивающейся инновационной экономике. Так же исследуется роль иностранной рабочей силы в развитии экономики России.

Ключевые слова: *высококвалифицированные специалисты, инновационная экономика, модернизация образования, рынок труда, структура иностранной рабочей силы, трудовые ресурсы.*

TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE LABOUR MARKET IN RUSSIA

Osintseva B.M.

Tyumen State University, Tyumen, Russia

There is the revelation of the modern problems of formation of the Russian labour market in the work. Particular attention has spared to the question of the qualification of manpower in the developing innovation economics. It also explores the role of the foreign labor force in the development of the Russian economics.

Keywords: *highly qualified specialists, innovation economy, modernization of the education, the labour market, the structure of foreign labour, manpower.*

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. указано, что, исходя из тенденций развития экономики, целью государственной политики в области развития рынка

труда является создание правовых, экономических и институциональных условий для развития гибкого, эффективного рынка труда, позволяющего преодолеть структурное несоответствие спроса и предложения рабочей силы, сократить долю нелегальной, неформальной занятости, повысить мотивацию к труду и трудовую мобильность [2, с. 218].

Влияние на формирование российского рынка труда оказывает развитие инновационной экономики, а это невозможно без модернизации трудовых ресурсов, то есть без формирования рынка высокопрофессиональных трудовых ресурсов.

В ближайшее время, равновесие между спросом и предложением высококвалифицированных работников на рынке труда не будет достигнуто. Это подтверждают данные ВЦИОМ: владельцы и топ-менеджеры частных компаний промышленности и строительства, транспорта и связи, сферы обслуживания и торговли серьезной проблемой для бизнеса считают, что через 2–3 года может стать недостаток в профессиональных кадрах [4, с. 18]. Этому способствует несколько причин.

Во-первых, эмиграция. Продолжают уезжать из страны молодые ученые и высококвалифицированные специалисты, которым не созданы условия жизни. Лидером списка стран, которые наши граждане считают самыми удобными для проживания, стала Финляндия, приютившая около 3000 россиян, этому способствуют особенности миграционного законодательства этой страны. Последующие места в списке государств, принявшими наших граждан на ПМЖ в 2010 году, стали: Украина (968 чел.), Германия (318 чел.), Норвегия (239 чел.), Южная Корея (217 чел.), США (207 чел.) и т.д. [5].

Во-вторых, в Россию прибывают низко квалифицированные специалисты и надежда на высококвалифицированную иностранную рабочую силу не оправдывается. Основная масса иностранной рабочей силы приезжает из стран СНГ без какой-либо квалификации или с очень низкой квалификацией. В странах СНГ, так же как и у нас, разрушено начальное и среднее профессиональное образование и молодежь не имея специальности, стремится попасть в Россию, соглашаясь на любую работу при любых условиях.

Для развития инновационной российской экономики нужны квалифицированные рабочие, грамотные специалисты, которые способны строить и развивать страну, но в структуре трудовых мигрантов из стран СНГ, существенных изменений не происходит. К 2008 году появ-

вилась устойчивая тенденция к увеличению доли мигрантов, приезжающих из стран Центральной Азии.

Отраслевая принадлежность привлекаемой иностранной рабочей силы на протяжении последних лет не претерпела существенных изменений. По-прежнему большая часть трудовых мигрантов трудятся в строительстве, затем идет промышленность, торговля и общественное питание и пр.

В-третьих, качество формирования трудовых ресурсов могли бы повлиять соотечественники, проживающие за пределами России. Большинство из них на порядок выше по образовательному уровню и квалификации, чем нынешние иммигранты. Но Программа добровольного переселения соотечественников в Россию, утвержденная Указом президента 22 июня 2006 г. провалилась. Она имела высокий статус и была предметом гордости ФМС, Минрегионразвития и МИД. При проверке Счетная палата выявила, что вместо сотен тысяч ожидавшихся соотечественников в страну переехали всего 8,8 тысячи или 13,5% планируемой численности. Главная проблема, с которой столкнулись соотечественники – это обеспечение жильем. Вторая по значимости проблема, возникающая у приехавших в Россию соотечественников – это трудоустройство. Получается замкнутый круг: нет жилья – нет регистрации, нет регистрации – невозможно получить достойную работу. Таким образом, ни Программа по переселению соотечественников, ни трудовая миграция не смогли и не смогут решить проблемы формирования трудовых ресурсов, которые необходимы для модернизации и инновационного развития экономики страны.

Решение этой проблемы следует начинать с модернизации системы образования, так как инновации в экономике требуют нового подхода к структуре набора студентов и профессиональной подготовке будущих специалистов.

В первую очередь на квалификацию трудовых ресурсов влияет несбалансированность в структуре набора в высшие, средние и начальные профессиональные образовательные учреждения. Сейчас в системе высшего профессионального образования обучается около 70% всех студентов, а потребности предприятий в различных отраслях экономики в специалистах с высшим образованием составляют 20–25%. Остальные более 75% не будут востребованы по полученной специальности в вузе.

Еще одной причиной неравновесия на рынке труда является структура приема студентов в государственные образовательные учреждения высшего профессионального образования, где большую долю занимают специальности: экономика, управление, юриспруденция, гуманитарные науки и т.п., а набор на естественные и технические специальности на порядок ниже. Например, выпускники 2012 и 2013 гг. – это набор абитуриентов 2008 г. В 2008 г. (по всем формам обучения) прием по специальности экономика и управление составляет более 359 тыс. студентов; на втором месте – гуманитарные науки (146,2 тыс. чел.), затем идет образование и педагогика (43,3 тыс. чел.). Для сравнения, прием студентов на специальность энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника составляет 16,5 тыс. студентов, а электронная техника, радиотехника и связь чуть более 6 тысяч студентов [3, с. 196]. Структура выпускников не способствует удовлетворению потребности в соответствии с перспективными прогнозами с точки зрения сфер занятости и специальностей для инновационной экономики.

Существует еще одна проблема в подготовке высококвалифицированных специалистов. Талантливые и творческие выпускники образовательных учреждений, не имеют практических навыков и соответственно не могут быть профессионалами. Наряду с внедрением инновационных технологий, следует готовить специалистов, отвечающих требованиям работодателя. Подготовить высококвалифицированного специалиста, отвечающего требованиям работодателя, без участия самого работодателя невозможно. Именно бизнес является носителем информации о требованиях к обучению, именно он формулирует, какие специалисты нужны будут в будущем. Предприятия получают достойные кадры, если будут участвовать в их обучении и в дальнейшем в повышении их квалификации. Инвестиции в кадры не менее важны, чем инвестиции в оборудование. Западные корпорации тратят на обучение и переобучение сотрудников до 5% бюджетов. Официальных исследований кадровых потребностей российской экономики – нет. На основе прогнозных данных, которые существуют в министерстве, можно говорить о том, что рабочие и специалисты в обозримом будущем будут нужны в отношении 50 на 50 [1, с. 10]. Следовательно, наряду с модернизацией высшего профессионального образования, для подготовки высококвалифицированных рабочих кадров нужно развивать

начальное и среднее профессиональное образование и повышать престиж рабочего в обществе.

Таким образом, инновации в российской экономике требуют не только технологическое обновление производственных процессов, но и наличие высококвалифицированных специалистов. А это достигается:

Во-первых, уменьшением оттока в другие страны высококвалифицированных специалистов (это создание приемлемых условий для жизнедеятельности ученых и высококвалифицированных специалистов в своей стране и разработкой и внедрением системы обязательного посредничества государства в деле найма российских специалистов для работы в зарубежные страны).

Во-вторых, модернизацией системы образования и изменением структуры профессионального образования в соответствии с перспективными прогнозами и повышением квалификации выпускников профессиональных образовательных учреждений всех уровней.

В-третьих, заинтересованностью бизнеса по внедрению инновационных технологий и в образование, и в производство, через которые повысится производительность труда, снизится спрос на малоквалифицированные рабочие места, и, тем самым, будет решаться проблема дефицита рабочей силы при имеющейся безработице.

В-четвертых, уменьшением притока малоквалифицированных эмигрантов из развивающихся стран. Для этого необходимо перейти к практике вывоза капитала, нуждающегося в иностранной рабочей силе, в эти развивающиеся страны и строить там заводы, как это делают развитые страны.

Список литературы

1. Никитов А. Предприятия получают достойные кадры, если будут участвовать в их обучении и платить хорошую зарплату / А. Никитов // Дороже золота: Профессиональные кадры для инновационной экономики. Издательство «МедиаЛайн». 2010. 28 с.
2. Панкратова Т.Б. От содействия занятости к политике в интересах занятости // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: сб. докладов / Под ред. В.А. Гуртова. Кн. I. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 351 с.
3. Распределение приема студентов в государственные образовательные учреждения ВПО Российской Федерации по группам специальностей.

-
- Образование в России – 2008. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2009. 436 с.
4. Шохин А. Бизнес ждет профессионалов / А. Шохин // Дороже золота: Профессиональные кадры для инновационной экономики. Издательство «МедиаЛайн. 2010. 28 с.
 5. Эмиграция из России – статистика 2010. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.chirkofff.com/politics/emigraciya-iz-rossii-statistika-2010.html> (дата обращения: 19.08.2013).

ИСТОРИЯ HISTORY

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ 1965–1985: ГОДЫ «ЗАСТОЯ» ИЛИ «СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ»?

Афонасьева О.В.

Филиал «Тюменского государственного университета»
в г. Ишиме, Россия

В данной статье рассмотрено сельскохозяйственное производство Среднего Зауралья в 1965–1985 гг. Проанализированы изменения в производстве сельскохозяйственной продукции колхозов, государственных сельскохозяйственных предприятий и личных подсобных хозяйств тружеников села. Анализ динамики развития и результатов сельскохозяйственного производства ставит под сомнение термин «застой», применяемый к данному периоду отечественной истории.

Ключевые слова: Среднее Зауралье, сельскохозяйственное производство, земледелие, животноводство, темпы производства.

AGRICULTURAL INDUSTRY OF CENTRAL TRANS-URALS FOR THE PERIOD 1965–1985: THE YEARS OF «STAGNATION» OR «STABLE DEVELOPMENT»?

Afonasyeva O.V.

Tyumen State University, Ishim branch, Russia

The article touches upon agricultural industry of Central Trans-Urals for the period 1965–1985 and presents the analysis of changes in agricul-

tural output of collective farms, state agricultural enterprises and private households. The analysis of dynamic of the development and results of agricultural production questions the term «stagnation» which is used for this period of national history.

Keywords: *Central Trans-Urals, agricultural industry, agriculture, cattle-breeding, rate of production.*

В последнее время история России подвергается большой трансформации. Пересматриваются и даются совершенно другие оценки историческим событиям и фактам, казалось бы, устоявшимся в отечественной историографии. Одно из них – «эпоха Брежнева», или, как принято в учебниках, «годы застоя». Однако, как показывают в последнее время социально-экономические исследования, этот период истории может быть оценен совсем по-другому.

Начало 1960-х гг. оказалось неблагоприятным для сельскохозяйственного производства страны и особенно для Сибири. Помимо экономических причин, влиявших на снижения темпов производства, сказались пагубные последствия засухи 1963 г. Валовая продукция сельского хозяйства Среднего Зауралья в 1961–1965 гг. в сравнении с 1956–1960 гг. составила 95%, в том числе земледелия – 90%, животноводства – 99 процентов [9, с. 5].

Выдвинув задачу подъема сельскохозяйственного производства, обеспечения устойчивых темпов его роста, мартовский (1965 г.) и последующие пленумы ЦК, XXIII и XXIV съезды КПСС признали необходимым всемерно ускорить и углубить специализацию и концентрацию сельскохозяйственного производства.

Для Среднего Зауралья долговременной проблемой развития сельского хозяйства стало наращивание объема производства важнейших видов продукции (мясо, молоко, картофель, продовольственное зерно, овощи, яйцо и зернофураж). Экономической основой, постоянно действующими факторами возрастания объема и модификации структуры сельскохозяйственного производства в пользу биологически более ценных животных продуктов, овощей, являлись рост платежеспособности спроса на продукцию за счет повышения денежных доходов и высокие темпы роста населения. Развивающиеся города все больше предъявляли требования к повышению качества и разнообразию продуктов питания.

Хотя территория Среднего Зауралья находится в зоне рискованного земледелия, возделывание здесь зерновых культур являлось одним из ведущих направлений сельскохозяйственного производства. На долю зерновых и зернобобовых культур приходилось более половины территории всей посевной площади [7, с. 54]. Улучшение технологий обработки почвы и применение новых ресурсосберегающих сельскохозяйственных машин позволило существенно увеличить урожайность зерновых культур: с 6,2 ц/га в 1965 г. до 18,3 ц/га в 1985 г., а вместе с этим возросло и производство зерна, с 647,4 тыс. тонн до 2024,0 тыс. тонн соответственно [15, с. 12–13].

Одним из основных недостающих продуктов для населения региона оставались овощи. Почти 80% продукции растениеводства вначале 1960-х гг. завозилось из других областей и районов страны. Выполнение колхозами и совхозами основных направлений интенсификации сельскохозяйственного производства позволило увеличить урожайность овощей и картофеля в среднем на 188%, а производство этих культур более чем в 1,5 раза [14, с. 28–29]. При этом земельная площадь, используемая под посадку картофеля, оставалась на уровне 1965 г. – 18,4 тыс. га, а площадь земли, занятой под овощами, увеличилась в два раза и составила 3,7 тыс. га [11, с. 7].

Повышению производства картофеля и овощей также способствовало создание вокруг городов и промышленных центров специализированных государственных предприятий пригородного типа, в которых концентрировались посевы этих культур. Всего в области было организовано 300 подсобных хозяйств, производящих сельскохозяйственную продукцию. За ними закреплялось 306 тыс. га земли, в том числе 142,2 сельскохозяйственных угодий и 9 тыс. га пашни. Удельный вес подсобных хозяйств в общем объеме производимой продукции области в 1980 г. составлял: по картофелю 0,4%, овощам 3,4 процента [4].

Изменение объемов производства животноводческой продукции по видам в различные периоды происходило неравномерно. Резкий скачок в увеличении производства молока и мяса – на 37% – произошел в VIII пятилетке. Преобразование слабых колхозов в совхозы снижало поголовье коров в колхозах, увеличивая их продуктивность. Поголовье коров в хозяйствах области сократилось на 2,7 тыс. голов, однако был значительно повышен среднегодовой удой на одну корову. Если в 1961–1965 гг. от одной коровы было получено 1680 кг молока, то в

1966–1970 – 2210 кг. [10, с. 8]. В последующие годы продуктивность коров продолжала расти, и в XI пятилетке она составила 2287,8 кг удоя на одну корову. Однако темпы прироста производства молока стали снижаться, так если в IX пятилетке они составили 9%, то в X они понизились до 3%, а в XI уменьшились до 1 процента [11, с. 127]. Преимущественную роль в увеличении производства молока, с 699,7 тыс. тонн в 1970 до 780,4 тыс. т в 1985 г., сыграл рост численности поголовья коров, который за это время повысился на 11 процентов [15, с. 14].

Для перевода мясомолочной отрасли на индустриальную основу, вначале 1970-х гг. областным руководством было решено завершить внутрихозяйственную специализацию и концентрацию молочного стада. Для этого хозяйства области должны были иметь в среднем фермы на 400–800 голов с высоким уровнем механизации. Вблизи областного центра, предполагалось создать молочно-консервный комбинат на 1200 коров [2]. В период IX пятилетки степень концентрации и специализации сельскохозяйственного производства оставалась невысокой. Средний размер молочной фермы в области составлял 270 коров [3]. В середине 1970-х гг. в Ишимском, Нижнее-Тавдинском, Ялуторовском Заводоуковском, Казанском, Тобльском Упоровском, Викуловском районах области были введены в эксплуатацию 8 крупных животноводческих комплексов на 800 голов по производству молока, 3 по производству говядины и 2 по производству свинины [5].

В 1965–1985 гг. в производстве мяса так же были достигнуты определенные результаты. Основной рост мясной продукции в области был связан с производством свинины и мяса птицы. В целях решения проблемы с обеспечением мясной продукции в регионе большое внимание было уделено вопросам концентрации свиноголовья, строительству крупных откормочных комплексов с индустриальной технологией. В 1976 г. для увеличения производства свинины Тюменским областным управлением сельского хозяйства было принято решение о создании на базе имеющихся свиноводческих хозяйств Ишимского района самостоятельного предприятия. В новом свинокомплексе «Ишимском» содержалось 13,5 тыс. голов свиней. Для стабильности работы предприятия было решено, самим заняться воспроизводством стада, и иметь собственные корма. В ближайшие годы межхозяйственное предприятие построило репродуктор на 20 тыс. скотомест и племенные фермы. Выращивание свиней было поставлено на промышленную основу. В

1983 г. предприятие преобразуется в совхоз «Юбилейный» и становится одним из крупнейших племзаводов по выращиванию свиней не только в Среднем Зауралье, но и в стране [1, с. 2].

Созданные новые комплексы и птицефабрики, позволили значительно увеличить поголовье свиней и птицы, а также вести беспрепятственный производственный процесс, который уже не зависел от сезона года. За двадцать лет производство мяса птицы увеличилось в 15 раз, свинины в 2 раза [12, с. 9].

Менее значительные результаты (106% прироста) были достигнуты в производстве говядины и телятины. Хотя прирост производства мяса крупного рогатого скота за 1965–1985 гг. составлял менее 110%, на его долю приходилось 59% всего мясного производства, в то время как на долю свиноводства – 22%, птицеводства – 12%, овцеводства – 7% [14, с. 43].

В целом можно констатировать, что в данный период в общественном производстве происходило устойчивое увеличение производства мяса всех видов скота и птицы. Так, если за VIII пятилетку колхозами и государственными предприятиями сельского хозяйства региона было реализовано скота и птицы на 72,4 то в IX – 94,3 тыс. тонн, в X – 113,8 тыс. тонн, в XI – 123,0 тыс. тонн [11, с. 129].

Иначе, в этот период времени, сложилось сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Если производство продукции растениеводства в XI пятилетке в сравнении VIII увеличилось в среднем на 142,5%, то животноводства сократилось на 23 процента [8].

Рост индустриализации сельскохозяйственного производства и сближение социально-культурного быта селян с городским стандартом жизни, изменило систему ведения личного подсобного хозяйства. Увеличение производства мясомолочной продукции колхозов и совхозов, а так же повышение заработной платы, позволили жителям села покупать необходимые продукты в магазине, не обременяя себя уходом за домашним скотом.

В середине 1970-х гг. происходит перестройка структуры приусадебного хозяйства, суть которой состояла в перенесении центра тяжести с трудоемких отраслей на более легкие, не требующие больших затрат труда и материальных средств, рассчитанные лишь на собственное потребление. В это время производство картофеля и овощей сократилось на 20% и 45% соответственно [13, с. 18].

В передовых колхозах и совхозах, где было налажено хорошее снабжение сельскохозяйственными продуктами из фондов общественного хозяйства, колхозники, рабочие и служащие качественно изменили свое подсобное хозяйство, превратив его в источник получения свежей зелени, плодов и ягод. К середине 1980-х гг. общая площадь плодово-ягодных насаждений в сельской местности выросла до 1361 га, что в 4 раза было больше площади, занятой в 1965 году [6].

В итоге, в сельскохозяйственном производстве Среднего Зауралья 1965–1985 гг. были достигнута положительная динамика развития. Валовая продукция животноводства в общественном производстве в сравнении с VII пятилеткой увеличилась в 2 раза, а растениеводства на 157 процентов [7, с. 55]. Среднегодовой темп прироста в этот период составил 2 процента [16, с. 175, 316, 328].

Главной особенностью сельскохозяйственного производства в этот период времени стало «распределение ролей» между общественным производством и личным подсобным хозяйством. Колхозы и государственные сельскохозяйственные предприятия взяли на себя наиболее трудоемкую отрасль сельскохозяйственного производства – животноводство. В ЛПХ при снижении производства мясомолочной продукции, ведущее место стало занимать растениеводство, валовое производство которого увеличилось на 134 процента [8].

В последующие годы объем валовой продукции сельского хозяйства и темпы производства существенно снизились, что незамедлительно отразилось на сокращении обеспеченности населения региона сельскохозяйственной продукцией

Список литературы

1. Закрытое акционерное общество «Племзавод – Юбилейный». Тюмень, 2001.
2. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 200. Д. 5. Л. 73.
3. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 207. Д. 4. Л. 25.
4. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6660. Л. 447-448.
5. ГАТО. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 2083 а. Л. 40-42. 13., ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 90. Л. 11.
6. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 4142. Л. 7; Оп. 2. Д. 582. Л. 2.
7. Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет. Тюмень, 1987.
8. Народное хозяйство Тюменской области за 1945–1980 гг. Тюмень, 1981.

- С. 159, 162, 200. Основные показатели развития сельского хозяйства за годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.) Тюмень, 1986.
- 9 О развитии сельского хозяйства Тюменской области за 1958–1965 гг. Стат. сборник. Тюмень, 1966.
10. Основные показатели развития сельского хозяйства и связанных с ним отраслей по районам области (1961–1979 гг.). Стат. сборник. Тюмень, 1980.
11. Основные показатели развития сельского хозяйства Тюменской области за годы 11 пятилетки (1981–1985 гг.). Стат. сборник. Тюмень, 1986.
12. Производство продукции животноводства в Тюменской области в 1961–1983 гг. Стат. сборник. Тюмень, 1984.
13. Развитие подсобных хозяйств граждан в 1982–1987 гг. Тюмень, 1987.
14. Развитие сельского хозяйства в Тюменской области 1992 г. Стат. сборник. Тюмень, 1992.
15. Сельское хозяйство (основные итоги за 1965–1990 гг.) Тюмень, 1990.
16. Тюменская область в 2004 г. Статистический ежегодник. Тюмень, 2005.

ОБЛИК ПОСЛЕВОЕННОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА (ТЮМЕНЬ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 40-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 50-х гг. XX ВЕКА)

Бакулина Т.И.¹, Кучева А.В.²

¹ Тюменский госуниверситет, Тюмень, Россия

² Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

В статье рассматривается городская среда Тюмени в рамках антропологически ориентированного исследовательского подхода, известного как история повседневности. Особое внимание уделено изучению роли источников личного происхождения в реконструкции городской повседневности. Статья основана на архивных материалах, мемуарах, устных источниках, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: городская среда, городская повседневность, послевоенный период.

THE SHAPE OF THE POST-WAR COUNTRY TOWN (TYUMEN SECOND HALF OF THE 40th AND THE FIRST HALF OF THE 50s. XX CENTURY)

Bakulina T.I.¹, Kucheva A.V.²

¹ Tyumen State University, Tyumen, Russia

² Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

This article considers urban environment of the town of Tyumen within the context of anthropologically oriented scientific approach known as history of everyday life. Special attention is paid to the role of sources of personal origin in the reconstruction of urban everyday life. The present article is based upon archive recordings, memoirs and oral resources that have been put in the scientific circulation for the first time.

Keywords: *urban environment, town everyday life (town routine), the post-war period.*

В контексте обновления современной антропологически ориентированной исторической науки и всё возрастающего интереса к городу как предмету исследований становится актуальным изучение жизни городского населения в аспекте истории повседневности.

В отечественной историографии не существует строго разработанного понятия «городская повседневность», становление этого научного направления продолжается. В работах последних лет отражено понимание отечественными историками предметного поля истории городской повседневности, которое оказывается довольно широким и сосредоточивает в себе характеристику демографической ситуации; комплекс вопросов, включаемых в понятие «жизненные условия»; социокультурные аспекты повседневной жизни (образование, воспитание, досуг и т.д.); поведенческие структуры, складывающиеся в определённых обстоятельствах, и отражение этого в сознании людей [4].

Отметим, что в трудах многих авторов, обращающихся к реконструкции городской повседневности, прослеживается тенденция изучения городской среды – практически освоенного человеком локального пространства, субъективно для него значимого, определяющего особенности его повседневной жизни.

При воссоздании городской повседневности особенно значимым, на наш взгляд, является привлечение источников личного происхождения. Свидетельства мемуаристов, например, представляют особый интерес и с точки зрения содержащихся в них фактов, более нигде не зафиксированных, и с точки зрения отражения в них рефлексии авторов. Изучение подобных источников позволяет составить представление о подробностях и мелочах быта, из которых складывается своеобразное «лицо» города. Фиксация внимания на мелких объектах городской среды и «историях» отдельных горожан позволяет добиться детализации и индивидуализации городской повседневности, увидеть конкретные сюжеты повседневности жителей Тюмени, выявить такие черты города, которые делают его уникальным.

В данной статье на основе анализа широкого круга источников, прежде всего источников личного происхождения и интервью с респондентами, проживавшими в Тюмени в послевоенные годы, представ-

лены результаты изучения городской среды Тюмени второй половины 40-х–первой половины 50-х гг. XX века.

Составить однозначное впечатление об облике города в исследуемый период довольно сложно, так как он воспринимался по-разному коренными тюменцами и людьми, приехавшими из разных точек страны, зависел от уровня их культуры и жизненного опыта.

Так, в мемуарах начальника нефтеразведочной экспедиции Ю.Г. Эрвье Тюмень начала 1950-х гг. предстаёт в таком виде: «Сразу от аэропорта тянулся пустырь, затем унылые склады-бараки за проволочными заграждениями, за ними – одноэтажные деревянные дома с глухими заборами. Спуск – подъем, и такси на улице Республики – главной в городе. Она мне понравилась. Дома двух- и трехэтажные, в основном кирпичные, хорошей архитектуры. Много зелени. Сразу же за зданием универмага (угол ул. Первомайской и Республики) налево – пустырь, направо – старый покосившийся забор, за которым – базар с деревянными павильонами, полусгнившими ларьками и палатками. Дальше – строящееся здание машиностроительного техникума. За железнодорожным переездом асфальт сменила булыжная мостовая с рытвинами, вдоль которой, ближе к домам, – деревянные мостки – тротуары со щелями и поломанными досками. По обеим сторонам улицы – деревянные домики, большей частью вросшие в землю, покосившиеся – старина и ветхость» [6, с. 253].

Одна из первых глав книги А.С. Иваненко «Прогулки по Тюмени» называется «Столица деревень». Нетрудно догадаться, что именно так воспринял столицу самой большой области СССР студент, окончивший московский вуз и направленный в 1961 г. по распределению в Тюмень: «После Москвы Тюмень показалась мне деревней. Кирпичные дома были только в самом центре города, да по ул. Республики и Ленина стояли старинные особняки. Далее было сплошное разливное море дерева. Кажется, не дай Бог, полыхнёт что у аэропорта «Плеханово», и по ветерку выгорит всё до Мыса. Железнодорожный вокзал был маленький, беленький, двухэтажный, перед ним была площадь с сиреневым сквером, а в нём чаша для фонтана, посреди которой на груде камней лежала отдыхала гипсовая олениха, над ней чутким стражем возвышался олень-самец. Стадион в центре города выглядел тихим, деревенским, там было мало асфальта и много зелени. На поле постоянно паслись чьи-то козы. После завода «Механик» начинались чёрные низкие домишки, построенные из чего попало» [3, с. 10].

Таким образом, основной чертой Тюмени, по мнению людей, приехавших в город из столичных центров, являлась провинциальность, деревенский уклад жизни горожан.

Для сельских жителей, впервые попавших в город, Тюмень представляла в образе «большого города, с широкими прямыми улицами». Тюмень не казалась ни грязной, ни захолустной, ни ветхой для вчерашнего жителя деревни, находившейся в послевоенные годы действительно в бедственном положении. Сельский житель, сбежавший от деревенской бедности, видел городской простор, красивые здания и среди этого – возможность начать новую жизнь [2].

Люди, родившиеся в Тюмени, свой город любили, возвращались в него и после временного проживания в таких городах, как Омск, Свердловск, Пермь, Санкт-Петербург, Москва. Конечно, родной город не был большим, не обладал многими преимуществами крупных столичных центров, но, как говорят старожилы, Тюмень отличалась своеобразным провинциальным уютом.

«Зелёным провинциальным городком» предстаёт Тюмень 40-х годов в воспоминаниях о детских годах одной тюменки: «Мощеные улицы, деревянные тротуары; вдоль них канавы, заросшие травой, по ним любили бегать после дождя босые дети; вдоль дороги – гранитные столбики с кольцами наверху – коновязь. На месте обкома пустырь с редкими деревьями и пасущимися козами, на месте облисполкома – базар» [1].

На страницах газеты «Тюменская правда» появлялись заметки, статьи, написанные горожанами, в которых нашло отражение их отношение к Тюмени. Например, в 1951 г. было опубликовано стихотворение ученика школы № 25 г. Б. Невелова, ярко и красочно описывающего послевоенный город.

*Гулять с отцом люблю я
В Тюмени в выходной.
Всё больше новых улиц,
Всё краше город мой.
Тут выстроили школу,
У входа – ряд колонн.
А там шумит весёлый,
Нарядный стадион.
Там – дом пятиэтажный
Растёт. Он – солнцу друг.*

*И папа гордо скажет:
«Работа наших рук!» [5].*

А вот каким запомнился город 1948 г. одной тюменской школьнице: «Мама сказала мне, что в Пасху на колокольню разрешают подняться любому человеку. После уроков мы отправились в Знаменский собор, поднялись на колокольню. И вот с той высоты каким красивым нам город открылся! Улицы ровные, цветут яблони, зелень молодая, это было что-то необыкновенное! А сейчас мне кажется, что Тюмень тогда очень на Петербург была похожа – проекты похожие у них. Вот, например, стрелка, от которой улицы расходятся, есть и у нас, и там» [2].

Столь разные образы Тюмени послевоенного времени – от захолустного провинциального городка до города, похожего на Санкт-Петербург, дополняют друг друга, придают необходимую «объёмность» городской среде, фиксируя не только объективную картину жизни города, но и отношение к нему.

Известно, что в послевоенный период Тюмень должна была превратиться в «социалистический» город: была разработана схема генерального плана застройки города, на месте колхозного рынка формируется его идеологический центр – центральная площадь, где должны были находиться главные советские и партийные учреждения.

Анализ данных периодической печати, архивных материалов и информации, полученной от респондентов, позволяет заключить, что окончание войны, изменение статуса города (в 1944 г. Тюмень стала центром Тюменской области), послевоенное восстановление хозяйства вызвали определенные позитивные изменения в облике Тюмени. Однако город так и не приобрел признаков, которые позволили бы отнести его к крупным городам, таких как высокий уровень развития системы магистралей и городского массового транспорта, преобладание застройки в 4–5 этажей и выше и др. Статус областного центра оставался номинальным, фактически Тюмень оставалась небольшим провинциальным городом, объединяющем в одном социальном и географическом пространстве черты городского и сельского уклада.

Список литературы

1. Воспоминания Митинской Е.А. (1931 г. р.) // Коллекция автобиографических материалов Музея истории Тюменского государственного университета.

2. Воспоминания Никоновой Е.А. (1930 г. р.), Растатурова М.Л. (1920 г. р.), Семовских М.М. (1921 г.р.), Семовских М.М. (1933 г. р.), Шангиной В.И. (1916 г. р.), Шелковниковой М.П. (1921 г. р.) записаны автором.
3. Иваненко А.С. Прогулки по Тюмени. Тюмень, 2004.
4. См. напр.: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953 гг. М, 2000; Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50 гг. М., 2008.
5. Тюменская правда. 1951. 14 марта.
6. Цит по.: Иваненко А.С. Четыре века Тюмени. Очерки живой истории старинного сибирского города. Тюмень, 2004.

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В к. XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX вв. (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Бармина Т.Б.¹, Кожемяко Т.Н.²

¹Светлоградский филиал ННОУ ВПО «Институт Дружбы Народов Кавказа», г. Светлоград, Россия

²Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

В статье рассматривается эволюция семейных отношений в конце XIX – начале XX века в условиях Ставрополя. Аграрная специфика ставропольской губернии определяла распорядок повседневного быта населения и особенности семейной иерархии. Утверждение советской власти, социальные преобразования большевиков и начало реализации политики по раскрепощению женщины серьезно повлияли не только на роль и место женщины в семье и обществе, но и серьезно пошатнули традиционные семейные ценности.

Ключевые слова: семейные отношения, гендер, женщина, советская модернизация, семейные ценности.

THE EVOLUTION OF FAMILY RELATIONS IN LATE 19th EARLY 20th CENTURIES (BY THE EXAMPLE OF STAVROPOLSKOY GUBERNII)

Barmina T.B.¹, Kozhemyako T.N.²

¹Svetlogradskiy branch of the Institute of peoples Friendship,
Svetlograd, Russia

²North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia

The article considers the evolution of family relations in late 19th early 20th centuries in Stavropolie. Agrarian the specifics of Stavropolskoy gubernii defined the everyday life of the population and the peculiarities of the family hierarchy. Approval of Soviet power, Bolshevik policy for social

change and emancipation of women are severely affected not only on the role and place of women in the family and society, but also seriously shaken the traditional family values.

Keywords: *family relations, gender, female, Soviet modernization, family values.*

Уклад жизни городского населения Ставропольской губернии в конце XIX века, можно назвать скорее аграрным, нежели промышленно-урбанистическим. Основной характеристикой жизнедеятельности здесь было ведение натурального хозяйства, когда каждая семья, независимо от социального и материального положения, вела свой приусадебный участок – главный источник продуктовых запасов.

Естественно, в соответствии с подобным укладом жизни, женщина активно участвовала в привлечении материальных благ в семью. В сочинении А. Разина «Картины русской жизни» хозяйственные работы делятся на мужские и женские: «Так мужчины косят, а бабы сушат сено; мужчина пашет, а баба может боронить; жатва считается женской работой. Затем работы так называемого бабьего лета все женские. Но особенно важна в доме та ежедневная, ежеминутная мелкая работа, которую весь дом держится, работа хозяйственная: она вся лежит на женщинах» [1, с. 49]. Поэтому вполне оправдано в условиях патриархального общества звучит присловье: «Мир женщины – дом, дом мужчины – мир». В народе ее выражали менее изящно: «Бабы дорога – от печи до порога» [2, с. 55]. Множество подписей в статистических карточках города Святой Крест (современный Буденновск), гласят: «сведения давала жена» (обычно неграмотна) [3], иногда – «сведения давала дочь» [4]. Здесь же мы наблюдаем примеры женской неосведомленности, непричастности к решению материальных проблем быта: «хозяина нет дома. Жена не дала сведений, потому что не знает» [5]; «сведения давала жена владельца, она не знаету кого куплено и за какую цену» [6]. Узость повседневных интересов женщины часто выражалась и в «равнодушии» в отношениях с детьми. Современники отмечали: «Воспитание детей в мещанской среде – самое плачевное. С первых дней ребенка встречает самая неприветливая обстановка, целый ряд недостатков в пище, одежде, обуви и жилищах...» [7, с. 228]. Небрежность в отношении к детям влекла, в том числе, и высокий показатель смертности детей на первом году жизни: 35,1 % общей смертности [8, с. 232].

В патриархальной семье роль женщины вполне очевидна и ясна: «верная супруга и добродетельная мать». В детстве послушная отцу, выходя замуж, она переходит в подчинение мужу. Такова освященная религией и законом практика, такова идеальная модель [9, с. 54]. Вполне естественно, что отдельные, субъективные, практикиско нарушали устоявшиеся традиции. Среди архивных материалов мы нередко встречаем трагические ситуации и примеры насилия внутри семьи: «за предумышленное убийство в раздраженном состоянии» был осужден запасной рядовой Я. Костин [10]; жена рядового Прасковия Некрасова отравила своего мужа «за пьянство» [11] и т.д.

Модернизационные процессы начала XX века на Ставрополье протекали медленнее, чем в других регионах России. Именно поэтому они не пошатнули устоявшихся традиционных механизмов взаимоотношений в семье и обществе, определяемых аграрной спецификой региона.

Однако трагические события гражданской войны не могли не повлиять на психологические и ментальные установки людей. Царившее безвластие и ценностная дезориентация народа – всё это порождало разные модели поведения, поднимало на поверхность инстинкты самосохранения, эгоизма, ослабляло уверенность в завтрашнем дне и в стабильности общественной организации. В новых исторических условиях семья становилась одним из средств обретения новой социальной.

Так, жительница села Московского А.А. Амеликина, обращаясь в окружной отдел рабоче-крестьянской инспекции с просьбой о взыскании ей с мельницы Нагеева компенсации за отработанные выходные дни, начинает свое заявление словами: «Я вдова, жена красноармейца, погибшего в гражданскую войну» [12], надеясь, что этот факт, поможет в удовлетворении ее просьбы. В другом заявлении житель города Ставрополя, хлопотавший о назначении пенсии, сначала сообщает о том, что его сын, Семен Якубов, служил в Красной Армии и погиб в бою, и только потом говорит, что он инвалид и что семья его состоит из шести душ [13].

Политика новой власти, направленная на уравнивание женщин в правах с мужчинами, объективно трансформировала семейные отношения. Подавляющее большинство мужского населения Ставрополя оказалась попросту неготовой к уравниванию женщин с ними в правах. В мужском сознании делом женщины оставались – дети и печки [14].

Советская власть открыла женщине дверь в публичную сферу жизни общества, что в перспективе предполагало перераспределение властных отношений между полами, требовало изменение гендерных стереотипов. Эта сложная внутренняя работа по изменению сознания коснулась, в первую очередь, мужской ментальности. Однако большинство мужчин крайне негативно относились к новой роли своих жен. Многие из них в случае участия жен в общественной работе грозили им разводами, а в одном из сел Ставрополя муж избил жену за то, что ее выбрали в сельсовет. На что она отвечала: «мужа брошу – а в сельсовет пойду» [15]. При этом, безусловно, далеко не все женщины принимали призывы большевиков к уравниению. Для многих семья и дети продолжали оставаться основным смыслом жизни.

В целом же решение большевиками «женского вопроса» вызвало целый ряд проблем, в семейных отношениях. С одной стороны, каждая «гражданка» нового советского государства формально находилась под юридической защитой закона. Однако в действительности прогрессивные женщины вынуждены были ежедневно сталкиваться с архаичными стереотипами и самостоятельно конструировать новые модели семейных отношений.

Огромное влияние на изменение семейных отношений оказали политика коллективизации и индустриализации. Агрессивная пропаганда новых классовых ценностей и обостренный в новых условиях инстинкт самосохранения трансформировали традиционные семейно-нравственные установки. На страницах местного периодического издания «Власть Советов» молодые люди нередко отрекаются от своих родных и близких, именуя их кулаками, лишенцами и проч. Так, Полонская Раиса Афанасьевна заявляет, что ушла из дома «своего отца-лишенца еще в 1928 году и с того времени порвала всякую с ним связь с тем, чтобы принять участие в общественно-полезном труде и новой жизни трудящихся» [16]. Георгий Саловников отказывается от матери, поскольку считает ее «торговкой». Не желала жить со своим отцом «попом-лишенцем» и семнадцатилетняя Зоя Львова [17]. Таким образом, мы наблюдаем, как в результате реализации советской модернизации в массовом сознании ставропольчан, в первую очередь молодого поколения, происходила трансформация традиционных семейных ценностей.

Отсюда резюмируем, что в обозначенный период мы наблюдаем значительные изменения семейных отношений. С утверждением советской

власти традиционная патриархальная семья, при которой главными для женщины являлись дом, дети и муж, постепенно уходит в прошлое. В новых исторических условиях под влиянием катаклизмов революции, гражданской войны и других социально-экономических преобразований большевиков происходит трансформация, а в некоторых случаях даже разрушение традиционных семейных ценностей. Однако, несмотря на изменение роли и места женщины в обществе, она по-прежнему оставалась духовно-нравственным ориентиром семьи.

Список литературы

1. Разин А. Картины русской жизни. М., 1860. С. 49.
2. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века / В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова. М., 2009.
3. Государственный архив Ставропольского края Ф. 80. Оп. 1. Д. 9631. Л. 1.
4. Там же. Л. 3.
5. Там же.
6. Там же. Л. 4.
7. Бахутов К. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Выпуск V. Ставрополь, 1873.
8. Там же.
9. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. Указ. соч.
10. ГАСК Ф. 68. Оп. 1. Д. 9631. Л. 1.
11. ГАСК Ф. 68. Оп. 2. Д. 1927. Л. 2.
12. ГАСК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 148. Л. 144.
13. ГАСК. Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 116. Л. 26.
14. Бюллетень. С. 93.
15. Бюллетень. С. 144.
16. Власть Советов. 1930. № 34. С. 2.
17. Там же.

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА В НАЧАЛЕ 2000-х гг.

Бодрова Е.В., Калинов В.В.

Российский госуниверситет нефти и газа им. И.М. Губкина,
г. Москва, Россия

В статье проанализировано современное состояние нефтегазового комплекса страны. Приведены позиции экспертов и исследователей по этому вопросу. Рассмотрены вопросы государственной промышленной политики в нефтегазовой сфере.

Ключевые слова: модернизация, «нефтяной фактор», нефтегазовый комплекс, кризис, государственная политика.

THE EVOLUTION OF GOVERNMENT POLICY IN THE SPHERE OF OIL AND GAS COMPLEX DEVELOPMENT IN THE EARLY 2000s

Bodrova E.V., Kalinov V.V

Russian state University of oil and gas named I.M. Gubkin,
Moscow, Russia

The article analyzes the current state of the oil and gas sector. Given positions of experts and researchers on the subject. The problems of the state's industrial policy in the oil and gas sector.

Keywords: Modernization, the «Oil Factor», oil and gas sector, crisis, state policy.

Анализ научной литературы показывает многообразие точек зрения исследователей относительно характера изменений, которые произошли в государственной политике в сфере развития нефтегазового комплекса (НГК) РФ. Большая часть авторов характеризует НГК в ка-

честве «финансового локомотива модернизационного процесса» [11, с. 160]. Выгодная конъюнктура мировых цен на углеводороды обеспечила экономический рост, позволила сформировать Стабилизационный фонд, облегчила последствия кризиса 2008 г. Часть экспертов высказывается еще более категорично и определенно: «Почти все, что получала Россия на рубеже веков, было «не что иное, как рента от использования ее природно-ресурсного потенциала» [7, с. 27]. Председатель Совета директоров ОАО «ЛУКОЙЛ» В.И. Грайфер отмечал в связи с этим: «Нефтяную отрасль привыкли считать всероссийским донором. Но мало кто задумывается, какой ценой нефтяным компаниям приходится преодолевать препятствия, чтобы обеспечивать потребности России как в нефти, так и в увеличении поступлений от ее реализации в бюджет, а именно: завышенные и лишние экономического смысла налоги, колебания мировых цен на нефть, износ оборудования, недостаток инвестиций и многие другие, требующие нетривиальных управленческих решений» [3, с. 5].

Глава «Роснефти» В.С. Богданчиков еще в 2007 г. указывал на весьма опасную тенденцию: после 2000 г. разведанные запасы нефти в стране сократились примерно на 500 млн т. Значительно выросли издержки [4]. В 2010 г. затраты на добычу по отношению к 2009 г. увеличились на 24%, значительно возросли и расходы на поисково-разведочные работы [8, с. 7]. В этой связи эксперты настаивали на необходимости модернизации НГК и совершенствования налоговой политики, подчеркивая роль нефтяной и газовой отраслей в экономике. В РФ доля доходов в национальном бюджете от нефтегазовой отрасли в 2011 г. составила 49,9%, в Норвегии – 27%, в Венесуэле – 50%, в Саудовской Аравии – 45%, в Нигерии – 83% [12, с. 30].

Исследователь А.А. Иголкин указывал на принципиально неверную правительственную стратегию: валютные доходы превращаются в государственные золото-валютные резервы, в значительной мере – в виде облигаций американского правительства. Рост нефтедобычи не сопровождается модернизацией ТЭК, развитием нефтяного машиностроения, нефтепереработки, нефтехимии, нефтеразведки, нефтяной науки и нефтяных технологий. Ученый справедливо настаивал на необходимости использовать нефтедоллары для финансирования структурных изменений в экономике. Так на 2006 г. доля машиностроения и металлообработки в структуре промышленного производства со-

ставляла всего 19,3%, доля ТЭК – 32% [5, с. 92]. Между тем, в 1989 г. доля машиностроительного комплекса в структуре промышленного производства достигала 29,3% [9, с. 336]. В этой связи А.А. Иголкин сформулировал принципиальный вывод: нефтяной сектор в настоящее время «в наименьшей мере за последние сто лет служит интересам населения России». Доходы от экспорта не превращаются в инвестиции, нефтяной сектор при своем мощном потенциале не стал «локомотивом экономики». Экспортируется преимущественно сырая нефть: «Экспорт составил 73% от добычи, доля сырой нефти в экспорте – 71%. За всю историю нефтегазовой отрасли, – убежден один из самых известных исследователей этой проблемы, – не было ни такой высокой доли экспорта в нефтедобыче, ни подобной доли сырой нефти в экспорте» [5, с. 93].

Однако Генеральный директор ООО «Интел-ойл», автор 30 изобретений, разработчик проекта «Региональный Ямало-Ненецкий технопарк» В.Г. Гузь указывал на иные стратегические просчеты руководства страны: в 90-х годах государство уступило вертикально-интегрированным нефтедобывающим компаниям экономическую нишу стратегического значения с заведомо бесспорным спросом на мировом рынке на добываемое ими углеводородное сырье. К ним же отошли и основные отечественные нефтеперерабатывающие заводы. Частный крупный ТЭК получил одновременно в свои руки готовый бизнес без необходимости затрат для выхода на рынки сбыта (внутренние и мировые). Этому, конечно же, способствует стабильно высокий рост мировых цен на нефть и пока еще жесткая зависимость экономики нашей страны от экспорта энергоресурсов. Но используются такие методы добычи, когда коэффициент извлечения нефти составляет около 30%. В перспективе добыча не извлеченных ранее остатков потребует гораздо больше финансовых затрат. Между тем, практически все ведущие национальные нефтедобывающие компании идут по пути наращивания объемов нефтедобычи за счет горизонтального бурения и интенсивной нефтедобычи с использованием высокопроизводительных насосных установок. В.Г. Гузь в 2008 г. предлагал предоставить преимущества малым инновационным предприятиям, способным через механизм технопарковых структур и особых экономических зон на основе отечественных изобретений задействовать существенные резервы крупного ТЭКа в виде бездействующих малодебитных скважин.

Автором проекта рекомендовалось осуществлять переработку нефти на сети региональных наукоемких мини-НПЗ и реализацию продуктов переработки в отдаленных от крупных НПЗ районах. Это должно включить, по его мнению, механизм рыночного снижения цен на энергоносители, повысить конкурентоспособность выпускаемой отечественной продукции.

Изученные нами архивные документы демонстрируют, что проблема выработки оптимальной государственной промышленной политики в нефтегазовой сфере регулярно становилась предметом обсуждения в Государственной Думе. Так, например, в апреле 2008 г. современное состояние воспроизводства и использования минерально-сырьевой базы у экспертов и парламентариев вызывало серьезную тревогу. Геологоразведочная служба не была восстановлена до требуемых масштабов. Часть нефтегазовых компаний недостаточно активно вела поисково-разведочные работы, продолжалось нерациональное, недостаточно комплексное освоение нефтяных месторождений, сохранялась первоочередность и необоснованная выборочная выемка запасов, лучших по качеству или условиям освоения, ведущая к преждевременному списанию остающихся запасов и снижению их извлечения из недр. За 20 с лишним лет коэффициент нефтеизвлечения уменьшился с 0,51 до 0,28–0,3. В США он вырос за это время с 0,29 до 0,41. Велик был фонд бездействующих скважин. Созданные отечественной наукой и практикой новейшие технологии и технические средства разведки и разработки месторождений не получали широкого применения. В то же время расширялся импорт иностранного оборудования и технических средств, особенно в сфере сервисных услуг. В стране лишь 40% попутного газа подвергалось переработке, 40% сжигалось на электростанциях, в том числе принадлежащих нефтяникам, а 20% – просто в факелах [1, лл. 39, 106–106 об]. Депутаты Государственной Думы настаивали на необходимости активного участия государства в создании условий для устойчивого функционирования нефтегазового комплекса и максимизации совокупного социально-экономического эффекта его работы. Правительству рекомендовалось с целью стимулирования проведения геологоразведочных работ за счет собственных средств пользователей недр предусмотреть возможность продления сроков геологического изучения недр до 10 лет для малоизученных, отдаленных районов и другие меры [2, лл. 88–90].

Одной из основных причин создавшегося серьезного положения в нефтяном секторе эксперты называли несовершенство законодательной и нормативно-правовой базы, препятствующее созданию эффективной государственной системы управления, поскольку «только она, уполномоченная властью закона, способна осуществить кардинальные изменения в нефтяной сфере, где большинство месторождений передано в частное пользование» [2, лл. 88–90]. Так как налогообложение нефтегазовой отрасли было совершенно не увязано со стадиями разработки месторождений, требовалась срочная корректировка законодательства с целью стимулирования добычи нефти на низкопродуктивных месторождениях. Напомним, что подобные меры предлагалось и в 90-е гг., но были проигнорированы. Начиная с 2011 г., государственная налоговая политика существенным образом изменилась: были внесены существенные коррективы в Налоговый Кодекс. Трансформировалась и таможенная политика. Был создан целый комплекс программных документов по развитию ТЭК в целом. Эксперты назвали изменения в налоговой политике беспрецедентными, они должны были стать стимулом для освоения новых месторождений, повышения объемов добычу нефти. Предпринятые шаги вызвали большой интерес у западных компаний и не замедлили сказаться на практике. Член-корреспондент РАН, профессор РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина Е.А. Телегина констатировала, что политика «ресурсного национализма» оказалась неэффективной в период экономического спада. Практика показала, что ни государственные нефтяные компании, ни сами государства не в состоянии финансировать самостоятельно масштабные проекты [12, с. 30].

Практика развитых государств свидетельствует о том, что не прямое государственное регулирование методами тарифной, ценовой, налоговой и таможенной политики позволяет достаточно эффективно осуществлять контроль за балансами топлива и энергии, способствует динамичному развитию национальных экономик. Эти механизмы могут изменить характер закрепившейся за РФ сырьевой специализации, препятствовать созданию экспортоориентированных производств с невысокой глубиной переработки нефти, снизить весьма значительную долю сырой нефти в экспорте. Кроме того, так как в настоящее время доля РФ в производстве высокотехнологичной продукции для нефтяной отрасли составляет 2%, компании вынуждены импортировать наукоемкие технологии, затрачивая миллиарды долларов. В этой ситуации

также требуется государственное влияние для обеспечения активизации инновационных процессов с целью усиления конкурентных позиций НГК как внутри страны, так и на мировом рынке.

Таким образом, от содержания и эффективности государственной политики в нефтегазовой сфере во многом зависит не только политическое и экономическое будущее, но и внешнеэкономические и геополитические позиции России. Несмотря на благоприятные прогнозы относительно добычи и экспорта углеводородного сырья, российский НГК подвержен широкому спектру серьезных проблем, способных замедлить экономическое развитие страны в целом. Одним из факторов, оказывающих значимое дестабилизирующее воздействие на нефтегазовый рынок и мировую экономику в целом, стала «сланцевая революция». Российским нефтяным компаниям в этой ситуации необходимо превратиться в энергетические, заниматься не только нефтью, но и газом, нефте- и газохимией, используя при этом новые технологии и науку. «В противном случае можно проиграть сырьевую войну», – предупреждает профессор РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина М.И. Левинбук [6]. Главное, по справедливому мнению академика А.Э. Канторовича, «не в том, сколько мы добыли тех или иных полезных ископаемых, дело в том, что мы с ними сделали» [3, л. 72].

Список литературы

1. Архив ГД ФС РФ. Ф. 10100. Оп. 41. Д. 5392.
2. Архив ГД ФС РФ. Ф. 10100. Оп. 203 п-5. Д. 18.
3. Архив ГД ФС РФ. Ф. 10100. Оп. 196 п-5. Д. 92.
4. См.: Богданчиков С. Международное сотрудничество: смена приоритетов // Мировая энергетика. 2007. № 9.
5. См. Иголкин А.А. Указ. соч. Экономический вестник Ростовского государственного университета, 2008. Т. 6. № 1.
6. Круглый стол «5 лет сланцевому газу». Торгово-промышленная палата Российской Федерации г. Москва, 15.11.2012 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://forum.meta.ua/topic/t/147736.html> (дата обращения: 21.07.2013) .
7. См.: Львов Д.С. Россия и современный мир. Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М., 2001.
8. См.: Международное сравнительное исследование: сектор разведки и добычи углеводородов. Ноябрь 2011 // [Электронный ресурс] <http://>

[www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Global-E-and-P-benchmark-study-RU/\\$FILE/Global-E-and-P-benchmark-study-RU.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Global-E-and-P-benchmark-study-RU/$FILE/Global-E-and-P-benchmark-study-RU.pdf). С. 7. (дата обращения: 10.03.2013).

9. Народное хозяйство СССР в 1989 году. М., 1990.
10. Пермская нефть. Искусство быть выше обстоятельств. М., 2003.
11. См.: Рогожа И.В. Нефтяной комплекс России: государство, бизнес, инновации. М., 2010.
12. См.: Телегина Е.А. Углеводородная экономика. Т. 1. М.: Издат. центр РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина 2012.

НЕСТОРИАНСТВО В СТЕПЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Бураев А.И.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
г. Улан-Удэ, Россия

Статья посвящена проблемам несторианства в Центральной Азии. Рассмотрены версии о времени и путях проникновения несторианства в регион. Исследуются причины экспансии несториан на восток. Анализируется уникальное деревянное скульптурное изображение с крестом в лобной части из кургана тюркского времени Шороон Дов в Центральном аймаке Монголии. Таким образом, получено материальное подтверждение сведений письменных источников о широком присутствии несториан в Монголии.

Ключевые слова: несторианство, конфессия, Центральная Азия, Монголия, кочевники, тюрки, скульптурные изображения.

NESTORIANISM IN STEPPES OF CENTRAL ASIA

Buraev A.I.

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Russian Academy
of Science, Siberian Branch Ulan-Ude, Russia

The article is devoted to nestorianism problems in Central Asia. Versions about time and ways of penetration of a nestorianism to the region are considered. The expansion reasons nestorians to the east are investigated. The unique wooden sculptural image with a cross in frontal part from a barrow of Turkic time Shoroon Dov in the Central aimak of Mongolia is analyzed. Factual confirmation of written sources information on broad presence nestorians in Mongolia is received.

Keywords: nestorianism, faith, Central Asia, Mongolia, nomads, Turk, sculptural images

Как известно, в средние века у центральноазиатских кочевников имело широкое распространение христианство несторианского толка. Этот факт четко зафиксирован в письменных источниках.

Разумеется, присутствие несторианства на территории современной Монголии и сопредельных районов Центральной Азии нашло отражение в научной и даже художественной литературе. Каждый автор, писавший о Чингис-хане, не мог пройти мимо конфессиональной принадлежности Ван-хана кереитского, который был христианином. В то же время, практически нет специальных работ по предложенной тематике. Не нашли окончательного решения вопросы о времени и путях проникновения несторианства в регион, причинах состоявшейся экспансии. А главное, автору настоящего сообщения не известно ни одного упоминания о материальных свидетельствах пребывания несториан на указанной территории.

Предлагаемую статью можно рассматривать как попытку внесения посильного вклада в разрешение отмеченных выше проблем истории Центральной Азии.

О христианах на территории современной Монголии нам известно еще со слов Рашид-ад-дина. Вот что он писал о кереитах: «До них дошел призыв Иисуса, – мир ему! – и они вступили в его веру» [11, с. 127].

Российское, в том числе конечно и советское, востоковедение не могло пройти мимо этой увлекательной страницы истории Востока. Так, Б.Я. Владимирцов, в монографии посвященной Чингис-хану упоминает о распространении христианства несторианского толка у найманов [3, с. 39] и тех же кереитов [3, с. 19]. На указанных реальных фактах даже возникали христианские легенды: «Ван-хан совершенно незаслуженно сделался знаменитой личностью, в особенности в Европе, куда проникли и нашли себе горячий отклик легендарные сказания о царе-священнике Иоанне, который будто бы блистательно правит христианским народом где-то на отдаленном Востоке; титул «Ван-хан» дал повод отождествлять легендарного попа Иоанна с кереитским ханом» [3, с. 19].

Первым из российских ученых непосредственно распространением христианства в Центральной Азии занимался В.В. Бартольд. В своей статье «О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей)» автор констатировал: «В IV в. начинается массовое движение христиан на восток (отдельные миссионеры,

вероятно, проникали туда и раньше)» [1, с. 271]. Под востоком здесь понимается современная территория Средней Азии. Нас, в контексте темы данной работы, больше интересует другое сообщение автора: «Как известно, в Китае уже с 636 г. была несторианская община, основанная А-ло-бэнем. Если верить сирийцам, патриарх Тимофей получал письма от тюркского хакана и других царей, обращенных им в христианство» [1, с. 275]. Здесь впервые отмечается значительное влияние несториан в Центральной Азии в предмонгольское время. Действительно, большинство свидетельств о деятельности несторианских священников связаны с периодом Монгольской империи. В том числе, и феноменальная «История мар Ябалахи III и раббан Саумы» [8].

В то же время, существует прямое свидетельство о миссионерской деятельности несториан в Китае в VII в. н.э. Им является «Памятник, [напоминающий] о проповеди светлого учения Да Цинь в Китае» впервые в полном объеме переведенный на русский язык Е.И. Кычановым [8]. Стела с текстом памятника сооружена в 781 г., однако в ней приведена история несторианства в Китае начиная с первой несторианской миссии во главе с епископом Алобэнь в 635 г. [8, с. 79].

Что касается времени появления несторианских миссионеров, представляется, что широкое проникновение проповедников в центральноазиатские степи нужно отнести к более позднему периоду. Трудные степные пути, сложный период адаптации (необходимо свободное владение языком), да наверняка и убивали многих – все эти причины позволяют предположить, что масштабная пропаганда несторианства в Центральной Азии развернулась в V в. н.э.

По мнению Е.И. Кычанова, разделяемого большинством исследователей – востоковедов, «Центральная Азия, в первую очередь районы современной Монголии, были объектами как непосредственной миссионерской деятельности несториан с Запада, ибо Средняя Азия, Иран, Ближний Восток вели свою торговлю с этими районами, так и, возможно, являлась объектом воздействия со стороны несториан из Китая. И здесь несторианство не добилося полного успеха...» [8, с. 83]. С последним утверждением согласен С.Г. Кляшторный, подтверждающий, что «к середине IX в. или несколько ранее среди кыргызской аристократии, а затем и среди более широких слоёв получил известное распространение несторианский толк христианства, который, однако, не вытеснил местных шаманских культов» [7, с. 167]. Автор, иссле-

довавший в интересующем нас аспекте Суджинскую надпись одного кыргызского аристократа Бойла Кутлуг Ярмана, полагает, что несторианство проникло к кыргызам с Запада от тюрков-карлуков. Карлукские правители, ябгу, покровительствовали христианству, а «тесный союз с карлуками и борьба с уйгурами-манихеями явились ... теми политическими факторами, которые побудили кыргызскую аристократию поощрительно отнестись к миссионерской деятельности несторианских наставников» [7, с. 168].

Главным для нас, в заключении С.Г. Кляшторного, является констатация обширного проникновения несторианства в степи Центральной Азии и, конкретно, в тюркскую среду. Пропагандистская экспансия, как нам представляется, действительно шла по двум направлениям: караванными путями из Средней Азии (торговцев не трогали) и непосредственно из Танского Китая (представители метрополии).

В чем же причина столь широкого распространения несторианства на обширнейших территориях Азии? Безусловно, беспрецедентная экспансия этого христианского толка на Восток, в первую очередь, связана с гонениями на несториан в западных областях ойкумены. Подробнее о причинах создавшегося положения и перипетиях исторической судьбы несторианства можно узнать из специальной литературы (исследования А.Л. Дворкина [5], А.Б. Никитина [9] и др.) Нельзя ни сказать и о подвижническом подвиге проповедников веры христовой. Несторианское миссионерство – одно из самых удивительных явлений церковной истории. Проповедь Евангелия осуществлялась на огромных территориях: вплоть до Тихого океана, Индонезийских островов, включая казахстанские и монгольские степи, равнины Китая и Центральной Азии, Индию, Персию и острова Индийского океана. На поприще миссионерства подвизались многие видные иерархи Сиро-Персидской Церкви, в том числе, и ее первосвятители. Миссионерская деятельность несторианской церкви была ориентирована преимущественно на восток, по двум основным направлениям: в Индию и страны Юго-Восточной Азии и на северо-восток – в Среднюю Азию, Восточный Туркестан и Китай. Оба направления, видимо, не случайно совпадают с важнейшими международными торговыми путями. Вполне естественно, что такие успехи проповеди не могли состояться без тщательной подготовки миссионеров. В XX в. французские археологи обнаружили на небольшом острове Харк в Персидском заливе развалины несторианского монастыря, в котором

была миссионерская школа. По всей видимости, на этом острове готовили будущих проповедников для южных областей Азии [9].

В то же время, российскими востоковедами (В.В. Бартольд, А.Б. Никитин, Е.И. Кычанов и др.), уже давно отмечено – в некоторых областях Центральной Азии христиане появляются до того, как туда присылались официальные представители несторианского епископата. В состав переселенцев-христиан на Восток входили не только сирийцы и персы, но жители Средней Азии – сарты. Вероятно именно благодаря их благотворному воздействию в 1009 г. принял крещение хан племени кереитов и вскоре крестил весь свой народ. Большую роль в обращении найманов сыграли христиане-уйгуры, которые в средние века селились на найманских землях большими колониями. Из истории несторианской Церкви известны факты, когда христианство распространялось даже пленниками.

Еще одной причиной широкого распространения несторианства, как впрочем, и других религий, на территории Центральной Азии явилась, по нашему мнению, религиозная лояльность кочевого населения региона. Так, об удивительной толерантности уйгуров, а мы можем экстраполировать данную ситуацию на все средневековые племена Центральной Азии, говорил Б.Я. Владимирцов: «Среди уйгуров той поры были распространены христианство, манихейство, буддизм и магометанство, но, по разным причинам, религии эти не вносили розни и не создавали фанатизма; во всяком случае, рациональное сознание у уйгуров главенствовало над религиозным» [3, с. 69].

Итак, отчетливо выявлено существование в средние века среди кочевников Центральной Азии христиан несторианского толка.

Наличие христиан среди тюркских кочевников впервые было замечено в VI в. В 591 г. у пленных воинов-тюрков из Бухары были обнаружены татуировки креста на лице, причем пленники на вопрос о происхождении этих изображений отвечали, что так делают у них на родине христиане, опасаясь, чтобы их дети не стали жертвами эпидемий.

Об этом писал византийский историк Феофилакт Симокатта в своем сочинении «История»: «Когда ромеи повели энергичное преследование и избиение повсеместно было в полном разгаре, шесть тысяч вавилонян бежали на какой-то холм и стали думать, как им спастись. Но ромейское войско, окружив этот холм, одолело отряд беглецов. Многих из них, взяв в плен, привели связанными к Хосрову. Некоторых из них

персидский царь отдал на суд мечей, других же отдал растоптать слонам. Узнав, что некоторые из взятых в плен принадлежат к племени тюрков, он, прославляя мощь ромеев, отправил их к императору Маврикию в качестве первых победных даров. На лбу у этих пленников был вырезан знак страданий господних. У исповедующих христианскую религию он называется крестом. Император стал спрашивать у варваров, что означает этот знак. Они ответили, что получили его от матерей: когда у живших на востоке разразилась сильная моровая язва, то по настойчивому совету некоторых из христиан они острием накололи на лбу мальчиков этот знак. Так как варвары не отвергли этого предложения, то те получили спасение от этого совета» [10, с. 130–131].

Недавние археологические раскопки средневекового кургана на территории Монголии позволяют подтвердить реальность приведенных византийским историком данных.

В 2009 г. Международной российско-монгольской экспедицией, организованной Международным институтом кочевых цивилизаций ЮНЕСКО и Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, под руководством проф. С.В. Данилова и проф. А. Очира был исследован курган тюркского времени в местности Шороон Дов в Центральном аймаке Монголии. При входе из дромоса в погребальную камеру были обнаружены две положенные друг на друга гранитные плиты размерами 74 x 74 см. На обеих плитах были обнаружены надписи, выбитые китайскими иероглифами; причем текст нижней плиты состоит из 750 знаков. Результаты дешифровки надписи совершенно определенно датировать памятник 677 годом н.э., что соответствует рассматриваемому времени. Текст представляет собой эпитафию в память дуду округа Цзинь Хуой Чжоу, начальника уезда Линь Чжун, правителя области Фугу – И яо юэ, родом с гор Цзинь Шань, умершего в возрасте 44 лет. [4]. Несомненна принадлежность дуду к тюркскому племени фугу, вождем которого он и являлся.

В настоящее время все материалы хранятся в Музее изобразительных искусств им. Г. Занабазара (г. Улан-Батор, Монголия). В 2010 г. музеем проведены высококвалифицированные реставрационные работы и в настоящее время открыта специальная экспозиция.

Среди всех археологических находок нас в наибольшей степени интересуют скульптурные изображения, найденные в нишах, вырубленных в дромосе и погребальной камере кургана.

Исследуемые артефакты можно назвать антропоморфными статуэтками, или скульптурами. Общее число пригодных для антропологического изучения экземпляров составляет 64 ед. Ими не ограничивается общее количество статуэток, однако часть из них не представляется возможным использовать для научного анализа, так как все они покрыты красками и на многих из них краска осыпалась, что не позволяет исследовать антропологические детали и особенности одежды.

Из обследованных скульптурных изображений 20 ед. сделаны из дерева, среди которых 11 представляют фигурки в полный рост, а 9 – «головы». При этом, некоторые из «голов» имеют шею, другие – плечевой пояс, третьи – неполный торс. Другая группа изображений выполнена из глины. Из них: 37 – в полный рост, 6 – изображения всадников на конях.

Автором настоящего сообщения высказано аргументированное предположение о портретном характере скульптурных изображений [2]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что каждой статуэтке соответствует вполне конкретный человек, и его изображение реалистично передает его индивидуальные особенности.

В этой связи, особый интерес представляет голова с изображением равностороннего креста на лобной части лица (инв. № 2011.02.20; Илл. 1, 2). Скорее всего, наличие столь явного религиозного маркера связано с деятельностью христианских проповедников.

Рассматриваемый экземпляр, вероятно женщина, представляет собой одну голову, без головного убора. На нем полностью сохранилась раскраска. Антропологических особенностей на скульптуре выявлено не было. Изображенная имела округлое широкое и высокое лицо, уплощенное в горизонтальной плоскости. Скулы выражены несильно. Лицо ортогнатно. Нос узкий средневыступающий, с высоким переносьем. Разрез глаз монголоидный. Скульптура изображает человека, относящегося к монголоидному расовому стволу.

В ходе проведения реставрационных работ, о которых сообщалось выше, была реконструирована одежда индивида из обнаруженных рядом с головой фрагментов шелковой ткани (инв. № 2011. 02. 20; Илл. 3, 4). Здесь необходимо отметить, что реставрация была проведена исходя из женской половой принадлежности индивида. По мнению автора предлагаемой работы, этот вопрос пока не может считаться решенным окончательно. Прототип вполне мог быть юношей.

Илл. 1. Скульптурное изображение головы человека с крестом в лобной части. Дерево. Музей им. Занабазара, г. Улан-Батор

Илл. 2. Скульптурное изображение головы человека с крестом в лобной части. Профиль. Дерево. Музей им. Занабазара, г. Улан-Батор.

Илл. 3. Скульптурное изображение головы человека с крестом в лобной части после реставрации. Профиль. Дерево. Музей им. Занабазара, г. Улан-Батор.

Илл. 4. Скульптурное изображение головы с крестом в лобной части после реставрации. Дерево. Музей им. Занабазара, г. Улан-Батор.

Таким образом, налицо уникальный факт подтверждения летописного свидетельства распространения христианства несторианского

толка в Центральной Азии археологическими материалами. Является ли найденное изображение головой женщины или юноши ещё предстоит выяснить. Однако в любом случае – нахождение скульптурного изображения человека с христианским символом среди других изображений в кенотафе в абсолютно идентичных условиях является свидетельством религиозной терпимости средневековых племен Монголии и Центральной Азии в целом. Заметим, что в современной Монголии и родной Бурятии мирно сосуществуют шаманисты, буддисты, православные, старообрядцы, католики, протестанты и даже баптисты и свидетели Иеговы. Автор перечислил только те конфессии, с представителями которых он знаком лично и среди которых значительный процент составляет коренное население. Безусловно, подобное совместное проживание – явление глобального порядка, но в регионе, к счастью, нет межконфессиональных конфликтов, в отличие от многих всем известных территориальных образований. Это еще раз свидетельствует о «врожденной» толерантности населения Центральной Азии.

Подведем итоги:

1. Начало проникновения несторианских проповедников в среду центральноазиатских кочевников можно датировать IV–V вв.;

2. По всей вероятности, проникновение осуществлялось двумя путями: непосредственно с территории Средней Азии и из Китая;

3. Основные причины масштабной экспансии несториан в центральноазиатские степи – гонения на них в Западной Азии, миссионерское подвижничество несториан, толерантность местного населения;

4. Находка в кургане Шороон Дов скульптурного изображения с крестом в лобной части головы является уникальным материальным свидетельством несторианского влияния в Центральной Азии.

Список литературы

1. Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1964. Т. 2. Ч. 2. 658 с.
2. Бураев А.И. Вероятные этнические прототипы скульптурных изображений из кургана Шороон Дов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III Междунар. науч. конф. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Т. 2. С. 337–342.
3. Владимирцов Б.Я. Чингис-Хан. Горноалтайск: Ак чечек, 1992. 116 с.
4. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии / С.В. Данилов [и др.] //

- Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 254–257.
5. Дворкин А.Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород: Христиан. б-ка, 2006. 936 с.
 6. История Мар Ябалахи III и раббан Саумы / Исслед., пер. с сир. и прим. Н.В. Пигулевской. М.: Вост. лит., 1958. 163 с.
 7. Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения, 1959. № 5.
 8. Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестин. сб. Вып. 26 (89): Филология и история. 1978. С. 76–85.
 9. Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии. Восточный Туркестан и Центральная Азия: история, культура, связи. М. 1984.
 10. Феофилакт Симокатта. История / Вступ. ст. Н.В. Пигулевской / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1957. 268 с. (Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы).
 11. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 1. 222 с.

РОЛЬ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР В РЕШЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В 1989–1991 ГОДАХ

Быстров Е.И.

Российская Академия Народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Статья посвящена деятельности высшего законодательного органа Советского Союза по преодолению этнополитического кризиса конца 1980-ых – начала 1990-ых годов. Рассматривается сложный характер межнациональных отношений в период позднего СССР, последствия депортационной политики. Анализируется работа Верховного Совета в специфических условиях поздней перестройки.

Ключевые слова: история СССР, Национальная политика, национальные автономии, этнополитические конфликты, Верховный Совет СССР, крымские татары, Нагорный Карабах.

THE ROLE OF THE SUPREME SOVIET OF THE SOVIET UNION IN SOLVING OF INTERNATIONAL PROBLEMS IN 1989–1991

Bystrov E.I.

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia

The article is focused on the activities of the supreme legislative body of the Soviet Union in overcoming the ethnopolitical crisis in late 1980s – early 1990s. The complicated nature of international problems in the late period of the Soviet Union and consequences of the deportation are treated. The activities of the Supreme Soviet under specific conditions of the late period of the Perestroika are analyzed.

Keywords: history of the Soviet Union, national politics, national autonomies, ethnopolitical conflicts, Supreme Soviet of the USSR, Crimean Tatars, Nagorno-Karabakh.

Период конца 1980-ых-начала 1990-ых, безусловно, один из этапных в отечественной истории. В условиях ломки, складывавшейся десятилетиями командно-административной системы, начали «всплывать» её многочисленные недостатки, о которых предпочитали не заявлять публично.

Одним из самых болезненных вопросов того времени стал национальный.

Необходимо отметить, что, несмотря на бодрый тон официальной советской пропаганды, выдержанной в духе лозунга о «братском союзе народов СССР» в недрах государственной системы велась серьёзная работа по созданию законопроектов в сфере национальной политики. Другими словами власти осознавали значимость сложившихся потенциально проблемных участков. В этой связи следует упомянуть разработку законов о статусе и положении автономной области и национального округа. Однако в большинстве своём эта деятельность не была доведена до логического завершения, что, несомненно, отразилось на постепенном вызревании масштабного этнополитического кризиса, начавшегося в конце 1980-ых.

Принципиальные изменения периода перестройки сказались, в том числе и на усилении реальной законодательной роли Верховного Совета, депутаты которого, впервые получив возможность стать полноценными законотворцами, деятельно включились в данный процесс. Актуальность в одночасье вставших перед государством множества этнополитических проблем и необходимость их оперативного решения вкупе с уже обозначенным энтузиазмом народных избранников вызвали необыкновенную активность в работе органа. Конец 1980-ых-начало 1990-ых – время, когда в Верховном Совете шла напряжённая работа по ликвидации «болевых точек этнонационализма»: принимаются законы, разрабатываются проекты, создаются депутатские комиссии. Но даже само количество документов этого периода свидетельствует о том, что зачастую глубокой проработки законодательных актов не происходило. Злободневность проблем приводила к не всегда оправданному форсированию механизма принятия законов.

При этом необходимость немедленного поиска выхода из стремительно нарастающего этнополитического кризиса осознавалась большинством. Некоторые наиболее решительно настроенные политики предлагали искать решение не в рамках традиционной системы государственных органов, а путём их реформирования. Так, Гавриил Попов

предлагал создавать Советы национальностей при местных советах, рассматривая это как расширение демократических прав в целом и с точки зрения повышения эффективности в принятии оперативных решений на местах [1].

В целом советское руководство предпочитало всё же использовать традиционные методы в рамках административной системы управления. Практика показала, что эти способы, как правило, быстро выявляли свою неэффективность. Так, в попытке преодоления нарастающего напряжения в районе Нагорного Карабаха 23 ноября 1988 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О неотложных мерах по наведению общественного порядка в Азербайджанской ССР и Армянской ССР» [7]. Меры эти сводились к введению комендантского часа и возможности задержания на срок до 30 суток, чего явно было недостаточно в условиях перерастания противостояния в вооружённую форму. Думается, что на этом историческом отрезке многих негативных последствий можно было избежать путём более решительных действий, на которые в итоге так и не пошли партия и правительство. В результате, почувствовав слабость и колебания в высших эшелонах власти активизировались представители национальных элит и этносепаратисты всех мастей и направлений, что в итоге привело к резкому обострению обстановки в 1989 году, когда перед руководством «вдруг» встала необходимость решения целого вороха национальных задач. Это и проблемы депортированных народов, и стремление к отделению стран Прибалтики, и необходимость реагирования на усилившуюся дискриминацию русского населения в союзных республиках, притом, что доля этого населения в рассматриваемый период была достаточно высока. Так на 1989 год основные славянские национальности составляли 44,4% населения Казахской ССР [8].

Ситуация усугублялась тем, что национальный вопрос независимо от исторического периода и географической локации всегда связан с категориями эмоциональными и часто логические доводы уступали место стереотипам этнического поведения, религиозной специфики. Эту особенность в своих интересах использовали радикально настроенные этносепаратистские силы. Почувствовав пресловутый «ветер перемен», многие буквально ошалели от его веяния, что привело к самым трагическим последствиям в виде кровавых событий в Фергане, Ошской области и других столкновений с серьёзными человеческими жертвами.

Новому «горбачёвскому» призыву власть имущих досталось наследство прежних властителей, при которых доминирующей идеей в сфере этнических отношений была идея их вторичности по отношению к классовому сознанию. Чаще всего особенности менталитета и традиций национальности, народности вообще не учитывались. Достаточно сказать, что «вождь народов» Сталин неоднократно выражал сомнения в самом существовании еврейской нации [4, с. 333–334]. Характерно также высказывание А.И. Микояна на заседании Национального Совета заявившего, что «Советская власть создаёт нации» [2, с. 9]. Соответственно таким высказываниям действовали и официальные органы – в частности указом Президиума Верховного Совета СССР были упразднены 5 автономий, что напрямую противоречило конституции 1936 года.

В результате на плечи высших советских органов к концу 1980-ых годов легла непосильная ноша, связанная с необходимостью разрешения этнополитического кризиса. Необходимо учитывать также тот аспект, что этот период характеризовался значительным усилением реальной политической власти Советов вообще и местных в частности. Особенно это проявилось в деятельности представительных органов власти в национальных республиках. Усиливавшееся ужесточение межнациональных отношений ставило вопрос ребром. Как писал помощник М.С. Горбачёва А.С. Черняев, нужно было определяться: «либо оккупация, и, в общем-то, опять «империя», либо федерация в духе конфедерации» [10]. Важную роль в этом выборе сыграла деятельность Верховного Совета СССР как высшего законодательного органа государства. Деятельность эта была не всегда последовательной, ибо, как уже отмечалось выше, даже в самых верхних эшелонах власти наблюдались колебания и нерешительность, склонность к перестраховочным действиям. Тем не менее, нужно отметить, что работа велась достаточно интенсивно. Руководство советского парламента во многом интуитивно, не имея опыта подобной деятельности, пыталось нащупать правильные методы.

В частности в 1989 году были созданы депутатские комиссии по проблемам турко-месхетинского населения, крымско-татарского народа, в 1990 году – Государственная комиссия по проблемам советских немцев, что являлось непосредственной реакцией на многочисленные прошения данных национальностей. При этом многие законодательные акты несли в себе некий налёт конъюнктурности, поспешности, что впоследствии признавалось самими членами Верховного Совета.

Так, в 1991 году в записке Г.С. Таразевича (руководитель Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Совета Национальностей Верховного Совета СССР) и Л.Д. Шишова на имя председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р.Н. Нишанова отмечалось, что «в связи с поспешностью принятия некоторые положения закона «О реабилитации репрессированных народов» оказались недостаточно продуманными, что повлекло за собой волну противоправных действий со стороны отдельных лиц из числа репрессированных народов и национальных общественных организаций. Все это привело к росту напряженности в ряде регионов» [6]. В результате власти были вынуждены направлять представителей правительства РСФСР на места для «смягчения негативных последствий». С сожалением, приходится констатировать, что периодически действовали в соответствии с высказыванием «левая рука не ведает, что творит правая».

Имел место и явный саботаж решений законодательной власти, что особенно проявилось в действиях руководства Украины и Крыма в отношении постановления Верховного Совета СССР 845-1 от 28.11.1989. «О выводах и предложениях Совета Национальностей по проблемам крымско-татарского народа» [3, с. 386–387]. При этом руководство страны во главе с Горбачёвым считало, что возрождение национальной автономии крымских татар уже невозможно, так как эти территории уже были освоены русскими и украинцами. Как пишет сам М.С. Горбачёв «необходимо было смотреть на ситуацию с учётом исторических перемен» [9]. Можно фиксировать сложившуюся к тому времени патовую ситуацию, в которой принятие любых решений неизбежно затрагивало интересы определённых этнических групп.

Безусловно, принятию согласованных решений в немалой степени помешала конкретная политическая ситуация конца 1980-ых-начала 1990-ых. В частности конфликт интересов определённых сил в Верховном Совете СССР и органах исполнительной власти. В частности в конце 1990 года члены депутатской группы «Союз», требовавшей сохранения единого государства, выступили с резкой критикой политики президента Горбачёва и его правительства. Среди ряда исследователей существует мнение, что сам Горбачёв следовал модели «разделяй и властвуй», целенаправленно сталкивая интересы ряда этнических групп. Так Тилле прямо пишет, что советский лидер был заинтересован в дальнейшей эскалации конфликта в Нагорном Карабахе [5, с. 70]. Харак-

терно, что деятельность в этом регионе комиссии Верховного Совета СССР «По урегулированию ситуации в НКАО» во главе с Г.С. Таразевичем была охарактеризована в заявлении Президиума Национального Совета НКАО как «рецидив сталинско-брежневских времён, идущий вразрез с провозглашённым советским руководством «новым политическим мышлением» [11].

Можно констатировать, что в условиях стремительно разрастающегося со второй половины 1980-ых годов этнополитического кризиса Верховный Совет СССР предпринимал множество отчаянных попыток вернуть себе контроль за ситуацией, но в силу целого ряда как объективных, так и субъективных причин не смог справиться с этой задачей. Одно из величайших событий геополитики 20 века – распад СССР неумолимо надвигалось. Процесс пошёл...

Список литературы

1. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 4178. Л. 2.
2. Алиев У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (итоги и перспективы). К предстоящему съезду горских народов. Ростов-на-Дону: Севкавказ, Крайнаиздат, 1926.
3. Османов Ю.Б. Белая книга национального движения крымских татар. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011.
4. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946.
5. Тилле А.А. Советский социалистический феодализм 1917–1990. М.: Пробел-2000, 2005.
6. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/68264> (дата обращения 25.09.2013).
7. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ESU_8923/ (дата обращения 25.09.2013).
8. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения 26.09.2013).
9. URL: http://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy1/page_18/ (дата обращения 27.09.2013).
10. URL: <http://www2.gwu.edu/~nsarchiv/rus/Chernyaev.html> (дата обращения 27.09.2013).
11. URL: <http://www.press.karabakh.info/%D0%97%D0%B0%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD> (дата обращения 28.09.2013).

ЖУРНАЛИСТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Воскресенская М.А.

Санкт-Петербургский госуниверситет, г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается проблематика исторической памяти как формы самосознания общества и анализируется влияние журналистики на ее формирование и сохранение. Отмечается, что это влияние может быть как позитивным, так и негативным, в зависимости от конкретных исторических обстоятельств и принципиальной позиции самой журналистики. Автор приходит к выводу, что в современных условиях духовно-ценностной дезориентации общества и широкого применения технологий информационного манипулирования массовым сознанием сохранение исторической памяти и предотвращение ее искажений невозможно без ответственного участия в этом журналистики.

Ключевые слова: историческая память, общественное сознание, система ценностей, журналистика, историческая публицистика.

JOURNALISM AS A FACTOR OF FORMATION, PRESERVATION AND TRANSFORMATION OF HISTORICAL MEMORY

Voskresenskaya M.A.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

The article considers problems of historical memory as a form of public consciousness and studies the influence of journalism on its formation and preservation. It is noted that this influence can be both positive and negative depending on concrete historical circumstances and a principled stand of the journalism. The author comes to a conclusion that in modern conditions

of a spiritual and valuable disorientation of society and broad application of technologies of information manipulation by mass consciousness preservation of historical memory and prevention of its distortions is impossible without responsible participation in it journalism.

Keywords: *historical memory, public consciousness, system of values, journalism, historical publicistic writing.*

Сегодня многие могут припомнить, что в пору перестройки у всех на устах было выразительное слово «манкурт». Позаимствованное публицистикой из древней тюркской легенды в пересказе Ч. Айтматова, в широкий культурный обиход оно вошло в переносном смысле – как обозначение человека, не знающего истории собственного народа и не почитающего его традиций, а потому легко становящегося проводником чуждых ценностей. Не случайно это слово прочно укоренилось в нашем языке и культурном сознании именно в перестроечное время. В периоды социальных катаклизмов в обществе с особой остротой актуализируется проблематика исторической памяти, отчетливо осознается ее непосредственное влияние на политическую жизнь общества.

Кардинальное переустройство всей российской общественной системы в постсоветский период стимулировало широкое обсуждение темы исторической памяти отечественным социально-гуманитарным научным сообществом. Многообразные ее аспекты исследуют ученые различной дисциплинарной принадлежности – историки, философы, социологи, культурологи. Высокая общественная и научная значимость темы, ее неисчерпаемость оставляют широкое поле для дальнейших размышлений над различными связанными с нею вопросами, в частности – об условиях складывания исторической памяти и причинах происходящих с нею изменений.

Историческая память – это устоявшаяся в общественном сознании система представлений о прошлом. Ее формируют самые разные источники и факторы, включая научно-теоретическое и обыденное восприятие исторической действительности, ментальные и материальные аспекты жизнедеятельности человека и общества. Историческую память не следует отождествлять с историческим знанием. Ее содержание составляют сознательные и бессознательные представления, укорененные в ментальных структурах народа независимо от каких-либо доказательств их объективной достоверности. Они а priori восприни-

маются как безусловно достоверные. Историческая память может отвечать «официальной» истории, которая пишется учеными (бывает, под давлением политиков), а может выступать в качестве альтернативы ей.

Без такого фундаментального свойства человека как способность воспроизводить прошлое, невозможно адекватно ориентироваться в социальном пространстве. Современность неизбежно соотносится человеком и обществом с уже накопленным опытом, который становится существенным критерием в оценке настоящего и перспектив будущего. Историческая память во многом определяет социальное поведение людей, их жизнеустройство, она играет ведущую роль в осознании индивидом или группой своей этнокультурной принадлежности, в сохранении преемственности поколений и системы ценностей общества. Как отмечает Л.П. Репина, «память о центральных событиях прошлого (в моделях “катастрофы” или “триумфа”) формирует идентичность, во многом детерминируя жизненную ситуацию настоящего...» [1, с. 463].

Историческая память не простоместилище сведений о событиях и людях давно минувших дней. Это форма самосознания общества, назначением которой является не беспристрастное описание прошлого, а его осмысление в каких-то ценностных координатах. Известное определение Й. Хейзинги «история – духовная форма, в которой культура отдает себе отчет о своем прошлом» [6, с. 109] справедливо не только в отношении строго научной исторической мысли. Оно приложимо, может быть даже в первую очередь, и к исторической памяти народа, функционирующей на обыденном уровне общественного сознания. При этом исторической памяти свойственна не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка прошлого. Она оперирует не только бесспорными фактами, но зачастую и субъективно окрашенными образами минувшего – положительными и отрицательными. Нередко художественное освоение исторической действительности, представленное в мифах, фольклорных памятниках, произведениях искусства и литературы, воздействует на сознание гораздо сильнее и глубже, чем логически выверенная аргументация научных исследований.

В отличие от научно-исторического разреза общественного сознания, историческая память в той или иной мере присуща абсолютно каждому представителю любого человеческого сообщества. Она складывается во многом бессознательно, иррационально, впитываясь с молоком матери, что придает ей особую устойчивость. В ходе социологических исследо-

ваний выявлено, что структуры исторической памяти обладают высокой стабильностью, обеспечивающей сохранение национальной и цивилизационной самобытности общества даже в эпохи бурных исторических перемен [см.: 4, с. 4]. Вместе с тем историческая память не может оставаться абсолютно неизменной. Она развивается вместе с обществом и под воздействием различных факторов способна трансформироваться и даже деформироваться. Это происходит оттого, что историческая память детерминирована не только менталитетом, культурой, национальными традициями народа, но и конкретно-историческими условиями определенной эпохи. Она функционирует в неких «социальных рамках», по выражению М. Хальбвакса, который подчеркивал: «История не просто воспроизводит рассказы современников о событиях прошлого, но время от времени и подправляет их – не только потому, что располагает другими свидетельствами, но и с тем, чтобы приспособить их к приемам мышления и репрезентации, свойственным нынешним людям» [5, с. 209]. Образ прошлого в исторической памяти может изменяться в зависимости от ситуации и обстоятельств, в которых находится вспоминающий. Историческая память не является механическим воспроизведением прошлого в неизменных формах и смыслах. Ее процессы отражают динамику человеческих отношений, развитие общественного сознания, реструктурирование с течением времени системы ценностей, вторжение в пространство общественного мнения субъективных суждений и т.д.

Историческая память избирательна. Она сохраняет и воспроизводит те сведения, которые представляются индивиду и обществу наиболее актуальными. Каждое новое поколение и даже различные группы внутри одного поколения заново переосмысливают прошлое, выбирая из него то, что значимо «здесь и сейчас». Как справедливо замечает Л.П. Репина, «нередко события, “забытые”, отодвинутые в небытие представителями прошлой эпохи, возвращаются к жизни вновь, становятся объектом социального сознания и исторической памяти» [2, с. 12]. Этот факт обусловлен тем обстоятельством, что «образ прошлого, существующий в общественном сознании, определяется не только набором сохранившихся сведений, но и значением, которое им придается» [2, с. 13]. В этом смысле история будет переписываться всегда, а историческая память будет постоянно переформатироваться. Об этом размышлял и немецкий историк Й. Рюзен: «Историческая память выступает, с одной стороны, как ментальная способность субъектов со-

хранять воспоминания о пережитом, которые являются необходимой основой для выработки исторического сознания... С другой – как результат определенных смыслообразующих операций по упорядочению воспоминаний... путем осмысления пережитого опыта» [3, с. 9].

Все эти особенности превращают историческую память в арену идеологических столкновений, в инструмент манипулирования массовым сознанием. Различные общественно-политические силы апеллируют к ней в попытках утверждения собственных позиций и в целях привлечения сторонников, ибо «образ прошлого – это всегда, хотим мы того или нет, отражение наших интересов» [2, с. 15]. Историческая память особенно подвержена трансформациям в периоды социальной нестабильности, в эпохи перемен, когда общество утрачивает и пытается заново обрести свою идентичность. Историческая реальность нередко искусственно конструируется идеологами. В общественное сознание различными методами воздействия – рациональными и иррациональными – внедряются выгодные манипулятору представления, посредством которых народу навязываются определенные традиции и ценности, далеко не всегда отвечающие его внутреннему духовному строю. Государство, властные структуры всегда стремились поставить историческую память под свой контроль, используя ее в качестве мощного идеологического рычага и средства манипулирования огромными массами людей. Властное вторжение в историческую память, попытки ее искажения в угоду той или иной политической конъюнктуре предпринимались на протяжении всей истории человечества. К примеру, в Арабском халифате, где столетиями не прекращались внутренние распри, каждый новый наместник начинал свое (обычно недолгое) правление с того, что сносил до основания дворец предшественника, стремясь уничтожить любое напоминание о другом властителе и наивно рассчитывая начать историю с чистого листа. Разного рода попытки преднамеренного изменения исторического сознания людей наблюдались и в иные исторические эпохи. С течением времени к процессу формирования исторической памяти активно подключилась журналистика, играя при этом, в зависимости от обстоятельств, как позитивную, так и негативную общественную роль.

Функция журналистики при освещении исторической проблематики заключается не в исследовании прошлого (это прерогатива науки) и не в распространении знаний о былом (это задача образования). Ее главное назначение состоит в формировании исторического сознания

общества на обыденном, а значит, массовом, уровне, в обеспечении духовной связи времен и в сохранении исторической памяти народа. Публицистика, в том числе историческая, во все времена играла знаковую роль в российской общественной жизни. Совершенно беспрецедентную власть над умами она обрела в годы перестройки, когда открывались ранее неизвестные или замалчивавшиеся страницы отечественной истории, переосмысливались многие ее факты и процессы. Публицистам в ту пору доверяли больше, чем профессиональным историкам, ведь они делали достоянием гласности прежде запретные темы. Именно журналистика, по большому счету, совершила переворот в историческом сознании позднего советского общества.

В то же время не секрет, что отечественная история нередко искажалась, для чего активно привлекались средства массовой информации. В частности, советская действительность, при коммунистической власти усиленно «лакировавшаяся», противопоставлявшаяся якобы «беспроектным» царским временам, при постсоветских реформаторах стала очерняться. Некоторые российские журналисты дошли до того, что поставили под сомнение вину нацистской Германии в развязывании войны с СССР и занялись попытками дегероизации нашей истории под предлогом развенчания советских мифов. Вместо очищения истории от негативных наслоений партийно-советской пропаганды, началось разрушение исторической памяти, которая является фундаментом самоуважения нации. Под видом переоценки прошлого зачастую происходит отказ от него, чреватый утратой чувства национального достоинства, в то время как постижение истории в любых своих формах должно быть фактором, объединяющим нацию, а не полем политических спекуляций и взаимной вражды.

Для деформации исторической памяти не обязательно фальсифицировать факты – достаточно их замалчивать. Примером может служить Катынская трагедия, до сих пор по-настоящему не изученная, не исследованная историками, но трактуемая политиками в удобном им ключе, исходя из наличного политического момента. Сегодня вопрос считается «закрытым», однако невозможно говорить о его квалифицированном исследовании на основании обнародования в СМИ лишь отдельных документов из целого пакета важнейших исторических свидетельств и при отсутствии полноценной публикации всего корпуса имеющихся источников, снабженной научными комментариями и результатами источниково-

ведческой экспертизы. Поскольку обсуждение Катынского дела в прессе утихло, в общественном сознании складывается убеждение, что тема исчерпана, хотя в действительности все обстоит далеко не так просто.

Конечно, самые заметные изменения в сфере исторической памяти происходят при смене властей или в условиях кардинального государственно-политического переустройства общества. Однако причиной искажений может быть не только политическая конъюнктура, но и культурный «манкуртизм», попросту невежество. Недавно исполнилось 60 лет со дня смерти классика мирового музыкального искусства XX столетия С.С. Прокофьева, который по странной прихоти судьбы ушел из жизни в один день с И.В. Сталиным. Но если о Сталине много вспоминали и говорили в российских массмедиа, то дань памяти Прокофьеву не стала для них информационным поводом (за исключением телеканалов «Культура» и «365»). Подобные факты довольно ярко характеризуют культурный облик современных СМИ и стиль их обращения с духовным наследием страны.

Журналистика играет существенную роль в формировании, сохранении, трансформации исторической памяти. Материалы СМИ можно рассматривать не только как исторический источник, но и как специфическую форму интерпретации прошлого. Уже сам отбор фактов, которые достаиваются или не достаиваются упоминания в прессе, представляет собой определенную оценку. Журналистика способна снимать крайности научного и художественного подходов к исторической информации, предлагая массовой аудитории популярное изложение достоверных фактов. Но изложение это должно быть грамотным, добросовестным и непредвзятым. Сегодня, в условиях духовно-ценностной дезориентации общества, при отсутствии единых учебников истории и общепринятых ее истолкований, учитывая резкое падение интереса широкой публики к книге и кино, именно журналистика остается ведущим ресурсом исторической памяти. Разумеется, в памяти каждого человека остается след о важнейших событиях и персонах эпохи, и эти сведения передаются из уст в уста новым поколениям. Но главным источником этой информации служат именно массмедиа, учитывая, что потенциал устной истории и семейных преданий без сознательной внешней поддержки быстро иссякает. В эпоху неудержимо нарастающего вала разнообразной информации без подспорья в виде медиаресурсов с их богатейшими возможностями воздействия на массовое со-

знание историческая память особенно коротка. При всей устойчивости ее структур, она нуждается в особых мерах по сохранению и защите от деформаций, поскольку современные информационные технологии как никогда ранее обладают безграничными возможностями манипулирования общественным мнением и мощного, даже разрушительного воздействия на массовое сознание. Прежде наблюдавшаяся стабильность исторической памяти была связана с наличием в обществе четкой системы ценностей. В постсоветском обществе духовно-нравственные устои и ориентиры оказались размытыми, причем в этом опасном состоянии духовного вакуума мы пребываем уже довольно длительное время. При таких обстоятельствах вряд ли можно быть до конца уверенными в сохранении устойчивости и незыблемости исторической памяти без ответственного участия в этом медиасферы.

Формирование адекватных представлений о прошлом в сознании широких масс во многом зависит от принципиальной позиции журналистики, от того, с какой целью она берет на себя роль хранителя исторической памяти – для поддержки сиюминутных узкогрупповых интересов определенных общественных сил или ради защиты духовных устоев всего общества в целом.

Список литературы

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с. (Образы истории).
2. Репина Л.П. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
3. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 8–26.
4. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
6. Хейзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. М.: Наука, 1988. 544 с. (Памятники исторической мысли).

УЧЕТ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Галимуллина Н.М.

Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева, Казань, Россия

Исследование посвящено особенностям пропаганды как формы коммуникативного воздействия в условиях Второй мировой войны. Исследование и сегментация целевой аудитории воздействия рассматривается как один из факторов эффективности пропаганды. Автор анализирует особенности советской пропаганды, направленной на нерусские этносы.

Ключевые слова: пропаганда, коммуникация, сегментация, этнос, этнический фактор, Вторая мировая война, эффективность воздействия.

THE ETHNIC FACTOR AS A TOOL OF INCREASE OF EFFICIENCY OF THE SOVIET PROPAGATION OF THE PERIOD OF THE SECOND WORLD WAR

Galimullina N.M.

Kazan national research technical university named after A.N. Tupolev,
Kazan, Russia

The study devoted to the features of propaganda as a form of communicative influence in the Second world war. Study and segmentation of target audience is regarded as one of the factors of efficiency of propaganda. The author analyses the peculiarities of Soviet propaganda aimed at the non-Russian ethnic groups.

Keywords: advocacy, communication, segmentation, ethnos, ethnic factor, the Second world war, performance impact.

Исследование посвящено особенностям пропагандистского воздействия СССР, направленного на представителей вооруженных сил, гражданского населения из числа нерусских этносов. В статье приводятся наиболее яркие образцы этнико-ориентированной пропаганды.

Анализируя особенности противостояния государств – участников Второй мировой войны нельзя ограничиваться изучением только хода боевых действий, работы в тылу по созданию материально-технической базы вооруженных сил. Необходимо уделить внимание работе на идеологическом фронте, т.к. это воздействие в свою очередь оказывало влияние на боеспособность войск, настрой гражданского населения. Связано это с тем, что в экстремальных условиях жизни государства ценности духовного порядка в силу их исторической и психологической значимости для общества приобретают особое значение.

Не случайно Г. Лассуэлл, анализируя итоги Первой мировой войны, отмечал, что современная война должна вестись на трех фронтах: военном, экономическом и пропагандистском. А Ричард Шафрански начинает свою статью 1994 г. цитатой одного американского генерала, о том, что победа в воздухе и космосе зависит не столько от самолетов и ракет, сколько от мышления, отношения и воображения [6, с. 11]. В целом можно согласиться с мнением Г.Г. Почепцова, что «Работа с виртуальными мирами остается прерогативой специальных институтов любой цивилизации: от Древнего Египта до США: от жрецов – до партбюро...» [5, с. 41], хотелось бы лишь добавить, что работа эта является исключительно важной.

В рамках данного исследования необходимо в первую очередь рассмотреть феномен пропаганды. Необходимость в воздействии коммуникативного характера, в том числе для осуществления посреднических функций между органами власти и народом, существовала всегда. И хотя до двадцатого века термин «пропаганда» активно не применялся, история применения коммуникативного воздействия для получения желаемого действия от объекта коммуникации насчитывает тысячелетия. Более того, пропагандистские усилия могут сформировать особое общественное мнение по большому спектру вопросов, создать особую картину мира, которая может отличаться от реальной. Так, Г.Г. Почепцов выделяет две возможные картины мира: естественную и навязанную. При этом автор отмечает, что «навязать» определенную модель отдельному человеку, как и целым группам можно с помощью

применения тех или иных коммуникационных технологий, в том числе и пропаганды, т.к. «пропаганда и контрпропаганда направлены на поддержание или разрушение картины мира, делая это на системной и постоянной основе» [5, с. 9]. Г. Лассуэлл понимал пропаганду как «менеджмент коллективных отношений с помощью манипуляции общественными символами» [6, с. 14]. По мнению этого ученого предназначение военной пропаганды состоит в получении победы с минимумом физических потерь.

Для того чтобы пропаганда работала наиболее эффективно, важно уделить внимание особенностям аудитории, на которую направлено воздействие. Так, В.И. Ленин писал: «к массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т.п.» [8, с. 66]. «Внушающий анализирует аудиторию, чтобы быть способным выразить ее потребности, желания, личные и общественные убеждения, установки и ценности» [1, с. 191]. Как акцентируют внимание специалисты по психологическим операциям: «Пропаганда должна быть понятной. Практики в области психологической войны должны создавать сообщения, которые имеют значение для целевой аудитории» [6, с. 59], «Связь пропаганды с потребностями, интересами и заботами людей – обязательное условие ее положительного результата...материал должен обладать таким содержанием и формой, которые способны затрагивать основные потребности, убеждения, установки и стремления личности» [3, с. 23]. Иными словами, при ведении пропаганды необходимо дифференцировать целевую аудиторию, изучать ее, использовать результаты исследований при составлении программы действий.

Одним из оснований сегментации целевой аудитории пропагандистского и любого иного коммуникативного воздействия по демографическому признаку является этническая принадлежность.

У каждого народа складывается свой субъективный психологический образ, или стереотип, как специфическая национальная норма поведения. Передаваемые из поколения в поколение язык, система духовных ценностей, символы, отношения к вещам и людям составляют особенности тех или иных этнических общностей. Этнические особенности необходимо учитывать при организации информационно-коммуникационного воздействия. Органы политпропаганды явственно ощущали необходимость вести специальную пропаганду, направленную на

представителей нерусских национальностей как в тылу, и на фронте. Показательным в этом контексте является упоминание различных этносов, проживающих на территории СССР в первом после начала Великой Отечественной войны обращении И.В. Сталина к народу: «Он [враг] ставит своей целью...разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев...их онемечение, их превращение в рабов...» [7]. Тем самым в радиобращении противопоставляется положение различных национальностей в СССР и их перспективы в случае прихода к власти немецких захватчиков.

В годы Великой Отечественной войны полиэтничность СССР была учтена на нескольких уровнях. Учитывая значительное количество лиц, не владеющих русским языком как в тылу, как и в армии, часть пропагандистских материалов дублировалась, например, статьи И.Г. Эренбурга «Верный выход», «Убей», «Отобьем», «Вперед», «Суд скорый и правый» были напечатаны на татарском, армянском, башкирском, грузинском, языках.

Второй уровень учета полиэтничности – использование специальных форм пропаганды, создание специальных пропагандистских текстов, с учетом этнических стереотипов. Внимание на те или иные этносы и их вклад в приближение победы обращалось и в публикациях «Казахи», «Узбеки», «Евреи», «Татары», «Красноармеец – сын Казахстана», в фильмах «Мост», «Сын Таджикистана». При этом использовались и заимствования из этнического фольклора. Например, 15 декабря 1942 года был разослан листок, в котором содержалось около сотни военных пословиц народов Советского Союза: «Вода все моет, только бесчестья не может смыть» (татарская), «Чем сломать свою честь, лучше сломать свою кость» (бурятская), «Дружный табун волка не боится» (удмуртская) и другие.

Была создана широкая практика предоставления газет на родном языке для представителей нерусских этносов, как высылаемых из национальных республик, так и создаваемых специально в рамках системы военной печати. Создавалось значительное количество фронтовых, армейских газет на нерусских языках, для чего редакции оснащались техникой, например, печатными машинками с буквами того или иного алфавита.

Большую роль сыграли письма-обращения азербайджанского, узбекского, туркменского, армянского и других народов бойцам-фронтовикам

и ответные письма бойцов и командиров к себе на родину. В документе, озаглавленном «Письмо-салям татарского народа своим сыновьям и дочерям, сражающимся на фронтах Великой Отечественной войны» [9] ярко отображены три основные линии воздействия на представителей данного этноса с учетом его особенностей: «семья», «община (соседи)» и «преемственность культуры, культ предков» как ценности. В письмах-обращениях, как правило, использовались реминисценции из этнических легенд, эпосов, фольклорные обороты, что было направлено на усиление эмоциональной компоненты воздействия. Так, в письме татарского народа читаем проходящие рефреном «зачины» – пословицы, которые потом получают конкретизацию, причем на примере реальных подвигов бойцов: «Храбрый джигит – краса рати» – говорили в старину. Таков наш земляк, Герой Советского Союза Ильдар Маннанов (далее приводится история его подвига) и т.д. Трудящиеся Марийской АССР в своем письме призвали воинов-земляков «громить врага так, как легендарный герой марийского фольклора Онар боролся с двенадцатиглавым змеем, как сказочный богатырь Нончак Патыр уничтожал нечисть» [4, с. 15–16].

Безусловно, этнико-ориентированные послания, созданные с учетом восприятия тех или иных этносов оказывали эффективное воздействие, что можно отследить по так называемой обратной связи. «...Получив газету «Правда», в которой было помещено Ваше письмо фронтовикам-татарам, мы немедленно собрали Красноармейский митинг, на котором выступал ряд командиров и бойцов-татар и русские казанцы. В своих выступлениях бойцы и командиры поклялись жестоко отомстить фашистским извергам» [2, с. 36].

Таким образом, для увеличения эффективности коммуникативного воздействия в годы Второй мировой войны советская пропаганда выстраивалась с учетом особенностей реципиента сообщения, в частности, особая пропаганда велась на представителей нерусских этносов.

Список литературы

1. Джоуэтт Г.С., О'Доннел В. Пропаганда и внушение // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. Самара: Издательский Дом «БАХРА-М», 2001.
2. НА РТ. Ф. Р-4821. Оп. 1. Ед. хр. 3.
3. Надирашвили Ш.А. Психология пропаганды. Тбилиси: Мецниереба, 1978.

4. Письмо марийского народа своим землякам-фронтовикам. Йошкар-Ола, 1943.
5. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии / Г.Г. Почепцов. М.: Центр, 2003.
6. Почепцов Г.Г. Пропаганда и контрпропаганда / Г.Г. Почепцов. М.: Центр, 2004.
7. Радиообращение И.В. Сталина к народу Москва, 3 июля 1941 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/docs/ww2/leaders/speeches/stalin_1941-07-03.html
8. Справочник пропагандиста / Воробьев К.А., Ефимов В.П., Жданко О.Г. и др.; Под общ. ред. В.Г. Байковой. М.: Политиздат, 1987.
9. ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 892.

НАРУШЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ И ЗАКОННОСТИ В СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ 1953–1968 гг.

Дорохов В.Ж.

Дальневосточный юридический институт МВД России,
г. Хабаровск, Россия

Состояние дел с нарушениями служебной дисциплины и законности в милиции накануне ее преобразования в полицию, громкие скандалы с разоблачением «оборотней в погонах», негативно сказывались на общественном мнении о деятельности российской милиции. В обсуждениях данной проблемы стало нормой проводить сравнения качеств милиционера времен СССР и периода демократической России, в котором советский милиционер оказывался в более выгодном свете.

Ключевые слова: милиция, кадровое обеспечение, нарушения служебной дисциплины, преступления в органах внутренних дел, СМИ.

VIOLATIONS OF DISCIPLINE AND ORDER IN THE SOVIET MILITIA 1953–1968

Dorohov V.G.

Law Institute of the Far Eastern Russian Ministry of Internal Affairs,
Khabarovsk, Russia

The state of affairs with misconduct and the rule of law in the militia, prior to its conversion to the police, scandals exposing the «werewolves in epaulets», have a negative impact on public opinion about the activities of Russian militia. In discussions of this problem has become the norm for comparisons qualities militiaman soviet times and the period of democratic Russia.

Keywords: militia, human resources, of misconduct and crimes in internal affairs agencies and the media.

Накануне проведения кардинальных преобразований органов внутренних дел в 2011–2012 гг. особую значимость приобрел вопрос об улучшении кадрового обеспечения органов внутренних дел. Связанно это было с тем, что из года в год отмечалась печальная тенденция к росту преступности среди сотрудников МВД. Так, в 2007 и 2008 гг., только сотрудниками милиции было совершено порядка 10 тыс. преступлений (5180 и 4647 соответственно) [1].

Руководство Министерства стремилось оперативно реагировать на столь неблагоприятную ситуацию. Так, 15 июля 2009 г. министр внутренних дел Р.Г. Нургалиев в своем интервью отметил, что уже «... внесены существенные изменения в организацию воспитательной работы... Принят Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел, разрабатывается проект ведомственной целевой программы «Реформирование системы работы с кадрами и профессионального образования МВД России на период до 2012 года», возрождается наставничество с опорой на ветеранское движение. Новые ориентиры кадровой политики МВД России – принципиальный поворот на воспитание профессиональных и морально-этических качеств сотрудника, качественное улучшение всей системы кадрового обеспечения органов внутренних дел» [2]. Однако, кардинальных перемен это не принесло, 2009 г. ознаменовался целой серией громких скандалов связанных с милицией. В частности случай с начальником ОВД «Царицыно» г. Москвы, майором милиции Д. Евсюковым, который утром 27 апреля беспричинно открыл огонь из табельного оружия по посетителям супермаркета «Остров». С этого момента средства массовой информации стали уделять особо пристальное внимание «оборотням в погонах»¹. Телевидение, газеты, интернет, радио взяли за правило, практически ежедневно «в красках» описывать каждый из эпизодов совершаемых сотрудниками милиции преступлений. Новостные передачи стали больше походить на фронтовые сводки: 3 сентября в Костроме сотрудник милиции на своем автомобиле сбил двух школьников, мальчика и девочку; в ночь на 12 сентября сотрудник милиции за рулем автомобиля «Мазда» в Тюменской области в состоянии алкогольного опьяне-

¹ Термин вошел в повседневный оборот после 2003 г. когда на всю страну прогремело дело так называемых оборотней в погонах (со слов действующего тогда министра внутренних дел Бориса Грызлова) генерала МЧС В. Ганеева и шестерых сотрудников МУРа.

ния столкнулся с автомобилем «Урал»; 20 сентября капитан милиции г. Люблино под угрозой привлечения гражданки КНР к уголовной ответственности вымогал у ее родственников взятку в 5 тысяч долларов; 23 сентября следственный комитет при прокуратуре РФ по Москве возбуждал уголовное дело в отношении двух участковых, подозреваемых в попытке продажи гашиша, а следователи города Домодедово Московской области предъявили трем милиционерам обвинение в применении пыток к мужчине ради получения признания в краже вещей из гаража.

«Подлил масла в огонь» и поступок майора милиции Дымовского обратившегося к Президенту через интернет о коррумпированности Новороссийской милиции.

Резонанс в обществе достиг такого накала, что 24 декабря 2009 г. Президент России Дмитрий Медведев был вынужден подписать Указ «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». Как отмечалось в указе, он принят в связи с тем, что «в последнее время участились случаи нарушения сотрудниками милиции законности и служебной дисциплины, которые вызывают обоснованную негативную реакцию в обществе и умаляют авторитет власти» [3].

В результате вялотекущее реформирование МВД и милиции, таким необычным образом получило новый импульс и особое внимание общества и государства.

Систематическая фиксация каждого из нарушений допускаемых сотрудниками милиции в СМИ, создала довольно нелицеприятный образ милиционера. С этого момента, при обсуждении проблемы «оборотней в погонах» стало нормой проводить сравнения качеств милиционера времен СССР и периода демократической России, в котором советский милиционер оказывался в более выгодном свете. Насколько это отвечает действительности мы, и рассмотрим в данной статье.

Анализ дисциплинарной практики советского МВД и органов милиции проведем на примере периода 1953–1968 гг. В течение этого сложного пятнадцатилетия, система органов внутренних дел, также как и сегодня, находилась в процессе перманентной реформы, вектор развития которой менялся неоднократно. Основным содержанием реформы на ее начальном этапе 1953–1961 гг. стало проведение мер направленных на ослабление силового ведомства. В короткие сроки была осуществлена децентрализация МВД СССР, сокращена штатная численность, пред-

принята широкомасштабная кадровая «чистка», снижено финансирование, проведена деидеологизация системы, реорганизованы территориальные управления МВД и Управления милиции, введен принцип двойного подчинения. Оказалось утраченным и название ведомства – МВД². Одновременно с этим в 1959 г. приступили к созданию параллельных органам внутренних дел правоохранительных структур на негосударственной основе, которые должны были подчиняться только партийным органам и действовать независимо от милиции. Подобное ослабление системы объективно привело к снижению авторитета органов правопорядка, особенно милиции, «текучести» кадров, снижению дисциплины. Так в 1956 г. за грубые нарушения дисциплины было уволено более 6 тыс. сотрудников милиции СССР, а 589 – привлечено к уголовной ответственности и осуждено [4, Ф. 39. Д. 310. С. 44]. В 1957 г. за подобные проступки увольнению подверглось уже 6775 сотрудников [5, Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 370. С. 256]. Сложная кадровая ситуация усугублялась утратой населением доверия к органам правопорядка, свидетельством чему стала волна антимилицейских выступлений в городах Бийск, Александров, Муром [6]. Все это нашло свое отражение и на общем состоянии преступности в стране. Если в 1955 г. по СССР было зарегистрировано – 554 155 преступлений [7], то в 1961 г. уже 877 549 [8]. Поэтому на следующем этапе реформы в 1962–1968 гг. пришлось срочно восстанавливать и укреплять МВД и милицию.

По своим основным показателям предлагаемый к рассмотрению период сравним с современным положением дел в МВД России, реформирование, которого с рывками и перерывами протекало с 1993 по 2009 г.³

Накануне начала первого этапа реформы численный состав милиции МВД РСФСР составлял 256 494 человек [5, Ф. Р-9401. Оп. 8. Д. 548. С. 1 на 1 января 1953 г.], в органах милиции Хабаровского края – 2280 человек [4, Ф. 33. Оп. 7. Д. 54. С. 11]. На протяжении последующих 15 лет численность менялась волнообразно. Нижним пиком стал 1960 г. – 155 992 человек [5, Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 638], а верхний был достигнут в 1968 г. когда количество сотрудников милиции выросло до 179 799

² На смену ему пришли республиканские МООП – министерства охраны общественного порядка.

³ От момента принятия Конституции и до публикации Указа Президента о реформе в МВД.

[9, Ф. 67. Оп. 1. Д. 21. С. 21]. Соответственно в Хабаровском крае в 1962 г. штатная численность составила – 1771 человек, а к 1968 г. установилась в размере 2199 человек [4, 1962 г. – Ф. 33. Оп. 16. Д. 5. С. 64. 1968 г. – Оп. 19. Д. 1. С. 29].

Смерть И.В. Сталина в марте и снятие в июле 1953 г. с поста министра внутренних дел Л.П. Берии открыли очередной этап в истории страны и в истории органов внутренних дел. Во внутренней политике государства стал проследиваться курс на либерализацию политической и экономической жизни в стране. Новые лидеры страны приступили к масштабному реформированию МВД, и смягчению системы наказания [4, Ф. 39. Д. 268]. Реформе предшествовала массированная обработка общественного мнения. Начало этому процессу положило Постановление ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. «Об основных задачах МВД», в котором отмечалось, что милиция плохо борется с преступностью, хищениями, спекуляцией и хулиганством, в результате чего во многих регионах уровень преступности остается высоким [10]. Перечислялись и конкретные недостатки в работе милиции: произвол, нарушение законности, необоснованные аресты и задержания граждан, преступность среди личного состава, слабая связь с общественностью, низкая культура работников милиции, грубость в обращении с гражданами и формальное, бюрократическое отношение к их жалобам и заявлениям.

Конкретные факты нарушений и преступлений, конечно же, не предавались огласке в СМИ и поэтому стали нам известны благодаря архивам лишь сегодня. Рассмотрим некоторые из них на примере Хабаровского края. Так, протокол заседания бюро Хабаровского крайкома КПСС от 24 июля 1953 г. свидетельствует «О фактах грубого нарушения социалистической законности прокурором Бикинского района т. Барматовым и начальником Бикинского РОМ МВД т. Гончаровым» [11, Ф. 35. Оп. 43. Д. 63. С. 10–11], которые без всяких оснований арестовали и содержали свыше двух месяцев в тюрьме гражданина Домород.

Во многом нарушениям законности и дисциплины способствовало систематическое пьянство сотрудников. В частности, при проверке Камчатского областного управления милиции было выяснено, что «38 фактов проступков... имели место в результате пьянства сотрудников милиции... вследствие пьянства допущено 3 случая утраты оружия и 3 случая неосторожного обращения с ним» [4, Ф. 33. Оп. 7. Д. 83. С. 12]. Порой сотрудники милиции в состоянии опьянения теряли над

собой всякий контроль. В одной из итоговых справок приводиться следующий случай: «24 августа 1953 г. в рабочее время в опьяненном состоянии в форме сотрудника МВД спал в парке Хабаровского стадиона «Динамо» начальник 1-го ОМ г. Хабаровска майор Руденко, где был опознан гражданами, в результате чего утратил авторитет среди подчиненных и граждан района» [4, Ф. 33. Оп. 7. Д. 83. С. 14]. При этом пьянство являло собой лишь малую часть проблемы. На проходившем в 1955 г., в Хабаровском крае совещании работников УВД прокуратуры и суда особое внимание обратили на то, что ряд руководителей «не справляясь... с уголовной преступностью,... встали на путь укрытия от регистрации уголовных преступлений, незаконно отказывая в возбуждении уголовных дел...»⁴ [11, Ф. 35. Оп. 71. Д. 51. С. 164]. Проверка органов милиции, проводившаяся краевым следственным отделом, только по подразделениям милиции Комсомольска-на-Амуре выявила 150 материалов за 1954 г., по которым в возбуждении уголовного дела отказали [11, Ф. П. 513. Оп. 2. Д. 132. С. 11]. Созданная по данным фактам комиссия краевого УВД обнаружила в ряде органов милиции края за 1-е полугодие 1955 г. еще 128 случаев укрытия преступлений от регистрации [11, Ф. П. 513. Оп. 2. Д. 132. С. 36]. Несмотря на принимаемые меры это явление уже приобретало системный характер. В 1957 г. были установлены неоднократные случаи, особенно в крупных городах края, когда по заявлениям граждан отказывали в производстве расследования, даже при наличии явных признаков состава преступления. Например, по заявлению гражданина Куклина о краже у него велосипеда Сталинским районным отделом милиции (РОМ) г. Хабаровска в возбуждении дела отказали в связи с тем, что «...велосипед старый и не представляет материальной ценности...». По этой же причине отказали и гражданину Ян Хуа Тан по факту кражи у него из квартиры чемодана с вещами: «...вещи, находившиеся в чемодане, были поношенные...» [4, Ф. 35. Оп. 12. Д. 44. С. 70].

Если в одних случаях преступления укрывали от учета, то в других – наоборот задерживали граждан без всяких на то оснований. В 1956 г. в результате очередной проверки органов милиции Хабаровского края было выявлено 132 случая необоснованного задержания гражд-

⁴ По результатам совещания был практически полностью обновлен руководящий состав в краевом Управлении милиции, Управлении милиции ЕАО, Комсомольском горотделе, Бикинском, Лазовском РОМ.

дан, по которым 13 человек находились под стражей и 119 – под подпиской о невыезде [4, Ф. 33. Оп. 10. Д. 21. С. 16]. В следующем, 1957 г., было установлено 173 случая необоснованного составления протоколов на граждан за мелкое хулиганство [11, Ф. 35. Оп. 71. Д. 130. С. 336]. Как указывалось в одном из отчетов, «...отдельные учреждения милиции в погоне за показной активностью в борьбе с преступностью возбуждали уголовные дела, независимо от того, есть к этому основания или нет...», и поэтому, соответственно, имело место «необоснованное привлечение граждан к уголовной ответственности с предъявлением обвинения и избрания меры пресечения...» [4, Ф. 35. Оп. 12. Д. 44. С. 68]. Только за 9 месяцев 1956 г. было необоснованно привлечено к уголовной ответственности 86 человек, за аналогичный период 1957 г. – 44 человека [4, Ф. 35. Оп. 12. Д. 41. С. 36]. Во многом это объяснялось низкой квалификацией сотрудников, которые иной раз не могли верно оценить ситуацию. Очевидно, что именно вследствие этого в 1958 г. краевые органы милиции вынуждены были освободить из под стражи без привлечения к какой-либо ответственности 9 352 чел. [11, Ф. 35. Оп. 14. Д. 24. С. 80].

В 1957 г. на бюро Хабаровского крайкома КПСС рассматривалось еще более вопиющее нарушение, допущенное сотрудниками милиции. При проведении следствия по факту кражи, в отделении милиции Советской Гавани были задержаны несколько подозреваемых пятнадцати лет, к которым в целях получения признательных показаний применялись меры физического воздействия: «...избивали ремнями и кулаками...». Самое возмутительное, что, помимо проводивших таким способом «расследование» заместителя начальника 2-го отделения милиции А.А. Смиренникова и старшего оперуполномоченного И.А. Лапухина, в избиении принимал участие и начальник отделения И.Е. Москалев. Не получив признательных показаний, они попытались скрыть следы своих действий, растерев мокрым полотенцем места побоев и продержав задержанных 12 суток в КПЗ [11, Ф. 35. Оп. 71. Д. 89. С. 167–168]. По решению бюро всех троих «следователей» исключили из партии и уволили из органов внутренних дел.

Частота обращений граждан по всем вышеназванным недостаткам работы органов милиции вынудила краевую партийную организацию создать постоянно действующую «комиссию по социалистической законности и охране общественного порядка». Тем не менее, подоб-

ные негативные факты в работе милиции наблюдались и далее. Так в 1961 г. оперуполномоченный отдела уголовного розыска (ОУР) УВД лейтенант Строев уговорил подследственного Серикова взять на себя дополнительно 6 нераскрытых краж, за что обещал ему ускорить расследование дела [4, Ф. 35. Оп. 12. Д. 47. С. 74]. В 1962 г. заместитель начальника городского отдела милиции г. Комсомольска-на-Амуре Паршенко, начальник ОУР Корниенко, оперуполномоченный ОУР Управления охраны общественного порядка (УООП) Еврейского автономного округа (ЕАО) Дубинин, следователь краевого УООП Диденко в целях получения признательных показаний систематически давали арестованным вора-рецидивистам наркопрепараты, а затем допрашивали, заставляя их взять на себя несколько квартирных краж [4, Ф. 35. Оп. 90. Д. 328. С. 180].

Представленные примеры являли собой лишь вершину айсберга. Одним из косвенных свидетельств значительных масштабов нарушений в органах советской милиции может считаться факт наличия специальных форм отчетности существовавших в МВД РСФСР. Одно перечисление в отчете возможных нарушений и преступлений говорит само за себя: незаконный арест, незаконное задержание, незаконное применение оружия, фальсификация материалов, применение мер физического воздействия, укрытие преступлений от учета, прочие нарушения социалистической законности, хищение и растрата государственных средств, злоупотребления по службе, халатное отношение к службе, утрата оружия, хулиганство, пьянство и другие аморальные проступки, взяточничество. Данные таблицы № 1 составленные на основе таких специализированных форм, позволяют нам реально оценить кадровую ситуацию, складывавшуюся в советской милиции.

Таблица 1.

Сводный статистический отчет о количестве начальствующего и рядового состава привлеченного к дисциплинарной ответственности за 1962 г. [12]

	УООП Приморского края		УООП Хабаровского края		МООП РСФСР	
	нач. сост.	ряд. сост.	нач. сост.	ряд. сост.	нач. сост.	ряд. сост.
Незаконный арест	3	7	—	—	61	1
Незаконное задержание	—	—	1	—	170/1	33
Незаконное применение оружия	—	—	1	—	11/4	8/4

Фальсификация материалов	4	—	4	1	103/1	9
Применение мер физического воздействия	2	11/2	1	1	117/21	100/35
Укрытие преступления от учета	—	—	—	—	—	—
Прочие нарушение социалистической законности	10	4	4	—	595/1	96/1
Убийства и ранения граждан	0/1	—	—	0/1	13/28	10/30
Хищение и растрата гос.средств	—	1/1	—	0/1	19/7	30/14
Злоупотребление по службе	16	4	4	1	476/6	184/3
Халатное отношение к службе	125	58	27	16	4351/4	1293/2
Утрата оружия	3	—	—	1	42/1	19/1
Хулиганство	—	1	—	—	21/10	39/20
Прочие прест. и проступки	36/2	51/2	16	8	2698/36	2442/49
Пьянство и другие аморальные проступки	36	69	25	35	2447	4592
Самоубийство	—	—	—	—	41	53
Взяточничество	—	0/1	—	—	19/49	19/13
Всего	236	207	283	65	11261	8971
Уволено	32	88	11	13	112	144
Осуждено	3	6	0	2	1275	2425

Примечание: /- из них привлечено к уголовной ответственности; за рукоприкладство и нанесение гражданам телесных повреждений в 1962 г. привлечено к уголовной ответственности 58 сотрудников милиции [9, Ф. 35. Оп. 1. Д. 26. С. 210].

Из представленных данных следует, что только за один 1962 г. совершили различные проступки и преступления более 20 тыс. сотрудников милиции (12,5% от общей численности) из них 3700 (около 2%)⁵ [9, Ф. 35. Оп. 1. Д. 15. С. 5] было осуждено в административном и уголовном порядке. В 1966 г. по органам милиции РСФСР было привлечено к дисциплинарной ответственности по вышеперечисленным позициям уже более 25 тыс. сотрудников [9, Ф. 35. Оп. 1. Д. 192. С. 1].

Сравним эти цифры с ситуацией 2009–2010 гг. К сожалению точных данных, о численности милиции накануне реформы 2011–2012 гг. в открытом доступе нет, поэтому воспользуемся данными официально оз-

⁵ Численность сотрудников милиции в 1963 г. составляла 159 589 чел.

вученными в Указе Президента России В.В.Путина «Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации» [13]. Согласно Указу «В целях совершенствования деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации» с 1 января 2006 г. устанавливалась предельная штатная численность органов внутренних дел Российской Федерации, финансируемая за счет средств федерального бюджета, в количестве 821 268 единиц, в том числе сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации – 661 275 единиц, федеральных государственных гражданских служащих и работников – 159 993 единиц». Таким образом, 5 180 преступлений совершенных сотрудниками в 2007 г. в процентном измерении составило лишь 0.7% от общей численности сотрудников милиции России против 2% в 1962 г.

Если рассмотреть общее число нарушений, в том числе должностных инструкций, дисциплинарных проступков, преступлений, которые в органах милиции России, по мнению некоторых средств массовой информации, в 2009 г. составило порядка 100 тысяч (15%) [14] то всё же это сравнимо с данными за советское время (12,5%). При этом в годы советской власти, отношение со стороны населения к органам милиции было скорее позитивным, чем негативным.

Очевидно, что общественное мнение о состоянии дел в милиции связано в большей мере не с количеством нарушений со стороны сотрудников, а с тем как, и в каком виде это представлялось, комментировалось в СМИ.

Как ни парадоксально это звучит, но стоит порадоваться за произошедшие с 1991 г. перемены в милиции, МВД, и обществе. Те претензии к органам правопорядка, которые ныне предъявляет общественность, объективно свидетельствуют не об ухудшении положения дел (в сравнении с прежними временами), а об улучшении деятельности общественных организаций и росте открытости органов правопорядка, а стало быть, о расширении процесса демократизации нашей страны, когда проступки, нарушения законности, преступления сотрудников властных структур не скрываются, а предаются огласке и выносятся на всенародное обсуждение.

Список литературы

1. Из выступления министра внутренних дел Р.Г. Нургалиева – Российская газета № 4952 от 15 июля 2009 г.

2. Российская газета № 4980 от 21 августа 2009 г.
3. Российская газета № 5074 от 25 декабря 2009 г.
4. Архив УМВД России по Хабаровскому краю – АУМВД России по ХК.
5. Государственный архив Российской Федерации – ГАРФ.
6. Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М. 2006.
7. Ковалева Е.М. Организационно-правовые основы деятельности Советской милиции по борьбе с преступностью в послевоенный период... дис...канд. юрид. наук. М., 2002. С. 205.
8. Стат. сборник 1989. Преступность и правонарушения в СССР. М., 1990. С. 10.
9. Центральный архив (ЦА) МВД РФ.
10. Министерство внутренних дел 1902–2002. Под. ред. Р.Г. Нургалиева. М. 2004. С. 420.
11. Государственный архив Хабаровского края – ГАХК.
12. Таблица составлена автором по данным – УООП Приморского края – ЦА МВД РФ. Ф. 35. Оп. 1 Д. 26. С. 46. УООП Хабаровского края – ЦА МВД РФ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 26. С. 50. МООП РСФСР – ЦА МВД РФ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 26. С. 204.
13. От 31 октября 2005 г. № 1246. <http://archive.kremlin.ru/text/psmes/2005/11/96642.Shtml> (дата обращения 27.10.2010).
14. <http://www.bbc.co.uk> (дата обращения 11.10.2010).

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИЗГОИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗМЕЩЕНИЯ ДОНСКОГО И КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ЗАРУБЕЖЬЕ

Ерохин И.Ю.

Кройдон Колледж, Лондон, Великобритания

Интерес к истории казачества в современном обществе весьма очевиден. Зарубежное казачество далеко от родной земли унаследовало и бережно сохранило традиции государственного служения России.

Ключевые слова: казаки, Дон, Кубань, казачество, сословие, этнос, культура, государство.

ROGUE STATE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DISTRIBUTION OF THE DON AND KUBAN COSSACKS IN FOREIGN COUNTRIES

Erokhin I.Ur.

Croydon College, London, U.K.

Interest in the history of the Cossacks in today's society is very obvious. Foreign Cossacks integrated and carefully preserved the tradition of public service to Russia.

Keywords: Cossacks, Don, Kuban, class, ethnicity, culture, state.

Основную массу казаков-эмигрантов дала «крымская» эвакуация. Согласно большинству источников, из Крыма выехали более 28,5 тысяч донцов. Из них 22 тысячи входили в состав Русской армии генерала П.Н. Врангеля и около 6,5 тысяч являлись гражданскими лицами [1, с. 21]. Кубанцы покинули Крымский полуостров в количестве 16–18 тысяч человек [2, с. 164].

Более 18 тысяч строевых донцов и 1880 гражданских беженцев расположились в Чаталджинском районе (Турция). Часть донцов (3–3,5 тысячи человек) из состава Русской армии разместились в декабре 1920 г. на острове Лемнос. Кроме того, с Константинопольского рейда донские казаки (около 1 тысячи) были направлены в лагерь Требинье (Сербия) [3, с. 160].

Расселение гражданских беженцев-казаков проследить гораздо труднее, так как в большинстве своем они учитывались в общей массе русских беженцев, и отдельных статистических сведений по ним нет. Из отчета донского правительства видно, что около 1200 донцов в декабре 1920 г. были отправлены в Каттаро (Сербия) [2, с. 170]. В одном из лагерей Турции – Сан-Стефано – разместились более 1100 донцов [4, с. 24]. Кроме того, 1730 донцов прибыли 12 декабря 1920 г. в Болгарию на пароходе «Трувор» [2, с. 171]. Около 1 тысячи донских казаков были размещены в Греции в лагере для гражданских беженцев (Салоники) [5, с. 56].

Рассматривая вопрос о численности зарубежного казачества, нельзя оставить без внимания проблему репатриации казаков. Возвращение эмигрантов на родину можно условно разделить на 5 этапов (периодов).

Для первого характерна неорганизованная (стихийная) реэмиграция. Особенно ярко она проявилась среди беженцев из Крыма. Крымская эвакуация захватила и тех, кто вполне мог остаться, не опасаясь репрессий со стороны большевиков. Однако, поддавшись общему настроению, эти лица погрузились на корабли и вместе со всеми покинули берега родины. Многие из них уже в море осознали ошибочность своего поступка. Высадившись в Константинополе и других портах Балканского полуострова, они сразу же стали искать возможность вернуться в Россию. По-видимому, в большинстве своем это были либо жители Крыма и близлежащих районов, либо одиночки, не связанные ни с армией, ни с другими беженцами. Нахождение среди них казаков, скрепленных станичными и фронтовыми узами, довольно гипотетично. Однако в начале 1921 г. стихийная реэвакуация охватила и их. Правда, она уже не являлась определяющим фактором в возвращении эмигрантов на родину. С этого времени начинается период реэвакуации, организованный французскими властями. Если для стихийной реэмиграции характерны самостоятельные попытки достичь родных краев сухопут-

ным или морским путями с помощью рыбаков и контрабандистов, то для организованной реэвакуации – официальное возвращение на родину относительно большими партиями репатриантов.

Переходным моментом от неорганизованной (стихийной) к организованной (официальной) реэмиграции можно считать конец 1920 – начало 1921 г., когда группа казаков, которых перевозили с чатаджинских лагерей на Лемнос, отказалась высаживаться на острове. Этому предшествовало столкновение с французами во время посадки на пароход, а затем попытка самосуда казаков над генералом Рубашкиным и рядом других офицеров, считавшихся в рядовой казацкой массе инициаторами переезда на «остров смерти». По прибытии на Лемнос большинство казаков отказались сойти на берег и предъявили французскому командованию требование об отправке их на родину. Во избежание конфликта французы вынуждены были оказать содействие переезду всех желающих в Новороссийск [6, с. 68]. Согласно же версии генерала П.Н. Врангеля, которую он изложил в своем письме верховному комиссару Франции, «На пароходах, везущих донских казаков на Лемнос, велась открытая агитация. Казаков убеждали не верить своему командному составу, не верить офицерам, которые их обманывают и скрывают горькую правду. Все де уже кончено, как в России, так и здесь. На Лемносе их ждет голодная смерть».

Нельзя упускать из вида и субъективную сторону процесса репатриации. Среди казаков, ушедших за границу, было немало пожилых людей, женщин и детей, оказавшихся оторванными от своих семей, оставшихся на родине. Таким образом, целый комплекс причин способствовал успеху французской агитации за выезд казаков на родину. В результате этого в феврале 1921 г. в Россию вернулись около 4,5 тысяч казаков, в марте – более 5,5 тысяч. Впоследствии чтобы как-то смягчить сведения о репрессиях над вернувшимися на родину казаками последним предлагалось ехать в Батум для работы на нефтяных промыслах. По окончании двухлетнего контракта им обещалась полная амнистия по возвращении в родные края. За лето 1921 г. в Батум уехали еще около 2 тысяч казаков. Всего в 1921 г. в Россию вернулись только с Лемноса и Турции около 8891 донца и 3270 кубанцев [6, с. 69].

Наряду с этими организованными отправками по-прежнему продолжались тайные, большей частью мелкими группами, попытки возвращения на родину. Количество выехавших с помощью рыбаков, кон-

трабандистов и нелегально перешедших границу установить по вполне понятным причинам невозможно, К тому же многие из этих «нелегалов» погибали в пути.

К августу 1921 г. французский период в деле репатриации казаков заканчивается. Французское правительство, отягощенное материальными заботами о беженцах, решило привлечь к участию в расходах по их содержанию другие государства. Еще 7 мая 1921 г. представитель Франции в Лиге Наций поднимал вопрос об избрании верховного комиссара по делам русских беженцев. Ранее этот же вопрос затрагивал представитель Международного Красного Креста (МКК). В своем обращении к Лиге Наций от 20 февраля 1921 г. он определил основные задачи верховного комиссара по делам русских беженцев. По мнению Международного Красного Креста верховный комиссар был обязан:

1) обеспечить правовое положение беженцев; 2) помочь им найти работу за границей или оказать содействие в возвращении в Россию.

Всего при помощи Совнарода из Болгарии выехали около 5 тысяч донцов и более 1300 кубанцев. Интересно отметить, что если донцов в 1922–1923 гг. выезжало примерно равное количество (по 2,5 тысячи казаков), то у кубанцев выехало соответственно 200 и 1100 человек. Это можно объяснить тем, что многие кубанцы расположились в Королевстве Сербии, Хорватии и Словении, и им требовалось время, чтобы «правдами и неправдами» добраться до Софии или Варны.

После ликвидации Совнарода по распоряжению болгарского правительства в течении июня были высланы в Советскую Россию из Болгарии около 1300 донцов и некоторое количество кубанцев как состоявших в этой организации. Впоследствии с июля 1923 г. по октябрь 1924 г. неофициально из Болгарии выехали еще около 600 казаков. Реэмиграция продолжалась и после 1923–1924 гг. через советские полпредства в Афинах, Вене и Константинополе или самостоятельным путем (в основном на рыбацких лодках). Таким образом, с июня 1923 г. начался новый этап в процессе реэмиграции (условно его можно назвать полуправильным). Всего за пять последующих лет таким порядком выехали более 3 тысяч донцов и примерно 1,5 тысячи кубанцев [7, с. 47]. Выезжать казаки продолжали и после 1928 г., но это были уже одиночки, не менявшие общей картины численности казачьей диаспоры.

Таким образом, к 1929 г. за границей находились не более 14,5 тысяч донцов и около 11 тысяч кубанцев. Некоторое количество казаков

за это время умерли в изгнании от старости, болезней и несчастных случаев. Однако число казаков, выехавших из Советской России за границу, чтобы воссоединиться со своими семьями, и количество родившихся в эмиграции примерно уравнивают число умерших. Исходя из этого, можно считать, что картина численности казачьей диаспоры существенно не изменилась. Менялась только география расселения казаков. Так, казаки постепенно образовали два лагеря: Кубанский на полуострове Калоераки и Донской с терцами и астраханцами в районе г. Мудрос. Вскоре был образован так называемый беженский лагерь. В нем концентрировались лица, вышедшие из состава Русской армии. Численность лагеря гражданских беженцев постепенно росла за счет сокращения количества лиц, оставшихся в военных лагерях. Этому в немалой степени способствовала политика французов, а также казарменная обстановка воинских частей. Все лагеря были окружены двойным кольцом постов, за которые никто не выпускался без разрешения французских властей, введших запрет на свободное перемещение по острову. Казаки, правда, частенько обходили французские посты и проникали в город и близлежащие деревни.

Список литературы

1. Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар, 1997.
2. Смирнов А.А. Казачьи атаманы. М., 2002.
3. Лагунов К. Двадцать первый // Урал, 1989. № 5.
4. Сибирская Вандея. Россия XX век: документы / Ред. А.Н. Яковлева. М., 2000.
5. Калинин И.М. Под знаменем Врангеля. Ростов-на-Дону, 1991.
6. Русская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе в 20-х годах / Герасимова С.И., Голотик С.И., Пивоваров Е.И. М., 1994.
7. Тухачевский М.И. Поход за Вислу / Война 1920 года. М., 1992.

**ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЙНОГО
АППАРАТА КОМИ ОБЛАСТНОЙ ПАРТИЙНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ КОМИ ОБЛАСТНЫХ
ПАРТИЙНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ)**

Киросова Н.В.

Коми республиканская академия государственной службы
и управления г. Сыктывкар, Россия

В статье рассмотрены некоторые направления формирования партийного аппарата. Исследуются проблемы выдвижения, подбора и расстановки кадров на важнейшие участки партийной работы для местных комитетов РКП(б) на примере Коми областной партийной организации. Представляет интерес обсуждение делегатами Коми областных партийных конференций процесса формирования партийного аппарата в начале 1920-х гг.

Ключевые слова: история Республики Коми, Коми областная партийная организация, партийные конференции, кадровая политика, партийные работники, партийный аппарат, выдвижение кадров, подбор кадров, расстановка кадров.

**FORMATION OF THE PARTY APPARATUS
OF THE KOMI REGIONAL PARTY ORGANIZATION
AT THE BEGINNING OF 1920S (ON THE MATERIALS
OF THE KOMI REGIONAL PARTY CONFERENCES)**

Kirosova N.V.

Komi republican academy of state service and administration,
Syktyvkar, Russia

In the article some directions of formation of the party apparatus are viewed. In the article we research the problems of nomination, recruitment and arrange-

ment of the personnel to the important places of the party work for the local committees of the Russian Communist Party. The analysis of the discussions by the delegates of the Komi regional party conferences of the process of formation of the party apparatus at the beginning of 1920s is of particular interest.

Keywords: *history of Komi Republican, Komi regional party organization, party conferences, personal policy, party officials, party apparatus, personnel nomination, staff recruitment, personnel arrangement.*

Одной из наиболее важных задач партийного строительства для пришедших к власти в 1917 г. большевиков стала задача формирования партийного аппарата не только для ЦК РКП(б), но и для местных партийных организаций. Она решалась, в том числе, путём проведения систематической работы по учёту кадров, что в конечном итоге привело к формированию партийной номенклатуры. На наш взгляд, особый интерес представляет изучение проблем формирования партийных аппаратов местных партийных организаций в первой половине 1920-х гг., поскольку, по мнению некоторых исследователей (О.Г. Назаров, Г.Л. Олех, Е.Г. Гимпельсон и др.), именно в этот период в РКП(б) сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, на местах катастрофически не хватало партийных руководителей, а с другой – лидеры РКП(б) были обеспокоены её быстрым численным ростом.

Вопросам выдвижения, подбора и расстановки партийных кадров (собственно формированию партийной номенклатуры) посвящено значительное число публикаций. Однако проведённый историографический анализ позволяет сделать вывод, что таких обобщающих исследований по Республике Коми нет. Вместе с тем изучение архивных материалов даёт нам основание полагать, что выдвижение, подбор и расстановка партийных кадров, являясь неотъемлемыми направлениями кадровой политики, ставились как неотложная задача для Коми областной партийной организации и постоянно обсуждались, например, на Коми областных партийных конференциях, проходивших в указанный период. Проблемы формирования партийного аппарата Коми областной партийной организации и стали объектом нашего исследования.

Коми областная партийная организация была официально оформлена в январе 1921 г. на I Всезырянском съезде коммунистов. Организационная структура Коми областного комитета партии соответствовала инструкции ЦК РКП(б) и включала, в том числе, организационно-инструкторский,

агитационно-пропагандистский и учётно-распределительный отделы. Несмотря на то, что эти отделы были призваны в той или иной мере осуществлять кадровую политику, сразу заняться планомерной работой по выдвижению, подбору и расстановке партийных кадров на наиболее ответственные участки партийной работы не представлялось возможным. Во-первых, Коми автономную область ещё не была территориально оформлена; во-вторых, в срочном порядке проводился учёт партийных кадров (первые коммунисты в Коми появились ещё в 1918 г.); в-третьих, отсутствие дорог и значительная территориальная протяжённость между уездами и центром области не позволяли наладить систематическую связь с местными партийными организациями. Таким образом, формирование партийного аппарата отчасти было пущено на самотёк.

Поставленная же на X съезде РКП(б) задача выдвижения и распределения партийных кадров «под углом зрения деловой целесообразности» [1, с. 212] требовала принятия адекватных решений. Но, как заявил на III Коми областной партийной конференции (сентябрь 1922 г.) секретарь обкома М.П. Минин, «слабость аппаратов парткомов, как в Области, так и на местах не давали возможность развернуть партийную работу до должных размеров... Аппарат Орготдела, Агитпропа качественно и количественно слабы» [2, л. 7 об.]. Действительно, при решении кадровых вопросов Коми областная партийная организация столкнулась с серьёзными проблемами: с низким образовательным уровнем коммунистов, с повсеместно распространённым пьянством (на областные конференции периодически представлялась информация о количестве исключённых из партии), с так называемыми «внутрипартийными склоками», связанными в основном с борьбой за лидерство (в начале 1920-х гг. в прениях делегаты постоянно затрагивали эту тему, а например в 1927 г., на VIII Коми областной партийной конференции, этот вопрос вообще стоял отдельно в повестке дня), с тяжёлым материально-бытовым положением членов партии и др. Тем не менее были разработаны планы работы отделов обкома партии, установлена связь с уездными партийными комитетами, а к ячейкам прикреплены ответственные работники. Несмотря на предпринятые попытки, конференция в своей резолюции обязала будущий состав обкома «провести усиленную работу по качественному укреплению партийных аппаратов сверху до низу», а также «провести освежение и усиление работы на местах, путем перегруппировки активных членов и плановой переброской на места областных работников.

Принимая во внимание недостаток сил в области, привлечь подготовленных работников извне, через ЦК РКП» [3, л. 19 об]. Подобные рокировки, по сути, не решали проблему, поскольку как минимум в области не была налажена работа по учёту партийных кадров. Кроме того, секретари уездных комитетов зачастую не понимали поставленных перед ними задач и просили конкретных разъяснений.

Основываясь на директивах высших партийных органов, обком всё же старался наладить работу по формированию партийного аппарата на местах. Так, уже в марте 1923 г. заведующий орготделом Я.Ф. Потапов докладывал делегатам IV Коми областной партийной конференции о проведённых мероприятиях. Отделом был выработан план работы по следующим направлениям: «1. Подбор, укомплектование и укрепление соответствующим кадром инструкторов... 2. Полное и всестороннее изучение Областной организации в целом, качественный учет и выявление всего состава кадра ответственных работников в Области и Уездах...» [4, л. 12 об]. Кроме того, за отчётный период были проведены уездные партийные конференции, на которых по плану обкома «надлежало укрепить руководящие органы» [5, л. 13 об]. В результате, в каждый уезд были направлены наиболее опытные коммунисты, которых по решению обкома избрали секретарями укомов. Также были «сконструированы» руководящие органы уездных комитетов: секретарь, заведующие орготделом и агитотделом, а в некоторых случаях – заведующие женотделом и секретарь укома комсомола. Таким образом, был сделан вывод, что партийные аппараты сформированы и «руководящие ядра Укомов обеспечены вполне» [6, л. 13 об].

В целях упорядочения работы по формированию партийных аппаратов, как обкома, так и укомов, в план работы орготдела обкома партии была включена организация в ближайшее время совещаний секретарей укомов и секретарей наиболее крупных ячеек, а также волостных руководителей. Но данные мероприятия из-за отсутствия финансовых средств не были осуществлены в полной мере. Секретарь обкома А.М. Чирков в докладе на V Коми областной партийной конференции (март 1924 г.) отметил, что были проведены лишь курсы-съезды для секретарей волостных ячеек. Докладчик констатировал, что с укомами в основном велась переписка, при этом наиболее остро проблема взаимодействия стояла с Ижмо-Печорским укомом как самым территориально отдалённым от областного центра.

В прениях по докладу обкома делегаты признали, что наиболее сильным с точки зрения выдвижения, подбора и расстановки кадров являл-

ся агитационно-пропагандистский отдел (что, собственно, не вызывает удивление). В резолюции конференции по вопросам партийного строительства была поставлена задача продолжить подбор и направление активных коммунистов на важнейшие участки партийной работы.

Таким образом, формирование партийного аппарата Коми областной партийной организации в начале 1920-х гг. было сопряжено с определёнными трудностями. Шёл процесс становления государственности Коми автономии, который сопровождался частыми изменениями в административно-территориальном делении. Кроме того, необходимо было сформировать органы государственной власти. Это, на наш взгляд, не позволяло в полной мере заняться вопросами партийного строительства. В результате уездные комитеты партии как самостоятельные структуры, исполняющие организационно-распорядительные функции, оформились только к 1923 г. Выдвижение, подбор и расстановка кадров сводились лишь к постоянным переброскам с места на место наиболее активных коммунистов. Отсутствовала и система учёта партийных кадров. Низкий образовательный уровень коммунистов не способствовал восприятию директивных указаний, а отсутствие финансовых средств не позволяло систематически организовывать совещания или выезжать на места для необходимых разъяснений. Однако, являясь высшим партийным органом, делегаты Коми областных партийных конференций стремились к упорядочению процессов формирования партийного аппарата и задавали векторы партийного строительства в регионе.

В статье мы рассмотрели лишь некоторые направления формирования партийного аппарата Коми областной партийной организации. Безусловно, эта тема требует дальнейшего комплексного исследования и введения в научный оборот имеющихся архивных документов.

Список литературы

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1924. 8-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1970.
2. Национальный архив Республики Коми. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 16.
3. Там же.
4. Там же . Д. 30.
5. Там же.
6. Там же.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ 1920–1930-е гг.: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Кожемяко Т.Н.

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Статья посвящена анализу взаимоотношений советской власти и крестьянства Северного Кавказа в период реализации политики советской модернизации. На основе архивных документов автор показывает разницу в восприятии центральной и местной власти, говорит о причинах дихотомии крестьянского сознания. Отношение сельских тружеников к советской власти как таковой варьировалось от ее полного принятия и одобрения до полного отторжения. Такая позиция крестьян определялась, прежде всего, тем, насколько существующий строй позволял выжить их хозяйству.

Ключевые слова: советская власть, крестьянство, Северный Кавказ, общественное сознание.

SOVIET POWER AND THE PEASANTRY OF NORTH CAUCASUS IN THE LATE 1920–1930's: ESPECIALLY OF RELATIONS

Kozhemyako T.N.

North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia

This article analyzes relations between Soviet power and the peasantry of North Caucasus in the period of the Soviet modernization. Based on archiv documents, author shows the difference in the perception of central and local authorities and says about the reasons for the dichotomy of peasantry consciousness. Relations between peasantry and Soviet power varied from its full acceptance and approval to complete rejection. This position of the peasants was primarily determined by how the existing system allowed them to survive their economy.

Keywords: Soviet power, peasantry, North Caucasus, social conscience.

В соответствии с современными научными представлениями взаимоотношения власти и общества не могут быть произвольно заданы и осуществляются лишь в определенном социально-политическом и культурном контексте. Период с 1917 до середины 1930-х гг. в Советском государстве стал временем небывалых социальных потрясений, повлиявших на многие сферы жизни общества, в том числе и на восприятие власти в общественном сознании населения Северного Кавказа. Целью работы является изучение проблемы взаимоотношения власти и общества на примере крестьянского населения региона в период советской модернизации.

В сравнении с другими регионами Советского Союза особенность Северного Кавказа состояла в том, что это был аграрный регион, где основную массу населения составляло крестьянство. В соответствии с этим взаимоотношения власти и общества в большей степени несли на себе отпечаток ментальных и социокультурных характеристик, присущих именно крестьянству.

Первое, что нужно отметить, характеризуя взаимоотношения власти и крестьянского населения, это дихотомия восприятия центральной и местной власти. Как отмечал в 1925 г. будущий нарком земледелия и заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК Я.А. Яковлев, в сознании крестьян «от Калинина, Троцкого, Рыкова до волисполкома – огромный разрыв, зияющая пустота» [9, с. 141–142].

В картине мира жителей региона образ центральной власти в лице Ленина, Сталина и других членов Политбюро (М.И. Калинина, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова) олицетворял доверие, честность и справедливость. Вырезанные из газет и журналов «вождей» были очень распространены среди простых людей. Во многих домах их часто вывешивали рядом с иконами и семейными портретами. Возможно, здесь проявлялись некоторые особенности русского национального характера, русской политической культуры, а именно ее патриархальность.

При этом, несмотря на положительный образ центральной власти, отношение к Советской власти как таковой в картине мира крестьянского населения Северного Кавказа зачастую было наполнено негативом. Природа массовых настроений, как правило, определялась расхождением двух факторов: притязаний (ожиданий) людей, связанных общими для значительного множества массовыми потребностями и интересами, с одной стороны, и реальных условий жизни – с другой.

Мероприятия большевиков по коллективизации села и связанные с этим массовые реквизиции, обыски, происки врагов приводили к росту социальной напряженности в деревне, противопоставлению интересов крестьянства различных категорий и государства в целом. Недовольство Советской властью выражалось по-разному: в саботаже мероприятий советской власти, в массовой ликвидации своего скота единоличниками при вступлении в колхоз, порче и поджогах колхозного имущества, бегстве в другие районы.

«Надоела эта власть, хлеб забирает, а взамен ничего не дает», – кричали крестьяне села Радьки Медвеженского района 1929 году в связи с очередными хлебозаготовками» [5, с. 119]. Годом позднее на собрании в селе Безопасном отношение крестьян к власти выразилось в следующих словах: «Куда ведет Советская власть, за что воевали, за эти хлебозаготовки – провались она, Советская власть!»; «Власть наша еврейская, – продолжали крестьяне. – Надо бойкотировать советскую власть до тех пор, пока не будет товаров» [2].

Подобным негативом для большинства жителей региона образ местной власти был окрашен и в последующие годы. В 1934 году один из крестьян Благодарненского района Панарин Л.И. (40 лет.) выражал свое отношение к власти такими словами: «Я на своих плечах принес эту власть. Я воевал за свободу и свободную жизнь, за землю, волю и народное право, а получилось иначе, рабство. Я бы сейчас на обоих плечах вынес эту власть обратно, если бы мог» [7].

Однако несмотря ни на что, образ власти в картине мира крестьянского населения Северного Кавказа был далеко не однозначен. Среди крестьян региона имелось немало и сторонников новой власти, заявлявших, что они «за Советскую власть дрались и будут драться» [5, с. 127]. Прежде всего, это были представители бедноты, которые до прихода большевиков занимали маргинальные позиции в обществе. В новом же государстве эти пролетарские и полупролетарские слои стали главной опорой Советской власти на селе. Бедняцко-батрацкие элементы превратились в ту группу, из которой в колхозах формировался новый аппарат управления. В многочисленных инструкциях властей указывалось, что «раскулачивание должно проводиться с участием бедноты». Этот союз был выгоден как самой власти, которая таким образом обретала надежную опору в деревне, так и ее беднейшим слоям. В новой политической обстановке жизнь многих из них действительно изменилась в лучшую сторону.

Так, крестьянка Сыщикова из села Нины искренне говорила: «Мой муж все время жил в батраках, голодал и холодал, сидел на редьке с квасом, такой жизни мы не хотим, только в колхозе мы можем улучшить свою жизнь» [3]. Ее семья, как и многие другие семьи ставропольских колхозников, грядущие перемены на селе принимала и поддерживала, являясь ярой сторонницей коллективной формы организации труда. «Сейчас я в колхозе уже заработала 50 рублей, а у кулаков я бы этого не заработала никогда», [4] – заявляла колхозница из Воронцово-Александровского района. Для многих крестьян в колхозах действительно начиналась новая лучшая жизнь, за что они были благодарны советской власти, в том числе и ее представителям на местах. Средняки относились к Советской власти с большим недоверием, поскольку самой этой властью понимались как «мелкобуржуазные», колеблющиеся слои, а значит и ненадежные союзники. Кулак явно отдавал предпочтение не конфронтации с властью, а приспособлению к ней.

Главные же народные представления о власти в картине мира советского населения формировались на основе впечатлений от ежедневного взаимодействия с местной администрацией. При этом большинство руководителей местных органов власти назначались на должности вышестоящими партийными комитетами и являлись пришлыми по отношению к местному населению. Сам стиль жизни местных начальников ассоциировался с их полной оторванностью от нужд и забот сельских тружеников. Ставропольские крестьяне описывают в письме на имя Калинина характерный образ сельских активистов, «которые понимают только одну сторону, как бы получать и брать от вас пособие, а также получать жалованьице на легцах, портфель подмышку и барин. А там хоть травушка не расти, потому что служит в чужом селе [1].

Советское государство, провозглашавшееся государством рабочих и крестьян, на деле таковым не являлось. Распределение благ в пользу партийной номенклатуры лишь усиливало недовольство ставропольского населения властью. Колхозники именовали колхозных управленцев «красными помещиками», а их жен – «колхозными барынями», утверждали, что «работаем все на пана коммуниста» [6].

Формированию негативного образа местной власти в картине мира ставропольских сельских тружеников способствовали многочисленные злоупотребления властью, как то: использование колхозной собственности в целях личного обогащения, применение насилия по отношению к крестьянству, пьянство.

Возможно, правы те исследователи, которые причины таких злоупотреблений власти на селе видят в том, что с приходом новой власти в селе произошел небывалый переворот, в результате которого наверх вынесло худших [8, с. 501].

И все же, характеризуя образ местной власти в картине мира сельского жителя Ставрополя, необходимо отметить, что, безусловно, на селе были и такие руководители, которые пользовались авторитетом и уважением колхозников. Как правило, это были те, кто честно жили и трудились на глазах у односельчан.

Таким образом, вождистские и харизматические компоненты политической культуры населения персонифицировали образ центральной власти в фигуры конкретных высших руководителей партии и государства, к которым жители локального сообщества относились с почтением и уважением. Отношение же жителей региона к Советской власти как таковой зачастую было наполнено негативом. Крестьяне были довольны властью, когда шел дележ частновладельческих земель, но массовые реквизиции продотрядов, неравномерность распределения продуктов между городом и деревней, вызывали массовое недовольство Советской властью, как властью городской и далекой от нужд деревни. Некомпетентность, произвол и злоупотребления местных начальников способствовали дихотомии в восприятии крестьянами центральной и местной власти.

Материал подготовлен в рамках реализации проекта Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Соглашение № 14.В37.21.0694.

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 61. Д. 223. Л. 18.
2. ГАСК. Ф. 239. Оп. 2. Д. 149. Л. 102–103.
3. ГАСК. Ф. 299. Оп. 1. Д. 1642. Л. 141.
4. ГАСК. Ф. 299. Оп. 1. Д. 1398. Л. 57.
5. Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. СПб., 2000.
6. РГАСПИ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 22. Л. 120.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 118. Л. 85.
8. Стреляный А.И. Без патронов // Судьбы российского крестьянства. М., 1995.
9. Яковлев Я.А. Наша деревня. М., 1925.

К ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ ТЕЛЕФОННЫХ СЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Кочергин И.Г.

Курская академия государственной и муниципальной службы,
Курск, Россия

В данной статье рассмотрено развитие телефонной сети в контексте глобализации. Автор показывает, что именно развитость телефонной сети послужило основным фактором становления информационно-коммуникационной среды в 90-ые годы XX века.

Ключевые слова: телефонная сеть, телефонизация, глобализация повседневной социальной жизни, российское общество.

TO THE HISTORICAL ROLE OF TELEPHONE NETWORKS IN THE COURSE OF GLOBALIZATION

Kochergin I.G.

Kursk Academy of the public and municipal service, Kursk, Russia

The development of the Russian telephone network in a context of globalization is considered in this article. The author shows what exactly development of a telephone network served as a major factor of formation of the information and communication environment in the 90th years of the XX century.

Keywords: telephone network, installation of telephones, globalization of everyday social life, Russian society

В качестве одного из основных факторов глобализации называется процесс становления информационно-коммуникационной среды [3]. Инфраструктура информационно-коммуникационной среды есть совокупность информационных технологий и телекоммуникационных сетей. Телекоммуникационные сети как самостоятельное понятие возникли лишь в середине XX в. Сети передачи информации совершили

колоссальный скачок от телеграфных и телефонных сетей конца XIX века к интегральным цифровым сетям передачи всех видов информации. Однако, при этом не в полной мере отдается должное внимание роли телеграфных и телефонных сетей в становлении информационно-коммуникационной среды. Цель данной работы – определить роль процесса развития телефонных сетей в расширении численности и географии людей, вовлеченных в жизнь глобального общества, определить технико-технологические условия превращения телефонной сети в глобальную телекоммуникационную сеть.

9 октября 1876 Александр Грэхам Белл организовал первые телефонные переговоры по телеграфным проводам. Спустя всего лишь два года после изобретения телефона, в США уже была введена в строй первая в мире городская телефонная станция общего пользования. Постройка первой в Европе телефонной линии в 2 километра началась в 1877 г. в Берлине, а первой телефонной станции в 1879 г. в Париже. К концу 1880 г. в большей части крупных городов Северной Америки и Европы уже существовали телефонные станции общего пользования. Но если задействованная емкость европейских исчислялась сотнями (в июле 1880 году Лондонская телефонная сеть имела 609 абонентов), то за океанских – тысячами номеров (в середине 1881 года Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Чикаго уже имели более 3 тыс. абонентов).

Россия на начальном этапе телефонизации отставала от США и Западной Европы. Первый городской телефон появился в Нижнем Новгороде в июне 1881 года – телефонная линия, протяженностью в одну версту, соединила пристань и городские квартиры директоров пароходного общества «Дружина» [7, с. 113].

В 1881 г. как отдельные предприниматели, так и целые товарищества направляли Министерство внутренних дел, которое ведало телеграфным сообщением, прошения о предоставлении им концессий на строительство и эксплуатацию телефонной сети в России, в том числе и в Москве [7, с. 9]. В ответ со стороны правительства стали предприниматься действенные меры по телефонизации. 25 сентября 1881 года были утверждены «Основные условия устройства и эксплуатации городских телефонных сообщений в России», а первый контракт был заключен 1 ноября 1881 года между Министерством внутренних дел и частным предпринимателем В.О. фон-Барановым. Однако последний был свои права Международной компании телефонов Белла, что сде-

лало её на 20 лет монополистом в эксплуатации телефонных станций в крупных российских городах. По окончании срока концессии (1901 год) Петербургская сеть обслуживала 3 800 тыс. абонентов, Московская – 2 918 человек[5].

Следует особо отметить, что правительство поддерживало организацию телефонизации не только в Санкт-Петербурге и Москве, а по всей стране. 3 июля 1882 года начали работу первые телефонные станции в Одессе и Риге. На май 1883 г. «абонентов всех родов телефонных сообщений в Москве» было 272, а во всей России – 1358 [7, с. 15, 29]. Через несколько лет, в 1885–1886 годах были оборудованы и открыты телефонные сети в Баку, Либаве, Нижнем Новгороде, Ревеле и Ростове-на-Дону. Хотя следует признать, что на периферии телефонизация шла медленно и далеко неравномерно.

Абоненты Московской телефонной сети уже в 1895 году могли осуществлять соединение с абонентами правительственных узловых станций, расположенных вблизи второй столицы. Как указывают списки абонентов за 1895 и за 1900 года соединение московских абонентов в то время осуществлялось с абонентами городов Богородск, Коломна, Одинцов, Подольск, Пушкино, Серпухови Химки. Но в полном смысле слова эксплуатация междугородной связи началась после усовершенствования Г.Г. Игнатьевым и Е.И. Гвоздевым методов одновременного телеграфирования и телефонирования, и нахождения способов увеличения дальности телефонирования [1]. Апробация устройства состоялась в 1888–1889 гг. на Рыбинско-Бологоевской железной дороге, когда успешно было осуществлено синхронное телеграфирование и телефонирование на расстояние 295 км. Однако все дальнейшие попытки увеличить дистанцию передачи оканчивались неудачей, поскольку её ограничивали электрические помехи, быстро возраставшие по мере развития разнообразных электротехнических изделий.

31 декабря 1898 г. под руководством инженера А.А. Новицкого открылось телефонное сообщение между столицами, «устроенное распоряжением Правительства, что дало возможность жителям обеих столиц обмениваться между собою устной речью» [4]. Пропускная способность первой в России телефонной линии Санкт-Петербург – Москва составляла в общей сложности 280 «обыкновенных» и 30 «срочных» разговоров в сутки. По протяженности она занимала 4 место в мире (618 верст). Только в течение первой недели эксплуатации среднесуточный

обмен телефонными звонками между столицами составил 60 единиц, а в последующую неделю «трафик» возрос в два раза.

Увеличению дальности телефонирования препятствовало отсутствие средств для усиления сигнала в соответствующих пунктах трассы. Схема одной из первых в мире телефонных ретрансляторов, предложенная инженером А.А. Кузнецовым, была успешно опробована в 1909 г. при телефонировании по стальным проводам между Санкт-Петербургом и ст. Дно.

Но только 24 ноября 1910 года состоялось открытие радиотелеграфных станций на восточных границах российской империи – Камчатской, Николаевской и Приморской областях [8].

К 1913 г. телефонная связь была установлена между Москвой и Харьковом, Москвой и Рязанью, между Нижним Новгородом и Костромой, между Петербургом и Ревелем, Петербургом и Гельсингфорсом и между Баку и Тифлисом, то есть началось межгородское выстраивание телекоммуникационной сети. Всего в 1913–1917 года начало действовать 87 междугородных телефонных линий.

Одновременно с процессами организации межгородских сетей шел процесс наращивания емкости городских сетей. К началу 1914 г. емкость петербургской телефонной сети довели до 49 860 номеров, а московской – до 44 293 [12]. Отметим, что абоненты могли пользоваться и дополнительными услугами. Так, «Московская контора сообщения адресов по телефону» продавала желающим абонементы на десять справок. Уплатившему всего два рубля сведения об интересующем его человеке сообщали по телефону [10].

К 1917 г. половина всех действовавших телефонов в России, это 232 тыс. абонентов, приходилась на Москву и Петербург. В годы гражданской войны большинство телефонных станций было выведено из эксплуатации или полностью разрушены. Количество абонентов только лишь в Москве и Петербурге сократилось с 230 000 до 89 000. Однако в результате восстановительных работ уже к 1927 году городская телефонная связь страны насчитывала более 200 000 абонентов. К началу 1937 года в Народном Комиссариате Связи числилось более 800 000 абонентов (без учета сельской, транспортной, военной связи и связи на предприятиях) [11]. В этот период городские органы управления Москвы придавали большое значение развитию таксофонной сети, но и таксофонный парк рос медленно. Сказывались отсутствие оборудования, нехватка специа-

листов, сложность монтажа, вандализм. В 1921 г. в московской городской телефонной сети было всего 10, а в 1929 г. – 810 телефонов-автоматов [6, с. 43]. Пожалуй, главным препятствием развития телефонной сети была слабая персонализация городской телефонной сети.

Совершенно нереально протянуть линии связи так, чтобы связать каждый аппарат с каждым. Со временем направлением развития телекоммуникационной сети стала поддержка большого числа пользователей через сеть коммутаторов. Инженеры воспользовались сетевой архитектуры телефонии и тем фактом, что один пользователь может быть одновременно подключен только к одному конечному пользователю. Размещая коммутационное оборудование в централизованных местах, инженеры смогли связать большое число конечных пользователей через эти коммутаторы для максимального доступа к сети. Такой подход получил название коммутации каналов. Эта система позволила телефонным операторам осуществлять эффективную маршрутизацию и выставять счета за звонки, потому что каждый шаг вызова идентифицировался.

Еще одно направление – создание автоматических телефонных станций. До 1917 г. единственным видом коммутаторного оборудования были «земские» коммутаторы русского акционерного общества «Л.М. Эрикссон и компания» [11]. На начальном этапе развития телефонии они полностью отвечали требованиям. Но с ростом количества абонентов началось устройство новых станций в городских районах крупных городов, губернских и уездных городов. В этом случае, при применении «ручных» станций из-за соединения по принципу «каждый с каждым» при большом количестве районных станций снижалось качество обслуживания (ошибки телефонисток) и эффективность использования технической оснастки межстанционных линий. Элиминировать эти недостатки можно было только путем автоматизации узлов телефонной связи.

История автоматической коммутации началась в 1889 г. с изобретения декадно-шагового искателя А.Б. Строуджером из Канзас-сити [9]. Реальное применение в телефонии автоматической коммутации началось лишь во втором десятилетии XX века. В Советском Союзе автоматические телефонные станции (АТС) с машинным искателем стали распространяться лишь только в 1929 году с введением в эксплуатацию в Ростове-на-Дону первой АТС емкостью 6 тыс. номеров, а затем в 1930 году в Москве двух АТС емкостью 8 тыс. и 7 тыс. номеров (Замоскворецкая и Бауманская). Строительство этих станций велось Ленинградским

заводом «Красная заря» по документации шведской фирмы «Л.М. Эрик-сон» [11]. В это же время началась эксплуатация АТС в Ленинграде, Новосибирске, Смоленске, Ташкенте.

В 1959 году впервые в нашей стране именно на Ленинградской МТС был организован автоматический узел транзитных междугородных соединений [12]. Конец 80-х прошлого века ознаменовался значимым для будущего информационно-коммуникационной среды географическим расширением возможностей автоматической телефонии: в 1987 были проведены первые автоматические переговоры со странами Восточной Европы, а в 1991 – и со странами американского континента. Сейчас автоматическая международная связь налажена практически со всем миром в цифровом (тональном) режиме и каждый житель страны может в осуществлять коммуникации с гражданами практически любых государств.

Таким образом, к началу 90-х годов прошлого века была создана телефонная сеть, которая стала в дальнейшем основой телекоммуникационной сети информационно-коммуникационной среды. Основные технико-технологическими достижениями, способствующими развитию телекоммуникационной среды стали телефонный аппарат А. Белла, методы одновременного телеграфирования и телефонирования с увеличения их дальности Г.Г. Игнатьева и Е.И. Гвоздева, телефонный ретранслятор А.А. Кузнецова, декадно-шагового искателя для автоматической коммутации А.Б. Строуджера.

Список литературы

1. Войнаровский П.Д. Опыты исследования распределения переменного тока по длинным проводам [Текст] // Почтово-телеграфный журнал. 1896. № 5, 6.
2. Галичский К. Компьютерные системы в телефонии [Текст] / К. Галичский. СПб.: БХВ-Петербург, 2002. 400 с.
3. Зотов В.В. Становление информационно-коммуникативной среды современного общества: социологический анализ институциональных трансформаций (монография) [Текст] / В.В. Зотов. Курск, 2007. 232 с.
4. Известия Санкт-Петербургской Городской Думы (СПб) [Текст]. 1908. № 26.
5. Калмыкова, Т. Из истории телефонной сети Москвы. Годы 1890-е [Электр. ресурс] / Т. Калмыкова // ОАО «Московская городская телефонная сеть». Режим доступа: http://www.mgts.ru/menu.html?ID_DOC=621, свободный.

6. Криворученко К.С. Становление и развитие Московской телефонной сети. 1881–2005 [Текст] / К.С. Криворученко, Московский городской университет управления Правительства Москвы. М.: Изд. МГУУ, 2005. 325 с.
7. Материалы по истории связи в России XVIII – начала XX в.: Обзор документальных материалов [Текст] / Под ред. Ф.И. Бунина, Н.А. Мальцева. Л.: Центральный музей связи, 1966. 334 с.
8. Новое время [Текст]. 1910. от 24 (11) ноября.
9. Рогинский В.Н. Изобретатель системы автоматической телефонной связи [Текст]/ В.Н. Рогинский // Вестник связи. Техника связи. 1950. № 7.
10. Руга В. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта начала XX века [Текст] / В. Руга, А. Кокорев. М.: АСТ, Астрель, 2010. 784 с.
11. Телефонизация России. Фабрика «Эриксон» (1897–1919 гг.) [Электр. ресурс] // РЕЛЕ – КЛУБ. URL: <http://releclub.narod.ru/index.html>
12. Тушенкова Н. Санкт-Петербургский Междугородный Международный Телефон. Сто лет истории, 1898–1998: Хроника. Документы. Воспоминания / Н. Тушенкова. СПб.: ЛИК, 1998. 119 с.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ТЮМЕНИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953 гг.)

Кучева А.В.

Пермский национальный исследовательский политехнический
университет, Пермь, Россия

Автор статьи осуществляет изучение городской среды Тюмени в рамках антропологически ориентированного исследовательского подхода, известного как история повседневности. Сделан вывод о своеобразии городской среды Тюмени послевоенных лет, заключающемся в преодолении городскими службами черт провинциального города и превращения его в областной центр.

Ключевые слова: городская среда, городская повседневность, послевоенный период.

THE MAIN FEATURES OF THE URBAN ENVIRONMENT IN TYUMEN IN THE POST-WAR PERIOD (1945–1953)

Kucheva A.V.

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

The author of the article investigates urban environment of the town of Tyumen within the context of anthropologically oriented scientific approach known as history of everyday life. The author makes a conclusion about the peculiarity of urban environment of the town of Tyumen in postwar period which means some attempts made by town services aimed at overcoming the provincial town features and transforming it into a regional center.

Keywords: urban environment, town everyday life (town routine), the post-war period.

Традиционно в исторической науке город понимается как одна из важнейших форм существования человека, сложное по структуре, многоаспектное и специфичное явление человеческой цивилизации, формирующее мировоззрение населения и отражающееся на повседневной жизни людей [7, с. 4]. При изучении городской повседневности принято использовать термин «городская среда», трактуемый как совокупность условий жизнедеятельности населения, практически освоенное человеком локальное пространство, где сложились специфические экологические, технические и демографические системы [2, с. 24].

В данной статье представлены результаты изучения городской среды Тюмени в послевоенный период. Источниковую базу исследования образует совокупность ранее не вводившихся в научный оборот архивных данных, сосредоточенных в фондах Государственного архива Тюменской области (ГАТО) и Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). В работе были также использованы устные источники – сделанные автором записи интервью с респондентами, проживавшими в Тюмени в 1945–1953 гг.

Существенным фактором, обуславливающим развитие городской среды послевоенной Тюмени, следует признать сложившуюся в это период демографическую ситуацию, характеризующуюся значительным ростом численности населения (с 89 669 человек в 1945 г. до 134 823 человек в 1953 г., что составило 47%) [10]. Это объясняется тем, что за годы войны в сибирский город были эвакуированы промышленные предприятия и часть населения оккупированных территорий, что привело, с одной стороны, к положительным изменениям – росту промышленного потенциала города, с другой стороны, усугубило проблемы повседневного существования горожан: её жителям недоставало необходимой жилой площади, не хватало продуктов питания, заметно ухудшилось бытовое обслуживание населения, в целом наблюдалось значительное понижение жизненного уровня тюменцев.

Заметную роль в сложившейся ситуации играло переселение в город сельского населения, что не только увеличивало численность населения, но и существенно влияло на характер городской среды. Формировались целые районы, которые принято называть «деревня внутри города» или «город без горожан». Выходцы из деревень селились, как правило, на окраинах города и формировали районы, где всё было устроено «на сельский манер». Эти районы застраивались одноэтаж-

ными домиками, имели во дворе хозяйственные постройки, рядом – огороды. Их жители держали домашний скот и птицу и сохраняли деревенский уклад жизни. Так Тюмень объединяла в одном социальном и географическом пространстве два мира – городской, присущий её центральной части, и «негородской», свойственный в основном окраинным районам.

Политика местной власти в годы войны и первые годы после её окончания была направлена на изменение городской среды в соответствии с элементарными запросами повседневной жизни населения. Для того чтобы население могло обеспечить себя необходимыми продуктами питания, городская власть поощряла развитие огородничества, разрешалось даже использование улиц и площадей города под посадку овощей [4, с. 59].

Нельзя не согласиться с мнением исследователей о том, что советские горожане в целом не только никогда не отрывались от земли – наоборот, связь с ней становилась все более крепкой в период перемен, сопровождающихся обострением жизненной ситуации [8]. Тюменцам работа на огородах давала средства в борьбе за выживание в военное и послевоенное время, являлась «самопрокормом», потому власть стремилась развивать огородничество в городе.

Как отмечается в научной литературе, к началу 1940-х гг. крупные сибирские города в своём облике в разной степени сохраняли традиционные черты провинциальных центров с их принципами застройки, планировки и благоустройства, с преобладанием деревянных зданий и мощеных улиц [11, с. 272]. Тюмень развивалась так же, как и многие города региона: по-прежнему была небольшим, состоявшим преимущественно из одноэтажных деревянных домов городом.

Самые высокие дома, имевшиеся в Тюмени, были трёх- четырёхэтажными, в них размещались административные и партийные учреждения. Каменных строений было немного, располагались они, как правило, в центре города и представляли собой жилые, торговые или промышленные здания, принадлежавшие ранее именитым купцам. И хотя многие из этих строений не только поменяли владельцев, но и даже своё функциональное назначение, горожане употребляли для их обозначения прежние названия, например, «дом Буркова» [6, с. 211]. Можно сказать, что в послевоенной Тюмени, особенно в её центральной части, сохранялся некий дух «царского» времени.

По-настоящему советских строений, несущих определённую идеологическую нагрузку, в городе в довоенный период появилось немного. В первые десятилетия советской власти проводимое капитальное строительство было сосредоточено в основном на ремонте и возведении новых промышленных объектов (судостроительный завод и др.) и в незначительном количестве жилых и культурно-бытовых зданий (кинотеатр «Темп», гостиница «Заря», дом «Реконструктор», баня на улице Ленина и др.) [6, с. 209].

Определённую роль в последующем развитии городской повседневности сыграло изменение статуса Тюмени – в августе 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована область, административным центром которой стала Тюмень [1, с. 256]. После войны Тюмень по замыслу властей должна была превратиться в «социалистический» город. Была разработана схема генерального плана застройки города, формируется его идеологический центр – на территории бывшего базара создается центральная площадь, на которой должны были расположиться главные советские и партийные учреждения [9, с. 154–157].

Несмотря на имеющийся генеральный план развития, город продолжал хаотично застраиваться новыми деревянными одноэтажными домами на протяжении всего послевоенного периода. Это объяснялось тем, что после окончания войны ни государство, ни население не обладали достаточными ресурсами для проведения масштабного строительства в провинции. Рядовые же тюменцы, перед которыми остро стояла проблема обеспечения жильём, предпочитали возводить небольшие дома, не требующие больших затрат на их строительство [3].

Новый административный статус Тюмени изменил политику местной власти, поскольку появилась потребность превратить город в центр области, создать такую городскую среду, которая соответствовала бы новому статусу города. Изменилось отношение к элементам среды, воплощающих сельский быт. «Грядки» на улицах города были не совместимы со статусом столицы одной из самых больших областей СССР, потому уже весной 1947 г. появляется первое постановление «О запрещении посадки картофеля, овощей и других сельскохозяйственных культур на улицах, площадях и на склонах оврагов, искусственных насыпей» [5, с. 266].

Одновременно искоренялись и другие черты сельского быта в Тюмени. Конечно, это был трудоёмкий процесс, поэтому на протяжении всего послевоенного периода регулярно появлялись постановления,

согласно которым устанавливались штрафы за несоблюдение надлежащего порядка в городе – за выпас скота на улицах Тюмени, въезд на лошадях в скверы и т.д.

Изучение фактического материала приводит нас к заключению, что деятельность городских властей была направлена в первую очередь на благоустройство центральных районов города и не могла охватить в полной мере городские окраины ввиду недостатка средств и высоких темпов урбанизации. Поэтому благоустроены были прежде всего главная магистраль Тюмени – улица Республики, пересекающая её и ведущая к железнодорожному вокзалу улица Первомайская и привокзальная площадь.

В течение всех послевоенных лет Тюмень так и не приобрела набор обязательных для крупных городов признаков, таких как высокий уровень развития дорожной системы и городского массового транспорта, преобладание застройки в 4–5 этажей и выше, большая площадь зелёных насаждений. Статус областного центра, был номинальным, фактически Тюмень оставалась небольшим провинциальным городом, который и его население воспринимало не как административный центр, а только как место проживания.

Таким образом, основной чертой развития городской среды Тюмени послевоенного времени являлось объединение в одном социальном и географическом пространстве двух «миров» – городского, присущего центральной части, и «негородского», свойственного окраинным районам, где селились выходцы из деревень. Подобное своеобразие городской среды, выражающееся в её сегментности, принято называть «провинциальным феноменом».

Список литературы

1. 400 лет Тюмени: Сборник документов и материалов. Свердловск, 1985.
2. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М., 1984.
3. ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2, 59–72.
4. ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 500.
5. ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 561.
6. Заварихин С.П., Жученко Б.А. Архитектура Тюмени. Тюмень, 2004.
7. Косякова Е.И. Городская повседневность Новониколаевска–Новосибирска в конце 1919 – первой половине 1941 г.: Автореф. дис. ... к.и.н. Омск, 2006.

-
8. Лаппо Г.М. Российский город – симбиоз городского и сельского. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/analit06.php>
 9. Мордвинцева А.В. Роль власти в структуре городской повседневности (по материалам деятельности Тюменского городского Совета за 1945–1953 гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2009. № 7.
 10. Посчитано по: ГБУТО ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 137. Л. 1–143, Д. 155. Л. 1–105, Д. 162. Л. 93–98, Д. 177. Л. 76–172, Д. 225. Л. 72–137.
 11. Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920–1950 гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск, 2004.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЭТНОСА КАК РЕЗУЛЬТАТ АДАПТАЦИИ К ПРИРОДНОМУ ЛАНДШАФТУ

Лебедев В.Э.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Определяются ценностные ориентации этноса. Анализируются пространственные аспекты взаимодействия этносов с окружающей природной средой. Представлена характеристика адаптационных признаков этносов относительно природного ландшафта.

Ключевые слова: антропогеография, этнос, адаптационные свойства этноса, взаимодействие этносов с природной средой.

FORMATION OF VALUABLE ORIENTATIONS OF ETHNOS AS RESULT OF ADAPTATION TO THE NATURAL LANDSCAPE

Lebedev V.E.

Ural Federal University named the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

Valuable orientations of ethnos are defined. Spatial aspects of interaction of ethnoses with surrounding environment are analyzed. The characteristic of adaptation signs of ethnoses of rather natural landscape is submitted.

Keywords: anthropogeography, ethnos, adaptation properties of ethnos, interaction of ethnoses with environment.

Межэтнические различия, то есть ценностные ориентации этносов, возникают во многом в результате их адаптации к соответствующим природным ландшафтам. Этническое деление людей выступает одним из способов адаптации человека к ландшафту, что фиксируется, прежде

всего, в таких признаках этноса, как целостность (общность) территории, название народа, язык народа, компоненты культуры народа и др. Однако, в признаках этноса отражается формальная сторона процесса адаптации человека к природному ландшафту. Содержательная же сторона этого процесса заключается в механизме его поведения относительно данного ландшафта. Если адаптация животных к ландшафту сказывается в самой структуре животного мира, а именно в видовом многообразии (на Земле около двух млн видов фауны), то у человека адаптация к ландшафту проявляется не в структуре человеческого рода (нет разных видов разумных людей на Земле), а в его поведении [3, с. 36].

Адаптационное поведение этноса относительно природного ландшафта имеет ряд характеристик.

1. *Этнос – индикатор изменений в биоценозе.* Биоценоз представляет собой комплекс природных форм как органических (живые организмы), так и косных (солнечная энергия, почва и др.), взаимодействующих и связанных в одно целое.

Существуют два состояния этноса в биоценозе – стабильное (персистентное) и динамическое (творческое). Стабильное состояние характеризуется тем, что этносы входят в первичный биоценоз, живут в пределах своего природного ландшафта и тем самым ограничены в своем размножении. Классическим примером тому служит большинство прерийных индейцев, проживавших до прихода европейцев в составе биоценозов Северной Америки от Миссисипи вплоть до скалистых гор Кордильер. Количество людей в племенах определялось исключительно количеством карибу и бизонов. Поэтому нормой жизни было ограничение естественного прироста населения посредством истребительных межплеменных войн. Такое социальное поведение являлось биологически predetermined. Поскольку количество добычи было не беспредельным, то для того, чтобы обеспечить себе и выжившему потомству возможность убивать животных и тем самым иметь стабильный источник пропитания, нужно было избавиться от соперников. Аналогичная картина наблюдалась у народов тунгусо-манчжурской и палеоазиатской семей, которые по характеру быта и хозяйства входили в первичный биоценоз северных районов Сибири, будучи его завершающей составной частью.

Творческое состояние этносов в биоценозе определяется тем, что этносы изменяют первичный биоценоз, расселяются за пределы сво-

его природного ландшафта и тем самым интенсивно размножаются. Классическим примером такого состояния является жизнь китайцев. Китай – «деревенская» страна, городское население не превышает пятой части от общего числа ее жителей. Главным занятием населения Китая всегда было земледелие, а особенностью китайского земледелия является тщательная обработка почвы. Издревле территория Китая представляла собой болота, девственные леса, реки, мелевшие в сухое время года и разливавшиеся в половодье в сезон дождей. В целях исторического выживания китайцы вынуждены были вести интенсивные ирригационные и осушительные работы. Каждые 2,5 года возводилась новая дамба, постоянно рылись каналы. Самый большой канал в Китае – Великий канал, имеет протяженность 2,5 тыс. км и соединяет долины Хуанхэ на севере страны и Янцзы на ее юге. Сходное положение имело место и в Месопотамии, где были плодородные земли, но они требовали постоянного напряженного труда по их культивации, отделению воды от суши [1, с. 66, 168].

2. *Этнос – «адаптер» во взаимодействии человека с природной средой.* Взаимодействие человека с природной средой имеет определенные антропогеографические последствия. Прежде всего, в процессе адаптации к ландшафту вырабатываются стереотипы поведения и традиции народа, которые затем постоянно поддерживаются. В Полинезии учат плавать, в Сибири – ходить на лыжах, в степях Центральной Азии – ездить верхом и т.д. Однако этот процесс не является безболезненным как для человека, так и для природы. В результате адаптации этноса к ландшафту часто наблюдаются нарушения биологического равновесия. Так, европейские колонисты в Северной Америке развели лошадей, но истребили бизонов, китайцы уничтожили леса в бассейне Хуанхэ, полинезийцы истребили в Новой Зеландии гигантских птиц моа, не имевших крыльев. Более того, в результате длительной адаптации этноса к ландшафту случаются и экологические катастрофы. В Африке расположена обширная природная зона, называемая Сахель. Она протянулась от Атлантического океана на западе до Коасного моря на востоке, и представляет собой переходную полосу от пустыни Сахары к саваннам в Западной Африке. Здесь преобладают полупустыни. Велико антропогенное воздействие на ландшафты Сахели, проявляющееся в значительном росте населения в странах, расположенных на ее территории, поголовье скота, находящегося преимущественно на выпасе из-за не-

хватки кормового зерна, использовании древесины в широких масштабах для обогрева жилищ и приготовления пищи. В результате пески Сахары активно продвигаются на юг (за последнее время – на 350 км), что является причиной периодических сильных засух и голода [4, с. 324].

Стабильный ландшафт содействует развитию этноса. Если же ландшафт теряет свою устойчивость, например, из-за резких климатических изменений, и этносы лишаются привычных условий существования, то их поведение характеризуется двойственностью. Одни этносы начинают стремительно численно сокращаться и возможно их преждевременное исчезновение (из пяти тыс. современных этносов две тыс. – малочисленные, то есть реликтовые этносы, а значит, подходящие к своему историческому концу). Другие этносы мигрируют в поисках земель, напоминающих их родину.

3. *Природный ландшафт – условие формирования этноса и его ценностных ориентаций.* Одноландшафтные территории (например, сибирская тайга, африканские саванны, тропические леса Индонезии и т.п.) никогда не были теми регионами, в которых возникали этносы. Северная Америка с бескрайними лесами на ее востоке и прериями на западе так же не создавала благоприятных условий для этногенеза. В Средней Азии этногенез проходил настолько медленно, что был почти неуловим, так как здесь нет резкой границы между степью и оазисами. Их разделяет полоса пустынь, малопригодная для жизни. Народы, населявшие степи, имели чрезвычайно мало возможности для развития и были стабильны в этническом и социальном плане.

Обязательным условием этногенеза является сочетание разнообразных ландшафтов. Выделяют около двух десятков регионов на Земле, где возникали новые этносы. К ним относятся Ближний Восток, Западная Европа, Восточная Азия и др. В них имеет место сочетание горного, речного, лесного, степного и прочих ландшафтов. Однако сочетание разнообразных ландшафтов выступает лишь в качестве благоприятного условия, но не причины этногенеза. Природный ландшафт создает также и соответствующие условия для складывания характера народа и его ценностных ориентаций. Англичане на своем острове и американцы на своей материке изолированы и находятся в безопасности. Море для англичан и океан для американцев – это естественная защита. Поэтому у этих народов отсутствует изначальный страх, а со временем изоляция ставила как бы их над другими народами, сформировала пре-

увеличенное осознание своего превосходства [2, с. 193, 197]. Французы и немцы живут в центре европейского континента, на равнине, не защищенной естественными преградами. Отсюда этим народам свойственно чувство изначального страха, постоянной опасности. Отмечают, что немцы, как только почувствовали себя нацией, предпочитали вести войны, а не переговоры о мире [5, с. 165].

Некоторые элементы ландшафта либо в виде зрительных образов (береза у русских, тополь у украинцев, сакура у японцев), либо в сочетании с топонимикой (реки Волга у русских, Днепр у украинцев, гора Фудзи у японцев) становятся своего рода символами этнической принадлежности. Символ Испании – лавр, Канады – клен, Северной Ирландии – трилистник. Англия имеет несколько символов – дуб, тис, терновник, роза, ибо страна расположена в зоне умеренного влажного климата, и садовничество – национальная страсть англичан. Ландшафты Японии (горы, морские заливы) составлены из мягких тонов, приглушенных влажностью воздуха. Отсюда характерная черта японцев – нелюбовь к блестящему, яркому, контрастному; при виде блестящих предметов японцы испытывают беспокойное состояние [6, с. 78].

Таким образом, природные ландшафты Земли накладывают отпечаток на жизнь организмов. Потребность в адаптации к ландшафту присуща и человеку. Она проявляется в том, что человечество распадается на этносы. Этническое деление людей – один из способов адаптации человека к природному ландшафту, что фиксируется, прежде всего, в признаках этноса. В них отражается формальная сторона процесса адаптации человека к природному ландшафту. Содержательная же сторона этого процесса заключается в механизме поведения человека. Основным механизмом адаптации этноса к окружающей природной среде выступает культура народа во всех ее проявлениях. В результате формируются ценностные ориентации этносов, межэтнические и межкультурные различия.

Список литературы:

1. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история. М.: Экопрос, 1993. 544 с.
2. Крысько В.Г. Этническая психология. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 320 с.
3. Лобжанидзе А.А., Горохов С.А., Заяц Д.В. Этногеография и география религий. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 176 с.

4. Максаковский В.П. Географическая картина мира. В 2 кн. Кн. II: Региональная характеристика мира 3-е изд., испр. М.: Дрофа, 2007. 480 с.
5. Сухарев В.А., Сухарев М.В. Европейцы и американцы глазами психолога. Минск: «Беларусь», 2000. 366 с.
6. Тавадов Г.Т. Этнология. М.: Проект, 2002. 352 с.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕТСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В ТУВИНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1947–1960 ГОДЫ

Оюн А.М.

Хакасский госуниверситета, Россия

Статья посвящена становлению и развитию музыкального образования в Туве. Автор прослеживает количество учащихся, первых педагогов, деятельность музыкальной школы. Данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: детская музыкальная школа, музыкальное образование, Тува, отделение, кадры, культура, искусство.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF CHILDREN'S MUSIC SCHOOL IN THE TUVA AUTONOMOUS REGION IN 1947–1960 YEARS

Oyun A.M.

Khakass state university, Russia

The article is devoted to formation and development of music education in Tuva. The author traces number of the pupils, the first teachers, activity of musicschool. This problem is a little studied and demands further researches.

Keywords: children's music school, music education, Tuva, office, shots, culture, art.

Одной из важных функций социальной организации искусства является сохранение непрерывности его развития, воспроизводство, закрепление и передача последующим поколениям общезначимых культурных норм и правил. Трансляция культуры новым поколениям и приобщение их к достижениям человечества в области искусства осуществляется в значительной степени через систему образования. Проблема

становления и развития музыкального образования в Туве ранее не исследовалась, поэтому обобщенной литературы нет. Есть отдельные издания, освещающие те или иные стороны этого процесса.

Профессиональное искусство в республике Тыва молодо – первые его ростки обозначились в период Тувинской Народной Республики (1921–1944), активное строительство музыкальной культуры началось во второй половине 40-х годов XX столетия, когда вхождение республики в состав СССР стимулировало быстрый рост материальной и духовной культуры тувинского народа.

1 июня 1947 г. в г. Кызыле по решению исполнительного комитета областного совета депутатов трудящихся Тувинской автономной области (ТАО) за № 214 от 22 мая 1947 г. открывается первая в Туве детская музыкальная школа (ДМШ) [4, Д. 73. С. 46]. В ТАО не было ни одного массового специального музыкального учебного заведения, которое бы занималось вопросами развития музыкального искусства.

Открытие ДМШ явилось значительным событием в культурной жизни Тувы. Создание музыкальной школы открывало перспективы стабильной, постоянной подготовки будущих музыкальных и, что особенно важно, национальных кадров в самой Туве, являясь начальным звеном профессионального образования.

Первым директором была назначена пианистка Эльза Генриховна Кирштейн. Сначала эта школа имела только одно фортепианное отделение и в ней работала всего один педагог Э.Г. Кирштейн. В первый учебный год обучалось в школе только 20 детей. Школа не имела своего помещения, арендовала комнату в средней женской школе № 3 [3, Д. 5. С. 1]. Можно сказать, что в 1947 г. произошло открытие не музыкальной школы, а фортепианных классов Кирштейн. Необходимо сказать, что с учащихся взималась плата за обучение в размере 3% от суммы заработной платы родителей, и оплачивалась арендная плата [3, Д. 8. С. 4].

В 1948–1949 учебном году количество учащихся увеличивается до 50, в том числе 10 из них тувинцы. В этом же учебном году начинают работать и другие педагоги А.Л. Логинова и А.М. Норкевич [3, Д. 8. С. 1].

Важнейшим событием для развития музыкального образования стало приглашение из Ташкента доцента консерватории, известного скрипача Леонида Николаевича Шевчука. Для фортепианной сферы

музыкального образования ценным был приезд жены Шевчука – педагога-пианистки Е.Р. Близнюк, с большим опытом работы [1, с. 79].

Таблица 1.

Педагогические кадры ДМШ (1949–1950 уч. г.)

Педагоги	всего	Образование		Педагогический стаж			
		Высшее	Среднее спец.	Менее 5 лет	От 5 до 10 лет	От 10 до 25 лет	От 25 и более
Штатные	5	2	3	1	1	2	1
Совместители	1	–	1	–	–	1	–
Всего	6	2	4	1	1	3	1

Л.Н. Шевчук в 1949–1950 учебном году был назначен директором ДМШ [4, Д. 5. С. 2]. Следует отметить, что в годы его работы количество учащихся и отделений возросло. В соответствии с утвержденным планом и программой Министерства культуры, помимо специальности, учащиеся изучали 5 обязательных дисциплин: сольфеджио, хор, музыкальная литература, общее фортепиано, теория музыки [3, Д. 19. С. 7].

Таблица 2.

Количество отделений и учащихся ДМШ

Учебный год	Наименование отделений	Количество учащихся
1947–1948	Фортепиано	20
1948–1949	Фортепиано	50
1949–1950	Фортепиано, скрипка, народные инструменты (баян)	82
1951–1952	Подготовительное, фортепиано, скрипка, народные инструменты (баян, домра)	92
1953–1954	Подготовительное, фортепиано, скрипка, народные инструменты, духовые инструменты, виолончель	112

Несмотря на то, что с каждым годом увеличивалось количество учащихся, наблюдалось явное сокращение количества учащихся к концу учебного года. Например, к концу 1949–1950 учебного года количество учащихся сократилось до 70. Среди наиболее частых причин отсева учеников от школы является неуспеваемость (6 человек), болезнь (4 человека), выезд из города (2 человека) [3, Д. 8. С. 7–8]. Эта тенден-

ция сохранялось и в дальнейшем до 1960 гг. (отсев учащихся к концу 1960 г. – 60 человек) [3, Д. 29. С. 27]. Возможно, это говорило, что многие учащиеся не успевали учиться в двух школах и о необходимости усиления медицинской помощи в школах.

На педагогических совещаниях 1950 гг. борьба за сохранение школьного контингента являлась приоритетной задачей для учителей. Неоднократно подчеркивалось, что «всех отсеявшихся по неустойчивости необходимо возратить и индивидуально заниматься с ними или же оставить на второй год» [3, Д. 10. С. 38].

Для обеспечения плана набора и приема учащихся проводилась большая разъяснительная работа, а именно: сделаны объявления по радио, через местную газету, расклеены объявления по городу [3, Д. 10. С. 17]. Следует отметить, малый процент охвата в ДМШ детей тувинского населения. Но из протоколов совещаний видно, что педагоги уделяли этому вопросу большое внимание «серьезным недостатком в приеме детей в ДМШ является малый процент охвата детей тувинской национальности ...необходимо популизировать работу музыкальной школы среди населения Тувы путем концертов...» [3, Д. 5. С. 3].

Таблица 3.

Нац.	Количество учащихся			
	1948–1949 уч. г.	1949–1950 уч. г.	1951–1952 уч. г.	1959–1960 уч.г.
Русс.	41	69	79	245
Тув.	9	13	13	19
всего	50	82	92	264

Из приведенной таблицы видно, что количество учащихся тувинской национальности все же оставалось неизменной. Возможно, это говорило, что большинство родителей коренного населения, которые сами только начали учиться грамоте, не могли еще и платить за учебу детей.

В течение учебного года ежемесячно проводились педсоветы с повестками связанными с подготовкой к началу учебного года, текущей учебной жизнью, обсуждением успеваемости учащихся, подготовкой к зимним и весенним экзаменам, обсуждением оценок выступления на академических концертах, утверждением индивидуальных планов на учащихся, планированием и утверждением плана методической работы [3, Д. 5. С. 13].

Важным направлением в учебно-воспитательном процессе являлась культурно-массовая работа. Педагоги школы совместно с учениками регулярно проводили концерты, пропагандируя классическую музыку, в том числе и хоровую, а также участвовали в смотрах художественной самодеятельности. Например, в течение 1950–1951 учебного года силами учащихся и педагогов было дано 8 концертов по обслуживанию избирателей по выборам в местные Советы [3, Д. 5. С. 16].

Впервые в культурной жизни города и всей Тувы в 1951 г. силами учащихся и педагогов ДМШ была поставлена детская опера «Волк и семеро козлят» М. Коваля на стихи С. Маршака, либретто Е. Манучаровой. Действующими лицами оперы были не только учащиеся, но и преподаватели ДМШ. Партии главных героев исполняли: педагог хора И.Н. Петров – бас (Волк), А.Н. Морозова – сопрано (Мать Коза), в роли козлят, поющих в хоровом ансамбле, выступали Владимир Тока, Лидия Губанова, Леонид Житов и другие. Показ оперы проходил в Домах культуры, в зале школы № 1, а также опера транслировалась по радио [2, с. 86].

Материальная база в целом оставляла желать лучшего. Школа арендовала комнату в средней школе № 3 и комната была разделена на 3 кабинета ширмами из драпированного материала. В годовом отчете директора школы Л.Н. Шевчука за 1949–1950 учебный год указывалось: «Как же можно работать над музыкальным воспитанием детей, музыкальным произведением, фразой, звуком и т.д. в единственной комнате при одновременной игре 5–6 инструментах?» [3, Д. 8. С. 13].

Сложным оставался и вопрос с обеспечением музыкальных инструментов, мебели и методической литературы. К 1949 г. школа имела 5 клавишных инструментов (пианино), 15 скрипок, 1 баян. Помимо всего, не хватало для учащихся учебных парт и стульев [3, Д. 8. С. 4]. Но, с 1956 г. материальное положение школы улучшается, это видно из отчета директора школы «...имеется достаточная материальная база, в школе 10 штук – пианино, 1 концертный рояль, 22 баяна, 6 аккордеонов, 1 домровый оркестр, оркестр народных инструментов, 14 скрипок и виолончели...» [3, Д. 38А. С. 14].

Следующий период в развитии музыкальной школы начинается со второй половины 50-х гг. По приказу Областного отдела по делам искусств в 1956 г. директором школы назначается Ю.М. Царев [5, Д. 4. С. 8]. В школе с конца 1950 гг. начинают работать много молодых

специалистов Н.П. Медведева, Н.П. Гусакова, в том числе первый тувинский педагог Р.Д. Кенденбиль. Однако, в отчете отдела по делам искусств 1959 г. указывалось «в школе не хватает специалистов. Класс фортепиано ведут Ю.М. Царев, Т.С. Морозова не имеющие фортепианного образования и Н.А. Гусакова, Г.А. Лонаева, Э.Г. Старцев – не имеющие законченного образования» [5, Д. 4. С. 4].

В 1956 г. открываются вечерние курсы для взрослых [3, Д. 29. С. 12]. Количество учащихся в 1959–1960 учебном году было 264, а педагогов 16 (из них только 1 педагог имел высшее образование) [3, Д. 29. С. 27]. Этим и объясняется факт, что из-за нехватки специалистов в школе работало только 2 отделения: фортепианное, народные инструменты и вечерние курсы для взрослых (45 человек) [3, Д. 38А. С. 1].

Первый выпуск ДМШ состоялся в 1952 г. Дина Леонидовна Шевчук – единственная и первая выпускница школы, окончила музыкальную школу с отличием [3, Д. 10. С. 51]. Ныне она залуженный деятель искусств России, профессор Новосибирской консерватории. Также среди выпускников первых лет работы школы стали известными музыкантами Тувы композитор и пианист Владимир Тока, дирижер Виктор Тока, преподаватели училища искусств В. Охотникова и Н. Раитина. Ряд выпускников, окончив музыкальную школу и продолжив свое образование, стали преподавать в родной школе: В. Шрейнер, И. Лернер, Е. Акулова [1, с. 80].

Таким образом, создание детской музыкальной школы сыграло большую роль в становлении музыкального образования в Туве, в том числе, в подготовке музыкальных кадров, выявления наиболее одаренных детей к музыке и воспитание активных участников культурной жизни области.

Список литературы

1. Кузьмина А.И. Из истории развития фортепианного искусства в Туве // Культура Тувы: прошлое и настоящее. Вып. 1. Кемерово, 2006.
2. Саратовкина А.Н. Из истории развития хорового искусства в Туве // Культура Тувы: прошлое и настоящее. Вып. 1. Кемерово, 2006. С. 86.

Архивные источники

3. Государственный архив Республики Тыва (ГА РТ). Ф. 48. Оп. 1.
4. ГА РТ. Ф. 264. Оп. 1.
5. ГА РТ. Ф. 281. Оп. 1.

ОСНОВНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ АГЕНТЫ РОМАНИЗАЦИИ В БЕЛЬГИИ В I–V ВВ.

Разумова Л.В.

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Письменные свидетельства о Бельгии римской эпохи немногочисленны и эпизодически. Изучение истории определения культурных агентов распространения того или иного социополитического процесса на определенной территории, в частности, процесса романизации на территории Бельгии, имеет принципиальное значения для лингвиста т.к., с одной стороны, способен дать общие представления о социокультурных и политических условиях распространения новых языковых форм (сведения внешнелингвистического характера); с другой стороны, эта информация позволяет сформулировать ряд гипотез, касающихся степени усвоения этих языковых форм на осваиваемых территориях (сведения внутрilingвистического порядка).

Ключевые слова: культурный агент, армия, административный аппарат, система обучения, религиозный культ, неравномерная романизация.

MAIN CULTURAL AGENTS OF THE ROMANIZATION IN BELGIUM IN THE I–V CENTURIES

Razumova L. V.

Transbaikalian state university, Chita, Russia

Written certificates on Belgium of the Roman era aren't numerous and incidentally. Studying of history of definition of cultural agents of distribution of this or that sociopolitical process in a certain territory, in particular, Romanization process in the territory of Belgium, has basic values for the linguist since, on the one hand, is capable to give the general ideas of socio-cultural and political conditions of distribution of new language forms (data of vneshnelingvistic character); on the other hand, this information

allows to formulate a number of the hypotheses concerning extent of assimilation of these language forms in mastered territories (data of an intra linguistic order).

Keywords: *cultural agent, army, administrative facilities, education system, religious cult, uneven Romanization.*

К основным агентам романизации ученые традиционно относят: армию, административный аппарат, систему обучения, религиозный культ.

Отметим, что в вопросе определения основных культурных агентов романизации и их вклада в этот процесс на территории Бельгии мнения бельгийских и французских ученых обнаруживают определенные расхождения.

Так, бельгийские исследователи, подчеркивая бесспорный вклад *армии* в процессе романизации, вместе с тем отмечают ее довольно разнородный в национальном плане характер, определяемый службой в рядах римской армии наемных солдат – уроженцев различных территорий, и, в частности – большим контингентом германоязычных солдат, осевших впоследствии на освоенных землях. Вторым по значимости культурным агентом распространения латинского языка на территории Бельгии, как полагают бельгийские ученые, был *торговый люд*, который еще задолго до колонизации Галлии торговал с Римом, а в период колонизации – обеспечивал армию продовольствием и постоянно с ней взаимодействовал, вероятно – на ее языке (Bitsch, 2004; Michel, 1980–1981). Уязвимость этой позиции очевидна не только в связи известным описанием Г.-Ю. Цезаря, отмечавшего практическое отсутствие торговых связей Бельгии с другими регионами, но также, как представляется, и в связи с постоянными войнами, которые белги вели с соседними германскими племенами; беспокойные времена вряд ли способствовали интенсивным торговым связям. Д. Бланпэн, полагает, что окраинное положение Бельгии несколько ослабляет влияние другого традиционного культурно-языкового агента романизации – имперского административного аппарата. По мнению бельгийских ученых школа также не может быть причислена к важным культурным агентам латинизации ввиду отсутствия письменных свидетельств о ней в этот период (ссылка). В связи с этим утверждается, что Белгика не смогла развить в период романизации существенную сеть школ, способную оказать значимое влияние в данном регионе в усвоении римской культуры и латинского языка (Blampain,

1997). Говоря о роли религиозного фактора в процессе латинизации этих территорий, бельгийские ученые ограничиваются рассмотрением христианства. Отмечается, что первоначально христианство являлось религией, распространявшейся преимущественно в городах; их малое количество в Бельгии в первые века римского правления является достаточным аргументом, чтобы не считать христианство значимым вектором романизации (Bitsch, 2004; Michel, 1980–1981).

Данная оценка бельгийских авторов вклада христианства в процесс романизации Галлии и Бельгии в первые века новой эры представляется справедливой. Вместе с тем, подчеркнем, что в оценке религиозного фактора как значимого, по нашему мнению, вектора романизации необходимо, во-первых, более строгое разграничение религиозных идеологий того времени – язычества и христианства, во-вторых, – более строгое разграничение процессов романизации и христианизации. Существующая сегодня обширная литература по вопросу анализа романизации как *культурно-политического* процесса колонизации, освоения и утверждения политического и культурного влияния Римской империи (ссылка) позволяет более четко хронологически отграничить процессы романизации и христианизации начальных веков первого тысячелетия. Так, известно, что хронологическими рамками романизации в значении «романизация как официальное политическое присутствие», в частности, в Галлии, выступает период со II в. до н.э. – 476 г. н.э. Для Бельгии эти хронологические рамки, не без основания, оспариваются. Так, ряд бельгийских ученых склонны определять постоянное политическое присутствие римлян и их политическое влияние на данный регион первыми двумя столетиями (I–II вв.). Бельгийский историк А. Пиренн определяет их I–III веками (Pirenne, 1900–1932). В целом, же факт ослабления римского присутствия в Бельгии к концу III-началу IV веков признается практически всеми историками. В дальнейшем это положение выступает в качестве главного аргумента для характеристики процессов романизации Галлии и их признании как *неравномерных* как в Галлии, так и в Бельгии. Подчеркнем, что неравномерность романизации этих территорий определяет в последствие складывающиеся языковые ситуации и своеобразие языковых черт региональных форм французского языка, в частности, на территории Бельгии.

Относительно христианизации отметим, что до приобретения христианством в 391 г. статуса официальной религии, оно должно рас-

смагиваться исключительно как новая *религиозная идеологическая система*, зарождающаяся и сосуществующая в рамках Римской империи с другой религиозной системой – *язычеством*, имеющим статус официальной религии империи. Постепенное распространение первых христианских общин на территории Галлии в конце II века (с 177 г.) не должно вводить в заблуждение исследователя, т.к. до начала IV века христианство имеет статус нежелательной, гонимой религиозной идеологии и занимает маргинальное положение в римском обществе. Т.о., в дальнейшем анализе исходим из учёта общественного влияния этих двух религиозных систем – языческой и христианской в процессе романизации.

Французские историки (Carpentier, Lebrun, 1996; Genicot, 1973), как и бельгийские (Demoulin, Kupper, 2004; Bitsch, 2004; Michel, 1980–1981; Pirenne, 1900–1932), полагают, что основным культурным агентом романизации Галлии и Белгики выступала *армия*. Уточняя это положение, отмечается, в частности, что на берегах Рейна концентрация римских войск была выше, чем на других территориях Галлии в связи с необходимостью отражения непрекращающихся набегов германских племен. Это уточнение согласуется с археологическими данными, которые подчеркивают важную военно-стратегическую роль Белгики и свидетельствуют о том, что в течение первого века римскими солдатами были построены на берегах Рейна многочисленные фортификационные укрепления – лимы (limes). За лимами располагались постоянные военные лагеря, которые постепенно трансформируются в поселки и города. Так возник, например, Страсбург (Carpentier, Lebrun, 1996).

По мнению французских историков Ж. Карпантье и Ф. Лебрэна, солдаты участвуют не только в военных кампаниях, но и в обустройстве занимаемых территорий, строительстве мостов и дорог, созданию городов и поселков. В период римского правления фигура солдата постепенно трансформируется в гаранта мирной жизни (Carpentier, Lebrun, 1996, p. 58).

Вторым важным культурным агентом романизации, по мнению французских историков, выступают *административные служащие*. Они представлены на занимаемых территориях фигурами губернатора, администратора, судебных органов (*officium*) и призваны следить за исполнением римских законов. Ж. Карпантье и Ф. Лебрэн приводят следующий интересный для нас факт: в Галии, помимо региональных,

существуют и два межрегиональных административных совета. Один из этих межрегиональных советов отвечает за координацию работы администраций Аквитании и Лионэ, другой – Белгики и двух Германий (Carpentier, Lebrun, 1996, p. 58–59). Полагаем, что это является убедительным свидетельством сильного присутствия и влияния, которое оказывал административный римский аппарат в этом регионе.

Служители религиозного культа выступают, по мнению французских историков, важнейшей морально-идеологической скрепой римской идеологии, как на уровне провинций, так и на местах. Местной и общепроvincialной администрациям вменялось в обязанность учредить определенные дни празднеств, связанные с императорской фамилией, строить в ее честь памятники, сооружать храмы и жертвенники (Pirenne, 1900–1932). О стилистическом разнообразии звучащей латинской речи можно судить, опираясь на некоторые косвенные данные, приводимые историками и археологами. Так, известно, что основными формами языческих богослужений, принятыми в этот период были службы в храмах и службы у алтарей, возводимых близ источников, гор. Рядом с последними строятся арены, театры, амфитеатры. После религиозных служб здесь представляются собравшейся публике разножанровые произведения – ораторские речи, театральные стихотворные и прозаические пьесы, музыкальные представления. Создаваемая у алтарей светская «инфраструктура», безусловно, служит средством коммуникации власти и народа и способствуют распространению классической и разговорной (вульгарной) латыни на колонизируемых территориях. Позже эта инфраструктура способствует постепенному росту своеобразных поселков – викусов (vicus), небольших по числу своего населения, но располагающих всеми «благами» городской цивилизации – театрами, амфитеатрами, одеонами, храмами, торговыми лавками, термами. Полагаем, что отмеченное выше может служить убедительным аргументом для подтверждения выраженного «идеологического присутствия» Рима на романизируемых территориях.

Мнения бельгийских и французских ученых сходятся в вопросе оценки несущественной роли образования в процессе романизации Белгики. Главным аргументом в подтверждении этого тезиса выступает указание на малое количество городов на северных территориях Галлии, что свидетельствуют о неразвитой здесь римской системе образования, распространявшейся, как известно, исключительно в городах.

Действительно, римская цивилизация – это цивилизация, основанная на городской культуре. Если в этот период в Галлии появляются многочисленные малые и средние города – Тулуза, Пуатье, Бордо, Арль, Отэн, насчитывающие от пяти до двадцать тысяч жителей, то Белгика остается в этот период, преимущественно, сельским регионом. По словам А. Пиренна, строящиеся на юге и востоке Белгики города лишь в очень незначительной степени способствовали романизации этого региона. И лишь распространяющемуся в V–VIII вв. христианству предстояло завершить процесс романизации Белгики. Т.о., говорить о переходе Белгики от культуры сельской к культуре городской в I–V веках представляется преждевременным. Белгика сохраняет в этот период свой сельский характер и характеризуется неразвитой системой римского образования.

Говоря о франкском присутствии на территории Белгики в III–V веках, отметим, что более столетия взаимоотношения франков с римской властью характеризуются чередой сменяющихся конфликтов и соглашений. Постепенное усвоение белгами франкской культуры, основанной на сельской культуре, усиливают центробежные силы, способствуя регионализации этого региона. Т.о., *территория Белгики представляет собой в этот период, скорее, конфедерацию племен и народов, нежели однородный в этническом, культурном и языковом плане регион.*

Оценивая социокультурную и политическую ситуацию, сложившуюся в Белгике с начала процесса романизации, отмечаем, что в качестве основных культурных агентов романизации в Белгике выступают армия, административный аппарат и римский языческий религиозный культ. В рассмотренный период Белгика воспринимается римской администрацией, прежде всего, как значимый в военно-стратегическом отношении регион. Это свидетельствует о сильном влиянии армии и административного аппарата на этой территории, однако, говорить о значимом влиянии образования, а следовательно, и передачи латинского языка через сеть римских школ в процессе романизации представляется необоснованным.

Список литературы

1. Bitsch M.-T. Histoire de la Belgique: de l'Antiquité à nos jours. Bruxelles: Editions Complexe, 2004. 348 p.
2. Blampain D. et al. Le français en Belgique. Une communauté, une langue. Louvain-la-Neuve: Duculot, 1997. 530 p.

3. Carpentier J., Lebrun F. Histoire de France. Paris: Editions du Seuil, 1996. 323 p.
4. Demoulin B., Kupper J.-L. Histoire de la Wallonie. Toulouse: Privat, 2004. 276 p.
5. Genicot L. Histoire de la Wallonie. Toulouse: Privat, 1973. 263 p.
6. Michel J.-H. Archéologie nationale: Sources et documents. Premiers éléments d'un répertoire de toponimie wallonne à l'usage des archéologues. En 2 vol. Bruxelles, 1980–1981.
7. Pirenne H. Histoire de Belgique. En 7 t. Bruxelles: Lamertin, 1900–1932.

СОСТАВ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ В КОМИ АССР В 1979–1989 гг.

Садек М.О.

Коми республиканская академия государственной службы и управления

В статье изучен состав городской семьи в Коми АССР в 1980-е гг. Рассмотрены основные типы семей. Дан анализ изменения размера семьи в течение изучаемого периода. Представлены основные факторы, повлиявшие на изменение размера семей и их состав.

Ключевые слова: городская семья, тип семьи, размер семьи, состав семьи, нуклеарная семья, городское население Коми АССР, средний размер семьи.

STRUCTURE OF URBAN FAMILY IN THE KOMI REPUBLIC IN 1979–1989s

Sadek M.O.

Komi republican academy of state service and administration

Structure of urban family in the Komi Republic in 1979–1989 is studied in the article. The base family types are presented. The analysis of family size changing during the period is given. Main factors influenced on family size and structure changing are discussed.

Keywords: urban family, family type, family size, family structure, nuclear family, urban population of Komi republic, family size no-par-value.

Для разработки сбалансированной демографической политики, необходим ретроспективный анализ изменения численности и структуры городского населения. Такой анализ позволит выявить причины демографических проблем и учесть их влияние на современное состояние структуры населения для выработки эффективной демографической политики. Один из факторов влияющих на воспроизводство населения – размер семьи и её состав. Несмотря на актуальность, проблема

изменения структуры городской семьи в 1980-е гг. недостаточно изучена, есть лишь отдельные данные по некоторым регионам в рамках исследований в целом по РСФСР. В отечественной историографии отсутствуют работы посвящённые изучению численности населения северных регионов изучаемого периода. В исследовании приведены данные Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг, Выборочного социально-демографического обследования населения 1985 г. по материалам Национального Архива Республики Коми.

В 1979 г. из 1110,4 тыс. человек постоянного населения Коми АССР 1022,7 тыс. человек (92 %) являлись членами семей. Из них 932,9 тыс. человек проживали совместно с семьями и 90,0 тыс. человек жили отдельно от семьи, но были связаны общим бюджетом. Одиночки (лица, не имеющие семьи или утратившие связь с семьёй) составляли 87,6 тыс. человек (8%) постоянного населения. В 1979 г. в Коми АССР было 279,3 тыс. семей. При этом в городских поселениях число семей составило 203,6 тыс. Средний размер семьи в городской местности составил 3,3 человека. К середине изучаемого периода 90% обследуемого населения проживало в семьях, что свидетельствует о незначительном увеличении числа одиночек. Средний размер городской семьи оставался на том же уровне. К концу периода наблюдалось увеличение числа горожан, проживавших в семьях. Так, по данным 1989 г. в республике Коми при населении 1250,8 тыс. человек постоянного населения 1179,5 тыс. (94%) являлись членами семей. Средний размер городской семьи по числу совместно проживающих членов также составил 3,3 человека. Отсюда следует, что в 1980-е гг. большая часть населения городов Коми АССР проживала в семьях. Однако отмечалось небольшое уменьшение количества горожан проживающих в семьях в середине 1980-х гг. (на 2%) по сравнению с началом периода, однако к концу периода данный показатель вырос на 4%. Средний размер городской семьи на протяжении изучаемого периода оставался неизменным [1, д. 2949, л. 101].

На протяжении изучаемого периода самым распространенным типом семей в Коми АССР были нуклеарные семьи, т.е. полные семьи, живущие одной брачной парой с детьми или без детей. В конце 1970-х гг. в городах республики таких семей насчитывалось 149 тыс., что составляло 43% от общего числа городских семей. В 71% семей с одной брачной парой были дети моложе 18 лет. Средний размер семьи этого

типа, так же как и средний размер городской семьи в целом, составил 3,3 человека [1, д. 2949, л. 102].

К другому распространенному типу семей относятся семьи с одной брачной парой, проживающими с одним из родителей супругов и другими родственниками. В 1979 г. такие семьи в городах Коми АССР составляли 8%. В 1979 г. таких семей насчитывалось 25 тыс. (9%) от общего числа. Средний размер семьи данного типа в городах составил 4,6 человек, что отличалось от данного показателя по республике в целом (4,4 человек). Семьи, в которых не было второго супруга, составляли 38,7 тыс. Из них большинство семей (36,3 тыс.) состояли из матери с детьми и значительное меньшее число семей (2,4 тыс.) – из отца с детьми. Кроме того, в 4 тыс. семей жили один из родителей матери или отца. Их удельный вес составил 1,5%. Семьи, состоящие из двух или более брачных пар с одним из родителей супругов и с другими родственниками, были самые большие по размеру – в среднем в каждой семье проживали 6 человек. Что касается состава семьи середины периода, 27,9% семей состояло из двух человек, 32,7% – из трёх, 27,9 – из четырёх, 11,5 % – из 5 и более человек. [1, д. 5275, л. 14].

Больше половины семей в 1979 г. (59% семей (191 тыс.) составляли семьи, состоящие из 3–4 человек. Третья часть всех семей приходилась на семьи из двух человек, удельный вес таких семей за 10 лет (с 1979 по 1989 г.) увеличился с 27% до 29%. В то же время уменьшился удельный вес семей, состоящих из 5 и более человек (с 13 до 12%). В 1989 г. 61% семей городского населения составляли семьи из 3–4 человек, что на 3% меньше чем в 1979 г. Причем доля семей городского населения состоящих из трёх человек за 10 лет сократилась на 5%, а семей состоящих из четырёх человек, напротив, увеличилась на 1%. Удельный вес семей городского населения состоящих из двух человек увеличился на 2% (с 26% до 28%). Кроме того, доля городских семей из 5 и более человек увеличилась на 1%, когда как в сельской местности произошло сокращение на 3%, хотя удельный вес больших семей в сельской местности был выше.

Тенденция сокращения числа детей в семье была связана с нестабильной ситуацией, которая была вызвана с одной стороны социально-экономической ситуацией в стране, с другой – изменением системы ценностей в обществе. В 1980-е гг. в РСФСР были распространены детоцентристские семьи, для которых прежде всего, были характер-

ны общие ценности, объединявшие мужа и жену, родителей и детей, равноправные отношения супругов. Повышение роли сексуальных отношений в супружестве, не связанных с репродуктивным поведением также явилось одной из причин, того, что супруги ограничивались рождением 1–2 детей. Тем не менее, нежелание родителей иметь более одного ребенка, было связано не только со смещением ценностей в сторону материального благополучия, здоровья и психологического комфорта, но недостаточным обеспечением детскими дошкольными учреждениями. На 100 мест в детских дошкольных учреждениях приходилось 107 детей, число неудовлетворенных заявлений родителей на предоставление места в детском дошкольном учреждении на начало 1989 г. составило 16 тыс. 91 % детей в возрасте от одного до шести лет имели возможность посещать детские дошкольные учреждения [2, д. 361, л. 5].

Кроме того, изменение структуры ценностей населения, отрицательно повлияло на стремление молодых людей создавать семьи, что вело к сокращению рождаемости. Общественное мнение стало либеральнее относиться к не состоящим в браке мужчинам и женщинам, бездетным супружеским парам, добрачным и внебрачным сексуальным контактам, внебрачной рождаемости, что свидетельствовало о переосмыслении ранее сложившихся норм и стандартов брачно-семейных отношений, особенно у городского населения. Наиболее ярко это проявлялось среди населения городов Коми АССР по сравнению с городами соседних регионов. Причиной этого явилась высокая миграция населения трудоспособного возраста в связи с развитием в республике нефтегазовой промышленности.

Список литературы

1. Национальный архив республики Коми (НАРК). Ф. Р-140. Оп. 4
2. НАРК. Ф. Р-140. Оп. 6.

РАЗВИТИЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КАДРОВ ВВС (1918 – ИЮНЬ 1941 г.)

Сидоров И.Ю.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Россия

В статье рассматриваются проблемы периодизации сложившейся в отечественной исторической науке при отражении вопросов связанных с подготовкой партийно-политических кадров ВВС с 1918 по июнь 1941 г. Автор проводит качественный анализ исторических трудов, выделяет общие взгляды, подходы, противоречия. В ходе исследования историографии подготовки кадров впервые уточняется специфика и обусловленность наличия тех или иных периодов в развитии проблемы.

Ключевые слова: подготовка партийно-политических кадров, периодизация, взгляды исследователей, исторический период (подпериод), система подготовки кадров, партийно-политический состав, система военного образования.

DEVELOPMENT PROBLEMS OF PERIODIZATION TRAINING OF PARTY-POLITICAL CADRES OF THE AIR FORCE (1918 – JUNE 1941)

Sidorov I.Y.

Military Educational and Scientific Center of the Air Force,
«Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky
and Y.A. Gagarin», Voronezh, Russia

The problems of periodization developed in the national historiography in the reflection of issues related to the preparation of party-political cadres of the Air Force from 1918 to June 1941 author conducts a qualitative analysis of historical works, highlights common views, approaches, tensions. In

a study of historiography clarifies specific training and conditioning of the presence of various periods in the development of the problem.

Keywords: *training of party-political cadres, periodization, the views of re-searchers, the historical period (sub-period), training system, party-political composition, the system of military education.*

Важным направлением в историографии подготовки партийно-политических кадров ВВС является исследование вопросов периодизации, сложившейся в работах отечественных исследователей. В этом ключе необходимо отметить, что в исторической литературе, отражающей развитие системы обучения военных политработников, сложились различные подходы в плане обобщения происходящих событий и обоснования тех или иных периодов в развитии проблемы, которые требуют своего осмысления и систематизации.

Крупным специалистом в области исследования подготовки и воспитания кадров политработников для Вооруженных Сил является В.П. Бокарев. В данной области научных знаний им были проведены серьезные исторические исследования, а так же опубликован целый ряд трудов [1, 2, 3]. В работах В.П. Бокарева на базе широкого круга документов и фактического материала проведено комплексное исследование деятельности Коммунистической партии по подготовке и воспитанию кадров политработников. Так в диссертационных исследованиях В.П. Бокарева аргументированно рассмотрены научные основы подготовки и воспитания кадров политработников, основные направления деятельности руководящего состава страны по созданию и развитию системы политических военно-учебных заведений, совершенствованию политработников в строевых частях и созданию их резерва. В своих исследованиях В.П. Бокарев, года с 1921 по июнь 1941 выделяет в отдельный межвоенный период, характеризующийся бурным развитием военно-политической работы на фоне упрочнения социалистического строя и экономического подъема страны.

Данный подход к периодизации проблемы в определенной степени разделяет В.С. Шумихин [4]. Вместе с тем, исследованиям В.С. Шумихина присуща большая дифференцированность. Так, межвоенный период он разбивает на три подпериода, первый из которых связан с переходом системы образования на мирное, а следовательно, планомерное развитие, второй – с техническим перевооружением авиации

и повышением качества обучения политработников и третий подпериод определяется исследователем как предвоенный, характеризующийся наращиванием темпов подготовки кадров [4, с. 76–264]. Подход В.С. Шумихина и В.П. Бокарева так же разделяют В.Н. Конюховский, В.С. Бруз, В.М. Пинчук, авторские коллективы книг «КПСС и военное строительство» и «Военно-Политическая Академия им. В.И. Ленина. Исторический очерк», Е.А. Носков, В.В. Паршин [5, 6, 7, 8, 9, 10]. Данным исследованиям присущая большая степень общения проблемы, которая по нашему мнению для подготовки кадров политработников в межвоенном периоде наиболее приемлема и обоснована ее спецификой.

Некоторые историки выделяют в исследовании проблемы более узкие периоды. Например, И.Б. Берхин, И.С. Еленский и Б.П. Груздев в отдельный период подготовки кадров политработников выделяют годы военной реформы в СССР [11, 12, 13]. Так И.Б. Берхин отмечает, что в 1924–1925 гг. произведена коренная реорганизация военно-учебных заведений направленная на: «придание системе военного образования законченного и последовательного вида; приведение численности и емкости военно-учебных заведений в соответствие с реальными потребностями Вооруженных Сил в командных кадрах; приближение строевой организации военных школ к организации строевых частей; обновление и укрепления командного и преподавательского состава военно-учебных заведений; усовершенствование методов обучения и повышения его качества; усиление политической работы в военно-учебных заведениях...» [11, с. 270]. О чем так же отмечает в своем труде Б.П. Груздев: «В годы военной реформы 1924–1925 гг. в связи с резким сокращением численности Вооруженных Сил подверглась перестройке и высшая военная школа РККА» [13, с. 184].

Другая часть историков считает важным выделить годы довоенных пятилеток [14, 15, 16] и предвоенные годы [17, 18, 19] в отдельный период.

Особого мнения, в вопросе периодизации развития системы военно-политического образования, придерживаются авторский коллектив труда «Коммунистическая партия в борьбе за строительство и укрепление Советской Армии (1918–1941 гг.)» и Н.П. Балыков, которые историю развития военно-политического образования с 1918 по 1941 гг. объединяют в один общий организационный период [20, 21]. В частности Н.П. Балыков отмечает: «Первый период организации профес-

сиональной подготовки политсостава охватывающий большой отрезок времени (с 1918 по 1941 г.), был насыщен событиями исключительно исторического значения... это годы ... становления и утверждения профессиональной военно-политической деятельности, поиска такого места для политического работника в общей структуре управления армией и воспитания ее личного состава, которое бы больше всего соответствовало природе военной организации и характеру социалистической армии. В эти годы были заложены все основные черты профессиональной подготовки политсостава» [21, с. 6–7].

И, наконец, определенной периодизации придерживаются авторские коллективы ряда трудов по истории Военно-политической академии имени В.И. Ленина [5, 22]. Суть представленной в этих источниках периодизации основывается на преобразованиях штатной структуры будущей академии, выражавшейся в изменении ее наименований и повышении статуса, начиная с первых курсов политических работников и Петроградских агитаторских курсов и далее к Красноармейскому университету и Военно-политической академии [22, с. 5, 6, 13, 18, 33, 35, 37, 46].

Таким образом выбор того или иного этапа в развитии системы подготовки кадров обуславливался прежде всего конкретными научными задачами которые ставил перед собой исследователь и был прямо пропорционален степени обобщения исторического материала. Вместе с тем, на наш взгляд, наиболее обоснованным, является исследование эволюции системы подготовки партийно-политических кадров для ВВС в рамках межвоенного периода. Поскольку он характеризуется планомерным развитием военно-политического образования, по сравнению с периодом Гражданской и Великой Отечественной войн, не отличался кардинальной сменой политического курса и задач, стоящих перед партийными работниками, а так же поддерживался большинством как советских, так и современных историков.

Список литературы

1. Бокарев В.П. Исторический опыт КПСС в подготовке и воспитании кадров политработников армии и флота в период мирного социалистического строительства (1921 – июнь 1941 г.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984.
2. Бокарев В.П. Исторический опыт КПСС в решении проблемы подготовки кадров политработников армии и флота: на страже завоеваний Великого Октября // Сборник научных статей № 7. М.: ВПА, 1977.

3. Бокарев В.П. Институт военных комиссаров // Военно-исторический журнал. 1978. № 4.
4. Шумихин В.С. Советская военная авиация 1917–1941 / Ин-т воен. истории. М.: Наука, 1986.
5. Конюховский В.Н. Борьба Коммунистической партии за укрепление Красной Армии в годы мирного социалистического строительства (1921–1941 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1958.
6. Военно-Политическая Академия им. В.И. Ленина. Исторический очерк. / Под общ. ред. ген.-полк. А.С. Желтова. М., 1962. С. 36.
7. КПСС и военное строительство / Под. ред. А.А. Епишева. М.: Воениздат, 1982. С. 217–219.
8. Воздушная мощь Родины / В.С. Шумихин, В.М. Пинчук, В.С. Бруз и др. / Под ред. Л.Л. Батехина. М.: Воениздат, 1988. С. 78–83, 103–113.
9. Носков Е.А. Развитие системы подготовки летных кадров в России (СССР) в 1910–2000 гг. Монино: ВВА, 2004.
10. Паршин В.В. Теория и практика применения советских ВВС в межвоенный период (1921 г. – июнь 1941 г.). М.: ВУ, 2008.
11. Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М.: Воениздат, 1958.
12. Еленский И.С. Развитие теории и практики воспитания и обучения советских воинов в период 1924–1928 гг.: дис. ... канд. пед. наук. М., 1968.
13. Груздев Б.П. Военное образование и военная наука в России (история и современность): Военно-теоретический труд. М.: ОА ВС РФ, 2001. С. 184.
14. Воропаев Д.А. Борьба Коммунистической партии за создание военных кадров в период подготовки страны к активной обороне (1928–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1953.
15. Крыгин К.Ф. Деятельность Коммунистической партии по строительству и укреплению политорганов и партийных организаций Военно-воздушных сил в годы довоенных пятилеток (1929–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.
16. Федоренко Н.И. Деятельность Коммунистической партии по подготовке летных кадров в годы довоенных пятилеток (1929 – июнь 1941 гг.). Монино: ВВА им. Ю.А. Гагарина, 1975.
17. Зозуля А.И., Зайцев А.Д. Деятельность Коммунистической партии по укреплению Военно-Воздушных Сил в предвоенный период (1939 – июнь 1941 гг.). Монино, 1964.

18. Никитин Е.Ф. Деятельность Коммунистической партии по укреплению Советских Вооружённых Сил в предвоенные годы (1939 – июнь 1941 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 1965.
19. Лошков Д.Б. Командные кадры Красной Армии накануне Великой Отечественной войны: 1939 – июнь 1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
20. Коммунистическая партия в борьбе за строительство и укрепление Советской Армии (1918-1941 гг.) / Под. ред. М.И. Логинова. Л., 1955.
21. Балыков Н.П. О становлении и развитии системы и содержания профессиональной подготовки военных политработников. М.: ВПА, 1973.
22. Академия имени В.И. Ленина (исторический очерк) / Под. общ. ред. Е.Е. Мальцева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1980.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сикорская О.Г.

МГУ им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток, Россия

После распада СССР в 1991 начался новый этап истории российской медиасферы – функционирование в рыночных условиях. Преобразования, пришедшие в СМИ и затронувшие все их области, происходили не одновременно, а представляли собой процесс, занявший достаточно продолжительный период времени. В статье излагаются способы периодизации новейшей истории российских СМИ, а также дается их сопоставление.

Ключевые слова: *российские СМИ, журналистика, периодизация, этапы развития, масс-медиа, история СМИ, новейшая отечественная история.*

THE PERIODIZATION OF THE HISTORY OF MEDIA IN RUSSIAN FEDERATION

Sikorskaya O.G.

MSU named after Adm. G.I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia

After the disintegration of the Soviet Union in 1991 a new phase in the history of Russian media began – the functioning in market conditions. Conversions, which came in the media and have affected all their area, didn't occur at the same time and were a process took a long period of time. The article describes periodization methods of the recent history of Russian media and compares them.

Keywords: *Russian media, journalism, periodization, stages of development, mass-media, history of media, the newest Russian history.*

С началом 1990-х годов для всей системы отечественных средств массовой информации наступил новый этап развития. С переходом к рыночной экономике кардинально изменилась вся система циркулирования информации в новом демократическом государстве. Произошли перемены и в формах собственности, и в тематическом разнообразии источников информации, была отменена цензура, на рынке появились новые виды изданий. Данные процессы, предпосылки которым были положены в перестроечный период, заняли определенный промежуток времени, но пик преобразований пришелся на начало 1990-х годов. Исследователи, занимающиеся вопросами функционирования российской медиасферы, также признают 1991–1996 гг. самым значимым периодом для российской журналистики, отмечая, что в последующие периоды наблюдались тенденции, заложенные именно в указанный отрезок времени. Что касается периодизации новейшей истории российских СМИ, то на сегодняшний день существует несколько ее видов. В статье приводятся несколько способов периодизации истории российской медиасферы с 1991 года с кратким обобщающим выводом.

Все нижеприведенные системы принадлежат в основном отечественным ученым, за исключением варианта, предложенного шотландским исследователем **Брайаном Макнейром**, изучающим проблемы коммуникаций.

Б. Макнейр выделяет три фазы в развитии новейшей истории российских масс-медиа. Первая длится с 1986 по 1990 год (она завершается с принятием Закона СССР о СМИ). Следующая фаза продолжается до августа 1991 года и получает название «золотого века российской прессы». Третья фаза начинается после событий августа 1991 года, и представляет собой, по мнению ученого, совершенно новый этап рыночного развития российских СМИ, когда в медиасфере возникают экономические трудности, а распад СССР усугубляет сужение рынка прессы. С тех пор издания ищут пути выживания и ищут свою нишу на рынке [1; 115–135]. Данная периодизация носит довольно общий характер и в связи с тем, что работа была написана Б. Манкейром в 1993 году, период с 1991 года, который является наиболее значимым для истории российской журналистики, не дифференцирован.

Среди российских ученых существуют несколько систем периодизации новейшей истории СМИ, охватывающих период, вынесенный в заголовок.

Схема, предложенная **А.Б. Безбородовым**, является наиболее пространственной и предлагает следующие этапы в новейшей истории российской журналистики:

1. 1987–1991 гг. – период гласности;
2. 1991–1996 гг. – свобода слова / печати, партнерство свободных СМИ с властью;
3. 1996–2000 гг. – свобода слова / печати, противостояние свободных СМИ власти;
4. После 2000 г. до настоящего времени – государственное регулирование информационной политики в стране.

Такая схема отличается предельной простотой в делении на временные отрезки, но она не учитывает отдельные факторы, противоречащие подобной характеристике некоторых периодов (например, чеченская война, последние годы правления Б.Н. Ельцина) [2; 400].

Периодизация, приводимая в книге **И.И. Засурского** «Масс-медиа Второй Республики», к четырем периодам добавляет пятый – послекризисный (кризис 1998 года).

1. До 1990 г. (т.е. до принятия закона о печати). Популярна была идеология «четвертой власти» и миф о независимой прессе.

2. 1990 – начало 1992 гг. – «золотой век» российской печати. В этот период пресса достигла больших успехов, резко возросли тиражи, вещание в прямом эфире.

3. 1992–1996 гг. – период формирования российской системы СМИ, изменения в структуре собственности масс-медиа и их роли в жизни общества. Сохраняется влияние центральной прессы в регионах. Сохранение подписчиков и, как следствие, тиражей.

4. 1996–1998 гг. – четвертый период. После выборов Президента в 1996 году роль масс-медиа признана определяющей. Так СМИ становятся основной средой политической коммуникации.

5. С 1998 г. по настоящее время – пятый период. [3; 57–63]

Следующая периодизация предложена историком-книговедам **И.В. Лизуновой**:

1. 1990–1995 гг. – демонтаж и демонополизация сферы государственного управления и стихийное формирование рынка прессы и электронных СМИ в условиях нового информационного пространства;

2. 1996–1999 гг. – концентрация медиакапитала, формирование олигархической схемы управления отраслью, расслоение СМИ на «каче-

ственные» издания и мейнстрим (бульварная пресса, развлекательные каналы и глянцевого журналы);

3. 2000–2008 гг. – строительство сбалансированной государственно-монополистической системы управления медиасистемой; постепенное усиление влияния местных институтов на печатные и электронные СМИ;

4. 2009 г. – возможное начало нового этапа, связанного с кризисным состоянием отечественных СМИ как следствия мирового финансового кризиса; сокращение числа медиаструктур [4; 115–119].

Способ периодизации, который приводится авторами в исследовании «Средства массовой информации постсоветской России»:

1. 1970–1985 гг. – пропагандистская машина, основанная на газетах, радио. Телевидение находится под государственным контролем;

2. 1986–1990 гг. – пропагандистская машина, ориентированная на поддержку реформ. Основана на газетах, радио. ТВ усиливает позиции;

3. 1991–1995 гг. – «четвертая власть», независимая корпорация журналистов. Перемены: печатная пресса в упадке, ТВ и радио (FM, УКВ) – на подъеме;

4. 1996–2000 гг. – медиаполитическая система, «общество спектакля»; медиаполитическая система в окружении коммерческих СМИ. Появление Интернета;

5. 2000 – наше время – смешанная система, усиление роли государственных СМИ и Интернета; масс-медиа под государственным контролем в окружении коммерческих СМИ – против Интернета. [5; 105–106]

Здесь присутствуют хронологические периоды, включающие в себя не только собственно постсоветский период, но и последние два десятилетия до дезинтеграции СССР.

Наиболее подробную периодизацию предлагает **В.Т. Третьяков**. Она основана на трех критериях: уровень свободы слова (свободы печати), характер взаимоотношений СМИ с центральной властью и экономическая самостоятельность (или подчиненность СМИ).

1. Ожидание перемен: последние годы правления Л.И. Брежнева (1980–1982 гг.), правление К.У. Черненко (1984–1985 гг.) и Ю.В. Андропова (1982–1984 гг.).

2. Гласность: правление М.С. Горбачева (1985 – 19 августа 1991 гг.).

3. Политический выбор-1: 19–21 августа 1991 года, ГКЧП.

4. Свобода слова для всех: 22 августа 1991 года – сентябрь – октябрь 1993 года («Золотой век»).

5. Политический выбор-2: сентябрь – октябрь 1993 года.

6. Свобода печати для всех, у кого есть деньги: 1993-й – лето 1996 года.

7. Свобода слова в руках олигополий: информационные войны 1997–2000 годов.

8. Свобода слова при государственном доминировании в СМИ: с 2000 года по сей день [6; 62–69].

На сегодняшний день, по мнению В.Т. Третьякова, пресса окончательно теряет однородность.

Несмотря на существование на сегодняшний день нескольких видов периодизации российских СМИ, у всех присутствуют общие черты. Они охватывают один и тот же временной отрезок, за исключением двух, включивших также период до перестройки. Все исследователи предлагают практически одинаковый хронологический принцип деления и почти все системы периодизации включают в себя сходное число этапов, в характеристике которых прослеживается общность. Большинство исследователей включают в периодизацию этап до 1991 года, что, вероятно, обусловлено частичной преемственностью в средствах массовой информации СССР – России, а также наличием предпосылок к формированию СМИ нового государства в событиях предшествующих десятилетий.

В качестве пограничных выбраны определенные даты (1991, 1996, 2000 гг.), имеющие большое значение в политической жизни страны. Таким образом, этапы в истории российских средств массовой информации совпадают с вехами новейшей российской истории, в частности, смена формы государственной власти и выборы президента. Большинство авторов называют последним пунктом в своей периодизации 2000 год, после которого российские средства массовой информации начали утрачивать независимость и произошло усиление государственного влияния.

Основное различие приведенных нами способов периодизации состоит в степени обобщенности.

Резюмируя, можно отметить, что российская пресса периода демократизирующегося общества за последние два с небольшим десятилетия прошла в своем развитии довольно насыщенный путь от полной свободы слова до усиления роли государства в регулировании СМИ. Как видно из приведенных выше примеров, существует единый взгляд

на развитие системы средств массовой коммуникации в России, где очевидно прослеживается сопряженность с экономической ситуацией в стране, а также политическими событиями.

Список литературы

1. Brian McNair Media in Post-Soviet Russia: An Overview // European Journal of Communication. June 1994 vol. 9 no. 2. P. 115–135.
2. Безбородов А.Б. Агакишиев И.А., Бачинин А.Н. История СССР / РФ в контексте современного россияведения: учебное пособие. М.: Проспект, 2013. 400 с.
3. Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. М.: Изд-во Московского университета, 1999. С. 57–63.
4. Лизунова И.В. Средства массовой информации России на рубеже XX–XXI вв.: периодизация и ее трактовки (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Гуманитарные науки в Сибири. № 2, 2009. С. 115–119.
5. Средства массовой информации постсоветской России: учебное пособие / Я.Н. Засурский, Е.Л. Вартанова, И.И. Засурский и др. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 105–106.
6. Третьяков В.Т. Как стать знаменитым журналистом: Курс лекций по теории и практике современной русской журналистики. М.: Ладомир, 2004. С. 62–69.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В 1939–1945 гг.: ПРОБЛЕМА РАЗМЕЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОВОЛЖЬЯ)

Тузова О.В.

Самарский государственный технический университет,
г. Самара, Россия

В статье раскрывается малоизученный аспект функционирования музыкально-культурной системы – вопросы обеспечения помещениями различных ее компонентов в региональном контексте. На примере материалов Поволжья рассматриваются типичные проблемы и механизмы проявления детерминанты обеспеченности и механизмы преодоления дефицита помещений, динамика состояния этого показателя в рамках 1939–1945 гг. на материале Куйбышевской, Казанской, Пензенской, Ульяновской, Энгельсской, Саратовской моделей.

Ключевые слова: Вторая мировая война, советская культура, музыкально-культурная система, Поволжье, материальные ресурсы, эвакуация, образовательный компонент, концертно-организационный компонент, музыкально-театральный компонент, образовательный, управленческий компонент.

MATERIAL RESOURCES OF REGIONAL MUSICAL CULTURE: THE PROBLEM OF PLACING (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGA REGION)

Tuzova O.V.

Samara State Technical University, Samara, Russia

The article considers insufficiently explored aspect of musical culture system's functioning – the theatre, philharmonic, educational buildings, student residence, theatre hostels in the Volga region. Typical problems, dynamic of

this material factor during the World War II (1939–1945) in the Kuibyshev, Kazan, Penza, Ulyanovsk, Engels & Saratov models are represented using system and comparative methods.

Keywords: *World War II, Soviet culture, musical culture system, Volga region, material resources, managerial, concert-organizational, musical theatre performance, creative, musicologist, educational components.*

Для функционирования музыкально-культурной системы наряду с человеческими ресурсами важнейшими представляются обеспеченность финансами, в материально-техническом плане – оснащенность помещениями (специализированными, типовыми, жилым фондом), инструментами, нотной и музыковедческой литературой, сценическим оборудованием, костюмами, бумагой, предметами быта и проч. Влияние этих факторов на региональные модели относилось к детерминантам в комплексе с принадлежностью к административному образованию и его статусом, внутри- и внешнеполитическим процессам в экстремальных условиях Второй мировой войны 1939–1945 гг. Конкретно-исторических исследований, посвященных указанной тематике, автором не обнаружено.

Форсированная индустриализация 1930-х гг., сопровождавшаяся урбанизационными процессами и необходимостью развития инфраструктуры, в том числе в сфере культуры, диссонировали с недостатком площадей для различных учреждений, особенно требовавших оборудованных условий. В связи с этим ставились задачи построения нового и перепрофилирования имевшегося фонда. В целом проблема дефицита помещений была актуальной в той или иной степени практически для всех компонентов и моделей региона, усугубившись в эвакуационный период. Вариантами ее решения было совместное использование одного здания или концертной, театральной площадки, аренда и проч. По мере улучшения внешнеполитической ситуации и сопутствующей ей реэвакуации проблема ослабевала, но сопровождалась необходимостью реконструкции и разного уровня ремонта фонда [29, оп. 1, д. 13, л. 159; д. 148, л. 89].

Один из лучших и новейших объектов в регионе, приспособленных для музыкально-театральных постановок (Дворец культуры имени В.В. Куйбышева, построенный в 1938 г., ставший стационаром для театра оперы и балета), было передано Большому театру СССР осенью

1941 г. Многое пришлось переделывать в связи с тем, что сценическая площадка Дворца культуры по своей величине не соответствовала постановкам столичного театра. Для хранения декораций приняли решение поставить павильон на площади им. В.В. Куйбышева по ул. Галактионовской. Исполнявший обязанности директора Я.Л. Леонтьев в письме от 18 июня 1943 г. указывал М.Б. Храпченко о протекании крыши в артистических уборных, неотложности ремонта планшета сцены, так как были часты падения артистов балета [13, оп. 1, д. 70, л. 50; 27, оп. 5, д. 67, л. 2-2 об., 4-4 об.; 28, оп. 7, д. 1216, л. 17]. Во второй половине октября 1941 г. объединенный Куйбышевский театр оперы, балета и музыкальной комедии переехал в помещение филармонии по ул. Фрунзе, 141, с условием эксплуатации в течение недели – 5 дней театром и 2 дня филармонией [12, оп. 2, д. 5, л. 2].

Минимальному «уплотнению» подвергся Саратовский театр оперы и балета, однако на заседании партбюро театра в феврале 1942 г. среди серьезных условий, тормозивших работу театра, называлось отсутствие репетиционного помещения по причине проживания в нем работников Московской консерватории, усугублявшего риск развития эпидемиологических заболеваний [21, оп. 1, д. 10, л. 5-5 об.]. Кроме того, в июле 1941 г. аппарат местного органа управления культурой разместили в здании театра оперы и балета, для чего освободили 5 комнат, занимаемых красным уголком и буфетом на первом этаже со стороны ул. М. Горького [23, оп. 1, д. 75, л. 273]. В 1944 г. начали капитальный ремонт здания Саратовского оперного театра и консерватории. Для проверки и оказания технической помощи в мае 1944 г. прислали архитектора И.Н. Николаева [29, оп. 1, д. 132, л. 43].

Татарский государственный театр оперы и балета, открывшийся в 1939 г., работал в помещении Татарского государственного академического театра (Б. Галактионовская, д. 13), в зале которого располагались 926 мест [17, оп. 1, д. 50, л. 28]. С первых дней Великой Отечественной войны его отдали госпиталю, а рабочий состав Татарского и оперного театров перевели в здание драматического театра им. В.И. Качалова. До конца 1942 г. 3 коллектива сосуществовали под одной крышей: попеременно шли русские, татарские, оперные спектакли. Затем, до завершения строительства здания в 1956 г. оперный театр располагался в одном помещении с Татарским академическим [29, оп. 23, д. 399, л. 222]. Весной-летом 1945 г. Наркомгражданстрой РСФСР возобновил

строительство оперного театра в Казани, готовность которого оценивалась примерно в 30%. Общий объем составлял 71040 кв. м.; зрительный зал был рассчитан на 1200 мест. Стоимость строительства в совокупности выражалась в сумме 7 300 тыс. руб. в ценах 1936 г. В 1945 г. к освоению наметили 1 млн руб. Строительные работы проводились военнопленными, сначала в количестве до 200, а затем до 20–30 человек; 5 грузовых машин выделили за счет фондов СНК РСФСР [28, оп. 3, д. 1306, л. 101, 159; 30, оп. 5, д. 1726, л. 97].

Вспоминая о зарождении Пензенского оперного театра, Ф.П. Вазерский 8 июля 1945 г. писал в областной газете: «На первых порах репетиции велись в клубных помещениях и в музыкальном училище, ибо своего постоянного помещения опера не имела. Зачастую приходилось репетировать в стужу, в нетопленных помещениях, но работа шла, согреваемая энтузиазмом артистов, всей душой преданных искусству. Спектакли ставились почти ежедневно: по понедельникам в областном драматическом театре, а в остальные дни в рабочих клубах, Дворце пионеров, военном городке». В конце 1942 г., после решения Пензенского областного отдела по делам искусств о поддержке молодого театра, он получил клуб им. 1 Мая на 500 мест на ул. Московской, 29, мало приспособленный для музыкально-театральной деятельности (плоская сцена, полуразрушенное состояние здания, использованного до этого в качестве склада). Там Пензенская опера находилась до 11 декабря 1943 г., после чего здание передали Дворцу пионеров [6, оп. 1, д. 33, л. 20; 14, с. 287–288; 16, с. 93–94; 29, оп. 1, д. 148, л. 82]. Альтернативное помещение – клуб железнодорожников им. Ф. Дзержинского – предоставили эвакуированному коллективу театра музыкальной комедии из Ростова-на-Дону по договору об аренде за 20000 руб. в месяц. Только после реэвакуации последнего клуб им. Ф. Дзержинского с залом из партера и двух ярусов на 954 места по ходатайству облисполкома передали Пензенскому оперному театру (коллектив занимал его до закрытия в 1948 г.) [4, оп. 1, д. 761, л. 43; 17, с. 94]. Здание, построенное в 1874–1884 гг. для Богоявленской церкви, в 1925–1926 гг. приспособили под рабочий клуб [15, с. 74]. Оно нуждалось в капитальном ремонте, особенно отопительная система. Закулисная часть состояла из 6 комнат, что было совершенно недостаточно для обслуживающих цехов и для артистических уборных. Оркестровую яму расширили за счет партера, что позволило разместить до 35 музыкантов, но при

этом струнная группа находилась на уровне пола зрительного зала [29, оп. 1, д. 148, л. 105 об.]. В конце войны планировалось строительство в Пензе здания для оперного театра, на проектирование которого было отпущено 80000 руб. Известно, что в феврале 1945 г. проект разрабатывался, но не был реализован [1].

Концертно-организационный компонент региональных моделей МКС испытывал существенный дефицит помещений: из 64 организаций в РСФСР к 1945 г. только 15 (из них – Куйбышевская) имели концертные залы и место для репетиций [29, оп. 1, д. 173, л. 56]. Куйбышевскую филармонию обеспечили удовлетворительными условиями: здание с залом вместимостью 1100 мест на углу улиц М. Фрунзе и Л. Толстого. С 1 ноября 1941 г. филармония работала 2 дня в неделю в этом здании и 1 раз в неделю – в драматическом театре им. А.М. Горького, что крайне негативно отразилось на выполнении финансового плана и на повышении качества художественной деятельности (исключалась возможность полноценной репетиционной работы). Кроме того, филармония пользовалась клубом им. Ф. Дзержинского, клубом завода им. А. Масленникова, бывшим управленческим участком Гидроузла [10, оп. 2, д. 17, л. 1]. Летом 1942 г. администрация Куйбышевской филармонии опубликовала объявление о намерении арендовать комнату с роялем для занятий с 10 ч утра до 17 ч вечера [2]. Несмотря на ограничения в пользовании стационарным помещением, в сезон 1942 г. филармония в основном здании оборудовала дополнительно малый зал на 120–150 человек для камерных и тематических концертов и вечеров [10, оп. 2, д. 49, л. 5]. В соответствии с решением №83/4 горисполкома от 4 ноября 1943 г. «О помещении концертного зала филармонии», ей передали здание по ул. М. Фрунзе, 141. Однако директор филармонии А.И. Самойлов обратился к секретарю обкома по пропаганде с информацией о том, что в нем не хватало 250 стульев в партере, не было занавеса, электрических ламп, топлива, что означало практическое отсутствие условий для «одной из крупнейших музыкальных организаций Советского Союза» [8, оп. 2, д. 86, л. 109; 7, оп. 34, д. 70, л. 132].

Филармония АССР Немцев Поволжья в Энгельсе получила в совместное пользование с театром кукол с 1 ноября 1940 г. здание клуба им. Первой пятилетки (ул. Коммунистическая, д. 30) с залом на 500 мест и другими помещениями для репетиционной работы, что дало возможность развернуть работу эстрады. До указанного времени фи-

лармония располагалась в здании немецкого театра [29, оп. 1, д. 69, л. 43 об.]. В мае 1941 г. СНК АССР Немцев Поволжья утвердил 20 тыс. рублей на капитальный ремонт здания, а в апреле 1941 г. Энгельсский парк культуры и отдыха передали из ведения Управления по делам искусств в ведение филармонии [25, оп. 1 о/д, д. 173, л. 59, 67].

По данным на октябрь 1940 г. работа Саратовской филармонии на стационаре (зал консерватории) тормозилась «нездоровыми взаимоотношениями с дирекцией» вуза, которая предпочитала сдавать зал для устройства вечеров другим организациям. В связи с этим начальник Управления по делам искусств Н. Беспалов предложил директору консерватории сдать в аренду филармонии по себестоимости зал целиком для проведения концертов и репетиций оркестра, за исключением дней, необходимых для учебно-производственных целей. Кроме того, предполагалось обратиться в Саратовский облисполком с просьбой о выселении винного (!) магазина с первого этажа учебного корпуса и передачи указанной площади филармонии для репетиций и размещения аппарата [29, оп. 1, д. 48, л. 78].

Не располагали собственным помещением Пензенская областная эстрада (к 1944 г.) и Ульяновское концертно-эстрадное бюро (далее - КЭБ). Учебно-производственную работу Пензенского КЭБ сосредоточили на квартире, в которой проводились вся репетиционная подготовка, занятия с педагогом-вокалистом и режиссером, лекционный цикл [29, оп. 1, д. 148, л. 87; оп. 9, д. 71, л. 15]. Ульяновскому КЭБ в 1943 г. выделили в распоряжение 1 день в неделю (понедельник) в помещении драмтеатра [26, оп. 2, д. 256, л. 3]. Эта организация, трансформированная в филармонию, испытывала критическое состояние и в 1945 г., связанное не только с «творческой запущенностью», невозможностью предъявления высоких профессиональных требований артистам вследствие того, что большинство вышло из самодеятельности, но и с отсутствием в городе соответствующего помещения: в ряду факторов, тормозивших развитие филармонии, в отчетах указывалась «маломощность имеющихся в городе крупных площадок», ставшая веским основанием для эвакуации Житомирского театра музыкальной комедии в Мелекесс, а не в Ульяновск, что существенно обогатило бы его культурную жизнь [19, оп. 1, д. 21, л. 1; 28, оп. 1, д. 175, л. 19–20; 26, оп. 3, д. 258, л. 1 об.]. Это косвенно доказывается тем обстоятельством, что имеется несколько указаний на намерение Н.И. Егорова создать на базе

труппы Житомирской музыкальной комедии театра популярного жанра, что предполагало её переезд в Ульяновск, так и не свершившийся по причине резэвакуации. В 1945 г. под оборудование театра музыкальной комедии совместно с филармонией в Ульяновске планировалось использовать здание фабрики № 5, однако пришли к заключению о невозможности переоборудования ввиду неудовлетворительных геологических условий участка, не позволивших произвести пристройку сцены. После рассмотрения эскизного проекта в Техничко-Экспертном Совете, Управление по делам искусств при СНК РСФСР предложило Ульяновскому областному отделу по делам искусств переоборудовать здание под концертный зал филармонии на 700 мест [19, оп. 1, д. 21, л. 8; 29, оп. 1, д. 175а, л. 171].

В соответствии с постановлением Татарского бюро обкома ВКП (б) от 27 декабря 1943 г. было предложено Наркому внутренних дел предоставлять по себестоимости содержания помещения Татарской государственной филармонии клуб им. Менжинского для репетиций и бесперебойной работы приезжавших квалифицированных концертных исполнителей. Кроме того, в гостинице «Татарстан» закрепили не менее 3 номеров для гастролеров. Увеличение концертного пространства предполагалось и за счет завершения строительства и передачи для эксплуатации филармонии летнего театра Казанского Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького [31, оп. 5, д. 746, л. 105].

Эвакуированную в Саратов Московскую консерваторию объединили с местным аналогом и разместили в его здании, причем большую часть площади сначала предоставили Военфаку [21, оп. 1, д. 33, л. 39]. В мае 1943 г. в целях всестороннего обследования состояния учебных корпусов, общежитий, столовых и подсобных хозяйств Саратовской консерватории и музыкального училища из Москвы командировали кандидата экономических наук А.М. Виноградов [29, оп. 1, д. 109, л. 157]. В июне 1944 г. в консерватории работала комиссия, констатирующая, что «отличное помещение консерватории недопустимо запущено, имеет казарменный вид. В классах, коридорах – пыль, захламленность, спертый воздух. Некогда блестящий концертный зал также крайне запущен» [24, оп. 1, д. 12, л. 3]. На ремонт Саратовской консерватории Управлением по делам искусств при СНК РСФСР утверждено в апреле 1944 г. 250 тыс. руб. Предполагалось, что наиболее затратным станет ремонт отопления и котельной (85 тыс. руб.), на ремонт фасада

выделялось 40 тыс. руб., противопожарного водопровода – 19 тыс. руб., крыши и водопровода – 30 тыс. руб. и проч. [22, оп. 1, д. 3, л. 33] Однако работы вызвали перерасход в 213 тыс. руб. Кроме того, на ремонт общежитий было потрачено 29 тыс. руб. [20, оп. 1, д. 39, л. 70; 28, оп. 19, д. 532, л. 130 об.] В июне 1944 г. городские власти вплотную занялись подготовкой вуза к учебному году. Предполагалось «привести в образцовое состояние здание консерватории» до 15 августа. Для этих нужд Горплан выделял 2 т мела, 2 т алебаstra, 2 т извести, 1 т олифы, 300 кг красок, 5 куб. м пиломатериалов. До конца войны 1945 г. консерваторию отремонтировали и перевели на газовое отопление [24, оп. 1, д. 3, л. 12; 29, оп. 1, д. 173, л. 86].

Для обеспечения работы эвакуированной в Пензу кузницы молодых талантов – Центральной детской музыкальной школы при Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского (далее – ЦДМШ) – ошутимо потеснили музыкальную школу и художественное училище. В последнем ЦДМШ заняла нижний этаж, поэтому аудитории, классы и мастерские перенесли на второй этаж [5, оп. 1, д. 631, л. 9; 4, оп. 1, д. 860, л. 306]. ЦДМШ выделили 955 кв. м полезной площади: 7 детских палат, 2 изолятора, медпункт, 2 комнаты, занятых под общежитие педагогов и сотрудников, вестибюль, 3 больших коридора, прачечная и уборная. С дирекциями Пензенской ДМШ и художественного училища 5 января 1943 г. ЦДМШ заключила договор аренды (в музыкальной школе сняли 2/3 помещения), по условиям которого она должна была содержать в порядке занимаемые учебные площади, нести расходы по текущему ремонту и по проведению противопожарных мероприятий [28, оп. 4, д. 867, л. 23, 31]. Многие договорные пункты не выполнялись, что являлось одной из причин возникшей конфликтной ситуации, доведенной до уровня прокуратуры [6, оп. 1, д. 25, л. 160]. Это обстоятельство подтверждается и воспоминаниями В.И. Дмитриевского: «...Королеву (начальник Пензенского областного отдела по делам искусств. – О.Т.) приходилось выступать в роли арбитра постоянно вспыхивающих жарких стычек и перепалок между Горюшкиным-Сорокопудовым (директор Пензенского художественного училища – О.Т.) и руководством «золотого резерва» советской музыки, потеснившего будущих Рембрандтов и Суриковых областного масштаба» [14, с. 222]. По данным из справки о состоянии учреждений искусств Пензенской области в результате пребывания Центральной детской музыкальной

школы здание требовало капитального ремонта: за зиму выведена из строя отопительная система, внутренняя отделка попорчена, разбиты стекла и застекленная крыша живописной мастерской; «бесхозяйственность руководства Московской школы дошла до того, что в классах и коридорах кололись дрова, в результате чего испорчен паркетный пол» [29, оп. 1, д. 148, л. 86].

К концу 1939 г. из 49 музучилищ РСФСР около половины размещались в совершенно неприспособленных и необорудованных для занятий помещениях. Одно из крупнейших учебных заведений периферии – Саратовское музучилище – проводило занятия в здании консерватории, что негативно сказывалось на их работе. Отсутствие специального здания у Пензенского музыкального училища приводило к занятиям в 3 смены в не имевших необходимой звукоизоляции комнатах; не было концертного зала, лабораторий [29, оп. 1, д. 13, л. 158; д. 34, л. 72].

Казанское музыкальное училище, здание которого на ул. Жуковского, д. 4 занял Физиологический институт АН им. И.П. Павлова, перевели в ДМШ № 1, в результате перегрузки которой в училище не работала библиотека; студенты занимались по общеобразовательным предметам 2 дня по 8 часов, а в воскресенье – по теоретическим дисциплинам по насыщенному расписанию, утомлявшему учащихся. Среди негативных последствий также: невозможность использования двух роялей для концерта до отрыва от коллектива [18, оп. 1, д. 51, л. 3; д. 63, л. 5; 29, оп. 1, д. 13, л. 159]. В директивном порядке бюро обкома ВКП (б) 17 декабря 1943 г. постановило до 1 апреля 1944 г. освободить здание музучилища [30, оп. 5, д. 746, л. 105]. По состоянию на октябрь 1944 г. общежитие, в отличие от учебного корпуса, училищу не вернули; без него проблема подготовки национальных кадров представлялась неразрешимой задачей. Нехватка учебных площадей в совокупности с отсутствием общежития влияли на количественные и качественные показатели приема в Казанском музучилище. Решено было соблюдать очередность: местные учащиеся, затем – эвакуированные [18, оп. 1, д. 51, л. 3 об., д. 87, л. 3].

Музыкальное училище и школа в Энгельсе получили бывший молитвенный дом (каменное трехэтажное здание, дающее ежегодную усадку и как следствие – трещины), переоборудованный, но не отвечавший требованиям учебных заведений исследуемого профиля и вдвое меньше реальных потребностей, с концертным залом в 34,5 м и проч. [25, оп. 1 о/д, д. 129, л. 18–19].

В отчете о работе отдела учебных заведений Управления по делам искусств при СНК РСФСР за 1939 г. отмечалось, что положение с размещением музыкальных школ обстояло несколько лучше, чем училищ [29, оп. 1, д. 33, л. 48].

Здание Ульяновской ДМШ летом 1941 г. превратили в общежитие чулочной фабрики «КИМ» на весь военный период. Преобразованная в музыкальную студию школа получила помещение во Дворце пионеров, где оставалась, несмотря на официальное возвращение ей статуса школы и на решение облисполкома о передаче ей прежнего здания (1943 г.), до конца войны. Начальник Ульяновского отдела по делам искусств Н.И. Егоров обратился 23 ноября 1944 г. к секретарю горкома ВКП (б) с просьбой о содействии школе, так как Дворец пионеров очень плохо отапливался: «Детям приходится заниматься в шубах. Играть при такой температуре невозможно, так как пальцы коченеют» [19, оп. 1, д. 12, л. 66; 31, оп. 2, д. 257]. Ежегодно приходилось отказывать в приеме не менее 150 одаренным детям ввиду невозможности размещения [28, оп. 1, д. 175, л. 19–20].

Саратовскую ДМШ уже во второй день войны перевели в консерваторию, а занятия перенесли на квартиры педагогов, что, помимо расщепления учебного процесса, приводило к дополнительным расходам педагогов, например, на керосин, необходимый для освещения [29, оп. 1, д. 142, л. 33].

Пензенской музыкальной школе на 1941–1943 гг. предоставили помещение законсервированного музыкального училища, восстановленного в 1944–1945 уч. году. Отмечалась теснота, нехватка классов и роялей для индивидуальных занятий по специальности: инструменты эксплуатировали безостановочно по 14 часов в сутки, что провоцировало их сильный износ [29, оп. 1, д. 34, л. 73; д. 148, л. 85].

Менее напряженной была обстановка в плане размещения музыкальных учебных заведений в малых провинциальных городах. В 1940 г. отремонтировали здание Вольской ДМШ (Саратовская модель), пополнили ее оборудованием и инвентарем [23, оп. 1, д. 75, л. 50]. В г. Кузнецке Пензенской области для музыкальной школы отвели часть здания бывшего Дворца пионеров на углу ул. Ленина и Комсомольской – «одного из лучших зданий города» (7 комнат на втором этаже). Кроме того, местные властные структуры изыскивали средства на проведение в 1945 г. капитального ремонта. Многие виды расходов по

восстановлению здания Кузнецкой ДМШ (электрооборудование), приобретению наиболее дорогостоящего инструмента (рояля), парт даже не были включены в смету с расчетом получения их в порядке шефства [3, оп. 5, д. 1780, л. 9; 6, оп. 1, д. 38, л. 58; д. 56, л. 7].

В плачевном положении оказались региональные Дома народного творчества (далее – ДНТ). Ульяновский областной ДНТ не имел помещения [29, оп. 1, д. 175, л. 19–20]. В отчете А. Геда, командированного в Пензенскую область в январе-феврале 1941., содержится следующая информация: ДНТ «не только не получал в первое время никакого помещения, но и не имел стола и пользовался столом в отделе искусств в виде одолжения. Несколько позже ДНТ был водворен в курилку, прилегающую к уборной в здании художественного училища. Оттуда переведен на второй этаж и только месяца полтора, как Дом располагает отдельной комнатой в здании того же училища» [28, оп. 14, д. 123, л. 8].

Любопытно, что и для управленческого компонента региональных моделей МКС были свойственны те же проблемы, что и подведомственных им институтам: в 1941 г. Пензенский областной отдел по делам искусств занимал полуподвальное помещение в здании городского суда. У отдела не было необходимой мебели, и начальник просил у облисполкома 5000 руб. на её приобретение [6, оп. 1, д. 21, л. 105]. По воспоминаниям В.И. Дмитриевского, в небольшой комнате отдела стояли столы инспектора по репертуару, главного бухгалтера, секретаря и старшего инспектора по театрам [14, с. 100]. В сложном положении находились и органы управления культурой Ульяновской области: областной отдел по делам искусств располагался в одной комнате с ДНТ [26, оп. 3, д. 257, л. 23].

В 1942 г. условия работы Управления по делам искусств при СНК Татарской АССР ухудшились в связи с переездом Союза Советских писателей: предполагалось за счет Дома народного творчества сделать перегородку, что должно было несколько улучшить ситуацию [31, оп. 1, д. 14, л. 24 об. - 25]. В мае 1944 г. в письме Н.П. Садкового, что он «много времени потратил на хождения по инстанциям», настаивая на предоставлении «приличного помещения в центре» Саратовскому городскому отделу по делам искусств, располагавшемуся в кооперативном товариществе «Художник», в котором было предельно неудобно принимать мастеров искусств [29, оп. 1, д. 148, л. 184].

Недостаток общежитий стал одной из причин дефицита кадров в провинциальном секторе [3, оп. 6, д. 1292, л. 16–17]. В отчете о рабо-

те отдела учебных заведений Управления по делам искусств при СНК РСФСР за 1939 г. отмечалось, что ситуация с общежитиями была сложнее, чем с помещениями. Большая часть средних учебных заведений не располагала общежитиями и в 1939 г., поэтому иногородние учащиеся размещались на частных квартирах, следствием чего были значительные денежные затраты, невозможность обеспечения полноценного учебно-воспитательного процесса, ухудшение качественных характеристик приема (ориентация на жителей конкретного города в ущерб притока одаренной молодежи из области). В ноябре 1939 г. Управлением по делам искусств при СНК РСФСР предполагалось утвердить проект строительства учебных заведений и общежитий для учащихся на 1940–1942 гг. [29, оп. 1, д. 13, л. 159; д. 33, л. 43].

О сложностях в обеспечении помещениями свидетельствует и ситуация, сложившаяся в Энгельсском музучилище. Используемые до 1937–1938 гг. в качестве общежитий вместимостью порядка 40 человек и столовой три деревянных дома площадью около 300 кв.м с ведома Управления по делам искусств при СНК АССР Немцев Поволжья были переоборудованы директором за счет училища в квартиры для него, завуча и одного педагога. В результате иногородние учащиеся снимали места в квартирах, в которых не могли полноценно заниматься, часто на расстоянии в несколько километров от учебного заведения, что составляло вдобавок ежемесячный расход в сумме 1560 руб. В результате проверки комиссии и соответствующего приказа Управления по делам искусств при СНК РСФСР директор Д.Д. Генинг был освобожден от занимаемой должности и в месячный срок новому руководству было поручено вернуть помещениям прежний статус общежитий и столовой для студентов [4, оп. 1 о/д, д. 128, л. 28-29; 29, оп. 1, д. 47, л. 20].

Представление о том, насколько ухудшилось положение с общежитиями за годы войны, дают следующие цифры: к 1941 г. из 52 музучилищ общежитиями обеспечили 27. В них проживало 1825 человек (30% контингента). В 1943/44 уч. году из 4988 учащихся в средних учебных заведениях системы искусства в общежитиях размещалось 303 и на частных квартирах, оплачиваемых учебными заведениями – 190 [3, оп. 6, д. 1292, л. 16–17]. У Пензенского музучилища и у восстановленного в октябре 1943 г. после консервации Куйбышевского музучилища не было общежитий; немногим студентам выделяли дотации для оплаты комнат, снятых в наем, хотя до войны в Куйбышеве предоставлялась

площадь в размере 363 кв. м., рассчитанная на 48 человек [9, оп. 1, д. 6, л. 3; 11, оп. 7, д. 638, л. 38; 29, оп. 1, д. 34, л. 72].

Часть труппы Большого театра в «запасной столице» вынуждены были поселить в здании школы, что предполагало «исключительно плохие бытовые условия» [28, оп. 7, д. 1216, л. 51]. В феврале 1943 г. приняли решение о ремонте общежития Татарского театра оперы и балета [17, оп. 1, д. 54, л. 28].

В отчете о работе Саратовской консерватории с 1 августа 1944 г. по 11 июля 1945 г. указывалось, что за непригодностью помещения, предоставленного для общежития, большую часть студентов пришлось разместить в здании Консерватории, что привело к закрытию медпункта и ограничению военной кафедры одной небольшой комнатой и для занятий, и для хранения оружия. Студенты жили в сырых подвальных комнатах; наблюдались частые заболевания, в том числе 1 случай туберкулеза легких. К концу 1944 г. в распоряжение консерватории формально было выделено горсоветом 2 общежития, но в действительности оба они были непригодны для проживания и требовали ремонта (одно из них занимали совместно с Плановым Институтом) [21, оп. 1, д. 39, л. 78; 29, оп. 1, д. 173, л. 86; оп. 5, д. 63, л. 145, 150 об.].

Таким образом, степень обеспеченности типовыми и специализированными помещениями региональных моделей музыкально-культурной системы оказывала важнейшее влияние на различные аспекты их функционирования: творческие успехи, финансовая и производственная эффективность, укомплектованность студенческого контингента, целостность и равномерность учебного процесса и т.д. Состояние изучаемого сектора материальных ресурсов региональных моделей МКС в 1939–1945 гг. следует оценить как преимущественно неудовлетворительное, усугубившееся в связи с экстремальными условиями эвакуации, топливного дефицита и проч., что чрезвычайно тормозило их развитие. Тем не менее, следует отметить, что наряду с объективно и отчасти субъективно обусловленными негативными тенденциями и явлениями сохранялся вектор на укрепление и инфраструктуры в рамках общегосударственной культурной политики.

Список литературы

1. Бычкова З. В театре оперы и балета // Сталинское знамя. 1945. 24 февраля.
2. Волжская коммуна. 1942. 29 августа.

3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-259.
4. ГБУ ГАПО (Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Пензенской области»). Ф. П-37.
5. ГБУ ГАПО. Ф. Р-2038.
6. ГБУ ГАПО. Ф. Р-2355.
7. ГУСО СОГАСПИ (Государственное учреждение Самарской области «Самарский областной государственный архив социально-политической истории»). Ф. 656.
8. ГУСО ЦГАСО (Государственное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области»). Ф. Р-56.
9. ГУСО ЦГАСО. Ф. Р-1902.
10. ГУСО ЦГАСО. Ф. Р-2425.
11. ГУСО ЦГАСО. Ф. Р-2521.
12. ГУСО ЦГАСО. Ф. Р-2844.
13. ГУСО ЦГАСО. Ф. Р-3405.
14. Дмитриевский В. И. Астроном верен звездам. Роман воспоминаний. Л.: Лениздат, 1974. 360 с.
15. Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Пензенская область. М., 1985. 182 с.
16. Мочалов В. А. Вдохновляющим словом // Пензенская область в годы Великой Отечественной войны. Саратов: Приволж. кн. изд-во. Пензен. отделение, 1985. С. 93–94.
17. НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-6663.
18. НАРТ. Ф. Р-7353.
19. ОГБУ ГАУО (Областное государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Ульяновской области»). Ф. Р-2176.
20. ОГУ ГАНИСО (Областное государственное учреждение «Государственный архив новейшей истории Саратовской области»). Ф. 1753.
21. ОГУ ГАНИСО. Ф. 3834.
22. ОГУ ГАСО (Областное государственное учреждение «Государственный архив Саратовской области»). Ф. Р-2330.
23. ОГУ ГАСО. Ф. Р-2864.
24. ОГУ ГАСО. Ф. Р-2865.
25. ОГУ ГИАНП (Областное государственное учреждение «Государственный исторический архив немцев Поволжья»). Ф. 1047.
26. ОГУ ЦДНИ УО (Областное государственное учреждение «Центр документации новейшей истории Ульяновской области»). Ф. 8.

27. РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства).
Ф. 648.
28. РГАЛИ. Ф. 962.
29. РГАЛИ. Ф. 2075.
30. ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политических дисциплин Республики Татарстан). Ф. 15.
31. ЦГА ИПД РТ. Ф. 1029.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТОВАРАМИ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Ундалов А.М.

Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева, г. Дзержинск, Россия

В статье рассматривается проблема обеспечения товарами народного потребления населения Горьковской области в годы перестройки. Раскрывается промышленный потенциал, связанный с производством товаров массового спроса. Выявляются причины увеличения товарного дефицита, а также предпринятые властью пути и средства его ликвидации.

Ключевые слова: *товары народного потребления, социальная политика, дефицит, легкая промышленность, предприятие, оборонный комплекс, цена.*

THE PROBLEM OF PROVIDING POPULATION OF GORKY REGION WITH CONSUMER GOODS IN THE YEARS OF PERESTROIKA

Undalov A.M.

Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev,
Dzerzhinsk, Russia

The problem under study in the article is providing population of Gorky region with consumer goods in the years of perestroika. The article reveals the industrial potential associated with the production of consumer goods. It identifies reasons for increasing trade deficit as well as authorities ways and means to eliminate it.

Keywords: *consumer goods, deficit, light industry, social policy, enterprise, defense complex, price.*

Одним из важных направлений социальной политики является обеспечение граждан разнообразными промышленными и культурными товарами, за которыми в СССР прочно закрепилось название «товары народного потребления». Потребность в удовлетворении товарами народного потребления стала особенно значимой в 60–80-е годы 20 века. Увеличение производства товаров народного потребления и повышение их качества диктовалось тем, что нехватка продовольственных и промышленных товаров порождала глубокое недовольство и социальную напряженность в обществе, подрывала легитимность советской власти.

ЦК КПСС и Совета Министров СССР приняли постановление от 25 сентября 1985 года «О комплексной программе развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986–2000 годы». Совет Министров СССР в течение нескольких лет еще принял три постановления по увеличению выпуска ТНП. Эти документы стали основой для руководства и контроля над этими вопросами партийных и советских органов власти Горьковской области.

Горьковская область была в советской стране одной из наиболее промышленно развитых областей с гипертрофированным развитием тяжелой промышленности и производством вооружений. К середине 1980-х годов удельный вес продукции группы «А» в объеме промышленности был значительно выше, чем в целом по стране (четыре пятых общего выпуска продукции). Напротив, доля производства предметов потребления (группа «Б») снизилась с 24,8 в 1970 г. до 22,8 в 1984 г. (при том, что в целом по СССР в 1985г. доля продукции группы «Б» составляла 25,2%) [2, л. 91]. Такая структура производства с преобладанием отраслей тяжелой промышленности объективно затрудняла решение социальных задач и обеспечение населения как товарами народного потребления, так и продовольственными товарами. Тем не менее, в планах руководства страны по ликвидации товарного дефицита область занимала важное место, поскольку по объему производства непродовольственных товаров она занимала в 80-е годы пятое место в Российской Федерации. Из 22 важнейших видов товаров народного потребления в области производилось 17. Производством товаров массового спроса занималось в области огромное количество предприятий (616), принадлежащих к 60 министерствам и ведомствам разного подчинения. Легкая промышленность в 1984 году насчитывала 29 крупных предприятий [3, л. 1].

Анализ источников показывает, что эти предприятия отличались разным уровнем технического оснащения, условиями труда и квалификацией персонала, а значит, и качеством продукции. Многие предприятия легкой промышленности находились в упадке и нуждались в реконструкции. Десятилетиями они выпускали один и тот же ассортимент продукции. Обновление ассортимента тормозилось низкой материально-технической базой. Исследование, проведенное еще в конце 70-х годов, выявило, что первым предметом спекуляции в Горьковской области является современная качественная обувь [4, л. 148–149]. Это было неслучайно, ибо в Горьковском обувном объединении «коллектив предприятия работает в невыносимо плохих условиях: скученность, стесненность и запыленность помещений. Оборудование устарело морально и физически. Людей катастрофически не хватает. Только за первое полугодие 1984 года из объединения ушло более 120 работников. Покидают предприятие не только из-за плохих условий труда, но и из-за жилья. За последние 4 года рабочие объединения не получили ни одной квартиры» [11]. Постановления ЦК и правительства ставили задачу создания на предприятиях группы «А» специализированных производств по выпуску товаров народного потребления. Многочисленные пленумы, сессии и активы постоянно обсуждали эти вопросы. Однако директора не торопились проявлять инициативу и выполнять установки высшего руководства, так как это требовало дополнительных разнообразных ресурсов и затрат. Большой заинтересованности в организации производства непрофильной продукции у предприятий не было. Многие из них аккуратно выполняли планы по основной продукции, а планы по производству товаров народного потребления срывались. Ведомственность приводила к тому, что предприятия республиканского и союзного подчинения, игнорируя местные власти, вносили изменения в планы производства ТНП в сторону уменьшения. Таковых, например, в 1984 году оказалось 27 крупных предприятий. Они уменьшили первоначально установленные планы на 75 млн рублей [12].

Часто цеха по производству товаров народного потребления размещались в приспособленных зданиях. Так, кроватный цех Выксунского металлургического комбината был разбросан по 12 помещениям. Требовало модернизации устаревшее оборудование, не хватало квалифицированных кадров. Вторую пятилетку Министерством черной металлургии решался вопрос о строительстве нового блока цехов по выпуску

товаров народного потребления [13]. Пренебрежительное отношение республиканских и союзных министерств к строительству объектов, связанных с увеличением выпуска товаров народного потребления, так и не удалось преодолеть. Из 27 строящихся в области таких объектов с начала пятилетки к 1989 году введено в строй лишь четыре. Освоение капитальных вложений по ним составило в 1986 году – 7%, в 1987 – 16,5%, в 1988 – 44%. В числе долгостроев были цеха по производству ТНП на заводе «Красное Сормово», авиационном объединении и целом ряде других предприятий [14].

Большую роль в выпуске особенно сложной бытовой техники играли предприятия оборонного комплекса Горьковской области. Стиральные машины изготавливали такие заводы, как п.о. «Завод «Красное Сормово», п.о. «Гидромаш», п.о. «Завод им. Свердлова», п.о. «ГАЗ»; телевизоры производились на телевизионном заводе им. В.И. Ленина; магнитофоны выпускались на заводе им. Петровского и Арзамасском приборостроительном объединении. П.о. «Машиностроительный завод» производило качественные пылесосы «Циклон». Всего же в области в 1990 г. выпускалось 16% всех производимых в стране пылесосов и десятая часть стиральных машин [5, с. 7].

Кроме острой нехватки многих товаров, самым слабым местом оставалось их плохое качество. Из-за низких потребительских свойств торговыми организациями ежегодно забраковывалось 20–30% от произведенного количества обуви, швейных и трикотажных изделий [5].

Свидетельством низкого качества горьковских товаров было то, что бытовая техника, телевизоры, магнитофоны, стиральные машины, пылесосы в середине 80-х годов вообще не экспортировались, так как по своему техническому уровню и внешнему виду находились где-то на уровне 70-х годов, значительно отставая от зарубежных аналогов [6, л. 18].

Для полноценного удовлетворения потребностей в товарах массового спроса необходима была торговая инфраструктура, которой явно не доставало. По нормативам в торговле области не хватало 90 тысяч кв.м. площадей, а в общественном питании – 70 тысяч посадочных мест [5].

В результате настойчивой работы областных партийных и советских органов, местных властей, трудовых коллективов удалось добиться, что в первые три года XII пятилетки опережающими темпами, особенно в 1988 году, рос выпуск товаров народного потре-

бления. По сравнению с 1985 г. на 34,6% увеличилось производство стиральных машин, на 46,6% – магнитофонов, на 53,4% – электропылесосов, на 17,5% – мебели. Рост непродовольственных товаров был быстрее, чем продовольственных. Впервые темпы развития группы «Б» в эти годы превышали развитие группы «А». Всего перечень достаточных групп по товарам хозяйственного обихода был увеличен на 110 наименований, культтоваров – на 260, галантерейным – на 100 наименований [2, л. 3].

Большую роль в обеспечении товарами народного потребления области играли импортные поставки. По импорту за 1990 год областью получено товаров на 322,4 млн рублей. Причем, по сравнению с 1989 годом импорт непродовольственных товаров увеличился на 54% [7, л. 45].

Однако эти меры не могли компенсировать быстрорастущий дефицит товаров массового спроса. Вся продукция, поступавшая в торговую сеть, буквально сметалась с прилавков. Во многом причины усиливающегося дефицита конца 80-х начала 90-х годов находятся в хаотичных решениях тогдашнего руководства СССР. Эти решения, вроде бы направленные на сокращение дефицита, на самом деле усиливали его накачиванием денежной массы. Так, с 1 января 1987 года была отменена монополия внешней торговли, что выразилось в праве 20 министерств и 70 крупным предприятиям самим осуществлять экспортно-импортные мероприятия. В 1988 году государственные предприятия получили возможность создавать совместные с иностранцами предприятия, способные вывозить товары за рубеж, что негативно отразилось на внутреннем рынке. По мнению некоторых экспертов, в 1990 году была вывезена 1/3 потребительских товаров [16]. Так, в Турции скопилось более миллиона советских цветных телевизоров, хотя по официальным данным не продано было ни одного [1, с. 138].

По закону «О государственном предприятии (объединении)», вошедшим в силу с 1 января 1988 г., предприятия получили большие права и освобождались от мелочной опеки вышестоящих ведомств. Госплан только устанавливал некоторые контрольные цифры и государственный заказ. Предприятие могло всю сверхплановую продукцию реализовывать по договорным ценам и самостоятельно устанавливать заработную плату, численность работающих, выбирать руководителей. Прибыль как важнейший показатель эффективности деятельности

предприятия, узаконенная еще экономической реформой 1965 года, стала вожаделенной целью многих коллективов во время перестройки. В этих условиях многие руководители воспользовались этой свободой для увеличения дорогого ассортимента и сокращения популярных, но дешевых товаров. Поэтому за счет повышения цен на швейном объединении «Маяк» за 2 года прибыль выросла в 1,5 раза, на объединении им. К. Цеткин – почти в 1,8 раза, объединении «Горькмебель» – в 1,5 [8, л. 130].

В силу того, что предприятия получили возможность львиную долю оставленной прибыли направлять не на развитие предприятий, а в фонды экономического стимулирования, произошел скачкообразный рост доходов граждан, не обеспеченный товарами. Если ежегодный прирост денежных доходов населения составлял в СССР в 1981–1987 гг. в среднем 15,7 млрд руб, то за первые полгода 1991 года все виды денежных доходов увеличились на 95 млрд руб. [11]. За 2,5 года 12 пятилетки денежные доходы населения Горьковской области увеличились на 11%, товарооборот же возрос только на 4%. На начало 1988 года вклады населения в Сбербанке достигли почти 5 млрд рублей и сравнялись по величине с годовым объемом товарооборота области [15]. Вся эта денежная масса мощно подпитывала товарный дефицит.

Большое негативное влияние на экономическую ситуацию и криминализацию общества сыграл «Закон о кооперации». Руководство страны замышляло в деятельности возрожденных кооперативов получить важное средство решения проблемы товарного дефицита. Однако все оказалось совсем не так, как намечалось. Большинство кооперативов занялись торгово-посреднической деятельностью. В целом кооперативное движение оказалось неспособным хоть как-то снизить остроту товарного дефицита. В чем подавляющее число из них преуспело, так это в оплате труда. Существовавшие в области кооперативы по производству товаров народного потребления в 1990 году произвели продукции на 50 млн рублей и выплатили 19,2 млн рублей зарплаты (средняя зарплата 332 рубля в месяц). Между тем уровень цен в кооперативах, занимающихся производством ТНП, был выше на 70–80%, чем в государственной промышленности. Аналогичная по производству кожгалантерейная фабрика имела впятеро меньше работающих и выплачивала 2,5 млн рублей зарплаты [9, л. 5].

В 1990–1991 гг. физический объем продажи основных производственных товаров уменьшился, хотя в связи с ростом цен объемы продаж в денежном выражении выросли [10, л. 3]. К экономическим проблемам добавились политические между союзным и российским руководством, а также между центром и отдельными республиками, что также негативно отразилось на экономике страны. Окончательно ситуация вышла из-под контроля после заявления властей в мае 1990 года о готовящемся повышении розничных цен.

Потребительский ажиотаж привел к тому, что в течение лета – осени становятся дефицитными даже те товары, которые в начале перестройки были в свободной продаже. Это свидетельствует о том, что в 1990–1991 гг. дефицит промышленных товаров был в значительной степени искусственным и стимулировался наличием избытка денег у населения и страхом ожидаемого повышения цен.

Список литературы

1. Валянский С.И. Русские горки [Текст] / С.И. Валянский, Д.В. Калужный. М. ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство Транзиткнига», 2004.
2. ГУ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 3. Оп. 24. Д. 2104.
3. ГУ. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 2596.
4. ГУ. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4384
5. ГУ. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 5034.
6. ГУ. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 80.
7. ГУ. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 6377.
8. ГУ. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 567.
9. ГУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 6695.
10. ГУ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 6696.
11. Горьковская правда [Текст]. 1984. 19 августа.
12. Горьковская правда [Текст]. 1984. 23 сентября
13. Горьковская правда [Текст]. 1987. 11 июля.
14. Горьковская правда [Текст]. 1988. 27 сентября
15. Горьковская правда [Текст]. 1988. 29 сентября.
16. [Электронный ресурс] // СССР во второй половине 1980-х. Режим доступа: http://malchish.org/lib/histjry/sssr_1980.htm (Дата обращения 20.09.2013).

ЭВАКУАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРДОВСКОЙ АССР В 1941–1948 гг.

Федотов В.В.

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

На основе широкого круга архивных материалов анализируются процессы эвакуации и реэвакуации населения в Мордовии в 1941–1948 гг. В статье рассматриваются вопросы материально-бытового обеспечения беженцев, оказания им помощи в социальной адаптации. Раскрываются трудовая деятельность, общественные настроения эвакуированных в тылу и их взаимоотношения с коренным населением. Дается оценка деятельности органов власти, руководивших эвакуацией населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, беженцы, Мордовская АССР, реэвакуация, социальная политика, тыл.

EVACUATION PROCESSES IN MORDOVIA ASSR IN 1941–1948

Fedotov V.V.

Samara State Technical University, Samara, Russia

On the basis of a wide range of archival material evacuation processes are discussed in Mordovia in 1941–1948. The article deals with the material and social care for refugees, assisting them in their social adaptation. Disclosed work activity, the public mood in the rear of the evacuees and their relationships with the indigenous population. Assesses the performance of the authorities who supervised the evacuation of the population.

Keywords: Great Patriotic War, the evacuation of the refugees, Mordovia ASSR reevacuation, social policy, rear.

В период Великой Отечественной войны на территории нашей страны происходили беспрецедентные по масштабам миграционные про-

цессы, связанные с перемещением населения из прифронтовых районов на восток страны и обратно (эвакуация и реэвакуация). Эвакуация населения – явление не новое в мировой практике, но по масштабам, срокам и условиям эвакуации осуществлённой в СССР, аналогов этих процессов в истории не существует.

Эвакуированное население, как отдельная социальная группа, просуществовала с июня 1941 по 1945 г. Автор согласен с мнением М.Н. Потёмкиной, что этот термин применим к гражданским лицам, перемещённым в тыл с целью личной безопасности или в силу государственной необходимости из районов, находившихся под угрозой оккупации врагом [3, с. 25]. Значительная его часть была размещена в Поволжье, ставшим в годы войны одним из центров по приёму, размещению и трудоустройству эвакуированного населения. В условиях военной обстановки эвакуация населения в регион осуществлялась в два потока: первый – летом и осенью 1941 г., когда эвакуация была наиболее массовой; второй – летом и осенью 1942 г., когда она носила частичный характер. Кроме этого, области и республики Поволжья являлись крупными транзитными пунктами, через которые осуществлялось распределение эвакуированного населения по остальным регионам страны.

Социальное положение эвакуируемого населения в рассматриваемый период определялось политическим режимом мобилизационного типа, главную роль в котором играл партийный аппарат. Жёсткая регламентация и перераспределение трудовых ресурсов в таких условиях превращались в фактор, оказывающий огромное влияние на социальное положение беженцев. Нельзя не признать, что в ряде случаев, несмотря на экстремальные условия, органы власти достаточно гибко реагировали на нужды населения, принимая верные решения и находя для этого ресурсы.

Рассмотрение эвакуационного процесса показало, что перемещение населения в тыловые районы стало осуществляться с первых дней войны, но при этом, эвакуация не была подготовлена ни организационно, ни психологически. Наиболее интенсивно эвакуация проходила летом-осенью 1941 г. Первые эшелоны с эвакуированными начали прибывать в МАССР в июле 1941 г. Только за один день 10 июля 1941 г. было принято 9 эшелонов общей численностью около 10 тыс. человек [1, д. 77, л. 34]. В последующие месяцы приток эвакуированного населения в республику заметно сократился. Всего же в Мордовской АССР было размещено около 68 тыс. человек [там же, д. 53, л. 45.] Состав эвакуированных был многонацио-

нальным, в регион прибыло население из 22 областей и республик СССР [там же, д. 55, л. 115]. Примерно 85% всех беженцев составляли жители РСФСР, Украинской и Белорусской ССР. В половозрастной структуре преобладали дети и женщины. Так в декабре 1941 г. в Мордовию прибыли 58.425 чел., в том числе 20.000 мужчин и 38.415 женщин, их них детей до 15 лет – 26.234 чел. [там же, д. 54, л. 29]. На территории республики были размещены и жители других государств. Одной из иностранных групп, размещённых в Поволжье, являлись граждане Польши. Большинство эвакуированных размещалось в сельской местности (62 тыс. человек), в Саранске и Рузаевке – 6 тыс. человек [там же, д. 53 л. 94].

Для осуществления перемещения в тыловые районы производственных мощностей и населения была создана структура органов, как в центре, так и на местах по руководству эвакуацией. Эти властные структуры складывались на ходу и видоизменялись по мере необходимости. В Мордовии такие структуры сложились уже в начале войны, и на каждом этапе пребывания эвакуированных граждан в регионе, решали свои специфичные задачи. Главным принципом, которым руководствовались органы власти при размещении эвакуированного населения, являлся принцип государственной необходимости. Основными целями эвакуации населения стали обеспечение экономики тыла рабочей силой и спасение людей. Эвакуация населения и промышленных предприятий всецело зависела от обстановки на фронте.

На основе анализа архивных документов, можно выделить несколько потоков беженцев:

- рабочие, служащие и их семьи эвакуированных предприятий;
- дети и детские учреждения;
- семьи начсостава армии и флота, партийных и государственных работников;
- пенсионеры, инвалиды, больные;
- преподаватели, студенты, учёные, представители творческой интеллигенции.

Более продуманно происходила реэвакуация населения. Реэвакуация отличалась по срокам, масштабам и другим параметрам. Основными способами возвращения эвакуированного населения на прежнее место проживания были:

- с предприятиями и учреждениями;
- по запросам различных ведомств;

- по распоряжению правительства;
- самостоятельное возвращение эвакуированных.

Руководство страны стремилось контролировать процесс реэвакуации, что имело свои положительные и отрицательные стороны. Усилия властей были направлены на пресечение попыток самовольной, стихийной реэвакуации граждан. Реэвакуация населения определила дальнейшие тенденции развития Мордовской АССР. В целом, пребывание эвакуированных рабочих, инженерных кадров, высококвалифицированных специалистов оказало положительное влияние на кадровую проблему, и оказало существенное влияние на демографическую ситуацию в регионе.

Источники и ресурсы по снабжению эвакуированных продовольствием и предметами широкого пользования можно разделить на централизованные и децентрализованные, местные и привозные. Продовольственное снабжение эвакуированного населения, также как и местных жителей, осуществлялась в городах по карточкам, на селе – по трудодням. Государственное продовольственное обеспечение эвакуированных было явно недостаточным. Принимались меры по созданию индивидуальных хозяйств. Эвакуированным выделялись земельные участки и семена, оказывалась помощь в обработке огородов, в обзаведении мелким скотом и птицей. В совокупности это обеспечило тот минимум питания, позволивший, работникам эвакуированных предприятий трудиться и который сделал возможным поддерживать такие слои эвакуированного населения как дети, инвалиды, семьи военнослужащих, неработающие граждане.

Одним из способов улучшить материальное положение эвакуированного населения было его быстрее трудоустройство. Анализ статистических данных показывает, что средний процент работающих эвакуированных граждан составлял 84–86 процентов, что в целом совпадает с аналогичными показателями в соседних регионах [2, д. 5, л. 54]. Большая часть находившиеся в тылу граждане была сосредоточена в сельскохозяйственной отрасли, что в значительной степени объясняется отраслевой структурой народного хозяйства Мордовии. Сотни эвакуированных трудились в органах народного просвещения и здравоохранения, в учреждениях культуры. Эвакуированные медицинские работники в значительной мере помогли решить проблему обеспечения кадрами размещённых на территории республики эвакуационных госпиталей.

Внутри эвакуированного населения можно выделить несколько слоёв, резко отличавшихся друг от друга по своему социальному положению. Наиболее благополучными с точки зрения обеспеченности материальными ресурсами и приоритета в решении их проблем, можно считать эвакуированные семьи руководителей крупных предприятий и организаций, партийной и советской номенклатуры, высших военных чинов. Для этой группы эвакуированного населения характерен наиболее высокий уровень социальной защищённости.

Второе положение занимают рабочие и служащие эвакуированных предприятий и организаций. У этой категории населения, как правило, не было проблемы с устройством на работу, что гарантировало им стабильный заработок и возможность улучшения своего материального положения. Предприятия и организации решали проблемы предоставления жилья, обеспечение продовольствием.

В самом низу этой социальной лестницы находились граждане, прибывшие в индивидуальном порядке, пенсионеры, инвалиды, детские учреждения, домохозяйки, многие эвакуированные семьи военнослужащих. Хотя государство держало во внимании эту категорию беженцев, предоставляя им различные льготы и выплачивая денежные пособия, многие эту помощь не получали по разным обстоятельствам.

Источники убеждают, что эта группа беженцев относились к тем категориям населения тыла, которым оказывалась адресная помощь. Однако материально-финансовая база, которой они располагали, была слабой.

Исследование темы показало, что приезд в эвакуацию людей разных национальностей оказал влияние на межнациональные отношения. Отношение местных жителей к эвакуированным в целом можно охарактеризовать как толерантное, хотя и наблюдались проявления взаимного недовольства. Имелись факты враждебного отношения к беженцам на национально-этнической почве. В первую очередь это касалось эвакуированных евреев, прибалтов и поляков. Чаще всего эти конфликты были вызваны материально-бытовыми трудностями, снижением уровня жизни, вызванное условиями военного времени, невысоким уровнем культуры людей, отсутствием со стороны местных властей учёта интересов различных народностей в национальной политике. Для пресечения этих настроений и действий принимались решения о специальных собраниях населения, где следовало разъяснять недопустимость недружелюбного отношения к семьям эвакуированных.

Анализируя государственную политику по организации эвакуации и реэвакуации в Мордовской АССР так и в других тыловых районах страны, где также размещались беженцы, можно выделить три хронологических этапа:

- июнь-декабрь 1941 г. – приём и размещение эвакуированных в восточные районы страны;
- январь 1942 – май 1945 г. – создаётся система органов занимавшихся социальной адаптацией беженцев, усиливается внимание со стороны государства на решение материально-бытовых вопросов эвакуированных, улучшается финансирование;
- май 1945–1948 г. – происходит массовая реэвакуация, эвакуированное население как социальная группа перестаёт существовать.

Давая оценку эвакуационному механизму и деятельности органов власти всех уровней отвечавших за обустройство эвакуированного населения, необходимо отметить ряд факторов влиявших на их работу:

- военная доктрина, с которой Советский Союз вступил в войну, не предусматривала массовой эвакуации населения. Это обстоятельство обусловило то, что в стране не существовало чёткой схемы перемещения населения в тыловые районы;
- при эвакуации и размещении населения в первую очередь учитывались интересы государства и производственной необходимости;
- государство стремилось полностью взять под свой контроль перемещение населения из прифронтовых районов в тыл и не допустить «хаотичной» эвакуации.

Таким образом, в целом механизм эвакуации, выработанный в советском государстве, оказался довольно эффективным и в конечном итоге способствовал достижению победы над врагом.

Список литературы

1. Государственное казённое архивное учреждение «Центральный архив Республики Мордовия» (ГКАУ ЦАРМ). Ф.Р. 473. Оп. 1.
2. Отдел фондов общественно-политических организаций государственного бюджетного учреждения «Государственный архив Пензенской области» (ОФОПОГБУ ГАПО). Ф. 148. Оп. 2.
3. Потёмкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск.: МаГУ, 2006. 265 с.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1946–1953 гг. (НА ПРИМЕРЕ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Филипчук И.В.

Арзамасский политехнический институт (филиал) НГТУ
им. Р.Е. Алексеева, г. Арзамас, Россия

Рассмотрены взаимоотношения местных органов власти и провинциальной интеллигенции в послевоенный период (1946–1953 гг.) Прослеживается специфика и механизмы реализации на местах решений центральных партийно-государственных органов в отношении работников высшего образования в 1946–1953 гг.

Ключевые слова: интеллигенция, Горьковская, дискуссии, политическая кампания, И. Сталин.

RELATIONSHIP BETWEEN LOCAL AUTHORITY AND PROVINCIAL INTELLIGENTSIA IN 1946–1953 (BY THE EXAMPLE OF GORKOVSKY REG.)

Filipchuk I.V.

Arzamas politechnical institute (branch) «Nizhny Novgorod state technical University. P.E. Alekseev», Russia

The article considers the relationship of local authorities and provincial intelligentsia in the post-war period (1946–1953). There is an evidence of specificity and mechanisms of realization of the central party and government decisions concerning employees of higher education system in 1946–1953 years.

Keywords: intelligentsia, Gorkovsky, ideology, discussion, political campaign, I. Stalin.

Идеологические кампании сталинской эпохи оказали огромное влияние не только на столичную, но и на региональную интеллигенцию, особенно в крупных культурно-научных центрах страны, одним из которых в советские годы была Горьковская область. Обращение к теме данного исследования позволит проследить особенности политики Горьковской партийной организации по отношению к местной научной интеллигенции, а также специфику и механизмы реализации на местах решений центральных партийно-государственных органов в отношении учреждений высшего образования в 1946–1953 гг.

Идейно-политическая работа с научной интеллигенцией усилилась в период и после обсуждения партийными собраниями вузов г. Горького закрытого письма ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина» (1947 г.). В нем рассказывалось о «наличии среди некоторой части советской интеллигенции недостойных для наших людей низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада» [11].

В соответствии с курсом на воспитание интеллигенции, райкомы партии первоочередное внимание уделяли проведению собраний в научных институтах. В сентябре 1947 г. «Закрытое письмо ЦК» обсуждалось во всех вузах г. Горького. И партийные органы всячески стремились под предлогом развития критики и самокритики перейти к конкретным проступкам научных работников [2]. Факты раболепия перед буржуазной наукой были найдены практически во всех вузах г. Горького. Как правило, все они сводились к преклонению перед иностранной литературой, буржуазной наукой, а также отсутствием увязки с практикой социалистического строительства [2]. Отмечалось, что научной интеллигенцией писалось мало статей, освещающих проблемы Горьковской области. Так, из 28 биологических статей, выпущенных издательством Горьковского государственного университета, только 4 были посвящены проблемам Горьковской области [4].

Поскольку доноительство в то время становилось составной частью развертывавшейся кампании, на отдельных собраниях назывались конкретные фамилия ученых, формально относившихся к своей работе. Так, в институте гигиены труда И.Т. Авербах указал на работы профессора Н.П. Синицына, получившего санкции на печатание работ в СССР и за границей. В вину заведующему военной кафедрой института иностранных языков И.М. Бениге ставилось то, что на лекциях

часто приводил примеры сражений между немецкими и английскими флотами и не затрагивал победы русского военно-морского флота [5].

Еще одной особенностью послевоенного развития в области взаимоотношений науки и общества стали так называемые «научные дискуссии», ставшие своеобразной формой идеологического диктата [8, с. 83].

Наиболее типичной из таких «дискуссий» стала дискуссия по проблемам биологии. На августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ академики А.Р. Жебрак, П.М. Жуковский, Л.А. Орбели, И.И. Шмальгаузен и их ученики (несколько сот человек), выступившие против Т.Д. Лысенко, были изгнаны из академии, лишились возможности заниматься исследовательской работой. Ряд перспективных направлений биологии попали в разряд антинаучных и идеологически враждебных марксизму. Вместе с ними оказалась на долгие годы в «изгнании» и генетика, в которой отечественные ученые в 30-е гг. занимали ведущие позиции [13]. Эта отрасль биологии, в развитии которой советские ученые и в том числе профессор Горьковского университета С.С. Четвериков внесли крупный вклад, объявлялась бесплодной буржуазной «лженаукой», пропитанной идеализмом и схоластикой. Ее запретили преподавать в вузах, а вместо нее начали преподавать так называемую мичуринскую биологию, придуманную Лысенко. С.С. Четвериков был вынужден уйти с университета, не желая отказываться от своих научных воззрений [1, с. 95]. Ректор ГГУ Мельниченко, который гордился личной дружбой с Лысенко, получив директиву из Москвы, предписывавшую увольнение Четверикова, издал соответствующий приказ, а его кафедру занял сам и возглавлял ее до 1983 г. После увольнения профессора, его коллеги по кафедре З.С. Никоро, Ю.П. Мирюта, ставший впоследствии крупным советским генетиком, И.Н. Грязнов, преподававший цитологию, впоследствии доцент, а также вернувшийся из армии А.Ф. Шереметьев, были вынуждены под угрозой потери партбилета отречься от генетических воззрений и от Четверикова, потому и остались на кафедре. Возрождение отечественной генетики началось во второй половине 50-х гг. Именно Шереметьев стал инициатором всех событий по реабилитации С.С. Четверикова в г. Горьком [9, с. 80].

Не менее серьезно в горьковской научной среде отозвался ряд других дискуссий. В 1950 г. И.В. Сталин принял личное участие в научной дискуссии по проблемам языкознания. Его труд «Марксизм и вопросы

языкознания» всячески пропагандировался и переиздавался; цитаты из него были обязательными не только для лингвистических работ, но и для обычных грамматик и словарей. Экономические дискуссии, начало которым было положено еще в годы войны работами академика Е.С. Варги (по проблемам развития мирового капитализма), завершились с выходом в свет работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952 г.). В ней глава государства пытался теоретически обосновать принципы проводимой в стране экономической политики. Речь шла о приоритетности развития тяжелой промышленности, о необходимости свертывания кооперативно-колхозной собственности путем ее превращения в государственную, о сокращении сферы товарного обращения. Соблюдение этих принципов, по мнению И.В. Сталина, должно было обеспечить высокие темпы роста народного хозяйства в СССР.

Все высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, техникумы г. Горького и Горьковской области срочно должны были перестроить научную и учебно-воспитательную работу в свете прошедших дискуссий по научным вопросам. Повсеместно началось изучение соответствующих отраслевых работ, написание новой учебной литературы, различного рода пособий и рекомендаций. Так, например, в Госуниверситете профессор А.В. Миртов приступил к составлению учебного пособия для студентов и учителей «Стилистическая грамматика русского языка», а старший преподаватель педагогического института М.И. Крутова в порядке разработки научной проблемы «О словарном составе горьковских говоров» работает над темой «Горьковский областной словарь». На факультете естествознания Горьковского пединститута вся научная и учебно-воспитательная работа факультета была перестроена в свете решений сессии ВАСХНИЛ и последующих указаний комиссии ЦК ВКП(б). Были сделаны необходимые изъятия книг, содержащих идеи Вейсманизма-Морганизма из библиотек и кабинетов, и усиленно велось пополнение библиотечных фондов [7]. В свете решения основных вопросов экономики, в январе 1952 г. прошла конференция в инженерно-строительном институте г. Горького на тему: «Экономика строительной промышленности СССР и ее отражение в преподавании специальных и технических дисциплин». Отдел агитации и пропаганды горьковского обкома КПСС провел ряд мероприятий в свете изучения работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Физико-математические науки не выступали предметом какой-либо из главных дискуссий, но и их достигли их отзвуки. Так, «космополитические и идеалистические ошибки» были вскрыты в работе профессора Г.С. Горелика «Колебания и волны», которая высоко была оценена в научной среде [14, с. 490], а также вскрыты ошибки в курсе лекций профессора А.Г. Майера «История математики». На совещании в ректорате (9 марта 1951 г.), в докладе декана физмата доцента В.И. Беневоленского, в выступлениях ряда преподавателей и особенно ректора профессора Мельниченко прозвучала резкая критика в адрес Майера.

Никаких кадровых решений по результатам всех научных дискуссий не последовало. Ограничившись устной критикой, руководство потребовало от преподавательского состава пересмотреть свои взгляды и суждения, чаще выступать с критикой буржуазной науки.

Таким образом, идеологическая работа Горьковской партийной организации после войны выражалась в поддержании общего идеологического наступления на интеллигенцию. После проведения ряда «научных дискуссий», горьковская научная интеллигенция вынуждена была перестроить основные формы работы, выдвинутые общей партийной линией. Реально же идеологические кампании в научной сфере привели к временной изоляции советской науки от мировых достижений, потере ряда ее перспективных направлений.

Список литературы

1. Артемов Н.М., Калинина Т.Е. Сергей Сергеевич Четвериков / Н.М. Артемов, Т.Е. Калинина // Записки краеведов. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1988. С. 95.
2. ГУ ГОПАНО (Государственное учреждение Государственный общественно-политический архив Нижегородской области) Ф. 30. Оп. 1. Д. 3300. Л. 68.
3. ГУ ГОПАНО Ф. 30. Оп. 1. Д. 3369. Л. 2
4. ГУ ГОПАНО Ф. 30. Оп. 1, Д. 3300. Л. 68 об., 83.
5. ГУ ГОПАНО Ф. 30. Оп. 1. Д. 3300. Л. 84
6. ГУ ГОПАНО Ф. 3. Оп. 1. Д. 5915. Л. 39.
7. ГУ ГОПАНО Ф. 3. Оп. 1. Д. 7309. Л. 19.
8. Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года / В.Д. Есаков // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 83.

9. Жимулев И.Ф. Сергей Сергеевич Четвериков. Город Горький. Конец 60-х годов / И.Ф. Жимулев // Информационный вестник ВОГиС. 1999. № 8. С. 80.
10. Рабочая Балахна. 1947. 6 июля.
11. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории) Ф. 17. Оп. 122. Д. 258. Л. 3.
12. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 122. Д. 262.
13. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 138. Д. 30. Л. 49–50.
14. Рытов С.М. Памяти Г.С. Горелика / С.М. Рытов // Успехи физических наук. 1957. Август. С. 490.

ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ «ВОДНОГО УСТАВА» В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Цинцадзе Н.С.

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Россия

В статье на основе анализа разнообразных источников рассматривается история формирования единого водного законодательства России накануне 1917 г., делается вывод о роли и значении проекта «Водного устава».

Ключевые слова: аграрный кризис, водное законодательство, законопроект, история права, кодификация, общественное мнение, экологический кризис.

HISTORY OF THE DRAFTING OF «WATER STATUTE» IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Tsintsadze N.S.

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia

The article is based on an analysis of various sources discussed the history of the formation of a unified water legislation of Russia on the eve of 1917, it's concluded on the role and importance of the project «Water statute».

Keywords: agrarian crisis, water legislation, draft law, the history of law, codification, public opinion, the environmental crisis.

О необходимости кодификации водного законодательства отечественные государственные и общественные деятели, ученые и юристы особенно активно стали говорить на рубеже XIX–XX в. Это было вызвано тем, что водные источники под влиянием неразумной расчистки леса стали истощаться, реки – мелеть, пашни и луга – засыпаться песками, распространение которых стало настоящим бичом сельского хозяйства.

Естественно, водные ресурсы огромной территории страны требовали строгого государственного контроля и из-за соображений, говоря современным языком, национальной безопасности. Государственный деятель и правовед К.П. Победоносцев еще в 1860-х гг. указывал на то, что в России не было развито т.н. «водяное право» [8, с. 515]. Экономист, историк и юрист И.Н. Миклашевский, отмечая скудость и неполноту отечественного водного законодательства XIX в., ратовал за разработку единого водного законодательства и введение т.н. «водных судов», которые разрешали бы спорные вопросы использования вод в хозяйственных целях [7, с. 106]. О важности и необходимости систематизации водного законодательства писал специалист в области водного права Д.С. Флексор [10].

Важным мероприятием государства стало учреждение в 1907 г. межведомственной комиссии для пересмотра законодательства по водному праву под председательством сенатора И.И. Карницкого. На данную комиссию возлагалась сложная задача систематизации, анализа и разработки первого «Водного устава» страны. В состав комиссии входили компетентные представители заинтересованных министерств и ведомств. Среди юристов-членов данной комиссии можно отметить Н.М. Рейнке, М.М. Рейнке, Ю.Л. Геппнера, Ф.А. Вальтера, И.Д. Мордухай-Болтовского, А.Н. Гейне, В.Э. Гревса.

В отличие от предыдущих комиссий, занятых теоретическими вопросами разграничения частноправовых и публично-правовых начал в собственности на водные ресурсы, цель деятельности комиссии И.И. Карницкого состояла в примирении государственных, общественных и частных интересов в вопросах водопользования [1, с. 3, 7]. По замыслу участников комиссии будущий «Водный устав» должен был содержать правила об охране водных источников от загрязнения, о запрещении распашки земель, пастбы скота на склонах рек, источников, балок, оврагов; о распространении мелиоративного закона 1902 г. и на работы по укреплению оврагов и сыпучих песков; о законодательном нормировании условий и порядка образования водных товариществ для совместного выполнения гидротехнических работ [1, с. 12–13]. Член комиссии С.П. Максимов также добавлял к этому вопрос о правах на мельницы, которые, по его словам, в большинстве случаев являлись правом захвата [1, с. 17]. К тому же участники работы комиссии обращали внимание на необходимость при разработке «Водного устава» учитывать нормы проекта «Гражданского уложения» [1, с. 20].

Основными идеями разрабатываемого проекта «Водного устава» были идея о верховном праве собственности государства на все водные источники в стране, о необходимости ограничения в общественных интересах частных прав на них с выплатой вознаграждения на основании правил о принудительном возмездном отчуждении береговых прав для государственных и общественных нужд [2, с. 5]. Источниками для разработки первого отечественного «Водного устава» стали кодифицированные в 1880–1900-е гг. водные законы Франции, Гессена, Бадена, Эльзас-Лотарингии, Пруссии и Саксонии; материалы множества комиссий о водном законодательстве в России, которые стали образовываться еще с 1838 г. и материалы которых доходили до Государственного Совета, но так и не были претворены в жизнь; Свод заключений местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности времен работы комиссии под руководством С.Ю. Витте. Особенно затрудняло работу по систематизации материалов, по словам участников комиссии, то, что в Западной Европе административно-правовое регулирование водопользования предшествовало частнопроводному регулированию, в России же – наоборот [2, с. 5–8].

Д.С. Флексор настаивал на том, чтобы в условиях повышенного спроса на водные ресурсы акцент в водном праве необходимо было перенести из гражданского законодательства в сферу публично-правовых отношений. Права на воду владельца прибрежного участка земли необходимо признать ограниченными правами третьих лиц. При этом, как он считал, не следовало бы отказываться от конструкции права собственности на воду собственника прибрежного участка земли, т.е. от т.н. берегового права [2, с. 10, 12]. В то время, как проект «Гражданского уложения» фиксировал право собственности только на закрытые в пределах земельного участка, находящегося в частной собственности, а на проточные воды распространялось только право пользования. И.И. Карницкий же считал, что водные ресурсы являются общественным достоянием и должны подвергаться публичному регулированию [2, с. 14, 22].

По мнению инженера С.Н. Никитина следовало бы включить в закон главу о подземных водах и источниках, о водоснабжении городов, селений и земельных угодий [2, с. 24]. По заявлению председателя комиссии необходимо было не только установить административно-правовые основы «Водного устава», но и частнопроводные, регулировавшие

взаимоотношения между частными владельцами [3, с. 3]. На заседаниях комиссии обсуждались также вопросы учреждения специальных государственных органов надзора по охране вод, [4, с. 2–3] защиты рек от промышленных загрязнений, мочки льна, конопли и кожи [4, с. 7, 17–19], запрета распашки склонов рек и оврагов [4, с. 23] и др.; были рассмотрены проекты статей об оросительных и обводнительных мероприятиях [5], о различных гидромеханических установках [6].

По итогам работы комиссии было подготовлено 48 статей будущего «Водного устава». Из анализа содержания журналов заседаний комиссии И.И. Карницкого, явствует желание его членов угодить и государственным, и частным интересам в сфере водопользования, слишком большое внимание вопросам определения правовой природы собственности на воды, смешение частноправовых и публично-правовых начал будущего водного законодательства, увлечение мелкими деталями, споры о семантическом оформлении тех или иных норм закона. В итоге, хотя проект «Водного устава» был подготовлен к 1914 г. он так и не был внесен на рассмотрение Государственной Думы – Первая мировая война и последовавшие за ней трагические для страны события, по сути, перечеркнули долгие годы тщательной и профессиональной работы членов комиссии И.И. Карницкого. Приверженность либеральным ценностям, положенным в основу проекта данного устава не дала возможность его разработчикам полностью признать за ним публично-правовую природу. По мнению одного из современников, – В.В. Еропкина, – консенсуса не удалось достигнуть и по причине отсутствия единства государства и общества в решении этой проблемы, и в силу «индифферентного и невежественного ее понимания» государством [9, л. 163].

Периодически в России обсуждались вопросы кодификации водного законодательства, однако в силу того, что водные ресурсы еще не были так сильно истощены, попытки не увенчались успехом. О демоэкологических проблемах развития страны государственные и общественные деятели [11, 12] и, в особенности, ученые [13] стали говорить на рубеже XIX–XX в. Усилившийся к началу XX в аграрный кризис, перенаселение Европейской части России, истощение земельных, лесных и водных ресурсов государства поставили вопрос о нормативном регулировании водопользования на повестку дня. По объективным причинам и эти попытки не были доведены до конца. Вновь они полу-

чили «второе рождение» спустя полвека – в 1970 г. были разработаны «Основы водного законодательства СССР», а в 1972 г. был принят «Водный кодекс РСФСР», закреплявший государственную собственность на все водные ресурсы в стране.

Как свидетельствуют приведенные материалы, современники крайне негативно оценивали действовавшее водное законодательство и привлекали к этой проблеме внимание государства. История формирования водного законодательства в России показывает, что первоначально общественные отношения по поводу хозяйственного использования водных ресурсов преимущественно складывались как частноправовые. Лишь после проявления негативных демоэкологических последствий аграрных преобразований второй половины XIX в. (высокие темпы естественного прироста населения, сокращение лесных, сенокосных и выгонных угодий, обмеление рек, распространение песков, рост оврагов и пр.) правительство и общество осознали необходимость ограничения частноправовых принципов в данной области взаимодействия общества и природы, что проявилось в попытках трансформации их в публично-правовые.

Список литературы

1. Высочайше учрежденная при Министерстве юстиции «Особая межведомственная комиссия для пересмотра законодательства по водному праву». Журнал № 1 заседаний 2, 11 мая 1907 г. СПб., 1907.
2. То же. Журнал № 2 заседаний 4 февраля, 4 марта 1909 г. СПб., 1909.
3. То же. Журнал № 3 заседаний 18 марта 1909 г. СПб., 1909.
4. То же. Журнал № 4 заседаний 8, 15, 22 апреля 1909 г. СПб., 1909.
5. То же. Журнал № 7 заседаний 18, 25 ноября 1909 г., 13, 27 января 1910 г. СПб., 1910.
6. То же. Журнал № 8 заседаний 2, 9 и 16 декабря 1909 г., 27 января 1910 г. СПб., 1910.
7. Миклашевский И.Н. Водное законодательство и право в России // Русская мысль. 1895. № 9. С. 80–106.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть 1. М.: Статут, 2004.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 426. Оп. 1. Д. 153.
10. Флексор Д.С. Действующее законодательство по водному праву. СПб., 1912.

11. Цинцадзе Н.С. Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX – начале XX века в восприятии современников: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012.
12. Цинцадзе Н.С. Особенности экологических и демографических проявлений аграрного кризиса в черноземных и нечерноземных губерниях Европейской России в восприятии современников: сравнительный анализ по материалам российской публицистики второй половины XIX века // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 38. С. 353–363.
13. Цинцадзе Н.С. Взгляды ученых второй половины XIX – начала XX века на демоэкологический кризис в аграрной сфере России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8 (22). Ч. 2. С. 208–210.

ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР И АДАПТАЦИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Чуркин М.К.

Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия

В статье, с опорой на опубликованные и неопубликованные источники справочно-статистического характера, выявляется зависимость результатов адаптации переселенцев в Западной Сибири от факторов природно-географического характера. Процесс водворения и обустройства мигрантов в регионе вселения, всецело зависел от способности переселенцев к освоению в естественно-географических условиях новой среды обитания. Влияние природно-географического фактора ощущалось выходцами из Европейской России на всех отрезках и стадиях переселенческого движения, что настраивало мигрантов на выбор адекватных стратегий поведения, направленных на достижение экономического успеха в районах земледельческой колонизации.

Ключевые слова: адаптация, природная среда, мигранты, земледелие, переселенцы и старожилы, сельскохозяйственные культуры.

NATURAL GEOGRAPHICAL FACTOR AND THE ADAPTATION OF IMMIGRANTS OF EUROPEAN RUSSIA, IN WESTERN SIBERIA (THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES)

Churkin M.K.

Omsk state pedagogical University, Omsk, Russia

In the article, based on published and unpublished sources Nicky reference-statistical nature, revealed the dependence of the results of adaptation

of immigrants in Western Siberia from factors when-nature-geographic. The process of placement and arrangement of migrants in the region of residence, entirely dependent on the ability of immigrants to the development of the natural-geographical conditions of a new habitat. The influence of natural-geographical factor was felt by immigrants from European Russia on all segments and stages resettlement movement: when gathering information about the locations of the upcoming invasion, the resettlement process, and during the establishment and organization of economic activities target for migrants on the selection of adequate policies aimed at achieving economic success areas of agricultural colonization.

Keywords: adaptation, natural environment, migrants, arable farming, displaced people, old-timers, agricultural crops.

Переселенческое движение в Сибирь, ставшее заметным социально-экономическим и культурным явлением в жизни России пореформенного времени, представляло собой уникальный индивидуальный и коллективный опыт выработки моделей приспособления земледельческого населения страны к весьма специфическим условиям новой среды обитания.

Следует отметить, что проблема адаптации переселенцев из земледельческого центра страны (Курской, Тамбовской, Орловской, Воронежской губерний) к природным условиям региона-реципиента (Западной Сибири), ранее не была включена в поле специальных исторических исследований. Авторы по преимуществу ограничивались констатацией численного состава мигрантов и траекторий их движения, а также апелляциями к экономической несостоятельности данной категории переселенцев, связывая её исключительно с аграрным кризисом в местах выхода миграционного контингента.

В настоящей работе предпринимается попытка выявления определяющих факторов природно-географического порядка, амортизирующих ход и результаты адаптации российских переселенцев в Западной Сибири.

Процесс и результаты адаптации мигрантов из Чернозёмного Центра европейской части России, составивших костяк переселенческого движения в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв., в особенности на начальной стадии водворения и обустройства, всецело зависели от того, насколько быстро удавалось переселенцам

освоиться в естественно-географических контекстных условиях изобранного региона.

В первое непосредственное соприкосновение с природой Западной и Средней Сибири, мигранты приходили в период собственно переселения из районов проживания. Именно в пути переселенческое хозяйство, потенции которого значительно уменьшались из-за непомерных материальных и моральных затрат на переезд, начинало остро чувствовать воздействие природно-климатических факторов. Многим переселенческим семьям из-за превратностей дороги приходилось обустраиваться в осенне-зимний период (посёлки: Покровский и Дмитриевский Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии, Николаевский – Лузинской и Покровский – Серебрянской волостей Тюкалинского округа Тобольской губернии) [4, с. 511].

В качестве факторов, лимитирующих адаптационные возможности переселенцев, выступали и метеорологические условия, при которых совершалось переселение. По сообщениям чиновника, командированного для заведыванием переселенческим делом в Тобольскую губернию, впервые серьёзные затруднения на пути в Сибирь возникли у мигрантов в 1890 году, когда вследствие холодной весны и позднего освобождения Иртыша ото льда (29 мая), произошло скопление людей в границах Тюменского округа, приведшее к развитию инфекционных болезней и высокой смертности [3, с. 97].

Последствия долгой и изматывающей дороги в комбинации с неблагоприятными метеорологическими условиями остро ощущались переселенцами в период водворения и обустройства на новом месте. В тех случаях, когда переселенческие партии основывали самостоятельное поселение, отсутствие представлений о климатических и почвенных особенностях местности приводило к неправильному определению хронологических границ хлебопашества и неверному выбору сельскохозяйственных культур, пригодных для выращивания.

Выходцы из Фатежского и Дмитриевского уездов Курской губернии, обустраивавшиеся во вновь созданном посёлке Алексеевском Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии в начале 90-х годов XIX века признавали тот факт, что хозяйственному развитию препятствовал недостаток знакомства с условиями местного земледелия: «не знали, когда сеять, когда пахать, какую землю поднимать» [3, с. 86–87]. Подобным же образом характеризовали начальный этап

земледелия в Сибири и переселенцы посёлка Ильинский: «Трудно соблюдать меру при хлебопашестве, не угодишь: много пахать землю – хлеб поляжет, мало пахать – ничего не уродится» [2, с. 20].

Не менее сложно начинался процесс хозяйственной адаптации к природно-географическим и климатическим условиям Западной Сибири и для тех переселенцев, которые водворялись в старожильческие сёла. Традиционно принято считать, что агротехнические приёмы возделывания сельскохозяйственных культур и формы взаимоотношений сибиряков с природной средой, знавших её особенности, были экологосообразными. Однако само по себе это знание, ещё не означало умения учитывать вероятность наступления критического периода в жизни растений и умение преодолевать невзгоды: повреждения культурных растений засухой, инеем, заморозком или сельскохозяйственными вредителями были в равной мере неподконтрольны ни переселенцу, ни старожилю. Старожильческое хозяйство традиционно функционировало за счёт жёсткой эксплуатации природных ресурсов, развивалось по экстенсивному пути; – соответственно и переселенцы в местах водворения очень быстро воспринимали методы хозяйственной деятельности старожилов, определяемые А.А. Кауфманом, как хищнические [2, с. 135].

Влияние природных условий на процесс адаптации крестьян к специфике земледелия в Западной Сибири заметным было на всех этапах организации земледельческого хозяйства. Эволюция систем земледелия в Сибири определялась формами крестьянского землепользования, которые, в свою очередь зависели от воздействия природных условий и включения в сибирскую жизнь переселенческого элемента.

Переселенцев из Чернозёмного Центра Европейской России отличало скептическое отношение к сибирской земле. Столкнувшись на практике с особенностями местных почвенных условий, они постепенно избавлялись от иллюзий, сформированных под влиянием неформальных источников информации, в которых часто давались преувеличенные оценки качественным свойствам сибирских земель. Называя землю чёрной, большинство переселенцев при этом добавляло: «В Сибири настоящего чернозёма нет» [5, с. 16]. Вообще характерной чертой сибирских чернозёмов была их «тяжесть» при обработке и склонность к быстрому зарастанию сорной травой. Самым значительным недостатком почв Западной Сибири, по мнению переселенцев, было обилие сорных трав, заглушавших культурную растительность. Мигранты из Фатеевского

уезда Курской губернии, хозяйствуя на землях Серебряковского посёлка Боготольской волости Мариинского округа Томской губернии отмечали, что «земля хороша, хотя и жирна, требует много труда на обработку» [6, с. 22]. Подобная оценка свойств почв Западной Сибири, повсеместно встречалась в ответах крестьян Мариинского округа Томской губернии на вопросы добровольных корреспондентов. Переселенцы различных местностей региона жаловались на отсутствие в Сибири толоки, прибавляя при этом, что им приходится не столько пахать, сколько «гоить» (очищать от сорняков) землю [1, л. 1–1 об.].

При всей важности учёта почвенных свойств и форм организации земледельческого хозяйства, главным фактором, лимитирующим земледелие в Западной Сибири, являлись климатические условия региона. Исследователи единодушно относили к разряду отрицательно воздействующих на хлебопашество свойств сибирского климата, периодически случавшиеся засухи, весенние утренники, летний иней, ранние осенние заморозки, нашествия сельскохозяйственных вредителей [7, с. 12].

Анализ естественно-географических обстоятельств обустройства мигрантов Чернозёмного Центра Европейской России в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. показал, в целом, существование жёсткой зависимости между природными условиями региона водворения и организацией переселенцами земледельческого хозяйства, результаты функционирования которого, являлись первоочередным критерием качественных сторон процесса адаптации.

Список литературы

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 143.
2. Кауфман А.А. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1889.
3. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев водворённых на казённых землях Томской губернии. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1896.
4. Материалы для изучения быта переселенцев водворённых в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х гг. XIX века по 1893 год). М., 1895.
5. Сведение о земледельческой полосе Сибири. Вып. 7. СПб., 1914.
6. Скалозубов Н.Л. Из поездок по Тобольской губернии в 1895 году. Тобольск, 1896.
7. Чарушин А.А. Крестьянские переселения в бытовом их освещении. Архангельск, 1911.

КПСС ПРОТИВ ПОПУЛЯРНОЙ МУЗЫКИ В 1984 ГОДУ

Шадрин В.О.

Пермский национальный исследовательский политехнический
университет, г. Пермь, Россия

Статья посвящена малоизвестному постановлению ЦК КПСС, которое должно было стать началом кампании против популярной музыки. Проанализированы требования советского руководства к популярной музыке. Реконструирована система предполагавшихся мероприятий по усилению партийного контроля, которая не была реализована благодаря смене политического курса.

Ключевые слова: *политический контроль, цензура, популярная музыка, советская культура, советская идеология, КПСС, вокально-инструментальные ансамбли, советский консерватизм.*

COMMUNIST PARTY AGAINST THE POPULAR MUSIC IN 1984

Shadrin V.O.

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

The article is devoted to the little-known decision of the Central Committee of Communist Party, which was to be the beginning of a campaign against popular music. Analyze the requirements of the Soviet leadership to popular music. Reconstructed system contemplated measures to strengthen of party control, which has not been realized due to a change of policy.

Keywords: *political control, censorship, popular music, Soviet culture, the Soviet ideology, Communist Party, vocal and instrumental ensembles, the Soviet conservatism.*

В истории отечественной популярной музыки 1983–1984 годы характеризуют как время давления власти на эту сферу искусства [1,

с. 223]. Однако механизмы давления в настоящее время остаются малоисследованными. Авторы работ на эту тему чаще склонны рассматривать давление власти в том виде, в котором оно представляло перед музыкантами и их аудиторией [2, с. 348]. Обращение к партийным документам позволяет нам полнее оценить содержание политики КПСС в области популярной музыки.

Среди предпринимавшихся в отношении советской популярной музыки мер особое место занимало постановление ЦК КПСС «О мерах по упорядочению деятельности вокально-инструментальных ансамблей, повышению идейно-художественного уровня их репертуара», принятое в 1984 году. Это постановление не было опубликовано, а потому в поле зрения исследователей чаще попадают документы, ставшие следствием этого постановления. Например, соответствующий приказ Министерства культуры СССР [3]. О содержании постановления ЦК КПСС позволяет судить одноимённое постановление Пермского обкома КПСС от 21 августа 1984 года [4]. Оно воспроизводит мотивировочную часть постановления ЦК КПСС, а также содержит резолюции по его исполнению. Это постановление позволяет нам составить представление о политике КПСС в области популярной музыки в рассматриваемый период, причём как на общегосударственном, так и на региональном уровне.

Ситуация в сфере популярной музыки оценивалась в постановлении негативно. Важнейшей проблемой провозглашалась деятельность вокально-инструментальных ансамблей и дискотек, которая характеризовалась как стихийная и бесконтрольная. Репертуар ансамблей составляли произведения «слабые в идейном и художественном отношении», а то и заимствованные из «западных эстрадных программ», культура исполнения не соответствовала советским стандартам. Всё это, по мнению руководства КПСС, наносило ущерб идейно-эстетическому воспитанию молодёжи и способствовало распространению «чуждых нам нравов» [4, л. 191]. Особенное внимание партийного руководства к этой проблеме было обусловлено новым витком напряженности в Холодной войне. Культурное влияние Запада рассматривалось исключительно в контексте идеологической борьбы.

Ответственность за сложившуюся ситуацию возлагалась не только на самих деятелей искусства и их непосредственное руководство, но и на партийные комитеты. Прямо указывалось, что партийные комитеты на местах не приняли решения июньского 1983 пленума ЦК КПСС как

руководство к действию [4, л. 191]. Руководство КПСС признавало, что не смогло добиться реальных действий от нижестоящих партийных структур, которые транслировали указания, относившиеся к ним как очередные «идеологические пожелания». Высшее партийное руководство требовало реальных управленческих мер, а нижестоящее - пыталось как прежде отделаться мерами символическими, сводя на нет политические усилия верхушки.

Столкнувшись с прямым давлением ЦК, Пермский обком КПСС принял программу мер к реализации которых подключались все структуры, так или иначе связанные с деятельностью вокально-инструментальных ансамблей и дискотек, от филармонии до школьной самодеятельности, от облсовпрофа до предприятий общественного питания. Фактически речь шла о попытке воздействовать на эстрадную музыку комплексно, не делая различий между самодеятельностью и профессиональным искусством, равно и игнорируя ведомственные полномочия и сферы интересов разных управленческих структур. В постановлении прямо указывалось на необходимость проведения единой художественной политики в сфере музыкальной культуры [4, л. 192].

Объединёнными усилиями всех ведомств проводился смотр и регистрация всех без исключения вокально-инструментальных ансамблей и дискотек, а также переаттестация их руководителей. В ходе регистрации и переаттестации предполагалось расформирование всех коллективов, которые не соответствовали предъявляемым идейным и художественным требованиям. Подразумевалась и персональная ответственность руководителей организаций, на базе которых существовали вокально-инструментальные ансамбли и дискотеки, за содержание их творчества [4, л. 192].

Постановлением вводилась новая централизованная система управления сферой популярной музыки на уровне региона. Общий контроль передавался в руки отделов культуры горрайисполкомов. Они должны были утверждать программы всех вокально-инструментальных ансамблей и дискотек, независимо от их ведомственной принадлежности, контролировать качество музыкальных программ, транслируемых в местах массового отдыха и на транспорте, а также репертуар произведений, записываемых на плёнку в салонах звукозаписи. Все ансамбли и дискотеки, работавшие в сети общественного питания, переходили из подчинения отдельных предприятий в единое хозрасчётное предприятие. В качестве пропагандистского инструмента, а также механизма

внешнего контроля должна была выступать местная печать, телевидение и радио [4, л. 193].

В течение месяца постановление ЦК КПСС доводилось до сведения всех ответственных за его выполнение должностных лиц. В течение года все вокально-инструментальные ансамбли и дискотеки должны были пройти регистрацию, по итогам которой формировался общий перечень вокально-инструментальных ансамблей и дискотек, имеющих право на концертные выступления. Оставшиеся прикреплялись к своим базовым концертным площадкам и не должны были выступать где бы то ни было ещё. Программы ансамблей и дискотек подлежали обязательному утверждению с последующей выдачей удостоверения на право публичных выступлений [5, л. 215]. Руководители вокально-инструментальных ансамблей должны были проходить обязательную переподготовку, которая должна была отстранить от руководства лиц, не имевших специального образования, а также «идейно незрелых». Для оставшихся руководителей должны были быть организованы курсы повышения квалификации [5, л. 217].

Кроме того, план мероприятий предполагал проведение собраний музыкантов во всех городах и районах области по вопросам повышения идейно-художественного уровня репертуара и исполнительского мастерства. Особое внимание предписывалось обратить на «факты низкой исполнительской культуры, неэстетичного поведения на сцене, использование зарубежных записей и нелегальных пластинок» [5, л. 216].

Должны были контролироваться и радиотрансляционные установки в местах общественного отдыха. За каждой из них закреплялось ответственное лицо. Обязательно было также согласование с органами культуры списков произведений, доступных в студиях звукозаписи, и указание на упаковках магнитных лент названий произведений и фамилий авторов [5, л. 216]. Под проверки репертуара попадали и клубы самодеятельной песни.

Для формирования репертуара привлекалась областная библиотека им. А.М. Горького. В ней предполагалось создание фонотеки с набором произведений советских авторов, «отечественной песенной классики», народного творчества с рекомендательными списками для программ вокально-инструментальных ансамблей и дискотек [5, л. 217].

Таким образом, в 1984 году начала разворачиваться целая кампания в отношении советской популярной музыки. Самостоятельность вокально-инструментальных ансамблей и дискотек в выборе репертуара резко ограничивалась. Была предпринята попытка закрыть все бюрократиче-

ские лазейки для выхода популярной музыки из-под контроля и создать единую систему мер, требований и контролирующих структур, позволяющих повергать этот жанр искусства строгому административному контролю. Очевидно, партийное руководство СССР пришло к осознанию того, что современная ему популярная музыка уже не только не решала задачу актуализации идеологии, но скорее расшатывала советский общественно-политический строй. Она становилась проводником иной системы ценностей, попадавшей под определение «буржуазной идеологии».

Однако, масштабным планам не суждено было осуществиться до конца. Изменения в высшем советском руководстве вновь отодвинули эстрадную музыку на периферию партийного внимания, что обернулось ослаблением давления на неё, причём как на центральном, так и на местном уровне. В условиях смены политического курса начатая была политика «закручивания гаек» в сфере культуры сменилась масштабной либерализацией после XXVII съезда КПСС [6, с. 159].

Список литературы

1. Никонова С.И. Особенности развития советской культуры в 1965–1985 гг. // Вестник ТГУ, 2008, вып. 8 (64). С. 218–225.
2. Невская Т.Н. Становление молодёжной рок-культуры в СССР в конце 1950-х – начале 1980-х годов XX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008, № 77. С. 343–349.
3. Бобраков-Тимошкин А. Новый Цой родится в интернете? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/1775848.html>
4. Постановление Бюро Пермского обкома КПСС от 21 августа 1984 года «О мерах по упорядочению деятельности вокально-инструментальных ансамблей, повышению идейно-художественного уровня их репертуара» // ПермГАНИ. Ф. 105, оп. 332, д. 21, л. 190–193.
5. План мероприятий по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по упорядочению деятельности вокально-инструментальных ансамблей, повышению идейно-художественного уровня их репертуара» // ПермГАНИ. Ф. 105, оп. 332, д. 21, л. 214–218.
6. Гавриш Г.Б. Либерализация сферы культуры как фактор политического процесса в 1985–1989 гг. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1. С. 158–170.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

ВИДЫ БИОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА: ГЕНЕАЛОГИЯ, СЕМЕЙНАЯ ЛЕТОПИСЬ/ ВОСПОМИНАНИЯ

Артамошкина Л.Е.

Санкт-Петербургский госуниверситет, философский факультет,
Санкт-Петербург, Россия

Статья рассматривает условия и принципы биографического письма – генеалогии, семейной хроники. Это помогает анализировать биографию как единство индивидуальной и коллективной памяти.

Ключевые слова: биография, генеалогия, текст, коллективная память, история, автобиография.

TYPES OF THE BIOGRAPHIC LETTER: GENEALOGY, FAMILY CHRONICLES/MEMOIRS

Artamoshkina L.E.

St. Petersburg State University, philosophical faculty,
St. Petersburg, Russia

The article deals conditions and principles biographical texts – genealogy, the family chronicle. It helps to analyze the biography as unity of individual and collective memory.

Keywords: biography, genealogy, text, collective memory, individual memory, history, autobiography.

Обращаясь к генеалогии и семейной летописи, в этих видах биографического письма мы обнаруживаем «правила» письма как те его

закономерности, которые выявляют закономерности становления биографии в единстве индивидуальной и коллективной памяти, ее мнемотопов, исследуем характер индивидуального участия в сохранении и воспроизводстве коллективной памяти и возможные способы образования контекста для биографии, биографии как текста культуры.

Предметом прикладной части исследования является генеалогия семьи Канских-Аладжаловых, восстановленная и оформившаяся в книгу «Возвращение к истокам» Канским Юрием Ростиславовичем и семейная летопись (так обозначен жанр письма самим автором) Квятковских (частный архив).

Генеалогия

Наблюдая, анализируя и включаясь в процесс создания генеалогического «древа», мы связали этот процесс с процессом становления биографии автора генеалогического письма.

Структура книги проста: 1) История Канских; 2) Приложения (1–5); 3) Фотоархив; 4) Мои предки со стороны матери: Аладжаловы, Худобашиевы, Султан-Шахи; 5) Вместо послесловия.

На протяжении долго времени нам довелось непосредственно наблюдать процесс поиска и сбора материала, знакомиться с разнообразными обстоятельствами, сопровождающими этот процесс. Следовательно, можно говорить о действительном знании контекста данного текста и характера включения самой биографии автора (Ю.Р. Канского) в процессе создания текста, в его «ткань».

Составитель генеалогии сопроводил вышедшую книгу комментарием – «В поисках ушедшего времени», в котором определяются этапы обращения автора к генеалогическим изысканиям и мотивы их предвещающие.

В поисках ушедшего времени

Впервые я стал думать о своих предках, когда в 5 лет папа привез меня в Киев к бабушке. Там был альбом с фотографиями Праги, и я узнал, что мои предки выходцы из Чехии. Думать о поисках связи с прошлым было рано. Но мысли мои обращались к Чехословакии. Собирал альбомы с видами Праги. И вот наконец мне удалось получить путевку на туристическую поездку в Чехословакию.

В процессе создания генеалогии автор периодически обращается к написанию собственной автобиографии. Она выполняет несколько функций: как промежуточный итог осмысления того материала, который был найден и который требовал своего «биографического» места; как необходимая аналитика найденного материала, обнаружения «лакун» и размышления о возможном направлении дальнейших поисков. История написания книги Ю.Р. Канского связана с началом работы генеалогического общества в Петербурге. Более того, именно доклад Юрия Ростиславовича о работе над генеалогией семьи, о поиске материалов и документов, был одним из докладов, с которых началась работа генеалогического общества. Он мог бы, наверное, написать увлекательную книгу о своих поисках и самом процессе обнаружения документов и свидетельств. Текст в книге сопровождается необходимыми генеалогическими таблицами. Но есть в ней особенность, которая обращает на себя внимание уже в подзаголовке: автобиографическое исследование. Добавление несколько неожиданное для жанра генеалогии и, но указывающее на важные его черты.

«Каркасом» общего сюжета, что естественно для генеалогии, является большая история. Об этом автор говорит в предисловии: «Это книга о моих предках и о современниках. В ней две части, так как история Канских (линия отца) и Аладжаловых (линия матери) нигде не соприкасается. Единственное, что их объединяет – это влияние исторических событий в нашей стране на судьбы людей» [1, с. 3]. Но роль большой истории в этой книге не так однозначна. Очень часто она является не «диктатором», а только вместилищем или даже фоном для развертывания человеческой судьбы, становления характера. Во всяком случае, истории, рассказанные в книге, не оставляют впечатления о людях как просто орудиях истории.

Автор невольно делает примечательную ошибку, которая еще ярче подчеркивает другую особенность книги: история Канских и Аладжаловых встречается столь очевидно и плодоносно в самом авторе, воплощается эта встреча и в самой этой книге.

Здесь и выступает та «жанровая» особенность, которая обозначена подзаголовком: автобиографическое исследование.

Как выражается ее автобиографичность? В работе с документом и обработке документов. Так, бесспорные, документально подтвержденные факты, получают дополнительную весомость и «зримость» благо-

даря воспоминаниям, семейным преданиям, той коллективной памяти, которая и является условием становления истории, малой и большой, но одновременно обнаруживает еще одно свойство: складывается такая память, а главное, сохраняется благодаря «поступающему мышлению» каждого из ее «хранителей». Рассказывая историю Ермолая Иосифовича Канского, автор воскрешает воспоминания его дочери Наташи. Гражданская война застала его в Оренбурге, где он служил тюремным врачом. «Когда город заняли большевики, пришли ночью бывшие заключенные предупредить Ермолая, что утром его арестуют большевики. Он нанимает киргиза извозчика, и семья бежит из города ночью. Киргиз их вез несколько суток, заплутал в степи и привез обратно. В тот раз все обошлось» [1, с. 22]. В этом рассказе выражено то, что невозможно выразить языком историка-профессионала: здесь и неумолимость истории, и мудрая неоднозначность самой жизни с ее человеческими отношениями, которые трудно поддаются определению или объяснению в «логике» большой истории и выбиваются из пределов «исторической закономерности». Вот уж, воистину, жизнь неожиданнее любого романа. Это «происшествие» вполне объясняется внутренней логикой самого характера человека. Позже, когда Ермолай в 20-е годы оказывается в Риге, мягкость и «непрактичность» (=несостоятельность) его проявляются вполне. «...отец мог не брать денег с больных, говоря, что на больных не наживаются, но был отчаянный картежник. Он выходил из дому по пути в больницу, где он работал врачом, останавливался у витрины, несколько минут стоял в раздумье, и неизменно поворачивал к офицерскому собранию, где любил проводить время» [1, с. 23].

Автор не только с документальной точностью создает генеалогию семьи, но воссоздает характеры, обнаруживая в череде поколений определенные «родовые» черты в характерах своих «героев». Дочь Ермолая Иосифовича, Наталья Ермолаевна Курова (Канская) «по характеру была спокойная, доброжелательная, очень хорошо уживалась с окружающими ее людьми. До последнего дня она оставалась в ясном уме». О Евгении Канском: «Все, кому посчастливилось в свое время общаться с Евгением Канским, отмечают его благородство и чувство достоинства, которое выражалось прежде всего в исключительно благожелательном отношении к людям» [1, с. 44].

Автобиографической чертой книги является и авторское отношение к ее героям, сама выраженность такого отношения, его благодарное/бла-

городное сочувствие людям, далеким предкам и современникам. «Борис Владимирович (Куров, сын Натальи Ермолаевны) был и остается для меня всегда примером человека, сумевшего сформировать себя, преодолеть множество трудностей, провалов и соблазнов и найти свое предназначение и реализовать себя, свой талант, свою энергию» [1, с. 28].

Автобиографичность как отличительная черта текста связана с его романно-повествовательным началом. В каждой из генеалогических линий можно обнаружить микро-сюжеты, точнее фабулы, для романов. Важно заметить, что это не придуманные фабулы (не в этом смысле нужно понимать автобиографичность, «наличие» автора в тексте), а действительно бывшее. Автор «увидел» эти сюжеты, остановился на них, связал их с линией судеб и характерами. В этой способности вводить в развертываемую генеалогию подобные фабулы и заключается черта автобиографичности данной книги.

Приведем один пример, он касается истории семьи Аладжаловых (линия матери), речь идет о жене Александра Иоакимовича Аладжалова Елизавете Ивановне Васильевой, дочери купца Ивана Васильевича Васильева: «Елизавета Ивановна родилась в Швейцарии, в Давосе на родине ее матери Катарини Фалер 18 августа 1864 года. Отец ее Иван Васильев, выходец из крепостных крестьян под Петербургом, начал свою карьеру со службы мальчиком, а затем официантом в кафе «Прадер». Разбогатев на продаже бутербродов с мясом, он владел доходными домами и сдавал квартиры. Мать Елизаветы Ивановны Катарина Фалер была дочерью швейцарского фермера, разводившего овец и ценившего их больше своих детей. Когда одна из его дочерей заболела туберкулезом и нуждалась в свежем молоке, он сказал: «Дети будут еще, а вот овцы без альпийских лугов обойтись не могут». В Швейцарии у Катарини был жених. В память о нем она долго хранила записную книжку с бисерной обложкой и засушенный цветок эдельвейса... Как же познакомились обрусевший армянин, мелкий служащий в госбанке с дочерью богатого купца Васильева?» [1, с. 167]. Автор завязывает интригу риторическим вопросом, вызывая в читателе вполне «романные» ожидания.

«Романная автобиографичность» текста требует своего определенного комментария, так как является общей чертой биографического письма разного вида. В ней выражается глубинная черта «поэтики», рожденной XX веком. Она обнаруживает себя как родовая черта у самых

разных авторов, на первый взгляд очень далеких. Наиболее ясно и экономно в словесном выражении она была сформулирована Шаламовым в уже приводимом нами «Манифесте о новой прозе». Суммируем ее основные признаки: документальность; антидидактичность. Эти признаки проявляются особенно при сопоставлении таких, например, текстов как книга Ю.Р. Канского, не претендующая на звание литературного произведения, и вполне литературное произведение – книга И. Головкиной «Лебединая песнь/Побежденные» – автобиографический роман о судьбе русских аристократов после революции 1917 года. История, катаклизмы XX века обнаружили бессилие старой романной традиции, бессилие вымысла/замысла (автора) перед действительностью, с ее немыслимыми коллизиями и положениями. Пастернак в «Докторе Живаго» лишь пунктирно наметил подобный сюжет в судьбе дочери Юрия и Лары. Эта история подтверждает правоту В.Т. Шаламова о том, что старый спор интеллигенции о народе снят, невозможна сама прежняя постановка вопроса о вине интеллигенции (русская мука от Пушкина до Блока и Пастернака) перед народом, невозможно далее размышлять в прежних категориях вины и греха. «Собственная кровь и судьба» стали не только требованием литературы, как об этом говорил Шаламов, но условием и требованием к самому способу мышления и слову/языку. Антропологический четырехугольник Вилема Флюссера (тело, образ, письмо/язык, время) и является вариантом выражения общей «поэтики» XX века, сформулированного языком философии.

И еще одна важная черта есть в книге Ю.Р. Канского – ее открытость. Автор не только восстанавливает прошлое, но в ставшем прошлом живет «становящееся» будущее. Завершается каждая глава историей современника, историей, еще не ставшей Историей, вот так, например: «Александра закончила исторический факультет Московского университета. Мечтает стать реставратором. Вышла замуж» [1, с. 193].

Семейная летопись

Начнем с выдержки из летописи старинной петербургской семьи.

«Давнее, очень давнее – да, чуть ли не сорокалетней давности! – намерение: писать мемуары.

Но ведь хорошо известно, куда отправляются «благие намерения»: ими ад вымощен!.. Главное же препятствие – не столько природная

лень, как вот такие вопросы: «А кто читатель? Кому это будет интересно? Не отправятся ли мемуары непрочитанными в мусоропровод? Кому нужны эти имена, явившиеся из небытия, кого тронут эти подробности о неизвестных дядьках и тетках, старичках и старушках?» Мы видим их на выцветших фотографиях, эти сероватые или желтоватые тени, они еще остаются с нами, живыми, но надолго ли?

2003, 12 марта

Семейная история, вернее, собрание мифических эпизодов...

Но сколько раз можно начинать и бросать, начинать и бросать? Ну что ж, очередное начинание... И снова проблема читателя: нелюбителями истории могут быть не только отдельные личности, но и целые народы. Были такие народы — не вели летописей, и даже в своем общественном подсознании оставались глубоко равнодушными к своему происхождению, к смене поколений, смене династий или царств и т. д. До нашего времени дожили только мифы. Точно так же и эти записки могут оказаться в руках потомков, совершенно равнодушных к истории семьи и которым будут просто смешны эти давно прошедшие века и годы (смешны или надоедны, как школьные задания: запоминать даты! Для меня же, напротив, каждый век и год имеет свое особенное лицо, выраженное цифрами).

Вместо семейной летописи следовало бы записать семейные мифы. Да, по правде, это так и есть.

2003, 14 марта

История всегда начинается с какого-то момента, первого упоминания в древней летописи.

Итак...

Булочника Вебера принимали за петербургского немца. Вспоминаете?

И немец в колпаке не раз

Уж отворял свой *васисдас*.

А отворял он его затем, чтобы продать свежие, только что из печи, хлеб или булки. Так питались петербуржцы в те незапамятные времена.

Вебер на самом деле был не немцем, а швейцарцем, ну конечно, тоже петербургским, вероятно, обрусевшим; собственноручно он вряд ли отворял *васисдас*: для этого у него были работники. В книжечке о Большой Конюшенной улице он назван булочным мастером, швейцар-

ским подданным Ф.К. Вебером. Он был, несомненно, состоятельным человеком, домовладельцем. Дом, когда-то ему принадлежавший, и посейчас стоит на Большой Конюшенной как раз против Шведского переулка, наискосок от финской кирхи. (Вот, как только заговоришь о Петербурге, вылезают немцы, швейцарцы, шведы, финны – таков уж этот город!)».

Начало текста дает читателю право усомниться в «чистоте жанра»: летопись оказывается мемуарами и/или биографией семьи. Автор воссоздает, пользуясь семейным архивом, фотографиями, а главное – собственной памятью, историю семьи, следуя хронологии, но создает он все-таки биографию, а не летопись. Важен сам факт «отсроченного» письма (2003 год, автору к этому времени 72 года), он свидетельствует о рефлексивной позиции отстраненности, что позволяет воспринимать форму и стилистику изложения, скорее, в русле романной традиции. Автор не прячет своего лица, не стремиться к летописной анонимности, он сохраняет естественность личной интонации, что выражается и графической неоднородности текста: его остановки, многоточия, обращения к читателю, риторические вопросы, восклицания, курсивы («Но вернемся к старому *ленинградскому дому* на Большой Конюшенной... т. е., я хотел сказать, на улице Желябова!»). Особенность такого письма заключена и в подспудной позиции/надежде: быть прочитанным, услышанным, обнаруженным читателем, причем читателем «отдаленным» – потомком, человеком, не входящим в повседневно-жизненный круг настоящего (жена, ближайшие друзья/ровесники). Это усиливает позицию рефлексивной отстраненности, определяет достаточно напряженные отношения с собственным текстом. Обратим внимание и на последовательность дат в начале каждого отрывка: 12 марта 2003, 14 марта 2003, на указание временной дистанции – 30-ти, 40-летней давности намерение писать «летопись». Даты, появившиеся в начале текста – примета другого «биографического письма» — дневника, они выражают неустрашимую потребность самой письменной фиксации памяти, потребность ее сохранения/передачи (многие дневники рассчитаны изначально на будущее прочтение/обнаружение читателем).

Биографическое письмо и в этом виде выражает свою главную функцию – быть собственно собиранием жизни как целостности в биографию, обнаружить это единство, «не случайность» её. Чередование дат раскрывает принцип «написания». Начало относится к 2003 году и вы-

ражает главный мотив «письма» – время, его «биографическое» неумолимое истечение. В записи сентября 2009 года автор, желая сохранить последовательность изложения в духе доброй романной традиции, обращается к черновым заметкам/записям 2003 года: «23 мая 2003 (2009, 24 сентября, использую затор в изложении – или запор в мыслях? – для перепечатки черновиков из 2003-го года. Время, время – его совсем не остается! Хоть как-то использовать!) ». Создается нелинейное письмо, в «разрывах» своих вбирающее время. Записи, начавшиеся в марте 2003 года и продолжающиеся почти без перерыва до апреля/мая 2003, возобновляются только в 2008 году. Но последовательность дат не сохраняется и в записях 2003 года: март, апрель «перебиваются» записями мая. Эта «перебивка» дат определяется задачей автора создать целостный текст в сюжетной последовательности истории семьи, которая определяется «естественной» хронологией – «от прадеда – к правнуку». Авторское усилие – усилие воссоздать и удержать эту целостность. Текст в буквальном смысле становится событием и со-бытием.

В биографическом письме явлена еще одна закономерность – его «топологичность». Это связано с самой «топологичностью» памяти и с биографией, которая складывается благодаря своеобразной стратегии: феноменологию ландшафта мы и можем определить как таковую стратегию развертывания биографического текста. Интересно сопоставить специфику топологичности в двух стратегиях письма: генеалогическом и «летописном». Для легитимации наших последующих выводов приведем соответствующие отрывки из данных текстов.

Отрывок из книги «Возвращение к истокам» Ю.Р. Канского:

«Я родился в Ленинграде 1 февраля 1931 года. Детство провел на Мытнинской набережной в доме 3 квартира 5. Из окон нашей комнаты на третьем этаже открывался замечательный вид. Прямо под окнами плескалась Нева, гудели буксиры, стояли баржи. Во время наводнения вода стояла в полуподвальном помещении нашего дома. Но с этой красотой пришлось расстаться» [1, с. 74].

Отрывок из «Семейной летописи» В.А. Квятковского:

«Мой дед, Осип Абрамович Квятковский, занял эту квартиру со всем своим семейством в 1924 году. Почти весь третий этаж во флигеле, с окнами на первый двор. Другие окна, с обратной стороны флигеля, пока еще квартира не была разделена на две, выходили на третий двор – такой узенький, что с третьего этажа его и видно не было.

Вид из этих окон с обратной стороны открывался на соседний сад и развесистые деревья: под ними когда-то, в незапамятные времена, располагались столики роскошного ресторана «Донон». Этот сад упоминает Анна Андреевна. (Описывала она, правда, не ресторан, а Смоленское кладбище). «Вот здесь кончалось всё: обеды у Донона, интриги и чины, балет, текущий счет...» и т. д. Или в другом стихотворении: «Звенела музыка в саду / Таким невыразимым горем. / Свежо и остро пахли морем / На блюде устрицы во льду» [2].

Очевидно общее — та топологическая «цепкость» памяти, которая воскрешает прошлое в «запахах и звуках». Пространство, вобравшее в себя эмоцию, становится источником/истоком возвращения биографической памяти, условием разворачивания биографического текста.

Даты, появившиеся в начале текста — примета другого «биографического письма» — дневника, они выражают неустрашимую потребность самой письменной фиксации памяти, потребность ее сохранения/передачи (многие дневники рассчитаны изначально на будущее прочтение/обнаружение читателем).

Очевидны и различия двух стратегий биографического письма — генеалогии и семейной летописи. В первом случае мы видим разворачивание истории рода, родословную, включенную, точнее, сопряженную с «большой историей» (не только историей России, но историей XX века). Образец такого сопряжения — «Моя родословная» Пушкина. В этом первом виде письма автор привлекает топологические приметы как знаки, являющие и большую и малую (семейную, личную) истории. Ландшафт здесь не имеет своего повсеместного выражения и определенной самодостаточности по отношению к факту.

Во втором виде письма мы видим концентрический принцип разворачивания ландшафта — от большего пространства к меньшему, от Петербурга, ближайших улиц, дворов — к пространству квартиры/Дома. Ландшафт не только помогает разворачиванию летописного сюжета, он воскрешает эмоциональную память, он является принципом разворачивания биографического сюжета в сопряженности трех пластов: большой истории, истории семьи, истории автора.

Выше мы назвали в качестве образца «Мою родословную» А.С. Пушкина. «Родословная» — русский эквивалент греческого слова генеалогия, оба слова заключают в своем составе и значении соединение рода и слова о нем, само появление любой родословной связано с

фиксацией в слове, письме. Исследователи истории возникновения генеалогии неизменно указывают на важность материальных носителей памяти рода. В разных культурах это было связано с религиозными, властными, экономическими функциями/привилегиями, их закреплением, легитимацией, удержанием и передачей.

В тексте Пушкина слово о роде выражает основные принципы генеалогии: история рода складывается из хронологической последовательности имен предков в их двух линиях – отцовской и материнской (1) и в сопряжении со знаковыми для истории рода историческими событиями будущего масштаба (2). Важны и другие черты этого генеалогического текста. Пушкин пишет «Мою родословную» в 1830 году, когда его собственная жизнь, завершая определенный этап «безумных лет угасшего веселья», обретает новый ритм, смысл и содержание. Поэтому «Моя родословная» является не только и не столько ответом «Фиглярину» и прочим, но фактом и актом самоосознания. Построение/обретение Дома обращает к осмыслению сопряжения собственной жизни и большой истории. Дом одновременно оказывается частью этой истории и оплотом сохранения «самостоянья» в вихрях, водоворотах истории, спокойном понимании «времен превратностей». «Моя родословная» была одной из первых, которая выражала историческое достоинство «частного» человека. Важен этот акцент, который становится лейтмотивом в «генеалогическом письме» Пушкина: «Я просто русский помещик». Генеалогия в истоках своих в европейской традиции, более планомерно складывающейся в XVII–XVIII вв., связана с процессами централизации власти, образования европейской государственности и соответствующей властной структуры. Социологи исследовали этот период как период становления европейской аристократии. Аристократия определяется в ее положении по отношению к имперской/королевской власти, ее непосредственному участию в придворной жизни, установлению корней собственной родословной. Знатность рода и определялась по родственным связям и древности этих связей. Пушкин, понимая это исходное положение для дворянина, противопоставляет звание дворянина и помещика, не принимая того понимания аристократизма, которое связывает его с положением близости к имперской власти/двору, со службой персоне. Конечно, следует учитывать обстоятельства недавней для Пушкина русской истории XVIII века, периодом дворцовых переворотов и сменой фаворитов. Но характерно противопоставление

аристократизма и аристократизма в размышлениях, например, Томаса Карлейля. Близкий Пушкину по своему «биографическому» времени, он отмечает те изменения, которые определены ситуацией европейской истории *после* Великой французской революции. Два лагеря составляют, по его мнению, современный социум: щеголи (dandies) и «каторжники труда». Щеголи, которых обычно, но ошибочно, называют аристократами, составляют своеобразную секту. Они озабочены покроем своего платья, изысканностью своих манер. Но подлинный аристократизм воплощают только герои, благородные духом. Поэтому политические выводы Карлейля уже не кажутся парадоксальными: он говорит о встрече аристократии и демократии, когда герой, аристократ, появится из демократии, осознавшей свою историческую роль и могущую быть носителем подлинного творческого духа, который и есть настоящее выражение аристократизма.

В «Моей родословной» Пушкина формулируется понятие «нового аристократизма», которое получит неожиданное развитие в XX веке, после катаклизмов социальных революций – аристократизм «мещанина», в основании которого лежит не понятие сословной чести, а личное достоинство.

XX век актуализирует само понятие личности и обнаруживает новые смысловые обертоны, которые обозначают ее иной статус и положение в истории.

Список литературы

1. Канский Ю.Р. Возвращение к истокам: автобиографическое исследование. СПб., 2012. 240 с.
2. Квятковский В.А. Семейная летопись.

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Бацанова С.В.

Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

Рост интереса современного общества к человеческому телу ведет к изменению понимания «нормы», заботы о теле и механизмах его изменения. Телесность как социальный конструкт тела становится не просто проявлением социального запроса общества, а маркером принадлежности к определенной социальной группе. Однако, в отличие от других маркеров, индивидуальная телесность не может быть сформирована извне, так как является результатом отношений личности с собственным телом, становясь, таким образом, индивидуальным проектом, реализуемым на протяжении всей жизни.

Ключевые слова: гендер, нормативность, здоровый образ жизни, проект, социальная модель, тело, телесность.

CORPOREALITY OF THE BODY AS AN INDIVIDUAL PROJECT

Batsanova S.V.

Belgorod State Technological University after V.G. Shukhov,
Belgorod, Russia

The growth of interest in modern society to the human body leads to a change in understanding of the “norm”, care of the body and the mechanisms of change. Corporeality of the body as a social construct is not simply a manifestation of social inquiry society, and a marker of a particular social group. However, unlike other markers, individual physicality can not be formed from the outside, as a result of the relationship with the person's own body, thus becoming, individual project implemented throughout life.

Keywords: gender, normative, healthy living, the project, the social model, body, corporeality of the body.

Тело в современном мире довольно давно перестало быть явлением только физического или эстетического порядка. На смену понятию «тело» приходит телесность. Изменение пространственно-временных, культурных и социальных характеристик, придает телу совершенно новый смысл. Оно становится ареной событий, отражающих наиболее сложные и противоречивые изменения социальной жизни, сексуальности, биоэтики, форм насилия и самовыражения. Стремительное изменение ритмов и скорости социальных и культурных процессов заставляют человека искать константу, стабильность, устойчивость и общечеловеческая значимость которой не могут быть оспорены. Выбор тела в качестве такой константы закономерен.

Современное отношение человека к собственному телу ярко и метко характеризует термином «дестабилизация» S. Orbach, описывает его как проявление озабоченности, сосредоточения и тревоги о своем физическом бытии [1]. По мнению исследовательницы, глобальной проблемой является нарушение глубинной связи между человеком и его телом, понимание чувственности не как индивидуальной характеристики, связывающей разум и тело, а механизма социального взаимодействия.

Тело в социуме становится телесностью, набором социальных практик и смыслов. Впервые идею рассмотрения тела, как объекта властных отношений, выдвинул М. Фуко. Символичность тела, характерная для древности и средневековья сменяется моделированием и систематизацией. Власть, понимаемая М. Фуко, как «множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует; понимать опоры, которые эти отношения силы находят друг в друге таким образом, что образуется цепь или система, или, напротив, понимать смещения и противоречия, которые их друг от друга обособляют; наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действенности, стратегии» [4, с. 192]. Для этого вводятся новые методики работы с человеческим телом, направленные на манипуляции с его частями, жестами, поведением с максимальной пользой. Наиболее распространенной методикой стала методика самосовершенствования – цепочка взаимосвязанных, подчиненных одной цели элементов, имеющей целью улучшение определенных качеств человека.

Рассмотрение репрезентации, понимания собственного тела, приводит к формированию моделей тела – «установок, схем интерпретации опыта и других элементов смысловой жизни, конструирующих укорененные в культуре способы воспроизведения телесности» [2, с. 59]. Модели тела – это коллективные представления о теле, несущие на себе отпечаток эмоций сообщества, через них конструируется общение человека со своим телом.

Тело на социальном и на индивидуальном уровне рассматривается по-разному. Тело мыслится, а не переживается, человек стремится к формированию собственного тела в соответствии с нормами, приписываемыми обществом для него через такие модели обращения как «хорошее самочувствие», «систематическая забота о гигиене». Отношение к собственному телу напоминает отношение к некому объекту, имеющему конкурентную значимость (гонимому автомобилю, призовой лошади, статусной вещи): если оно отвечает неким заданным стандартам, повышает социальный статус хозяина, забота о нем становится важной повседневной практикой, если нет, то низводится до рутины, а нередко и до пренебрежения.

Разрушение многих знаковых систем идентификации в обществе приводит к тому, что человек вынужден выбирать новые формы для самопрезентации. За последние 30–40 лет постепенно размылись представления об одежде, как показателе статуса, эксперименты с внешним видом все чаще не вызывают у окружающих должной реакции восхищения или негодования. Одежда и её сочетание все меньше рассказывает о своем владельце, уступая свою роль аксессуарам и телу. На смену достижениям портного приходят достижения личные. Справедливо будет назвать современное отношение к телу реализацией индивидуального проекта. Как и каждого проекта, у этого есть цель, задачи, этапы и планируемый результат. Лишаясь частного пространства, которое в современном потоке информации становится условным и явлением с размытыми границами, человек стремится выстроить новое пространство своего тела.

Рассматривая телесность, как проект, необходимо отметить, что, так как длительность его равна жизни, то на разных этапах цели, задачи и методы его реализации меняются вместе с жизненными целями, возможностями и представлениями о собственной субъективности. Станковская, характеризуя субъективное отношение к собственному телу, отмечает: «...недовольство собственным телом – это нормальная

характеристика современного отношения к себе... Его масштаб может быть разным: от легкого недовольства до выраженных страданий...» [3, с. 113]. Такая позиция связана не только с возрастными или гендерными нормами неудовлетворенности собственным телом, но и с восприятием тела, как самостоятельного, отвлеченного явления, требующего постепенного вписывания в представление о собственном Я.

Сегодня мы можем говорить о двух, взаимопроникающих тенденциях проекта индивидуальной телесности: представленных, как борьба за свободу от навязываемой тенденции. Первая – это здоровый образ жизни, позиционируемый своими сторонниками как самостоятельная ответственность за свое тело и отказ от модели гиперпотребления некачественной, высококалорийной и разрушающей человеческое тело пищи, сидячего образа жизни и раннего старения. Вторая – это отказ от навязываемых стандартов, жесткого контроля над телом, пропаганда «естественности», развернутые объяснения, почему человек сегодня потребляет все больше, обоснование изменения размеров, веса среднего человека закономерностью эволюционного развития. Обе эти тенденции имеют своих сторонников и противников.

Наличие двух тенденций говорит о понимании властного вмешательства в такую важную сферу человеческой жизни, как телесность. Сегодня человеческая телесность может пониматься как конструкт, результат реализации длительного проекта «мое тело», при этом, необходимо заметить, нет разницы между разрушением и строительством для понимания данного процесса – это движение с различными векторами.

Рассмотрим варианты развития реализации проекта в различных моделях. Первая группа моделей характеризуется повышенной заботой о теле. Она представлена в вариантах создания альтернативных систем питания, использования восточных методик, частого и повышенного контроля состояния здоровья. Этим модели характеризуются выдвиганием на первый план заботы о потребностях тела в сочетании с гармоничным развитием личности. В основе создания моделей этой группы лежит противление личности и цивилизации как системе давления и управления, ключевыми понятиями здесь становятся: очищение, шлаки, отказ от искусственных материалов, рафинированной пищи, жизнь в соответствии с природными ритмами. Телесность в рамках моделей этой группы понимается как гармоничный процесс постоянного совершенствования тела и духа.

Следующая группа моделей – это модели осознанной трансформации тела. Сегодня существует множество методов изменение собственного тела: системы питания, спорт, пластическая хирургия, татуирование. Проектная основа для таких изменений несомненна. Рассмотрим основные этапы таких проектов: неудовлетворенность собственным телом, создание идеального образа, соотнесение физических возможностей с идеальным вариантом, создание программы трансформации, трансформация, имеющая собственные этапы, закрепление результата и поддержание достигнутого. Процесс трансформации бесконечен, создание собственного тела представляет собой творческий процесс, не имеющий конца. Одним из знаковых явлений современной культуры становятся сложные межмодельные трансформации: резкое увеличение веса, разительное похудение и обретение формы, увеличение выносливости, силы и т.д. Особое значение для моделей этой группы приобретает тот факт, что большая часть методов, используемых для таких изменений доступна большинству, но требует сил, упорства и отказа от соблазнов индустрии питания и развлечений. Для всех моделей этой группы характерно противопоставление себя навязываемой обществом нормы телесности, выражающейся в увеличении размеров одежды и обуви, появлении индустрии моделей «Size +», невнимании к телу, отказе от дополнительной физической активности. Таким образом, изменение собственного тела, сохранение здоровья, планирование физических показателей становится маркером протеста против массовой культуры, гиперпотребления.

Третья группа моделей представлена как еще один из вариантов протеста транслируемой обществом нормой телесности, которая понимается как культ стройности, контроля, ограничений. Важнейшей её характеристикой является стремление к удовлетворенности собственным телом, его функциональностью и уделение ему минимума внимания. Телесность в этой группе понимается как субъективная удовлетворенность собственным телом, не требующим больших инвестиций, похожим на тела многих, занятых малоподвижным трудом и не выделяющимся на общем фоне.

Таким образом, все три группы моделей телесности понимают тело как арену борьбы с транслируемыми властью тенденциями. Проект собственного тела становится тихим, не всегда осознаваемым протестом практикам контроля над частной жизнью, телесностью и индивидуальностью.

Список литературы

1. Orbach S. Bodies. Profile books, 2009, 160 pp.
2. Куркин Д. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культурсоциологической перспективе анализа // Социологическое обозрение. Т. 10. № 1–2. 2011. С. 56–75.
3. Станковская Е.Б. Специфика современного отношения женщины к себе в аспекте телесности // Вопросы гуманитарных наук, N 5, 2010. С. 110–114.
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум. Изд. дом «Касталь», 1996. 446 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ И ТИПОЛОГИЯ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА НАРОДОВ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Бодрова А.Ш.

Томский государственный педагогический университет,
Томск, Россия

В статье рассматриваются социокультурные функции традиционного костюма народов Сибири XIX – начала XX в. На функционально-обрядовой основе выявляется типологическая классификация костюмов народов Сибири. Анализ источников раскрывает полифункциональную сущность костюма, обусловленную мифологическим мировоззрением.

Ключевые слова: традиционный костюм, вещь, обрядовый костюм, костюм шамана, социокультурная функция, знаково-символическая функция, обрядовая функция, типология.

SOCIOCULTURAL FUNCTIONS AND TYPOLOGY OF TRADITIONAL SUITS OF THE PEOPLE OF SIBERIA IN XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Bodrova A.Sh.

Tomsk state pedagogical university, Tomsk, Russia

In article sociocultural functions of a traditional suit of the people of Siberia by XIX – of the beginning of the XX century are considered. On a functional and ceremonial basis typological classification of suits of the people of Siberia comes to light. The analysis of sources opens the multifunctional essence of a suit caused by mythological outlook.

Keywords: traditional suit, thing, ceremonial suit, suit of the shaman, sociocultural function, sign and symbolical function, ceremonial function, typology.

Культура народов Сибири является неотъемлемой частью культуры России. Вместе с тем, осознание сущности культуры народов Сибири функциональной специфики различных ее форм, необходимо для выстраивания моделей межкультурного взаимодействия в условиях глобализации. Именно поэтому актуально изучение архетипических истоков культуры, которые хранят в себе культуры народов Сибири. В традиционной культуре к числу предметов, наиболее удачно транслирующих социокультурный опыт, принадлежит костюм, поскольку антропологическое содержание ему присуще более чем всем остальным артефактам материальной культуры.

Традиционный костюм как предмет традиционно-бытового назначения и как объект сохранения и развития этнокультурных дифференциаций подробнейшим образом изучался этнографами, этнологами с точки зрения материальной культуры и в значительно меньшей степени как объект духовной культуры. За исключением некоторых работ, связанных с изучением культовой одежды – шаманского костюма народов Сибири [10; 11].

Целью данной статьи является исследование социокультурных функций костюма и разработка на функционально-ритуальной основе типологии традиционного костюма народов Сибири XIX – начала XX вв.

Человеку мифологического миропонимания свойственно ощущение целостности, единой природы всего в мироздании. Исходя из этого традиционный костюм, наряду с языком, мифом и обрядом, чаще всего образовывал единую знаковую систему. На это обстоятельство одним из первых исследователей обратил внимание П.Г. Богатырев, предложивший рассмотрение мира вещей как одного из “языков культуры” и выделивший в народном и историческом костюмах практическую утилитарную, эстетическую, социальную, половую и моральную функции. При этом функция, по его мнению, может относиться либо собственно к костюму, либо к тем различным сферам, на которые указывает костюм, следовательно, костюм оказывается то вещью, то знаком. «Отдельные функции прилагаются к нему то как к знаку, то как к вещи» [3, с. 340, 343]. Иначе говоря, вещь может являться то как «полезной», то как «говорящей». «В первом случае мы считываем самый поверхностный слой информации. Глубинное значение вещей проявляется в ритуале и ритуальных ситуациях. В ритуале вещь функционирует как символ» [1, с. 79]. Эту функцию вещей в ритуале В. Тэрнер удачно на-

звал проявлением: “...проявление – это открытие для обозрения в условиях ритуала и с помощью символических действий и средств всего того, что не может быть выражено и классифицировано с помощью слов [Цит по:1, с. 83–84].

Индивид в традиционном обществе Сибири является нераздельной частью коллектива. Каждый член коллектива равен целому – у всех одна модель костюма, одни украшения. Костюм выступает в качестве этнического «маркера» – средства этнической идентификации. Вместе с тем, посредством социальной коммуникативной сущности костюма субъекты различались лишь по половым и возрастным группам. Судя по большому количеству исследований, отличие женского костюма от мужского составляет выбор большего количества украшений в женской одежде. Различие в костюмах составляет наличие подвесных деталей, фиксируемых у пояса, обусловленное гендерной дифференциацией деятельности мужчины и женщины. Для мужчин характерно наличие декорированного кошелька для табака, ножа, огнива, трубки, а для женщин – игольницы со швейными принадлежностями и сумочки с сухожилиями – нитками. Наряду с этим, в декоре женской обуви у эвенков присутствует орнамент, указывающий на “территориальную и родовую принадлежность обладательницы этой обуви” [6, с. 147]. Детская одежда по конструкции и модели не отличается от одежды взрослых. Детский костюм также имеет гендерную дифференциацию по деятельности мужчин и женщин, которая выражена в подвеске наперстка и кусочка ткани у девочки и маленького лучка со стрелами у мальчика. Некоторые этнографические данные свидетельствуют о деталях костюма, символизирующих его социальн-возрастной статус. Например, наличие налобной повязки свидетельствует о девическом статусе ее обладательницы.

Изучение ритуально-обрядовой культуры народов Сибири показало наличие свадебного, погребального костюмов. К свадебному костюму относится костюм для невесты. Он отличается от бытового выбором большего количества декоративных средств, разнообразием материалов. На свадебных халатах нанайцев изображаются родовые деревья, при этом костюм предстает знаком принадлежности к той или иной родовой группе. Согласно наблюдениям Г.М. Василевич, в эвенкийской культуре не было специального ритуального костюма для свадьбы, в качестве него чаще всего использовалась новая одежда и более бога-

то украшенная. Как правило, декоративные элементы одежды кроме обозначения его статуса, родовой принадлежности выполняли и апотропейную (охранительную) функцию в процессе перехода человека из одного мира в другой. В данном случае из одного рода в другой. Вероятно, этот принцип распространяется и на костюм других народов Сибири.

Похоронный ритуал, требовал и особенных деталей костюма как умершего, так и хоронящих. Согласно этнографическим данным, попадая в Нижний мир, человек становится живым, кроме того, время в нем течет вспять. “У оленеводов там свои стада, охотники добывают зверя, рыбаки – рыбу, там нет податей” [12, с. 187]. В соответствии с такими представлениями, погребальный костюм изготавливался заранее, при этом некоторые его детали оставались не дошитыми. Завершение изготовления костюма предполагалось только после смерти человека, которому предназначался этот костюм. Следует также отметить, что костюм покойника отличался от обыденного выбором большего количества украшений. Не исключались случаи, когда умершего хоронили в обычной одежде. Вместе с умершим, в могилу клали вещи, необходимые для продолжения жизни в Нижнем мире, но только те, которыми он пользовался при жизни [9, с. 137]. Согласно убеждениям о продолжении жизни в Нижнем мире “...необходимо покойника снарядить так, чтобы он и на том свете не знал нужды” [2, с. 487]. Потусторонний мир, – сообщает А.Ф. Косарева, – в мифологической картине мира является зеркальным отражением мира живых. Благодаря этому левое и правое, верх и низ, исправное и неисправное, прошлое и будущее меняются в них местами [8, с. 208]. Вероятно, в соответствии с такими представлениями у народов Сибири общераспространенным был обычай срезать на одежде похоронного ритуала бахрому, кисти, длинный ворс, завязки в целях предостережения покойника по дороге в Нижний мир от злых духов, чтобы они в них не сохранились. Так, у Г.М. Василевич традиция захоронения с испорченными вещами своим происхождением уходит к глазковскому периоду энеолита [5, с. 241]. Вместе с тем, жизнь в Нижнем мире протекает в сообществе родственников покойного, связей с чужими там нет, поэтому умерших на чужбине старались доставить на свою родину [9, с. 152]. Вероятно, с такими представлениями связана эвенкийская традиция выполнять на обуви орнамент, указывающий на территориальную и родовую принадлеж-

ность покойника [6, с. 155]. У некоторых эвенков, пришедших в чужую среду, женская смертная одежда сохраняла особенности одежды, из которой происходила покойная. Оформление погребальной одежды нганасан «тосодя лу» мозаичным орнаментом и ровдужной бахромой показывало половозрастное и семейное положение умершего [7, с. 79]. Так, в погребальном ритуале, практически важные свойства костюма и сопровождающих покойника в Нижний мир предметов, оборачивались символическими.

Этнографические сведения о сибирском традиционном обществе указывают на существование охотничьих обрядов, медвежьих праздников, имеющих магическое значение, так как некоторые обряды выступали импровизацией сцен охоты с ее удачным исходом. Целью магических действий в виде импровизаций было программирование удачной охоты в будущем. Для обряда народы Сибири использовали специальный обрядовый костюм со специальной атрибутикой, символизирующей объект обряда. С культом медведя связан медвежий праздник, включающий в себя комплекс обрядов тотемического характера. Медвежий праздник включал песни, танцы (у хантов птичьи танцы), пантомиму, облачение в костюмы (у хантов – лисицы, петуха, журавля) с берестяными и деревянными масками на лицах. Перевоплощение в персонажей праздника, например, у эвенков, осуществлялось и обмазыванием лица сажей, тем самым они уподоблялись воронам.

В специфике декоративных средств и структуре костюма отразилась социокультурная сущность шамана. Костюм шамана, колотушка и бубен имеют значение ритуальных атрибутов в шаманстве. В конце XIX – начале XX в. шаманская одежда не была единой у разных народов. У эвенков и селькупов она состояла из особого кафтана (шаманского плаща), нагрудника, головного убора и обуви. У энцев, нганасан, кетов и якутов ее дополняли особые рукавицы. В комплект костюма нанайских и удэгейских шаманов входили юбка, кофта с короткими рукавами, рукавицы и пояс. Даже у одного и того же народа ритуальный костюм шамана иногда представлен в разных вариантах.

Как свидетельствуют исторические данные, в XIX в. коренные народы Сибири верили сообразно сложившимся коллективным представлениям, что вселенная состоит из трех миров: Верхнего (небесного), Среднего (плоской земли, где живут люди) и Нижнего (подземного, обители покойников). В верованиях народов Сибири – селькупов, на-

найцев, эвенков и др. важное место занимало так называемое “мировое дерево”, соединяющее все три мира, что является олицетворением коллективного представления о целостном восприятии мира, о синкретизме и взаимосвязи трех миров. Костюм шамана включал космологическую символику, верхняя или правая его половина была связана с Верхним миром, нижняя или левая с Нижним. При всем внешнем разнообразии шаманских костюмов разных народов он воссоздавал образ зверя-птицы.

Обрядовая деятельность, процесс технологической обработки материалов, рисования, орнаментации, был магическим. Сама художественная деятельность была магической [4, с. 54], поскольку благодаря изоморфизму и синкретизму в мифологическом миропонимании между образом и его смысловым содержанием существует самостоятельная сила образа.

Итак, традиционные костюмы народов Сибири – имманентно обладают семиотической сущностью и демонстрируют культурный опыт общества, обусловленный мифологическим миропониманием.

К социокультурным функциям костюма, наряду с материально-практическими, относятся знаково-символические функции. Каждая из этих функций в реальном бытовании, создает свою собственную знаковую подсистему в известном смысле завершая семиотическую конструкцию. Исходя из этого костюмы выполняют:

Социально-коммуникативные функции половозрастной, семейной дифференциации, функцию этнической идентификации;

Обрядовые функции, к которым относятся продуцирующие (обряды размножения), производственные, промысловые (охотничьи), брачные, похоронные, колдовские, имеют магический характер;

Апотропейные и другие функции.

Анализ функционирования традиционного костюма народов Сибири показал характерную для традиционных обществ синкретическая утилитарно-символическую полифункциональность вещи, которая отражена в функционально-обрядовой типологии костюмов. Типологическая классификация костюмов основывается на принципе функций костюма, в соответствии с которыми осуществляется выбор конструкции, материалов, декоративных средств внешних украшений костюмов. В результате исследования выделены восемь типов костюмов, в число которых вошли: бытовой (повседневный, промысловый), костю-

мы – женский, мужской, детский; костюм для брачного, погребального обряда; костюм для охотничьего обряда или медвежьего праздника (праздничный); костюм шамана. Данная типология опредмечивает функции традиционного костюма, символизируя технологию адаптации к социокультурной среде. Традиционные костюмы народов Сибири – имманентно обладают семиотической сущностью и демонстрируют культурный опыт общества, обусловленный мифологическим миропониманием.

Таким образом, наряду с материально-полезной формой существования вещи, она становится средством социальной организации – носителем социальной информации. Так вещь оказывалась не только сама собою, но и знаком чего-то иного; ее физическое бытие дополняется духовным, реально-практическое символическим.

Список литературы

1. Байбурун А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 68–89.
2. Бартенев В.В. Погребальные обычаи обдорских остяков // Живая старина. СПб., 1895. Вып. 3–4. С. 485–495.
3. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Изд-во «Искусство», 1971. 523 с.
4. Бодрова А.Ш. Дихотомичность ментальности человека традиционной культуры Сибири: сочетание эмпирического и мистико-мифологического элементов менталитета // Вестник ТГПУ. 2002. Вып. 4 (22). Серия: Гуманитарные науки: философия, культурология, история. С. 49–55.
5. Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки. Л., 1969. 302 с.
6. Василевич Г. М. Производственный костюм эвенков Нижней и Подкаменной Тунгусок как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л.: СМАЭ. Наука, Ленинградское отделение, 1970. С. 137–166.
7. Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра на материалах нганасан XIX–XX вв. Л.: Наука. Лен. отд-ние, 1983. 170 с.
8. Косарев А. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость: Учебное пособие для вузов. М.: ПЕР. СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 304 с.
9. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. 192 с.

10. Павлинская Л.Р. Некоторые дополнения к изучению шаманского костюма народов Сибири// Шаман и вселенная в культуре народов мира. СПб, 1997. С. 24–35.
11. Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сборник МАЭ. 1971. Т. 27. С. 3–100.
12. Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker. Helsinki–Dorvod, 1927. Bd.3.

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА НА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ

Васильева М.А.

Санкт-Петербургский госуниверситет, г. Санкт-Петербург, Россия

Способ передачи и фиксации информации рассматривается в этой статье как фактор, имеющий значительное влияние на выстраивание индивидом собственной идентичности. Современные медиа, ощутиمو расширившие возможности человека, становятся причиной серьезных изменений идентификационного процесса. В статье рассматривается своеобразие современных идентификационных практик и персоналистской модели идентичности.

Ключевые слова: *идентичность, идентификационные практики, медиа, коммуникационные технологии, персоналистская модель идентичности, кластеризация, стереотипирование, брендинг.*

THE IMPACT OF THE MODERN MEDIA TO THE IDENTIFICATION PRACTICES

Vasilyeva M.A.

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

A method of communication and recording of information is considered in this article as a factor that has a great influence on the process of construction of the individual identity. The modern media significantly expanded the possibilities of man and now cause the serious changes in the identification process. The article discusses the originality of the contemporary identification practices and the personalist model of identity.

Keywords: *identity, identification practices, media, communication technology, personalist model of identity, clustering, stereotyping, branding.*

Современный научно-философский дискурс невообразим без проблемного поля, посвященного идентичности. Его отличает наличие

широкого круга вопросов и точек зрения, а также тесная связь с другими темами современных исследований общества и культуры.

Причина актуальности вопросов, связанных с этой темой, кроется, по большей части, в осознании кризиса тех идентификационных принципов и моделей, которые раньше существовали в культуре. Рассмотрение тех способов, которыми человек сейчас отвечает на вопрос о том, кто он есть, помогает не только лучше понять происходящие культурные процессы, но и оценить, спрогнозировать их дальнейшую динамику. Данное исследование представляет собой краткий обзор современных идентификационных практик, появившихся в ответ и как следствие социокультурных и технологических изменений последних 30 лет.

На данный момент сложно говорить об идентичности современного человека, как чем-то сложившимся и хотя бы на секунду статичном, поскольку практически невозможно представить культурную реальность вокруг нее как что-то неизменное. Поэтому в условиях постоянных перемен важнее рассматривать *процесс идентификации*, проходящий в рамках определенных стратегий и принципов, которые также меняются и подстраиваются под окружающую действительность. В этом состоит первая и основная особенность современных идентификационных стратегий: они совершают постоянный переход к более гибкому и отзывчивому на социокультурные процессы существованию.

Очень важным фактором, имеющим огромное влияние как на сферу быта, так и на глобальные культурные, политические и экономические процессы, является развитие коммуникационных технологий. Современные медиа представляют собой принципиально новый способ фиксации опыта. Их своеобразие и влияние на культуру занимало многих мыслителей, начиная с середины прошлого века. Описание, анализ, оценка культурных процессов и изменений, запущенных новыми медиа, – цель исследований многих авторов, в частности, таких как В. Беньямин, Ж. Бодрийар, Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Делез, М. Маклюэн, Э. Тоффлер и др. Каждый из них по-своему показывал значение способа фиксации опыта и коммуникации в культурных изменениях на примере определенной культурной сферы.

Говоря о значимости исследования способов коммуникации и фиксации опыта для полного понимания культурной ситуации, М. Маклюэн пишет: “Общественная жизнь зависит в большей мере от харак-

тера средств, при помощи которых люди поддерживают между собой связь, чем от содержания их сообщений” [3, с. 241]. Способ передачи и хранения информации определяет и способ, которым выстраиваются и закрепляются культурные границы, и ту структуру, в которую складываются культурные элементы.

По оценке большинства исследователей, переход к медийной культуре затронул все самые важные для идентификационного дискурса сферы и понятия. Значительное расширение коммуникативных возможностей как отдельного индивида, так и общества в целом, отразилось на идентификационных практиках, модели выстраивания и репрезентации идентичности.

Дело не только в том, что развитие информационных технологий способствовало мировым социокультурным процессам (глобализации, информатизация, виртуализация, мифологизация и т.д.), оно так же способствовало изменению восприятия человеком таких категорий как время и пространство, тело и телесность, текст и знание, автор и зритель, искусство и творчество. “При столь серьезном изменении инфосферы мы обречены и на трансформирование собственного сознания, т. е. того, как мы осмысливаем свои проблемы, как обобщаем информацию, каким образом предвидим последствия наших поступков и действий. Нам, вероятно, придется иначе относиться к роли грамотности в нашей жизни. И даже изменить эмоциональный склад собственного ума” [6, с. 289].

Способ построения границ собственного Я является одновременно и причиной и следствием своеобразия культурной эпохи. Петербургский философ Е.Э. Сурова в нескольких своих работах провела подробный анализ европейской модели идентичности и ее изменений на протяжении истории. Автор выделяет четыре основные модели европейской идентичности, сменяющих друг друга в истории европейской культуры: личностную, индивидуалистскую, субъективистскую и современную – персоналистскую.

Персоналистская модель обладает некоторыми отличительными особенностями, сформированными в том числе, и своеобразием информационно-насыщенной культурной ситуации. Значимой чертой персоналистской модели является ее тотальность и транскультурность. В отличие от личностной, индивидуалистской и субъективистской современная модель идентичности формируется в относительности тотального Другого, появившегося сегодня благодаря техническим нов-

шествам и глобализационным процессам. Кроме того, стремительная изменчивость современной культуры влечет за собой постоянную трансформацию представлений человека о мире, и, следовательно, собственной идентичности. По сути, персоналистская модель перестала быть статичной, поэтому стоит рассмотреть ее построение, репрезентацию и изменение, как процесс постоянного взаимодействия нескольких идентификационных стратегий.

В качестве отдельной идентификационной стратегии можно выделить стереотипирование. “Стереотипы представляют собой элементарные знаки, образы, клише, посредством которых люди упрощают ситуации, с целью найти наиболее простые и оптимальные в конкретном случае решения проблем репрезентации” [5, с. 169]. Стереотип – это очень важный для современной культуры феномен. Это особый образ, прошедший определенную трансформацию и отличающийся особой репрезентативностью. Стереотип, помогает людям, имеющим схожий опыт, образование, кругозор, ускорить процесс передачи информации за счет своей яркости, емкости и понятности; поэтому неудивительно, что для нашей культуры, перенасыщенной информацией, стереотипичность мышления стала естественной. Само индивидуальное представление человека о мире, самом себе строится на коллективных репрезентативных образах – стереотипах, на них основывается построение субъективной культурной дистанции индивида, его личные границы приемлемого, Собственного и Чужого.

Еще одной стратегией, основанной на трансформации образа в современном информационном поле, является брендинг. В первую очередь, термин «бренд» ассоциируется со сферой маркетинга, PR и рекламы. Бренд предстает там как ссылка на образ жизни, социальные роли и статус, стиль поведения и мышления, т.е. создает некую историю, контекст, в котором существует товар. Приобретая его, человек также вписывается в эту историю, приобщает бренд к своему образу. Однако можно говорить о бренде, транслирующем образ не только товара, но и профессии, деятельности, произведении искусства и, наконец, человека. В связи с этим можно говорить о специфической идентификационной стратегии брендинга, которая представляет собой процесс выстраивания и репрезентации индивидом собственной идентичности посредством окружения себя определенными брендами, отсылающими к образам разной сложности.

При рассмотрении стратегий стереотипизации и брендинга можно заметить, что все они предполагают определение индивида относительно различных элементов культуры: брендов товаров, произведений искусств, музыкальных стилей, и т.д. Безусловно, идентичность изначально предполагает определение позиции человека относительно различных материальных и нематериальных объектов окружающего мира. Однако современные стратегии идентификации возводят относительность в некий принцип, проявляющийся на самых различных уровнях. Идентичность индивида сетевой культуры, в которой связь между элементами не менее важна, чем сами элементы, строится как раз за счет определения человеком своих связей с различными объектами культуры. Т.е. относительность позиции индивида становится принципиально важна, что можно также выделить как особую стратегию.

Развитие информационных технологий позволяет индивиду в значительной степени расширить свой собственный опыт. В связи с этим свой личный опыт и опыт общины уже больше не является для человека единственным. Соответственно, если раньше естественными отправными точками для самоопределения индивида были место проживания, пол, этническая принадлежность, конфессия и т.д., то теперь традиционные рамки идентичности переживают заметный кризис, поскольку их культурные основания стали не так важны в виртуальной реальности.

По мнению У. Бека, "...мы являемся свидетелями метаморфозы общества в рамках модерна, в ходе которой люди освобождаются от социальных форм индустриального общества – от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между полами, точно так же как в ходе Реформации они освобождались от господства церкви и переходил к формам жизни светского общества" [1, с. 106]. Об этом же писал Н. Элиас, автор «Сообщества индивидов» и неоднократно говорил М. Маклюэн: "Недейственными стали старые гражданские, государственные и национальные группировки" [3, с. 62].

Однако при этом современное общество нельзя назвать исключительно разобщенным. Можно говорить о множестве типовых стилей жизни и мышления, распространенных и реализуемых людьми по всему миру. Благодаря формированию единого информационного пространства, появлению новых способов хранения и трансляции опыта происходят существенные трансформации коллективных взаимодей-

ствий. Современные формы социального существования отличаются гибкостью границ, полилокальностью, относительной неустойчивостью во времени, открытостью, высоким значением коммуникации и личного выбора участников. В связи с этим, в зарубежной культурологии и социологии возникает понятие кластера.

Кластеры представляют собой группы людей, схожих по образу мышления, стилю жизни, выстраиванию повседневной реальности, связанных общим информационным полем. При этом распространенность и глобальность кластеров, а также их устойчивость могут очень различаться. Кластер – это сообщество индивидов, объединенных участием в едином информационном потоке, что становится основанием их специфического жизненного стиля, жизненных установок, своеобразной мифологии. Кластеры могут быть как локальными, так и распространенными по всему миру вне зависимости от государственных границ, поскольку существуют не в физическом пространстве, а в информационном.

Кластеризация общества, как явление, и кластерная идентичность завязаны на сложности образов, формируемых в современной культуре, также как на возможностях современной инфосферы, сделавшей эти образы доступными для любого человека. Э. Тоффлер описал это в книге «Третья волна»: «Сегодня уже не массы людей получают одну и ту же информацию, а небольшие группы населения обмениваются созданными ими самими образами. Поскольку все общество движется в сторону разнообразия, привнесенного третьей волной, новые средства информации отражают и ускоряют этот процесс» [6, с. 278]. Таким образом, кластеры способствуют трансформации тотального социокультурного пространства в сетевое. Они отличаются высоким уровнем и постоянством внутренней динамики, также как и неизменным поиском новых внешних связей. Кластерность общества позволяет индивиду успешно находить и осваивать нужную информацию, осуществлять коммуникативную деятельность, производить выбор социальной и идентификационной принадлежности.

Перечисленные стратегии: стереотипирование, брендинг, кластеризация, – можно назвать основными для процесса построения идентичности. Наряду с особенностями персоналистской модели они создают специфику идентификационных границ современного индивида.

Перечисленные стратегии являются лишь наиболее очевидными и основными. Углубленный анализ материалов различного характе-

ра позволит лучше оценить различные стратегии построения границ Собственного для человека современной культуры. Поэтому в качестве перспективы развития данного исследования предполагается выявить и описать не только другие современные идентификационные практики, но и специфику репрезентации культурной идентичности.

Так же остается очень важный вопрос о социокультурных следствиях изменений идентификационной модели, поскольку они затрагивают важнейшие стороны жизни: семейный уклад, совместное проживание представителей различных конфессий и национальностей и т.д. Станут ли эти изменения в идентификационном поле решением проблем современной культуры или наоборот вызовут их обострение и усугубление? Более детальный и подробный анализ современных идентификационных практик сможет помочь в решении этих важных вопросов.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Маклюэн. М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2003. 432 с.
3. Маклюэн. М. Понимание медиа: внешнее расширение человека. М.: Гиперборя, Кучково поле, 2007. 464 с.
4. Сурова Е.Э. Европейец «отчужденный»: персоналистская личность. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. 280 с.
5. Сурова Е.Э. Идентичность. Идентификация. Образ. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010. 268 с.
6. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
7. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. 330 с.

КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИВНОСТЬ ПАМЯТНИКА «ЗАПИСЬ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ...»

Выхрыстюк М.С.¹, Чернякова М.В.²

¹Тобольская государственная социально-педагогическая академия
им. Д.И. Менделеева,

²Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН,
г. Тобольск, Россия

Рукописный памятник «Запись астрономических явлений, происходящих в небе над городом Тобольском» (рук., КП 12530) – один из уникальных текстов, находящихся на хранении в фондах библиотеки редкой книги при краеведческом музее г. Тобольска. Культурно-лингвистическая содержательность и информативность памятника чрезвычайно многообразна. Текст может быть рассмотрен как ценный источник при его анализе в источниковедческом, культурно-содержательном, коммуникативно-прагматическом, лингвотекстологическом аспектах. Источник дает богатый материал для изучения истории ряда лексико-тематических полей и формирования специальной астрономической терминологии.

Ключевые слова: лингвистическое источниковедение, русская скоропись, рукописные памятники, культурологический аспект.

CULTURAL AND LINGUISTIC DESCRIPTIVENESS MONUMENT «RECORD ASTRONOMICSHI EVENTS ... »

Vyhrystyuk M.S.¹, Chernjakova M.V.²

¹The Tobolsk social and pedagogical academy of D.I. Mendeleyev,

²Tobolsk complex scientific station of the Ural office of the Russian
Academy of Sciences, Tobolsk, Russia

Handwritten monument «Record of astronomical phenomena taking place in the skies over the town of Tobolsk» (leader, CP 12530) – one of the

unique texts being stored at the funds department of rare books in the Local History museum of Tobolsk. Cultural and linguistic content and informational content of the monument is extremely diverse. Text can be viewed as a valuable resource when analyzed in the reference publication, cultural and meaningful, communicative-pragmatic, linguistic and textual aspects. Provides a rich source of material for the study of the history of some lexical and thematic fields and the formation of a special astronomical terminology.

Keywords: *Linguistic Chronology, Russian cursive handwritten monuments, cultural aspect.*

Одним из уникальных текстов, находящихся в фондах отдела редкой книги при краеведческом музее г. Тобольска является рукописный текст памятника «**Запись сатрономическихъ явлений, произходящихъ въ небе надъ городомъ Тобольскомъ**» (рук., КП 12530).

Культурно-лингвистическая содержательность и информативность памятника чрезвычайно многообразна. Текст может быть рассмотрен как ценный источник при его традиционном структурно-системном анализе и при использовании относительно новых методик и подходов к фактам языка: источниковедческого, культурно-содержательного, коммуникативно-прагматического, лингвотекстологического. Источник дает богатый материал для изучения истории ряда лексико-тематических полей и формирования специальной астрономической терминологии. Поскольку подобные дневниковые констатирующие записи создавались и предназначались для малограмотного населения, в них много разговорных, просторечных обозначений и структур. Текст в целом причудливо сочетает официальный и простой язык того времени, что позволяет считать ведущей темой предстоящего лингвотекстологического анализа подобных жанров взаимопроникновение, сочетание и варьирование народно-разговорного и книжного русского языка. Источник дает богатый материал для изучения истории ряда лексико-тематических полей и формирования специальной астрономической терминологии.

Памятник представляет собой своеобразный фрагмент отчасти наивной картины мира, соединившей в себе новые знания о Вселенной с подлинными наблюдениями и отчасти фантазии русского человека в период развития многих наук: «**Мѣсяца декабря 13 дня, / въ первой день Рождества в 1 часъ ноци явилась / звѣзда Комета съ вели-**

кимъ лучамъ, / въ верхъ имущимъ и ходила два мѣсяца, и подымалась / вверхъ даже до среди неба и шествие / свое съ прошлыми вкругъ не имѣла когда / ея съ самага Западѹ до самага Востоку, невидимо стала. / Гія же сходила августѣ 15 числа / съ полнѹчи теченіе свое имѣла къ сѣверѹ / до востоку и видима была / пять дней мѣсяца сѣнтября съ 23 числа явились въ небѣ / двѣ звѣзды звѣзда надъ звѣздою, нижняя велика / и свѣтла весьма, үчь отъ нихъ верхней, / а верхняя поменѣ и темнѣе, посреди ихъ верхней / такожь вверхъ лучъ имѣла склонностію / на западъ и тако теченіе и марта во 2 числѣ / несличимы стали бытъ» (л. 281).

Автор памятника неизвестен, но можно многое сказать о нем: он был любознателен, одержим желанием постичь неизведанное и описать увиденное, тем самым оставить свой след потомкам и внести очень значимый вклад в развитие уже существовавшей тогда науки – астрономии. Тексты источника также отражают несколько сфер функционирования, основными из которых являются *научно-познавательная и художественная*.

Отнесение его к научным текстам относительно, так как содержание источников включает ещё мало специальной терминологии. Но включение в текст более достоверных фактов по географии, астрономии с введением времени, дат, топонимов и антропонимов повышает их научный статус: «17 августѣ въ 19 день / явилась Комета въ апреле и маѣ по три сѣтки / а ходъ ея съ самага севера / съ полнѹчи до востока / и безъявленна при солнце / а осовою свѣтла знакъ / китайской службы. / Глава ея къ северѹ а хвостъ къ востоку» (л. 85).

Исследуемый памятник состоит из двух значительных частей, идущих параллельно и соответствующих обширному замыслу автора: на развернутом листе книги запись представлена двупланово: с правой стороны большинства страниц подробное описание астрономического явления, увиденного автором; с левой стороны – графический рисунок с частичным комментарием увиденного (расположения звѣзд и планет солнечной системы; траектории падения метеорита; фрагмента картины солнечного затмения и т. д.). Такое изложение материала очень удобно: оно наглядно, достоверно и убедительно констатирует увиденные автором в ночном небе картины: писец – человек достаточно грамотный. Красивым, в основном четким почерком он старательно, практически без ошибок записывал увиденное. Откуда же он мог появиться

в начале века в российской глубинке? Был ли пытливый наблюдатель канцеляристом (монахом) родом из Москвы, Малороссии или хорошо обученным местным писцом, остается для нас загадкой.

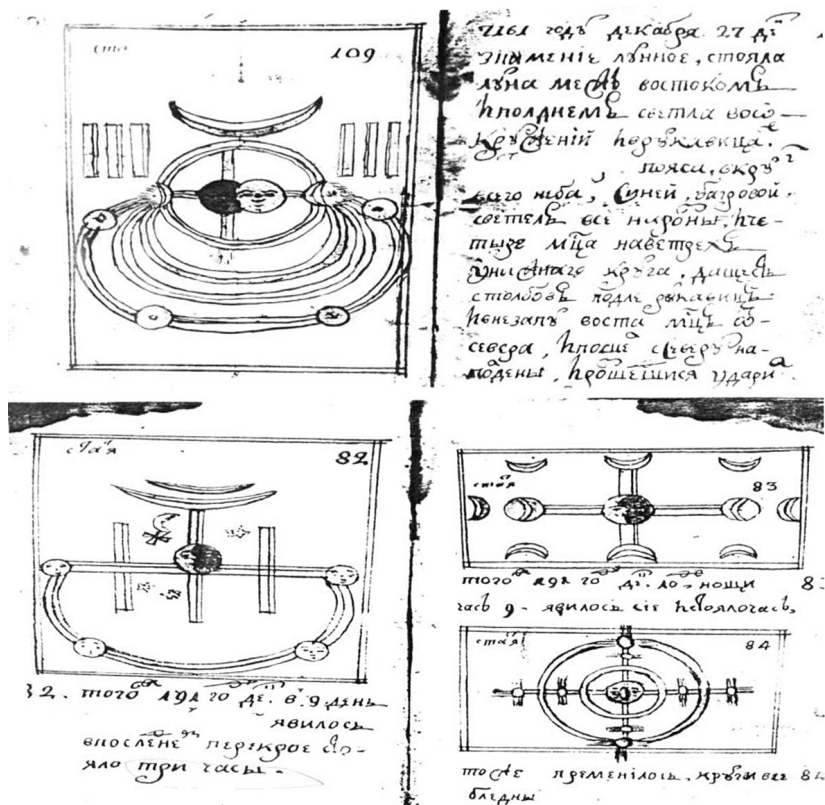

Рис. 1. Расположение текста «Записи астрономических явлений...»

«Запись астрономическихъ явлений...» принадлежит к оригинальному жанру старорусской письменности, смежному по форме изложения материала с записными, окладными и переписными книгами, дневниками, которые фиксировали происходившие в стране и городе события. В памятнике представлен лексический материал, разнообразный по происхождению и семантическому объему. Мы видим, что еще в глубокой древности люди стремились постичь небесные просторы,

узнать тайны других миров и свои наблюдения изложить на бумаге доступным, ясным языком. Без специальных средств наши предки изучали солнечную систему и всегда стремились познать новое, неизвестное, еще не изведенное.

Назовем основные текстологические и жанровые особенности источника. Весь текст поделен на абзацы, каждый абзац начинается на новой странице с красной строки и содержит информацию о новом явлении. Абзацы не озаглавлены, но имеют зачин, с которого обычно начинается фрагмент дневниковых записей. Каждое новое небесное явление датируется: указывается число и время описываемого факта. Поэтому абзацы стандартны в своем начале: «Лѣта 725 ноября в 15 число / в товодску явилося знамение сіе на небеси во 2 часѣ ноци / и стояло до 3 часа до последней четверти / а въ 4 часѣ в 1 четверте скрылося S и ста в первомъ сществе яко же Обычай прибытіи / ближняго столника Андрея феѡдоровича / Нарышкина писано по его веленію» (л. 118). В зачин входили следующие составляющие: указание на день и год события, максимально точное время и место описываемого: «Лѣта 1738 годѣ декабря, 4 день / было знаменіе в ноци в третій часъ / над болшимъ домомъ явился столб а посреде его звезда / а отъ него видящее два меча внизъ / концами над домомъ и виденіе было пять часовъ / и только» (л. 132).

К текстологически значимым чертам памятника «Запись астрономическихъ явлений...», обусловленным его коммуникативной спецификой, относим достаточную устойчивость структуры его абзацев. Будучи памятником старинной письменности, источник имел свои жанровые ограничения и вместе с тем – благодатный простор для передачи живой разговорной речи своего времени по теме, близкой автору-составителю, переписчику и читателю.

Памятник является оригинальным жанром старорусской письменности, смежным по форме изложения материала с записными и дневниками книгами, в которых велись записи всех происходящих в стране и городе событий. Источник дает богатый материал для изучения истории ряда лексико-тематических полей и формирования специальной астрономической терминологии. Поскольку подобные дневниковые записи предназначались для малограмотного населения, в тексте сочетаются официальный и разговорный язык того времени, что может позволить изучать на основе лингвотекстологического анализа подобных

жанров взаимопроникновение, сочетание и варьирование элементов народно-разговорного и книжного русского языка в этом жанре исторических памятников письменности.

Таким образом, культурно-лингвистическая содержательность и информативность текста памятника чрезвычайно многообразна. Текст может быть рассмотрен с позиций структурно-системного коммуникативно-прагматического и лингвотекстологического анализов. Старинные заметки неизвестного, любознательного человека об астрономических явлениях – уникальный лингвистический источник, помогающий понять, как проходит процесс становления языковой нормы на отдаленной российской территории в период формирования русской нации.

Дневниковые записи – интереснейший, лингвистически малоизученный тип старорусского текста, в котором причудливо переплетаются народно-разговорные, книжные и заимствованные элементы, отражается адаптация иноязычных слов. Исследователь-филолог от начала и до конца книги остается под ее обаянием, испытывая удивление перед единством человека и природы, тайны которой наши предки зорко наблюдали и глубоко почитали. Обобщая накопленное, автор всей душой стремился передать опыт другим в познании естества человеческого и его места в необъятных просторах вселенной.

Список литературы

1. «Запись сатрономическихъ явлдений, произходящихъ въ небе надъ городомъ Тобольскомъ» (рук., КП 12530) фонд отдела редкой книги при историко-архитектурном музее-заповеднике г. Тобольска.

СПОСОБЫ СОКРАЩЕНИЙ СЛОВ В СКОРОПИСИ XVIII в. г. ТОБОЛЬСКА

Выхрыстюк М.С., Стародубцева А.Н.

Тобольская государственная социально-педагогическая академия
им. Д.И. Менделеева

Рукописные тексты делопроизводства г. Тобольска XVII–XVIII веков – богатый и малоизвестный филологам и культурологам материал о многоплановой и интересной жизни бывшей столицы Сибири. Исследование приемов русского скорописного письма на примере текстов делопроизводства Тобольского губернского правления и Тобольского наместнического правления сделает доступными многочисленные неизученные памятники письменности г. Тобольска, хранящиеся в фондах архива ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске», для исследований историками, культурологами, литературоведами и всеми ценителями русского языка, русского этикета и культуры.

Ключевые слова: русская скоропись XVIII века, архивные фонды, рукописные памятники делопроизводства, графика, способы сокращения слов.

WAYS OF REDUCING WORDS IN THE XVIII CENTURY CURSIVE IN TOBOLSK

Vyhrystyuk M.S., Starodubtseva A.N.

Tobolsk social and pedagogical academy of D.I. Mendeleyev

Handwritten texts office Tobolsk XVII–XVIII centuries – a rich and little-known linguists and cultural studies material about multidimensional and interesting life of the former capital of Siberia. The research techniques Russian cursive letters on the example of texts office and the provincial government of Tobolsk and Tobolsk vicegeral board will make available numerous unexplored written records of Tobolsk, stored in the archives GBUTO «State archive in Tobolsk» for research by historians, cultural studies, liter-

ary critics and connoisseurs of all Russian language, Russian culture and etiquette.

Keywords: *Russian cursive XVIII century, archival collections, manuscripts memorials office, graphics, ways of reducing the words.*

В последние десятилетия все больше становятся объектом исследования памятники русской деловой письменности периода формирования русского национального языка. Долгое время в языкознании этот период оставался малоизученным по причине скорописного характера источников, но именно рукописные источники, хранящиеся в периферийных архивах, показывают истинное состояние русского языка в период его становления.

Тобольск в XVIII в., находясь на окраине России, был столицей огромной губернии, от Урала до берегов Тихого океана, центром, культуры науки, торговли, духовным центром. Все письменные источники данного периода характеризовались тем, что они создавались во время интенсивного заселения края и большого роста города как главного города Сибири. В край приезжали люди разных социальных групп и сословий. Купцы, ремесленники, учителя, врачи, градостроители вносили живой колорит в речь горожан. Многие привозили с собой самое ценное – книги. Часть их сгорела в деревянном Тобольске, а другая, меньшая часть, хранится в фондах городского архива и музея.

Актуальность исследования приемов русской скорописи определяется сложностью ее прочтения, обусловленной неизученностью многих приемов русского рукописного письма XVIII века, в частности и на основе тобольских памятников. Знание приемов скорописного письма сделает доступными многочисленные неизученные памятники письменности г. Тобольска, хранящиеся в фондах архива ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске», доступными для исследований историками, культурологами, литературоведами и всеми ценителями русского языка, русского этикета и культуры.

Объектом исследования приемов скорописного письма стали тексты документов разных жанров г. Тобольска XVIII в., а именно тексты делопроизводства Тобольского губернского правления (Ф 329) и Тобольского наместнического правления (Ф 341, 365).

Тобольское губернское правление – административное учреждение, коллегиальный орган при губернаторе. Оно было образовано в 1782 г.

в результате нового административно-территориального деления губернии. В его функции входило общее административное управление губернией, обнародование законов, указов и распоряжение Императора, Сената и других высших учреждений, надзор за их выполнением, решение дел, не требующих судебного разбирательства, наложение ареста на имущество по приговорам судебных органов, рассмотрение жалоб губернскому правлению учреждений и лиц. Правление было упразднено в 1895 г.

Документация Тобольского губернского правления находится в составе фонда № 329, в его составе указания и предписания Сената, Министерства внутренних дел, генерал-губернатора Западной Сибири, Тобольского губернатора о реформе административного управления, о деятельности фабрик и заводов; журналы заседаний Тобольского губернского правления; прошения купцов, крестьян, воинских чинов, мещан, дворовых людей об освобождении их от крепостной зависимости; книги для записи купчих и закладных на продажу дворов и дворовых людей, главная книга сметных расходов губернаторского правления и др.

Тобольское наместническое правление образовано в 1782 г. в связи с учреждением по реформе 1775 г. Тобольского наместничества для общего руководства отраслевыми местными учреждениями, а также для надзора за ними. В его обязанности входило доведение нижестоящим учреждениям всех законов и распоряжений правительства к их исполнению.

В состав фондов Тобольского наместнического правления №№ 341, 365 вошли указы и предписания Сената, Главного магистрата и Тобольского наместнического правления по вопросам промышленности, торговли, сельского хозяйства и управления по губерниям; сообщения и донесения Тобольской казенной палаты, палаты уголовного суда, межевой канцелярии о состоянии финансово-экономической жизни города и Тобольского наместничества.

Тексты делопроизводства Тобольского губернского правления и Тобольского наместнического правления написаны скорописью. Один из приемов скорописного письма – сокращенные написания слов. Слово сокращалось по принципу стяжения. Если в древности сокращались исключительно слова религиозной тематики, потому что они имели высокую частотность употребления, то в XVIII в. количество сокра-

ценных слов возрастает. Этого требовали формирующиеся нормы русской деловой письменности, который ставила новые коммуникативные задачи, используя при этом определенное количество постоянно повторяющихся слов, котолрые прежде всего и сокращались. Сокращение слов способствовало ускорению записи звучащей речи, и ее чтению, потому этим приемом активно пользовались и писавшие, и читавшие. «Но в языке XVIII в. не было выработано четких критериев графических сокращений слов. Выбор способа сокращения, а также их количество зависело от частотности употребления слова в языке, а также навыка самих писцов: одни писцы широко прибегали к сокращениям, другие же использовали их гораздо реже либо непоследовательно. По этой причине одинаковые слова в одном и том же источнике могли быть представлены в разных вариантах: в сокращенном и несокращенном» [1, с. 91]. В исследуемом материале находим варианты написаний наиболее частотных слов: *мсцѣ* и *месяцѣ*, *гдѣ* и *годѣ*, *члвкъ* и *человекѣ* и др.

В процессе анализа графики источников нами были установлены несколько способов сокращений слов, а именно: 1) сокращения за счет выброса из слова отдельных букв и слогов, 2) использование выносных букв как способа сокращения слов, 3) сокращения конца слов.

1. В тобольских рукописях наиболее частотны сокращения слов за счет выброса из слова отдельных букв или слогов. Над местом сокращения обычно ставился знак титла. Сокращенным считалось слово, в котором были опущены одна или несколько букв [3, 14]. Слово сокращалось по принципу стяжения. Считалось, что сокращению подлежали только священные слова, но в тобольской скорописи нельзя отметить абсолютность этого правила. Если в уставе и полууставе сокращались слова исключительно религиозной тематики, то в скорописи их количество значительно увеличилось. Сокращались слова, часто употребляющиеся в тексте, посредством сжимания: удалялись буквы из середины слова, при этом без изменения сохранялись начало и конец слова. Над сокращением ставился особый значок в виде надстрочной волнистой линии – *титло*. Наиболее частотные группы сокращенных слов: 1) лексика церковной тематики: *бѣгъ* – бог, *мнѣтрѣ*, *мнѣстрѣ*, *мнѣстырѣ* – монастырь, *сѣтая* – святая, *сѣщенникѣ* – священник, *цркѣвь*, *цѣрковь*, *цѣркѣвь* – церковь; 2) названия человека по родственным или другим связям: *гѣднѣ*, *гѣспинѣ*, *гспѣдинѣ* – господин, *гѣсдрѣ*, *гѣсдарѣ* – государь, *мѣлницѣ* – младенец, *сѣнь* – сын, *члвкъ* – человек; 3) названия временных

отрезков: *г̃дѣ* – год, *м̃сцѣ*, *м̃сяцѣ* – месяц, *н̃дѣ* – неделя; 4) наиболее частотные общепотребительные слова: *др̃вний* – древний, *ср̃дце* – сердце, *д̃нги* – деньги; *н̃не* – ныне. Частотность сокращений зависела от условия создания памятника и от степени выучки писца.

2. Сокращения слов в скорописи происходило и за счет выносных букв, которые, уменьшая буквенный состав слова, ускоряли письмо. В анализируемом материале выносились: 1) согласные *В, Ж, Т, Д, С, Н, Р, Б, Л, М, К* перед согласным в середине слова в том числе согласный с необозначенной мягкостью: *болишой, весма, должны, двадцеть, мокрость, отдача, трицеть, соборнаго, сибирскаго* и др.; 2) конечный согласный *Л, М, Н, Х, Д, Ж, Т, В, Б, Р, З, С, І* в том числе с необозначенной мягкостью: *впред, всех, год, ден, определил, о том, прозба, обстоятельно, расход, сол, семдесят, столко, тоболском, указ, чем, подлинноі, покоі* и др.; 3) слоги в конце слова: *-ам, -де, -да, -ду, -зу, -ми, -му, -ов, -ом, -ть* – *бухарцов, года, десять, жемчугов, посему, по сибирскому, указу, чинить* и др.; 4) первая из двойных согласных *Д, Ж, Л, М, Н* в слове: *вожжи, коллегия, предписанная, подлинно, суммы* и др.; 5) буквы *Д* и *Т* на конце предлогов и приставок: *из крови, под ногами, под пазахой, от всяких дел, отдавать, отдача, под № 7* и др.; 6) частица *де*: *будем де давать, пошол де, принес де* и др.; 7) буквы и буквенные сочетания после цифр при обозначении количества предметов: *1-м, 25-х, 20-ко, 2-ко под № 2202-м, 1750-го* года и др.

В одном слове отмечаем две и даже три выносных буквы: *водных, гладких, за отцов, іс коллежских, імянных, отдал, послать, подписанных* и др.

3. Новыми для скорописи XVIII в. можно считать точечные сокращения конца слов: *пач.* – пачек, *канц.* – канцелярия. Доказательством того, служит, во-первых, разное графическое оформление подобных сокращений: с точкой, двоеточием или без знака, указывающего на сокращение: *ар.*, *арш.* – аршин, *ш.* и *шт.* – штук; во-вторых, наличие единичных сокращений, понятных только в данном контексте: *п.* – пограничная, *о пр.* – о прочем [1, с. 105]. Подобного рода сокращения составляют лишь десятую часть от всех сокращений анализируемого материала.

Отметим еще один вид сокращений, свойственный только деловому письму: он представляет собой сокращения, оканчивающиеся на гласную букву и чаще всего графически не оформленные: *де* – день, *дю* – дюжин; *ко, коп.* – копейка; *ру, руб.* – рубль; *фу, фун.* – фунт [1, с. 39].

Рукописные памятники сибирской столицы XVIII в. характеризовались разнообразием способов сокращений слов. Их анализ показал, что четких графических норм в русском языке еще не существовало. Но наличие подобного рода сокращений наиболее частотных слов требовало делопроизводство XVIII в., которое ставило новые коммуникативные задачи в развивающемся российском обществе.

Список литературы

1. Выхрыстюк М.С. Скоропись тобольских документов XVII–XVIII вв. [Текст] / М.С. Выхрыстюк // Кириллица-латиница-гражданица. Коллективная монография / Отв. ред. Т.В. Шмелева / НовГУ им. Ярослава Мудрого, вып. 11. Великий Новгород, 2009. С. 88–107.
2. Дюбиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века [Текст] / О.А. Дюбиаш-Рождественская. М.: Наука, 1987. С. 217 с.
3. Терентьева Л.К. Иноязычная лексика и ее адаптация в документах церковного и административного делопроизводства XVIII в. г. Тобольска [Текст]: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. / Л.К. Терентьева. Челябинск, 2012. 24 с.

ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ СУБКУЛЬТУР

Копытин С.М.

Дальневосточный государственный медицинский университет,
Хабаровск, Россия

Статья посвящена роли и границам девиантологического подхода в изучении субкультур. Отдельно рассматривается связь девиантологических исследований субкультур с представлениями о социокультурной идентичности, карнавальной культуре.

Ключевые слова: субкультура, девиантология, идентичность, девиация, социализация, карнавальная культура.

DEVIANTOLOGICAL METHOD AND SOCIOCULTURAL IDENTITY IN SUBCULTURE STUDIES

Kopytin S.M.

Far Eastern State Medical University, the chair of philosophy,
Khabarovsk, Russia

The article is devoted to deviantological method in subculture studies. References between deviantological subculture researches and conceptions of sociocultural identity and carnival culture are observed particularly.

Keywords: subculture, deviantology, identity, deviation, socialization, carnival culture.

В истории изучения молодёжных субкультур девиантологический подход занимает особое место. Являясь одним из первых направлений в социологии молодёжных субкультур, со времени своего появления он был существенно дополнен и, в каком-то смысле, даже опровергнут

новыми методами. С другой стороны, принципы, лежащие в основе девиантологического подхода, диалектически сохраняют свою актуальность в современном понимании феномена субкультуры. Кроме того, представления, разработанные в русле девиантологических исследований субкультурных феноменов, в некотором смысле вышли за рамки исходного метода, предвосхищая другие направления изучения предмета. Цель настоящей статьи – кратко осветить эту двойственность девиантологического подхода.

Девиантологическое направление в социологии субкультур сложилось как попытка исследования субкультурных корней делинквентности. Развивая представления об аномии и напряжении, сторонники «теории субкультур» в девиантологии рассматривали субкультурные системы как результат намеренного противопоставления ценностям «большого общества» [2, с. 93]. «Делинквентная субкультура извлекает свои нормы из норм более широкой культуры, выворачивая их, однако, наизнанку. По стандартам этой субкультуры поведение делинквента правильно именно потому, что оно неправильно по нормам более широкой культуры», – отмечал А. Коэн [5, с. 318].

Важно, что, несмотря на предпосылку об изначальной дихотомии субкультур и «большой культуры», исследователи-девиантологи отмечали неоднородность отношений между ними. Р. Клаурд и Л. Оулин разделяли молодёжную субкультуру на *преступную, конфликтную и ретристскую*. Для *криминальной субкультуры* свойственна интеграция субъектов различных возрастов, а также тесное взаимодействие представителей общепризнанных и незаконных ценностей (т. е. субкультуры и «большого общества»). *Конфликтная субкультура* возникает как результат разочарования, порождаемого отсутствием законных или незаконных социальных лифтов [3, с. 335]. Механизм формирования *ретристской субкультуры* описал Р. Мертон, представив его как результат отталкивания индивидов от «большого общества» (в результате неудачи достижения общепринятых целей законными методами и невозможности прибегнуть к незаконным) и одновременного притяжения этих индивидов к себе подобным. Аналогичной по содержанию классификации рабочей молодёжной субкультуры придерживался С. Коэн [8].

Хотя первичной причиной появления делинквентных субкультур, по мнению девиантологов, является объективно фиксируемая невозможность адекватной социализации индивида, большое значение для

субкультурного генезиса имеет также момент личного, субъектного, сознательного отвержения общепринятой нормы. «Здесь явно присутствует элемент злоумышленности, удовольствие от причинения беспокойства другим, восторг от самого факта отвержения различных табу» [5, с. 318].

Субъектный подход также прослеживается в концепции нейтрализации Г. Сайке и Д. Матза, в которой особое внимание уделяется субъективному отношению делинквентов к совершаемым ими правонарушениям. Исследователи установили, что правонарушитель, принадлежащий к той или иной делинквентной субкультуре, не относится к своим противозаконным действиям равнодушно и не лишён понимания незаконности своих действий. Д. Матза считал, что правонарушитель выстраивает в своём сознании особый этический конструкт, «нейтрализующий» негативное социальное значение его поступка, тем самым «примиряя» его поведение с реальностью [8].

Рассмотрев делинквентность в качестве особой модальности поведения, Д. Матза показал, что между делинквентностью и нормой нет онтологической разницы. Делинквентная группа не характеризуется отсутствием нормы: норма в ней чувствуется и осознаётся. Природа делинквентности заключена в ином. Делинквентность – это преодоление фрустрации, компромисс между свободой и контролем, «моральные каникулы», по выражению М. Брейка. Таким образом, делинквентность становится парадоксальным способом «вернуть гуманизм человеческому «Я», от решения которого зависит, произойдёт нечто или нет» – т. е., способом осуществления экзистенциальной свободы [9]. Так криминологический дискурс уступает место философии поступка, а проблема соответствия или несоответствия норме сменяется вопросом о природе социокультурной идентичности.

Со взглядами Д. Матзы и Г. Сайка перекликается концепция Э. Гоффмана. Он также придерживался убеждения, что социальная идентичность не является раз и навсегда данной. С позиций Э. Гоффмана, идентичность возникает в результате взаимодействия поступков индивидуума и реакции его окружения на них. Таким образом, идентичность человека, его социальное «лицо» и самоосознание обладают известной относительностью и подвижностью. Интерес представляет мысль Э. Гоффмана о том, что для успешного социального функционирования необходима способность не только сохранения идентичности, но и «дистан-

цирования» от неё. Здесь можно закономерно усмотреть связь вышеназванных институтов с субкультурами в их «девиантном» аспекте.

Также во взглядах девиантологов можно проследить некоторую общность с концепцией карнавальной культуры, сущность которой, в соответствии с теорией М.М. Бахтина, заключается в диалектической, компенсаторной оппозиции официальной культуре [1].

Таким образом, определяя роль девиантологических концепций в истории изучения субкультур, мы должны отметить следующее.

Представители девиантологического направления исходили из предпосылки, что сущность субкультуры заключается в противопоставленности «основной культуре». Девиантологи также установили, что противопоставление между субкультурой и «основной культурой» имеет не только структурный, но и ценностный характер.

Но нужно обратить внимание на известную узость девиантологического подхода. Эти исследования базировались на предпосылке, что изучение субкультурных феноменов должно вестись на «отрицательном культурном материале». (Мы используем этот термин по аналогии с лингвистическим термином Л.В. Щербы, говорившем об «отрицательном языковом материале», а именно о неудачных случаях коммуникации, возникающих в результате нарушения языковой нормы [7].) Эта позиция прочно связывает понятие субкультуры с девиацией и делинквентностью, что в определённых случаях упрощает и затемняет реальную сущность явления.

Любопытно, что конечные выводы девиантологов были достаточно «лояльными» по отношению к субкультурам. Считая, что делинквентные субкультуры возникают по объективным макросоциальным причинам, исследователи утверждали, что основная доля социального контроля должна осуществляться не в репрессивных формах, а через социальные лифты, институты образования и медицины. «Усердное стремление к искоренению неконформистского поведения с помощью уголовных законов имеет тенденцию превращать в преступление то, что таковым и не является, способствовать созданию незаконных форм бизнеса и поощрять определённые виды правонарушений, на которые преступник идёт ради того, чтобы получить возможность совершать преступления иного рода», – писал А. Коэн [4, с. 285]. Но следует также отметить, что девиантологические исследования укрепили стереотип о «ненормальности» и почти преступности субкультур. В конечном

итоге, субкультуры в освещении девиантологов представляются как социальные аномалии, которые, хотя и закономерны, но должны и могут быть исправлены.

По современным представлениям, девиантное поведение является референтным далеко не для каждой субкультуры, из чего следует, что природа субкультур не может быть исчерпывающе описана в терминах социальной девиации. В то же время мы должны согласиться с тем, что многим, даже не являющимся криминальными, субкультурам свойственны те или иные формы девиантного поведения (например, разрешительное отношение к алкоголю, наркотикам, сексуальная перmissивность, формы социального иждивенчества и др.). Однако всегда следует объективно определять, какую роль в субкультурной идентичности играют подобные девиации: являются ли они обязательными, распространёнными или случайными? Также объективно и дифференцированно следует оценивать характер и опасность этих девиаций. В этом смысле показателен пример отнесения готов к экстремистским формированиям, осуществлённого в 2003–2004 гг. в Петербурге из-за отдельных случаев вандализма (подробнее см.: [6, с. 44]).

Список литературы

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
2. Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гишинский // СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 520 с. С. 93
3. Клаурд Р. Дифференциация субкультуры / Р. Клаурд, Л. Оулин // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
4. Козн А. Отклоняющееся поведение и контроль над ним / А. Козн // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
5. Козн А. Содержание делинквентной субкультуры // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966.
6. Неформальные молодёжные сообщества Санкт-Петербурга: теория, практика, методы профилактики экстремизма / Под ред. Козлова А.А. СПб., 2008.
7. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.

8. Brake M. Comparative Youth Culture The Sociology of Youth Culture and Youth Subculture in America, Britain and Canada. London Routledge and Kegan Paul, 1985.
9. Sykes G., Matza D. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency // American Sociological Review, 1957. No 22. P. 664–670; Matza D. Delinquency and Drift. NY, 1964.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ГОРОДА РОССИИ КАК ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ХРАНИТЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Обедков А.П.

Сыктывкарский филиал Санкт-Петербургского государственного
экономического университета, Сыктывкар, Россия

Дается трактовка понятия «исторический город». Исследован феномен исторического города в рамках проблематики сохранения и возрождения историко-культурного наследия. Рассмотрены правовые проблемы сохранения и использования историко-культурного наследия в исторических городах России. Раскрыта современная урбанистическая и территориальная структура исторических городов России. Предложены новые критерии отнесения к категории исторических городов, позволившие расширить список исторических поселений федерального и регионального значения.

Ключевые слова: исторические города, феномен исторического города, культурное наследие, памятники истории и культуры, историческая память, список исторических поселений.

HISTORICAL CITIES OF RUSSIA AS A CULTURAL HERITAGE AND THE CUSTODIANS OF HISTORICAL MEMORY

Obedkov A.P.

Syktyvkar branch of the St. Petersburg state University of Economics,
Syktyvkar, Russia

Given interpretation of the concept of the «historical city». Investigated the phenomenon of the historical city in the issues of preservation and revival of historical and cultural heritage. The legal problems of preservation and use of historical and cultural heritage in historical cities of Russia. Disclosed

modern urban and territorial structure of historical cities of Russia. Proposed new criteria for classification as historical cities, which allowed to expand the list of historical settlements of Federal and regional significance.

Keywords: *historical settlements, phenomenon of the historical city, cultural heritage, history and culture monuments, historical memory, place, list of historical settlements.*

Исторические города – объект междисциплинарных градovedческих исследований, нуждающийся в проведении специфической городской и градостроительной политики. В процессе изучения исторических городов и их роли в истории российской цивилизации в отечественном градovedении оформились архитектуроведческое, георбанистическое, документально-законодательное, историко-краеведческое, искусствоведческое и культурологическое направления исследования. Исследователи феномена исторического города чаще всего анализируют его в рамках проблематики сохранения и возрождения историко-культурного наследия. В то же время исторические города являются одним из важнейших элементов экономического, историко-культурного и экологического каркасов региона, отражающим важнейшие вехи его исторического развития, хозяйственного освоения, заселения и обживания. Поэтому их изучение является обязательной ступенью познания эволюции сети поселений и систем городского расселения населения, позволяющей сформировать представление о типичных городах региона.

В настоящее время понятие «исторический город» используется в профессионально-научном обиходе архитекторами и градостроителями, географами-урбанистами и правоведами, искусствоведами и культурологами, историками и краеведами. Между тем представители различных наук по-своему трактуют сущность понятия «исторический город», зачастую ограничиваясь лишь своими специфическими аспектами исследования. Отсутствие комплексности и системности при рассмотрении понятия «исторический город» затрудняет создание устоявшегося и общепризнанного в науке определения, отражающего все основные точки зрения по поводу сущности исторического города.

Трактовка понятия «исторический город»

Представление об историческом городе формировалось в отечественных гуманитарных науках на протяжении всего последнего сто-

летия. Однако активное использование словосочетания «исторический город» в науке и культуре началось лишь с конца 1960-х гг., когда этот термин впервые попал в официальные документы. Одна из первых официальных трактовок понятия исторического поселения дана в Постановлении Госкомитета Совета Министров РСФСР по делам строительства и Коллегии Министерства культуры РСФСР № 36 от 31 июля 1970 г. «Об утверждении списка городов и других населённых мест РСФСР, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющие археологическую и историческую ценность». В данной трактовке понятия исторического поселения превагирует архитектурно-градостроительный подход, поскольку проект вышеназванного Постановления был разработан сотрудниками Научно-проектного института реконструкции исторических городов (ИНРЕКОН), который и в последующие годы выступал в роли основного разработчика тематики исторических городов.

Более развёрнутое определение исторического города даётся в Федеральном законе № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Согласно статьи 59 этого Федерального закона, к числу исторических поселений следует относить «городское или сельское поселение, в границах территории которого расположены объекты культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов Российской Федерации, их вклада в мировую цивилизацию». При этом «в историческом поселении государственной охране подлежат все исторически ценные градоформирующие объекты..., объёмно-пространственная структура, фрагментарное и руинированное градостроительное наследие, форма и облик зданий и сооружений, объединённых масштабом, объёмом, структурой, стилем, материалами, цветом и декоративными элементами, соотношение с природным и созданным человеком окружением, различные функции исторического поселения, приобретённые им в процессе развития, а также другие ценные

объекты». В проекте «Статута исторического города» он определяется как «городское поселение, обладающее ценным историко-культурным наследием..., возникшее в относительно давний (миновавший) период развития страны, накопившее и сохранившее до настоящего времени значительное количество недвижимых материальных свидетельств своей истории – объектов культурного наследия и рассматриваемое в комплексе исторически сложившихся взаимосвязей его частей и компонентов, как особой градостроительной целостности» [12].

До того, как понятие «исторический город» было введено в законодательную практику, в научном обиходе использовались близкие ему по смыслу словосочетания «старый город» или «древний город». Как правило, к их числу относили населённые пункты, получившие городской статус до 1917 г. Между тем исследователям феномена исторического поселения всегда было очевидно, что возрастная характеристика, хотя и является одним из важных признаков понятия «исторический город», но не исчерпывает его содержание. Процесс формирования научного представления об историческом городе логично начинать с рассмотрения фундаментального понятия города как продукта экономического, социального и культурного развития общества в его сочетании с метафорическим определением «исторический», которое отражает соединение в его развитии одновременно прошлого и настоящего, а также ростки будущего. Такой подход позволяет рассматривать город как историческую категорию, разворачивающуюся во времени.

Междисциплинарный, комплексный и интегральный характер исследования городов требует обязательного учёта и сочетания географического, исторического, эволюционного, экономического, демографического, архитектурно-планировочного, культурологического, градостроительного и экологического аспектов их развития и функционирования. Последовательное и всестороннее изучение города должно включать исследование истории его возникновения и развития, генезиса и последующих преобразований с изменением административного статуса и трансформацией выполняемых функций, места и роли в территориальном разделении труда и региональной системе расселения, а также природных условий и социально-экономических факторов, определяющих его экономико-географическое положение и особенности функционирования, экологию и качество городской среды, проблемы и перспективы хозяйственного развития.

На наш взгляд, исторический город – поселение с продолжительным непрерывным или прерванным историко-культурным и городским стажем, в процессе длительной эволюции которого были накоплены и сохранились многочисленные исторически ценные объекты архитектурно-градостроительного, исторического и культурного наследия в их подлинной исторической среде. При этом важно понимать, что любой исторический город является хранителем исторической памяти и представляет собой специфический комплекс объектов материальной недвижимой культуры и природно-антропогенную геосистему, сформировавшуюся в границах территориально ограниченного пространства, нуждающегося в режиме особой охраны, эксплуатации и управления.

Правовые проблемы сохранения и использования историко-культурного наследия в исторических городах России

В настоящее время правовой основой для градостроительной и памятникоохранной деятельности являются федеральные законы РФ № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 169-ФЗ от 17 ноября 1995 г. «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации», «Градостроительный кодекс Российской Федерации» и «Земельный кодекс Российской Федерации», а также Указ Президента РФ № 176 от 20 февраля 1995 г. «Об утверждении перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения». Действующие законодательные и нормативно-правовые акты создают необходимую базу для сохранения отдельных памятников, ансамблей и достопримечательных мест [3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 12]. Однако в совокупности они не обеспечивают взаимосвязанной и чётко сформулированной основы для сохранения и развития архитектуры исторических городов как особых объектов историко-культурного наследия.

В советское время официальные функции надзорной инстанции, добившейся во второй половине 1980-х гг. практической независимости от государственных органов, выполняло «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ВООПИиК), имевшее право инспектировать объекты историко-культурного наследия. Однако в постсоветские годы ВООПИиК утратил прежние позиции, превратившись в общественную организацию без особых административных полномочий и права осуществления надзорных функций, которые пе-

решили к специально созданной структуре при исполнительной власти – Росохранкультуре. В настоящее время проблемы исторических городов находятся в сфере компетенции и регулирования главным образом двух федеральных министерств: Министерства культуры и Министерства регионального развития, которые совместно готовят новый проект о статусе исторических поселений, обеспечивающий более строгую степень охраны объектов культурного наследия. Между тем регулированием списка исторических городов занимается Министерство культуры РФ, охраной памятников культурного наследия и нормативно-правовым регулированием в этой сфере, контролем и надзором за соблюдением охранного законодательства – Росохранкультура.

Важнейшим инструментом для решения городских проблем и проведения продуманной градостроительной политики является генеральный план города, который рассматривается как основа для его развития. Для сохранения и развития архитектурно-градостроительного наследия исторических городов в дополнение к генеральному плану необходимо разрабатывать проект его реконструкции, опирающийся на концепции сохранения и развития архитектуры, обоснование и установление охранных зон, разработку соответствующей документации и реализацию конкретных проектов [14]. Объявление территории заповедной архитектурно-исторической зоной делает её более защищённой и комфортной, что повышает стоимость недвижимости и позволяет привлечь инвестиции. При этом финансовые стимулы для сохранения историко-культурного наследия должны воздействовать на рыночные механизмы таким образом, чтобы защита территории историко-культурного наследия приносила ощутимую финансовую прибыль.

В пункте 2 статьи 12 (глава 12) Градостроительного кодекса РФ указано, что в поселениях и на территориях, имеющих памятники истории и культуры, устанавливаются границы зон охраны, в пределах которых запрещается или ограничивается градостроительная, хозяйственная и иная деятельность, причиняющая вред объектам историко-культурного наследия или ухудшающая их состояние и нарушающая целостность и сохранность [4]. Основная цель создания зоны охраны связана с сохранением памятников истории и культуры, созданием условий для инвестирования в этот процесс как отдельных объектов, так и исторической среды города в целом. Схожие положения и нормы содержит принятый в советские годы Закон «Об охране и использовании памятников исто-

рии и культуры», который действует с 1985 г. Между тем большинство российских городов, имеющих на своей территории ценные объекты архитектурно-градостроительного наследия, до сих пор не имеют утверждённых зон охраны, легитимность которых должна быть подтверждена соответствующими решениями исполнительной власти.

Абсолютное большинство исторических городов имеет устаревшие проекты зон охраны, разработанные ещё в советское время. Поэтому установленные в этих проектах режимы содержания и использования зон охраны не ориентированы на существующую систему собственности, землепользования, организации проектирования и строительства. В проектах охранных зон и в предъявляемых к ним требованиях, как правило, отсутствуют специальные проработки, учитывающие реальные градостроительные процессы на территории проектируемых зон. Режимы содержания зон охраны, построенные по единой схеме, недостаточно учитывают людность и типы исторических городов. При этом, как правило, они не соответствуют регламентации застройки и землепользования, предусмотренной Градостроительным и Земельными кодексами РФ. Проекты зон охраны недоступны для ознакомления общественности и практического использования. Информация о действующих зонах охраны не доводится до субъектов градостроительной деятельности в исторических городах. Поэтому пользователи исторических зданий и участков, находящихся в охранных зонах, не имеют представления о значении охранной зоны, её границах и режиме охраны.

Пункт 1 статьи 83 (глава 15) действующего Земельного кодекса РФ гласит: «Порядок использования земель поселений определяется в соответствии с зонированием их территории. Территория поселения в пределах его административных границ делится на территориальные зоны. Документы зонирования территорий утверждаются и изменяются нормативными актами местного самоуправления (правила землепользования и застройки)». Согласно пункту 4 статьи 4 Земельного кодекса РФ, земли историко-культурного назначения, относятся к категории земель специального целевого назначения наряду с землями природоохранного, природно-заповедного, оздоровительного и рекреационного назначения [2]. В данной классификационной группе объединены земли с охранно-заповедными функциями в соответствии с объективно присущими конкретным земельным участкам и территориям ценными социальными качествами (лечебно-оздоровительными,

историко-культурными). Основанием для памятникоохранного зонирования и развития установления режимов и регламентов должна стать градостроительная «Концепция сохранения и развития архитектуры исторического города», благодаря которой разрешительные и рекомендательные части проекта зон охраны приобретут достаточную обоснованность. Они предлагают ввести данный вид градостроительной документации посредством подзаконного акта в качестве обязательного для исторических городов [14].

Федеральный закон № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», рассматривает зоны охраны как один из главных инструментов сохранения историко-культурного наследия. В данном законе декларировано разграничение полномочий федерального правительства и субъекта РФ, но не установлены имущественные отношения. Это повышает актуальность постановки вопроса о разграничении собственности на объекты историко-культурного наследия. Данным законом установлено три типа объектов культурного наследия – памятники, ансамбли и достопримечательные места, в состав которых включают исторические центры поселений и районы исторической застройки. При этом, согласно законодательным документам, территория объекта культурного наследия относится к землям историко-культурного назначения. Строгие ограничения, распространяющиеся на территорию объекта культурного наследия, весьма затрудняют осуществление градостроительной деятельности, что провоцирует городские власти на сопротивление по включению в реестр такого рода крупного «объекта-памятника», как достопримечательные места и приводит к их выведению из состава объектов культурного наследия.

В современной России наблюдается кризис исторической городской среды. В первую очередь, он проявляется в разрушении достопримечательных мест, включающих памятники архитектуры, территорию вокруг них и средовую историческую застройку. Пренебрежение требованиями сохранения исторического облика города ведёт к потере привлекательности для потенциальных туристов. В связи с этим назрела необходимость внесения изменений в действующее законодательство посредством введения подзаконного акта к понятию «территория объекта культурного наследия», расширив его термином «территория достопримечательного места» [14].

Статья 34 (глава VI) федерального закона № 73-ФЗ, посвящённая зонам охраны, определяет, что в целях обеспечения сохранности объекта культурного наследия в его исторической среде на сопряжённой с ним территории также устанавливаются зоны охраны объекта культурного наследия, создание которых должно способствовать формированию благоприятных условий для инвестирования в процесс сохранения как отдельных памятников истории и культуры, так и исторической среды в целом. Закон предусматривает необходимый состав зон охраны в виде охранный зоны, зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зоны охраняемого природного ландшафта. Между тем жёсткие регламенты данного закона не способствовали сохранению исторически ценных построек, которые не реставрируются многие годы, пополняя объёмы ветхого и аварийного фонда городской застройки. Это не позволяет создать необходимых предпосылок для адаптации исторической застройки к современным условиям жизни. Тем самым, не решается основная цель создания зон охраны, связанная с сохранением памятников истории и культуры. В связи с этим Госстрой России в соответствии с Федеральной целевой программой «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)» поручил работу по совершенствованию системы охраны архитектурно-градостроительного наследия институту «ИНРЕКОН», выигравшему конкурс на выполнение анализа и обобщение опыта разработки охранных зон по историческим поселениям.

Анализ современной ситуации в исторических городах России показывает, что для достижения целей, отвечающих интересам всех участников градостроительной деятельности, необходимо широкое использование программного подхода в данной области. В современных условиях такой подход является необходимым инструментом обеспечения принципов устойчивого развития исторических городов. Программа предусматривает разработку всего комплекса совместных действий субъектов градостроительной деятельности, который будет включать научно-исследовательские, опытно-конструкторские, социально-экономические, организационно-хозяйственные и другие мероприятия, увязанные по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления, что позволит обеспечить эффективное решение задач государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития России.

Список исторических городов Российской Федерации и их категории

Первоначальный список исторических поселений был составлен в соответствии с Постановлением Госкомитета Совета Министров РСФСР по делам строительства и Коллегии Министерства культуры РСФСР № 36 от 31 июля 1970 г. «Об утверждении списка городов и других населённых мест РСФСР, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющие археологическую и историческую ценность». Принятые в данном постановлении критерии отбора позволили определить первый официальный список исторических поселений РСФСР из 115 населённых пунктов. В 1990 г. перечень исторических поселений был существенно расширен на основании согласованного решения коллегии Министерства культуры РСФСР № 12 от 19 февраля 1990 г., коллегии Госстроя РСФСР № 3 от 28 февраля 1990 г. и президиума Центрального совета ВООПИиК № 12 от 16 февраля 1990 г., а также Советов Министров автономных республик, исполкомов краевых и областных Советов народных депутатов. В этом документе содержалось поручение заинтересованным ведомствам разработать «Положение об историческом населённом месте», которое до сих пор остаётся невыполненным.

В постсоветское время перечень исторических поселений был изменён согласно приложению к «Федеральной программе «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов в 2002–2010 гг.» (Постановление Правительства РФ № 815 от 26 ноября 2001 г.). По представлению ИНРЕКОН, все исторические города России были разделены на 4 категории в зависимости от ценности их архитектурно-градостроительного наследия. В 2002 г. на долю городов мирового значения приходилось 2,3% от общего количества исторических городов России, общенационального значения – 10,8%, регионального значения – 22,5%, прочих исторических городов – 64,4% (табл. 1).

Основу архитектурно-градостроительного комплекса исторических городов образует его исторический центр, образующий ядро исторической застройки. На территории охранной зоны исторического центра города необходим особый режим согласования нового строительства, сноса ветхого жилья, прокладки транспортных и инженерных коммуникаций. По мере роста численности постоянного населения города, которая сопровождается

ся расширением площади городской территории, происходит устойчивое сокращение удельного веса исторической застройки. Поэтому в малых исторических городах удельный вес территорий с исторической застройкой всегда выше, чем в динамично развивающихся больших и крупных городах. В зависимости от процентного соотношения территории исторической застройки и общей площади застроенной территории городского поселения выделяют четыре группы исторических городов (табл. 2).

Таблица 1

**Категории исторических городов России
по ценности архитектурно-градостроительного наследия**

Категория	Название категории исторического города	Характеристика архитектурно-градостроительного наследия	Число городов данной категории
1	2	3	4
I	Исторические города международного (мирового) значения	Признанный мировым сообществом универсальный характер наследия и необходимость принятия особых мер и процедур по его сохранению	10
II	Исторические города общенационального значения	Выдающийся характер наследия и необходимость разработки комплексных программ и специальных проектов по сохранению, реконструкции и возрождению исторической среды	46
III	Исторические города регионального значения	Выделяющееся из общего списка градостроительное наследие, нуждающееся в сохранении и дальнейшем использовании	96
IV	Прочие исторические города	Наличие отдельных фрагментов наследия и необходимость их сохранения	275

Таблица 2

Основные группы городов в зависимости от соотношения территории исторической застройки и общей территории поселения

Группа	Удельный вес исторических территорий в застроенных городских землях, %	Характерные категории городских поселений	Пути сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторического города
1	2	3	4
Первая	50 и более	Малые города и посёлки городского типа	Комплексное сохранение исторического облика и исторической застройки городских поселений

Вторая	30–50	Малые и средние города	Восстановление общего архитектурного облика и возрождение исторических центров городов
Третья	15–30	Средние и большие города	Сохранение архитектуры исторического центра города путём его полного или фрагментарного возрождения
Четвёртая	5–15	Крупные и крупнейшие города	Сохранение и реставрация отдельных архитектурных ансамблей и памятников городов

По Распоряжению Правительства РФ от 11 ноября 2006 года № 1546-р, действие Федеральной целевой программы «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002-2010 годы)» было прекращено с 1 января 2007 г. Поэтому вновь возник вопрос о легитимности приведённого в этой программе перечня исторических поселений. В соответствии с Приказом Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ от 29 июля 2010 г. № 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений» общее число исторических поселений в России за последнее десятилетие сократилось в 13,1 раза (с 539 до 41), в том числе исторических городов – в 10,9 раза (с 427 до 39). При этом в список исторических поселений не вошёл ни один посёлок городского типа, а количество исторических поселений в статусе сельских населённых типов уменьшилось до 2, или в 30,5 раза (табл. 3).

Таблица 3

Динамика числа исторических поселений России в 1990–2010 гг.

Год внесения изменений в список	Общее число исторических поселений, всего	из них		
		городов	посёлков городского типа	сельских населённых пунктов
1	2	3	4	5
1990	536	426	54	56
2001	539	427	51	61
2010	41	39	–	2

Вполне понятное желание федерального правительства перекроить официальный список исторических поселений страны в сторону его су-

щественного сокращения нанесёт непоправимый урон историко-культурному наследию страны. Одной из основных причин столь значительного сокращения официального списка исторических поселений называется неоправданно расширенный перечень 2001 г., что привело к размыванию самого понятия «исторический город». К тому же весьма условный статус «исторического города» накладывал серьёзные ограничения на осуществление современной хозяйственной деятельности, использование городской недвижимости и городских земель, не давая историческим городам каких-либо особых привилегий.

Территориальная и урбанистическая структура исторических городов Российской Федерации

В результате административно-территориальных преобразований последнего десятилетия и муниципальной реформы список исторических городских населённых пунктов, представленный в Федеральной целевой программе «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002–2010 годы)», сократился к настоящему времени до 423 городов (38,5% от их общего числа в РФ) и 39 посёлков городского типа (3,0% от их общего числа в РФ). На начало 2010 г. в 462 исторических городских населённых пунктах России проживало 69,2 млн человек, из них 282,7 тыс. человек в 39 посёлках городского типа, отнесённых к числу исторических городов.

Исторические города размещены по территории страны крайне неравномерно. Подавляющее большинство из них сосредоточено в регионах европейской части страны (378, или 89,4%) и к югу от границы районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей (397, или 93,9%). В тройке лидеров среди федеральных округов по числу исторических городов и их удельному весу в городской сети находятся Центральный (164, или 52,9%), Приволжский (92, или 46,5%) и Северо-Западный (60, или 41,4%) федеральные округа (ФО). В остальных ФО доля исторических городов в городской сети ниже, чем в целом по России (38,5%). Среди субъектов РФ по числу городов лидирует Московская (22), Тверская (14) и Владимирская (13) области. Однако по удельному весу исторических городов в региональной городской сети выделяются Ярославская (11 из 11, или 100%), Орловская (7 из 7, или 100%) области, Республика Мордовия (6 из 7, или 85,7%), Курская (8 из 10, или 80%), Тюменская (4 из 5, или 80%) и Псковская (11 из 14, или 78,6%).

Удельный вес исторических городов в городской сети России нарастает по мере повышения людности городов, а среди городов высших групп людности, начиная с крупных городов, они составляют подавляющее большинство. На начало 2010 г. в официальный список исторических городов относились все 11 (100%) российских городов-миллионников, 95,8% (23 из 24) городов-полумиллионеров, 92,1% (35 из 38) крупных городов, 46,2% (42 из 91) больших городов, 37,2% (58 из 156) средних городов, 24,0% (85 из 354) полусредних городов и 39,8% (169 из 425) малых городов. Урбанистическая структура исторических городов России в целом характеризуется повышенным удельным весом городов с численностью постоянного населения менее 100 тыс. человек на фоне преимущественной концентрации проживающих в больших городах. На долю малых, полусредних и средних городов приходится 73,8% от общего числа исторических городов России. Между тем в больших городах с численностью постоянного населения свыше 100 тыс. человек проживает 86,9% жителей исторических городов России. В разрезе федеральных округов удельный вес малых, полусредних и средних городов варьируется от 36,8% в Южном ФО до 83,3% в Северо-Западном ФО, а доля больших городов – от 16,7% в Северо-Западном ФО до 63,2% – в Южном ФО (табл. 4).

Таблица 4

**Урбанистическая структура исторических городов федеральных округов
Российской Федерации (на 1 января 2010 года)**

Показатели	Всего городов	Группы городов по людности, тыс. человек						
		до 20	20–50	50–100	100–250	250–500	500–1000	1000 и более
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Российская Федерация								
Число городов в % к итогу	423 100	169 40,0	85 20,1	58 13,7	42 9,9	35 8,3	23 5,4	11 2,6
Число горожан в % к итогу	68870810 100	1987978 2,9	2796419 4,1	4183789 6,1	6869268 10,0	12353926 17,9	14919255 21,7	25760175 37,3
Центральный федеральный округ								
Число городов в % к итогу	164 100	80 48,8	37 22,6	18 11,0	12 7,3	12 7,3	4 2,4	1 0,6
Число горожан в % к итогу	22213856 100	738022 3,3	1144095 5,1	1168620 5,3	1799285 8,1	4334881 19,5	2465915 11,1	10563038 47,6

Северо-Западный федеральный округ								
Число го- родов в % к итогу	60 100	34 56,7	11 18,3	5 8,3	3 5,0	6 10,0	– –	1 1,7
Число го- рожан в % к итогу	8300182 100	369649 4,5	363294 4,4	380917 4,6	642382 7,7	1943664 23,4	– –	4600276 55,4
Северо-Кавказский федеральный округ								
Число го- родов в % к итогу	18 100	1 5,6	6 27,8	4 22,2	3 16,6	5 27,8	– –	– –
Число го- рожан в % к итогу	2525152 100	19442 0,8	196779 7,8	254403 10,1	384698 15,2	1669830 66,1	– –	– –
Южный федеральный округ								
Число го- родов в % к итогу	19 100	3 15,8	1 5,2	3 15,8	6 31,7	2 10,5	3 15,8	1 5,2
Число го- рожан в % к итогу	3154700 100	39577 1,3	39786 1,3	227588 7,2	983475 31,2	596997 18,9	219153 6,9	1048124 33,2
Приволжский федеральный округ								
Число го- родов в % к итогу	92 100	31 33,7	19 20,7	19 20,7	8 8,7	4 4,3	7 7,6	4 4,3
Число го- рожан в % к итогу	14729190 100	315827 2,1	595383 4,0	1429176 9,7	1556145 10,6	1479684 10,0	4780798 32,5	4572177 31,1
Уральский федеральный округ								
Число го- родов в % к итогу	27 100	7 25,9	7 25,9	4 14,9	3 11,1	3 11,1	1 3,7	2 7,4
Число го- рожан в % к итогу	5338991 100	95766 1,8	280415 5,3	319622 6,0	518093 9,7	1105124 20,7	580223 10,9	2439748 45,6
Сибирский федеральный округ								
Число го- родов в % к итогу	30 100	9 30,0	4 13,3	4 13,3	3 10,0	2 6,7	6 20,0	2 6,7
Число го- рожан в % к итогу	8217691 100	372542 4,5	152169 1,9	304584 3,7	431360 5,2	685936 8,3	3734288 45,4	2536812 31,0
Дальневосточный федеральный округ								
Число го- родов в % к итогу	13 100	4 30,8	1 7,6	1 7,6	3 23,2	2 15,4	2 15,4	– –
Число го- рожан в % к итогу	2411048 100	37153 1,5	24498 1,0	98879 4,1	553830 23,0	537810 22,3	1158878 48,1	– –

Составлено по: [13].

Наибольший удельный вес малых городов (56,7%) зафиксирован в составе исторических городов Северо-Западного ФО, полусредних городов (27,8%), средних (22,2%) и крупных (27,8%) городов – в Северо-Кавказском ФО, больших городов (31,2%) – в Южном ФО, крупнейших городов (20,0%) – в Сибирском ФО, городов-миллионников (7,4%) – Уральском ФО. По удельному весу проживающих в малых исторических городах и городах-миллионниках выделяется Северо-Западный ФО (соответственно 4,5% и 55,4%), в полусредних, средних и крупных – Северо-Кавказский ФО (соответственно 7,8%, 10,1% и 66,1%), в больших – Южный ФО (31,2%), в крупнейших – Дальневосточный ФО (48,1%).

В официальном перечне исторических городов, находящихся ныне в статусе городских посёлков преобладают большие посёлки городского типа с численностью постоянного населения от 5 до 10 тыс. человек. На их долю приходится 59,0% от их общего числа и 64,0% от численности проживающих в них жителей. По числу посёлков городского типа, имеющих статус исторических поселений, лидирует Центральный ФО, на территории которого расположено 16 из 39, или 41,0% исторических поселений данной категории. При этом в Северо-Кавказском, Южном, Уральском и Дальневосточном ФО представлено только по одному посёлку городского типа, имеющему на своей территории ценные объекты архитектурно-градостроительного наследия.

Критерии выделения и необходимость уточнения существующего перечня исторических городов России

Несмотря на неоднократную корректировку списка исторических поселений России, всегда возникали претензии по поводу недостаточно обоснованных включений или очевидных пробелов при формировании перечня исторических городов. В этой связи вновь приобретает актуальность вопрос о критериях выделения исторических городов. На наш взгляд, поселение, претендующее на получение статуса исторического города, должно отвечать ряду следующих признаков:

- древность основания населённого пункта при наличии продолжительного городского стажа;
- целостность сохранившейся историко-культурной среды, архитектурно-планировочной структуры и исторического центра города, включающего ядро градостроительного ансамбля и культовые сооружения, а также фрагменты традиционной городской застройки, отражающие

последовательные этапы формирования архитектурного облика городской территории;

- наличие объектов культурного наследия, включённых в Основной список Всемирного наследия ЮНЕСКО;

- наличие объектов культурного наследия из Предварительного перечня, рекомендованных правительством России на включение в Основной список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО;

- наличие подлинных памятников архитектуры и истории, культуры и искусства, науки и техники федерального или регионального значения;

- существенный вклад в хозяйственное и транспортное освоение региона, в организацию его заселения и обживания, развитие экономики, культуры, науки и образования;

- наличие официального статуса столицы автономной республики или административного центра национально-территориального образования;

- присвоение городу официального статуса Города-Героя, Города Воинской Славы, наукограда или закрытого административно-территориального образования (ЗАТО);

- наличие историко-культурных музеев-заповедников;

- развитая сеть музейных учреждений различного профиля, хранящих подлинные свидетельства местной истории и культуры;

- наличие памятных исторических мест и достопримечательностей, связанных с жизнью и деятельностью известных людей;

- функционирование центров народных ремёсел и художественных промыслов, предприятий по производству фирменной сувенирной продукции как отражение богатых народных традиций и занятий местного населения.

- наличие в поселении всех видов объектов культурного наследия – памятников, ансамблей, достопримечательных мест.

Стратегической задачей федеральных и региональных органов власти в деле возрождения исторических городов и создания в них комфортных условий для жизни горожан должно стать не сокращение, а расширение официального перечня исторических поселений, что позволит использовать их в качестве перспективных центров развития культурно-познавательного туризма [8, с. 31]. По нашим расчётам, расширенный список подобных поселений должен включать около 750 населённых пунктов, которые в разные годы имели официальный статус города. Среди населённых пунктов, достойных включения в число исторических поселений России, выделяются бывшие административные центры регионального и

субрегионального значения; бывшие города, потерявшие самостоятельность в связи с объединением или включением в городскую черту более перспективных городов; существующие посёлки городского типа и сельские населённые пункты, имевшие в прошлом городской статус; упразднённые и исчезнувшие города, внёсшие существенный вклад в развитие производительных сил своих регионов; существующие города, имеющие статус наукоградов и закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО); существующие города, удостоенные официального статуса Городов-Героев и Городов Воинской Славы.

Территориальное распределение расширенного списка исторических городов отличается большей равномерностью по сравнению с территориальной структурой официального списка исторических городов. Большинство исторических поселений из расширенного перечня находится в пределах Центрального, Приволжского и Северо-Западного ФО, на долю которых приходится 72,5% от общего числа существующих и бывших исторических городских поселений, в том числе 71,4% – исторических городов, 82,1% – исторических посёлков городского типа, 72,6% – сельских населённых пунктов, 54,5% – упразднённых и исчезнувших городов, 90,7% – поглощённых городов. Общее число существующих и бывших исторических городских поселений варьируется от 31 до 280 (Северо-Кавказский и Центральный ФО), в том числе в статусе городов – от 21 до 186 (Дальневосточный и Центральный ФО), посёлков городского типа – от 1 до 25 (Уральский и Центральный ФО), сельских населённых пунктов – от 2 до 37 (Уральский и Центральный ФО), упразднённых и исчезнувших городов – от 1 до 15 (Сибирский и Центральный ФО). При этом наибольший удельный вес исторических городских поселений в статусе города отмечен в Уральском ФО (85,4%), а наименьший – в Южном ФО (57,8%) (табл. 5).

Таблица 5

**Расширенный список исторических поселений
в разрезе федеральных округов (на 1 января 2010 г.)**

Федеральные округа	Существующие и бывшие исторические города, всего	в том числе				
		городов	посёлки городского типа	сельские населённые пункты	упразднённые и исчезнувшие	поглощённые
1	2	3	4	5	6	7
Россия	749	500	56	106	44	43
Центральный	280	186	25	37	15	17

Северо-Западный	117	74	8	18	2	15
Северо-Кавказский	31	22	2	4	2	—
Южный	45	26	2	5	10	2
Приволжский	146	97	13	22	7	7
Уральский	42	36	1	2	3	—
Сибирский	54	38	3	10	1	2
Дальневосточный	34	21	2	8	3	—

Многочисленные поселения, отнесённые в разные годы к категории исторических решениями коллегий Министерства культуры и Госстроя России, до сих пор не удостоены официального статуса «исторических городов», закреплённого соответствующим постановлением Правительства РФ. Отсутствие данного статуса существенно затрудняет саму возможность формирования и проведения в этих городах специфической городской и градостроительной политики. Одной из её актуальных задач должны стать выявление и устранение проблемных ситуаций в сфере историко-культурного наследия исторических городов и регионов.

В современных условиях стратегическим направлением развития исторических городов становится выполнение туристской функции. Разработка и внедрение механизма социально-экономического развития исторического города как центра развития туризма потребует значительных инвестиций в реставрацию объектов недвижимого культурного наследия, реконструкцию транспортной инфраструктуры и создание туристского сервиса. Реализация этой задачи является дополнительным фактором роста социально-экономического развития исторических городов и прилегающих к ним территорий, способствуя росту числа рабочих мест и расширению возможностей получения дополнительных заработков для местного населения, социально-экономической стабильности, инвестиционной привлекательности и пополнению городского бюджета.

В современном обществе постепенно укрепляется осознание необходимости сохранения и возрождения историко-культурного наследия исторических городов как одной из важнейших задач общегосударственного значения. Возрождение и сохранение историко-культурной среды исторических городов для нынешнего и будущих поколений страны должно стать одной из важнейших задач государственной городской политики, направленной на эффективное использование историко-культурного наследия и потенциала исторических городов.

Список литературы

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: по состоянию на 1 октября 2010 г. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2010.
2. Земельный кодекс Российской Федерации. Официальный текст: по состоянию на 20 сентября 2010 г. М.: Изд-во Омега-Л, 2010.
3. Инструкция по организации зон охраны недвижимых памятников истории и культуры СССР (Приказ № 33 от 24.01.1986). М.: Изд. Министерства культуры СССР, 1986.
4. Методические рекомендации по проектированию реконструкции городов с ценным историко-культурным наследием. М.: ЦНИИП градостроительства, 1989.
5. Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия. М.: Изд-во Института Наследия, 2001.
6. Методические рекомендации. Разработка историко-архитектурных опорных планов и проектов зон охраны памятников истории и культуры исторических населённых мест. М.: Росреставрация, 1990.
7. Методические указания об использовании памятников истории и культуры как градоформирующих факторов при разработке генеральных планов и проектов детальной планировки городов. М.: Стройиздат, 1988.
8. Обедков А.П. Исторические города России как объекты историко-культурного наследия и центры развития культурно-познавательного туризма. Сыктывкар, 2010. («Научные доклады по проблемам развития экономики и сервиса в регионе»; Выпуск 1).
9. Положение об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации (Утверждено Указом Президента РФ № 1487 от 30.11.1997). Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1997. № 23. С. 2096–2097.
10. Положение об охране и использовании памятников истории и культуры (Утверждено постановлением Совета Министров СССР № 865 от 16.09.1982). М., 1982.
11. Разработка законодательного обеспечения и градостроительной деятельности в исторических городах: правовой статус исторического города и Правила архитектурно-градостроительной деятельности в исторических городах: проекты документов – АО «ИНРЕКОН». М., 1992.
12. Статут исторического города (проект). М.: Госстрой РФ, ИНРЕКОН, 2003.
13. Численность населения Российской Федерации по городам, посёлкам городского типа и районам на 1 января 2010 г. М.: Росстат, 2010.
14. Шевченко Э.А., Вайнштейн Т.А. Сохранять и развивать исторические города России // <http://www.proektstroy.ru/publications/view/7651>

ТВОРЧЕСТВО ШРИ РАДЖНИША КАК СИНТЕЗ КУЛЬТУР ВОСТОКА И ЗАПАДА

Сиргия А.С.

Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена исследованию проблемы взаимодействия культур Востока и Запада в творчестве индийского мыслителя XX века Шри Раджниша (Ошо). Автор исследует творчество Шри Раджниша, указывая на синтетический характер его философии. Особое внимание в статье уделено рассмотрению основного содержания онтологии и антропологии Шри Раджниша.

Ключевые слова: Шри Раджниш; Ошо; синтез культур; диалог культур Востока и Запада; проблема человека; «Зорба-Будда».

SHREE RAJNEESH'S WORK AS A SYNTHESIS OF EASTERN AND WESTERN CULTURES

Sirgiya A.S.

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
Saint-Petersburg, Russia

The article is dedicated to the problem of interaction between East and West cultures in the work of Shree Rajneesh (Osho), Indian thinker of the 20th century. The author explores Shree Rajneesh's work, pointing synthetic nature of his philosophy. Special attention is given to the main content of Shree Rajneesh's ontology and anthropology.

Keywords: Shree Rajneesh; Osho, the synthesis of cultures, cultural dialogue between East and West, the problem of the man; «Zorba the Buddha».

Шри Раджниша Чандра Мохана (Ошо, 1931–1990 гг.) – один из самых известных и противоречивых представителей неоориенталистской религиозной философии и духовной культуры XX в. Обращение к его

колоссальному и по объему, и по содержанию творческому наследию имеет огромное теоретическое, а также экзистенциально-практическое значение.

В его творчестве осуществлен один из крупнейших в XX века синтезов различных направлений религиозной философии и культуры Востока и некоторых философских и религиозных систем Запада.

В философской концепции Шри Раджниша органично соединяются и по-новому им интерпретируются понятия, образы, концепты джайнизма, классической йоги, тантры, адвайта-веданты, локайаты, буддизма, даосизма, суфизма, христианства, философии Сократа, Ф. Ницше, психоанализа, экзистенциализма. В результате синтеза основных идей этих традиций Раджнишу удастся создать многокомпонентную и многоаспектную диалектическую систему, состоящую из множества относительно автономных, но вместе с тем взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, образующих структурно-функциональное единство философско-религиозных идей, предлагаемых им методов и способов достижения человеком его подлинного бытия, а также практически реализованных им конкретных форм организации духовных практик.

Сам синтез традиций Востока и Запада реализуется в творчестве Шри Раджниша не в виде создания некой целостной и завершенной системы его собственных идей и методов, а в формировании некоторого пространства сопряжения этих культур, идеи, образы, понятия и герои которых, взаимодействуя друг с другом вновь и вновь, актуализируют в нем смысловой и ценностный потенциал своего содержания.

Именно в таком пространстве живет и сам Шри Раджниш, тексты которого, вплоть до самого последнего цикла оказываются диалогом или спором с Буддой, Иисусом, Махавирой, Ф. Ницше и другими мыслителями и учителями. Знание Шри Раджнишем историко-философского материала, истории культуры Востока и Запада довольно ярко характеризует его как мыслителя, обладающего особой дисциплиной свободного мышления, по силе которого он не уступает крупнейшим представителям восточной и европейской культуры XX в.

Само учение Шри Раджниша возникает в Индии, но именно в той самой интеллигентской среде, которая была пронизана идеями европейской культуры. Профессор С.К. Саксена, руководивший его магистерской программой, долгое время преподавал в университете США, пу-

бликовался в престижном международном издании Мьюрхедской философской библиотеки в Лондоне (Muirhead Library Series of Philosophical works), а ряд его монографий и статей посвящен таким западноевропейским философам, как Ф.Г. Брэдли, И. Кант и Г.В.Ф. Гегель [7, 8, 9].

Шри Раджниш был хорошо знаком с историей европейской философии: философией Сократа, христианства, Ф. Ницше, представителей экзистенциализма, психоанализа и др. Д.Е. Фурман пишет: «Отдельные куски лекций Раджнеша звучат цитатами из Г. Маркузе, Э. Фромма, А. Маслоу, К. Хорни, Ж.-П. Сартра, А. Камю и других кумиров критической мысли 60-х – начала 70-х годов. И это отнюдь не “плагиат”. Просто Раджнеш “пронизан” этими идеями, он вобрал в себя неотрейдискую и экзистенциалистскую критику современного общества и своеобразный неотрейдиский “романтизм” – идею, что все беды – от неестественности, а спасение – в возвращении к этой естественности» [5, с. 117].

Огромное внимание в своем творчестве Шри Раджниш уделял классической религиозно-философской традиции Востока. Само его становление как мыслителя происходило под непосредственным влиянием идей культуры джайнизма. Его семья принадлежала к одному из наиболее революционно настроенных движений внутри дигамбарской джайнской общины традиции терапантх. Являясь студентом Саугарского университета, Шри Раджниш поддерживал тесные связи с этой общиной, опубликовал две брошюры комментариев к текстам Шуньи Свабхавы и Сиддхи Свабхавы. [6] «Уже в этих, ранних книгах, – отмечал Питер Флегель, – отчетливо видна собственная эклектичная религиозно-философская концепция автора» [6, р. 112].

Теоретической основой творчества Шри Раджниша является концепция холистического натурализма, в которой мир понимается как единый саморазвивающийся процесс жизни и самопознания абсолюта или существования.

Натурализм Шри Раджниша заключается, прежде всего, в его постулировании абсолютной реальности мира, жизненная полнота которого скрыта от нас за пеленой «авидьи», то есть нашего социально и культурно детерминированного к нему отношения. Мир «не нереален; это сама брахма. Это высшая реальность, – говорил он. – Но мир, который вы создали посредством своего ума и памяти, в котором живете, который окружает вас подобно атмосфере <...> это ваша аура, и через

нее вы смотрите на мир. Тогда все, на что вы смотрите, это не факт, это интерпретация» [4, с. 89].

Холизм Шри Раджниша предполагает, что существование едино и целостно. Все элементы этого мира, по его утверждению, находятся в гармонии и взаимосвязи: «Мы все настолько взаимозависимы друг от друга, не только человек и другой человек, не только нация и другая нация, но деревья и человек, животные и деревья, птицы и солнце» [3, с. 49]. Это существование – равенство бытия всех составляющих его элементов, каждый из которых занимает в нем место, соответствующее его природе: «Ничто не является более ценным или менее ценным. Идея ценности принесена умом, вами. Ничто не является красивым, ничто не является уродливым, – говорил Шри Раджниш, – Вещи такие, какие они есть. Они существуют в своей таковости» [4, с. 59]. Говоря о равенстве всего сущего Шри Раджниш, безусловно, опирался на тексты различных философских традиций Востока, в частности, даосизма с его идеей ложности какой-либо онтологической иерархии вещей.

Поскольку для Шри Раджниша мир есть, по сути, единый исторический процесс познания себя Абсолютом, он настаивает на необходимости преодоления веками существовавшего разрыва между восточными и западными традициями. Для Шри Раджниша западная и восточная культуры равны, одновременны, они взаимодействуют друг с другом и дополняют друг друга: «В человеческом уме не может быть географического разделения. Все разделения, границы имеют политический характер. Индийские, японские, немецкие рамки, восточный и западный подход – все это политические границы. <...> Мы совершенно напрасно применяем их...» [3, с. 15].

В своих беседах Шри Раджниш говорил о необходимости создания единой культуры, основанной на синтезе восточной метафизики и философского рационализма Запада. Конкретным примером такого синтеза культур является созданная им практика динамической медитации. Динамическая медитация представляет собой синтез активных психотерапевтических практик Запада и созерцательно-пассивных восточных методов медитации: «Я хочу соединить Запад и Восток, – говорил Шри Раджниш об этой медитации. – Восток развивал медитативные методы. Запад медитацией не занимался, но разрабатывал методы психотерапевтические. Чтобы заинтересовать западного человека медитацией, чтобы приблизить восточное мышление к западному, нужно взять

что-то у одного и что-то у другого. Нельзя опираться исключительно на восточное, непременно нужно включить и что-то западное» [1, с. 221].

Также одной из наиболее значимых идей Шри Раджниша в области сближения Востока и Запада является разработанный им проект идеальной коммуны, где, как предполагалось, сможет появиться новый человек, Номо Новус, или Зорба-Будда. В понимании Шри Раджниша, Зорба – это символ наслаждения земными удовольствиями и высочайшего потенциала науки, техники и рациональности Запада, а Гаутама Будда – символ молчаливой безмятежности и величайшей мудрости Востока. Новый человек, с его точки зрения, должен сочетать в себе все эти черты.

Сама же коммуна, с точки зрения Шри Раджниша, должна была стать тем местом, где люди будут жить «свободно» и естественно, в моменте здесь и сейчас, с осознанием живой целостности и единства реально-го мира. В будущей коммуне Шри Раджниш предполагал преодоление всех культурных, цивилизационных и религиозно-конфессиональных границ и создание нового типа культуры, основанного не на уничтожении, а органичном сопряжении как восточных, так и западных систем.

Шри Раджниш – представитель во многом утопического контркультурного движения второй половины XX в., движения критики и надежды, веры, что что-то в мире можно изменить и что мир может стать гармоничным и единым. Он считал, что в современном обществе очень многое зависит от осознанности и усилия самого человека, и если он по-прежнему будет воспроизводить ошибки и ложные представления прошлого, все человечество будет оставаться под угрозой тотального уничтожения. Только воспитание нового человека, способного к целостному восприятию реальности, не зависящему от культурных, политических, религиозно-конфессиональных и иных границ, послужит основанием для построения нового типа синтетической культуры.

Список литературы

1. Ошо. Автобиография духовно неправильного мистика. [Пер. с англ.] СПб.: Весь, 2008. 368 с.
2. Ошо. Библия Раджниша: в 4 т. [Пер. с англ.]. М. : Либрис, 1994. Т. 1. Ч. 1. 380 с.
3. Ошо. Золотое будущее. [Пер. с англ.]. М.: Весь, 2010. 224 с.
4. Ошо. Йога – наука души. Беседы по сутрам Патанджали. [Пер. с англ.]. М.: Нирвана, 1997. 415 с.

-
5. Фурман Д.Е. Дела и учения гуру Раджнеша // Вопросы философии. 1986. № 8. С. 110–118.
 6. Flügel Peter. Studies in Jaina history and culture: disputes and dialogues. Cologne: Rebel Publishing House, 1987. 293 p.
 7. Saxena S.K. Gegel on the Sublime // Religious Studies. No. 10. P. 153–170.
 8. Saxena S.K. Kant. Aesthetical Theory and Some Indian Art. Kant Studien. 1978. Vol. II. 212 p.
 9. Saxena S. K. Studies in the Metaphysics of Bradley. London : Allen & Unwin; New York.: Humanities Press, 1967. 276 p.

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКИХ КРУЖКОВ XVIII ВЕКА

Скопцова Е.А.

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева», г. Саранск, республика Мордовия, Россия

В России XVIII века существовали различные виды светского общения дворянского общества – куртаги, эрмитажи, салоны, воксалы и др. В данной статье представлен процесс зарождения российских кружков XVIII столетия, раскрыты типологические характеристики кружковой деятельности, как одной из форм интеллектуального досуга российского дворянства.

Ключевые слова: *кружковая деятельность, круг участников, литературные, масонские, музыкальные, политические кружки.*

GENESIS OF RUSSIAN COTERIES IN THE XVIIIth CENTURY

Skoptsova E.A.

Mordovia N.P. Ogarev State University, Saransk, Russia

There were different modes of secular communication: kurtags, hermitages, salons, voksals etc. This article represents the coteries' genesis in the XVIIIth century, and discloses the typological characteristics of coteries activity as one of the Russian nobility intellectual leisure.

Keywords: *coteries activity, the participants group, literature, mason, music and political coteries.*

Понятие кружок подразумевает «группу лиц, объединенных общностью взглядов и целей» [17, с. 1730]. Итак, из дефиниции следует, что среди причин образования кружков на первый план выдвигаются интересы объединения единомышленников в некие формы сообществ.

Систематизируя факты о деятельности кружков XVIII века [см., напр.: 2; 4; 5; 7; 8; 10; 14; 15; 16; 18], попытаемся представить список

кружков. Оговоримся заранее, что он не может претендовать на точность датировки первых заседаний кружков и места их функционирования, поскольку изложенные в источниках сведения в ряде случаев противоречивы.

В России XVIII века кружковая деятельность велась:

– **в домах** (архиепископа Ф. Прокоповича, СПб., 1720–1736 гг.; тайного советника Г.Ф. Бассевича, М., 1722–?; государственного деятеля, дипломата А.П. Волынского, СПб., 1730–1740 гг.; капитана Дж. Филиппса, СПб., 1731–?; генерала Я. Кейта, СПб., 1741–?; графа А.П. Шувалова, СПб., 1750–1760-е гг.; генерал-адъютанта И.И. Шувалова, СПб., 1750–1763, 1779–1797 гг., М., 1787–? гг.; графа А.С. Строганова, СПб., 1760–1811 гг.; актера И.А. Дмитревского, СПб., середина 1760-х гг.; тайного советника И.П. Елагина, ?, 1760–1766 гг., СПб., 1768–1777 гг., СПб., 1786–1790 гг.; военного деятеля, писателя И.Л. Голенищева-Кутузова, СПб., 1760–1770-е гг.; княгини Е.Р. Дашковой, М., 1763 г.; писателя М.М. Хераскова, СПб., 1770-е гг.; писателя Ф.Г. Карина, СПб., 1770-е гг.; князей Ю.Н. и Н.Н. Трубецких, М., середина 1770-х гг.; барона П.Б. Рейхеля, СПб., 1770–1777 гг.; поэта, переводчика, музыканта, архитектора Н.А. Львова, СПб., вт. половина 1770–1790-е гг.; ювелира Я.Д. Дюваля, СПб., 1780-е гг.; писателя Я.Б. Княжнина, ?, 1780-е гг.; писателя Г.Р. Державина, Тамбов, 1784–1789, СПб., 1790-е гг.; графа А.И. Мусина-Пушкина, СПб., 1784/1786 – начало XIX в.; переводчика И.Г. Рахманинова, ?, 1788–1789 гг.; писателя Н.П. Николева, СПб., 1790-е гг.; писателя А.Ф. Бестужева, ?, 1790-е гг.; поэта-баснописца И.А. Крылова, СПб., 1790–1792 гг.; военного деятеля А.М. Каховского, Смоленск, 1797–1798 гг.; писателя А.Х. Востокова, ?, 1799-е гг.; историка, литератора Н.М. Карамзина, М., конец XVIII – начало XIX вв.);

– **при учреждениях** (Московской Славяно-греко-латинской академии, Харьковского коллегиума и ряда провинциальных семинарий, конец 1720 – начало 1730 гг.; Академии Наук, СПб., конец 1720 – начало 1730 гг. и 1735 – 1738 гг.; лютеранской церкви Святых Петра и Павла, СПб., ≈ 1764–?; Московского университета, 1760-е – 1770-е гг.; Академии художеств, СПб., ≈ 1779–?; журналиста, общественного деятеля Н.И. Новикова при Московском университете, 1779–1784 гг.; переводчиков-любителей при тамбовской типографии, 1787 г.; Е.А. Болховитинова при духовной семинарии, Воронеж, 1789 г.; Александро-Невской духовной семинарии, СПб., 1790 г.);

– **при дворе** (Петра II, СПб., ≈ 1729–1730 гг.; Анны Иоанновны, СПб., 1730–1740 гг.; Елизаветы Петровны, СПб., 1741–1761; князя Петра Федоровича, СПб., 1753–1762 гг.; Екатерины II, СПб., 1780-е гг.; князя Павла Петровича, СПб., ?).

Следует подчеркнуть тот факт, что кружки существовали и у находившихся на российской службе иностранцев. Так, например, в Москве – у тайного советника, немца Г.Ф. Бассевича, в северной столице – у английского капитана Дж. Филиппса, английского генерала Я. Кейта, барона, немца П.Б. Рейхеля, придворного ювелира, француза Я.Д. Дюваля [1, с. 298; 10, с. 2; 2, с. 32; 11, с. 320]. К тому же, иностранцы были постоянными участниками российских кружков, например, французский посол в России (1785–1789 гг.) Л.Ф. Сегюр посещал кружок А.С. Строганова, маркиз, французский посол в Петербурге (1756–?) де Лопиталь, французский аббат Э. Лефевр – кружок А.П. Шувалова. Следовательно, общение русских дворян с иностранцами накладывало отпечаток на культуру столичного «света». Во-первых, российские заведомо подобных собраний имели постоянную возможность совершенствовать свою речь на иностранном языке. Во-вторых, в неофициальном кружковом общении иностранцы культивировали европейский этикет, европейский светский стиль жизни.

Российские кружки XVIII века можно разделить на следующие типы:

1. Литературные: Ф. Прокоповича, Московской Славяно-греко-латинской академии, Харьковского коллегиума и ряда провинциальных семинарий, Академии Наук, А.П. Шувалова, Московского университета, И.Л. Голенищева-Кутузова, Е.Р. Дашковой, М.М. Хераскова, Ф.Г. Карина, Я.Б. Княжнина, тамбовской типографии, Е.А. Болховитинова, И.Г. Рахманинова, Н.П. Николева, А.Ф. Бестужева, Александрово-Невской духовной семинарии, И. А. Крылова, Н.М. Карамзина.

2. Философско-религиозные (масонские): Дж. Филиппса; Я. Кейта; 33 ложи И.П. Елагина (14 – первый этап масонской деятельности: 1768–1775 гг., напр.: «Скромность» СПб., «Беллона» СПб., «Минерва» Молдавия, «Клио» М., «Астрейя» СПб.; 19 – второй этап масонской деятельности: 1786–1790 гг., напр.: «Конкордия» СПб., «Свет» Рига, «Братская Любовь» Ревель, «Надежда Невинности» Ревель, «Северная Звезда» Архангельск); 7 лож П. Б. Рейхеля, 1770–1775 гг., напр.: «Аполлон» СПб. и Рига, «Изида» Ревель, «Латона» СПб.; 13 лож «Ела-

гино-Рейхелева союза» (термин П. Пекарского), 1775–1777 гг., напр.: «Беллона» СПб., «Скромность» СПб., «Урания» СПб., «Девять Муз» СПб.; 14 лож Н. И. Новикова, 1779–1784 гг., напр.: «Коронованное Знамя» М., «Девкалион» М., «Светоносный Треугольник» М., «Святой Моисей» М.

3. Музыкальные: Г. Ф. Бассевича, Петра II, лютеранской церкви Святых Петра и Павла, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Академии художеств, князя Петра Федоровича, Я.Д. Дюваля, князя Павла Петровича.

4. Литературно-музыкально-драматические: И.И. Шувалова, И.А. Дмитриевского, А.С. Строганова, Московского университета, Ю.Н. и Н.Н. Трубецких, Н.А. Львова, Екатерины II, Г.Р. Державина.

5. Литературно-политические: А.П. Волынского, А.М. Каховского, А.Х. Востокова.

6. Научно-литературные: А.И. Мусина-Пушкина.

Конец XVIII века характеризовался распространением кружков не только в обеих столицах, но и в провинциальных городах (см., напр., кружки при тамбовской типографии, Е.А. Болховитинова в Воронеже, Г.Р. Державина в Тамбове, А.М. Каховского в Смоленске, масонские кружки в Архангельске, Риге, Ревеле и т. п.).

Кружки тесно связаны между собой общим кругом участников. Так, например, историк В.Н. Татищев и поэт-сатирик А.Д. Кантемир посещали литературный кружок Ф. Прокоповича и литературно-политический кружок А.П. Волынского; поэт И.Ф. Богданович – кружки И.И. Шувалова, Московского университета, Е.Р. Дашковой, Н.А. Львова, Г.Д. Державина и т. п.

В XVIII веке следующие российские кружки открыли доступ деятелям искусства:

– *кружок А.С. Строганова* систематически посещали художники А.Г. Варнек, А.Е. Егоров, И.А. Иванов, Д.Г. Левицкий, В.К. Шебуев; архитектор С.И. Гальберг; композитор Д.С. Бортнянский [12, с. 13; 13, с. 488];

– *в кружке И.И. Шувалова* бывал придворный композитор В. Манфредини [19, с. 138];

– *кружок Н.А. Львова* пользовался популярностью у художников В.Л. Боровиковского, А.Е. Егорова, И.А. Иванова, Д.Г. Левицкого; композиторов Д.С. Бортнянского, И. Прача, Д. Сарти, Е.И. Фомина, И.Е. Хандошина [3, с. 43];

– в кружке Г.Р. Державина принимали музыканта А. Свечину [6, с. 26];

– кружок А.Х. Востокова посещали художник В.П. Осипов; скульптор И.И. Теребенев; архитектор С.И. Гальберг [9, с. 222];

– среди членов *масонских кружков* были артисты и музыканты И.А. Дмитриевский, К. Книпер, Н.Г. Поморский, П. Ясниковский, В.А. Пашкевич и др. [8, с. 192].

На наш взгляд, общение в кружках представителей разных искусств способствовало их творческому обогащению.

В заключение необходимо подчеркнуть следующие моменты:

– в XVIII веке кружковая деятельность в России осуществлялась главным образом в домах;

– наиболее многочисленными, как по количеству самих кружков, так и по составу участников были литературные и масонские кружки;

– политический кружок, как форма выражения общественной потребности, не мог существовать, или не мог долго существовать в России по причине жесткой цензуры и преследований за любое инакомыслие;

– кружковые объединения интегрировали в себе людей разных профессий: художники, скульпторы, композиторы, музыканты являлись завсегдатями в кружках российских интеллектуалов XVIII века.

Список литературы

1. Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1721–1725 / Ф.В. Берхгольц. М.: Университетская типогр., 1902. Ч. 2. 247 с.
2. Вернадский Г.В. Русское Масонство в царствование Екатерины II / Г.В. Вернадский. Пг.: Типогр. Акц. О-ва Типогр. Дела в Петрограде, 1917. 285 с.
3. Глумов А. Н.А. Львов / А. Глумов. М.: Искусство, 1980. 208 с.
4. Заборин П.Р. Русско-французские поэты XVIII в. // Многоязычие и литературное творчество. Л.: Наука, 1981. С. 66–106.
5. Козлов В.П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина: [О деятельности кружка «любителей Российских древностей», конец XVIII – начало XIX вв.] // Рус. Речь. 1988. № 2. С. 111–115.
6. Музалевский В.И. Русское фортепьянное искусство / В.И. Музалевский. М.: МузГИЗ, 1961. 336 с.
7. Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь. XVIII век. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Композитор, 1996. 415 с.
8. Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь. XVIII век. Т. 1. Кн. 2. СПб.: Композитор, 1998. 500 с.

9. Орлов Вл. Русские просветители 1790–1800-х годов / Вл. Орлов. М.: Гослитиздат, 1953. 542 с.
10. Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия / П.П. Пекарский. СПб.: Типогр. Императорской Академии Наук, 1869. 224 с.
11. Полетика П.И. Мои воспоминания [Примеч. П.И. Бартенева] // Русский архив. М.: В Университетской типогр., 1885. Вып. 11. С. 305–336.
12. Ромм Ж. К истории Русской образованности новаго времени // Русский архив. М.: В Университетской типогр., 1887. Вып. 1. С. 6–38.
13. Русский биографический словарь: В 21 т. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1999. Т. 19. «Смеловский – Суворина». 608 с.
14. Словарь русских писателей XVIII века: В 3 вып. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1988. Вып. 1. 372 с.
15. Словарь русских писателей XVIII века: В 3 вып. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. 508 с.
16. Словарь русских писателей XVIII века: В 3 вып. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3. 474 с.
17. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 5. 1918 с.
18. Снытко Т.Г. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века // Вопросы истории. 1952. № 9. С. 111–122.
19. Штелин Я.Я. Известия о музыке в россии [пер. Б.И. Загурского] // Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века. Л.: Муз. изд-во, 1935. С. 49–143.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

Соколова А.А.

Астраханский государственный технический университет,
Астрахань, Россия

Статья посвящена проблемам современного российского общества. Модернизация России ставит остро, прежде всего, аксиологические вопросы: что является для человека безусловно ценным, и что делает его жизнь собственно человеческой? Идеология постмодерна, на взгляд автора, не способствует развитию человека в контексте фундаментальной онтологии. Обозначить главную аксиологическую перспективу, альтернативную постмодерновской, можно в традициях русской религиозной философии.

Ключевые слова: аксиология, постмодерн, Россия, человек, личность, духовность, смысл, культура, ценности.

CONTEMPORARY RUSSIA: THE IDEOLOGY OF POSTMODERN SOCIETY AND THE TRADITIONAL VALUES

Sokolova A.A.

Astrakhan state technical University, Astrakhan, Russia

The article is devoted to the problems of contemporary Russian society. The modernization of Russia first of all puts forward the axiological questions: which values are absolute values for a human being and what makes human life worth the name? To the author's view, the ideology of postmodern society doesn't assist in human development in the context of fundamental ontology. We may determine the main axiological perspective as alternative to the postmodern one in the tradition of Russian religious philosophy.

Keywords: axiology, postmodern society, Russia, human being, person, spiritual life, sense, culture, values.

По мысли известного американского философа и социолога А. Тоффлера, высказанной в книге «Шок будущего», перед человечеством сегодня открыты разнообразные и богатые возможности дальнейшего развития. Но какое будущее оно выберет, будет зависеть, в конечном счете, от ценностей, которые определяют процесс принятия им решений [5]. Эти слова с полным основанием можно отнести к современному состоянию России, ищущей свой путь национального развития. При этом нельзя не согласиться с мнением известного современного историка и публициста Н. Нарочницкой, что «Российское государство ведет отчет своего существования не от распада СССР. Жизнь России охватывает тысячелетие мировой истории, она протекала и протекает на огромном географическом и многоцивилизационном пространстве. Все это русские и соединившие с ними судьбу другие народы вместе успешно защищали. Неужели Россия, не поддавшаяся натиску католического романо-германского духа, обладавшего бесспорным культуртрегерским обаянием, ответившая на схематизм «острого галльского смысла» Пушкиным, Достоевским и Толстым, неужели Россия, выстоявшая дважды перед «сумрачным германским гением», сейчас капитулирует перед «попсой» – цивилизацией «Пепси», в которой Родина там, где ниже налоги, а главная забота – выбор зубной пасты?» [3].

Процессы либерально ориентированной глобализации выливаются сейчас в попытки создания однородного экономического, информационного и культурного пространства, что в свою очередь обостряет проблему государственной, религиозной и национальной идентификации человека. В данном контексте можно рассмотреть две тенденции в реализации представлений о сущности человеческой природы. С одной стороны, видение человека как существа экономического, что открывает простор для превращения человечества в единый глобальный финансово-экономический организм. С другой стороны, человек рассматривается как личность, обладающая своеобразными культурными чертами, что вызывает стремление сохранить национально-государственную организацию жизни людей. Действительно, всеобъемлющей метафорой общественной жизни западного капиталистического общества стал рынок. Это эквивалентный обмен между индивидами, процесс купли – продажи, свободный от этических ценностей. Он выражается чисто количественной мерой цены. Человек выступает по отношению к другому как собственник. Общество формируется через акты обмена,

где каждый ищет максимальную выгоду за счет получения собственности другого по наименьшей цене. В российском обществе рынок всегда регулировал небольшую часть отношений. Значимыми были отношения другого типа – служения, выполнения долга, любви, заботы, повинности. Эти отношения мотивируются совестью, и не всегда поддаются рациональному расчету. В таком обществе метафорой общественной жизни служит семья. В православной культуре это идет от представления о братстве людей в христианской общине. Христианская община имеет своей моделью семью, связанную двумя видами любви – любовью отеческой-сыновней и любовью братской. Западная протестантская этика рассматривает накопление частной собственности и получение от нее дохода как способ служения Богу, а богатство как косвенный показатель спасенности души, как признак богоизбранности. В русской религиозной культуре отношение к собственности и богатству иное. Человека связывает с его согражданами не столько экономические отношения, сколько долг, совесть, любовь к ближнему, добрые дела. А расчет и выгода в данных отношениях неуместны. Православие определенно считает наживу делом небогоугодным, и в отличие от иудаизма, например, не разрешает ростовщичество. Но такие ценности кажутся современным либеральным глобалистам «фундаменталистскими», консервативными и им должна быть объявлена война; то есть сознание, ориентированное на высшие, нетленные ценности признается отсталым и рассматривается как препятствие на пути прогресса. А ведь знание истории философии говорит нам, что понятия «рынок» и «прогресс» можно (а нам представляется – нужно) развести. Рынок – способ удовлетворения человеческих потребностей на основе товарного обмена. Прогресс – это способ умножения человеческих способностей на основе знания. Стоит также вспомнить, что понятие «прогресс» – христианского происхождения и изначально оно подразумевало движение человечества к духовному и нравственному совершенству. Первым философом истории, поставившим вопрос о ее цели и смысле, был Августин Блаженный. В своем главном труде «О граде Божьем» Августин делает попытку охватить всемирно-исторический процесс, связать историю человечества с планами и намерениями Бога. Им развиваются идеи линейного исторического времени и морального прогресса. Начинается моральная история с грехопадения Адама и рассматривается как поступательное движение к обретаемому в благодати

нравственному совершенству [1]. При секуляризации, лишившись опор в виде заповедей Божественного Откровения, прогресс утратил и четкие ориентиры. Слишком расплывчатой сделалась цель и мерещится она теперь со всех сторон, из чего постмодернистское сознание делает вывод, что лучше кружиться на одном месте. Радикально настроенный постмодернизм говорит ни много ни мало об отмене прогресса: «Обращение к великим нарративам исключено; и мы не можем прибегать ни к диалектике Духа, ни к эмансипации человечества как оправданию постмодернистского научного дискурса», – формулирует суть перехода Ж.-Ф. Лиотар [2, с. 73]. Черта современного сознания – атомизация и фрагментарность, и потому ему свойственно отгораживаться от великих вопросов и замыкаться на потребительстве во всех сферах. Жизнь человека лишается, таким образом, онтологического основания, почва уходит из под ног и, вполне естественно, встает вопрос о ценностях. Где те безусловные смыслы, которые делают человеческую жизнь собственно человеческой?

Духовность, образование, традиции – необходимые ценности нового времени. Человек постмодерна – инфернальный клоун. Его семантические забавы противостоят фундаментальной аксиологии. Человек-творец (в своем подобии подлинному Творцу) всегда консерватор, но он накапливает не богатство, захваченное у ближнего, а свои собственные внутренние духовные энергию и силу. Творец всегда укоренен в богатстве предшествующей культуры, духовном и творческом наследии как оплоте всякого созидания. Эпоха постмодерна характеризуется смещением смысловых полей, когда высокое и низкое карнавально меняются местами, когда маргиналы перемещаются в центр, а самые благородные понятия вырождаются в свою противоположность. Мораль в рамках постмодернизма теряет свой статус, а на ее место приходят эффективность и технологичность – особая форма нигилистической рациональности. Цинизм следует рассматривать в качестве метода и средства, обеспечивающего реализацию этического процесса и выступающего его предпосылкой и необходимым условием. Привычные понятия, бывшие еще в недалеком прошлом для нас аксиомами, уже утрачивают свой сакральный смысл и превращаются в нечто иное – более пустое и развлекательное. Современное общество, испытывает на себе власть образа, оно является обществом, придающим большее значение изображению реальности, чем самой реальности. Кроме того,

сама реальность постепенно становится видимостью и игрой, приобретая более «слабый» характер в метафизическом смысле и обретая статус симулякра. Это ослабление реальности объясняется также тем, что современный человек ощущает себя находящимся на развалинах прежней культуры, рухнувшей под ударами неклассической философии (марксизма, фрейдизма и ницшеанства) и ставшей материалом для практики постмодернистской деконструкции, ставящей под сомнение все прежние идеалы и «святости». Предполагается, что в современной культуре произошла замена реального знаками реального, симулякрами (от лат. *simulacrum* – образ, подобие). Возник мир моделей и симулякров, никак не соотносимых с реальностью, но воспринимаемых как нечто более реальное, чем сама реальность. Этот мир, опирающийся лишь на самого себя, а не на реальность, Ж. Бодрийяр назвал гиперреальностью. Постмодерн – это глобализм, либерализм, формирование однополярного мира, главенство сетей, отмена всех традиционных форм идентичности – государств, религий, наций, этносов, даже семей и полов. Вместо государства приходит «открытое общество», вместо традиционных конфессий – сектанство и индифферентность, вместо народов – индивидуумы, вместо полов – продукты трансгендерных операций. Мировоззрение постмодерна предлагает человеку стать актером, который будет играть по принципам неподлинной реальности. Теряя личностные характеристики, прячась за маской, неким образом он будет играть в жизнь, в семью, в общественные отношения, в чувства. В сфере образования постмодерн объявляет, что принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования разума и самой личности в целом, устаревает и выходит из употребления. Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным. Важно не то, что человек знает, а то – как он это знание презентует; важно не то, что сказать, а то как сказать. Университеты и институты высшего образования подчиняются теперь требованию формирования компетенций, а не идеалов. Но данное образование создает выродившуюся культуру, в основе которой лежит выродившаяся жизнь; формируется душа расколотая, духовно-бессильная, беспочвенная, отвергающая все безусловное и окончательное. Иерархическая система ценностей отсутствует, а релятивизм проникает во все сферы бытия. Каждая из ценностей признается одинаково значимой, размываются границы между понятиями добра и зла. Но если человечество пере-

стает различать добро и зло, то очень скоро оно само себя разрушит, потому что зло – культура зла, культура смерти – нежизнеспособно. Добро и зло – морально-этические категории, имеющие в религиозном сознании и в религиозной философии решающее значение. На наш взгляд возвращение к корням национальной философии и национального самосознания помогло бы в решении многих насущных проблем. Или в любом случае, дало бы смысловые ориентиры. То, что на языке политико-экономической реальности называется ускоренной модернизацией, мощным экономическим ростом, на духовно-метафизическом языке называется воскресением России. Эта задача, насущность которой все более осознается обществом. Но помимо материальной заинтересованности в принятии на себя обязательств, необходима и духовная заинтересованность. Для человека необходима сверхзадача как фактор мотивации к принятию на себя и исполнению долга. Однако если сверхзадача принципиально выполняема в этом мире (догнать и перегнать Америку по производству автомобилей и кока-колы), то рано или поздно наступит кризис ценностей что мы собственно сегодня и наблюдаем. Таким образом, сверхзадача должна апеллировать к сверхъестественным силам, к вечной и абсолютной истине, и должна находиться за пределами материального мира, т.е. быть производной от религии. Так же и человек должен рассматриваться не как индивид, атом, индивидуальность, а прежде всего как личность, образ и подобие Бога. Человек может иметь яркую индивидуальность, но не быть личностью. Личность предполагает существование сверхличного бытия. Если нет ничего выше личности, то нет и самой личности, так как личность лишается своего ценностного содержания, которое непременно связано с трансцендентным. Русская религиозная философия и культура указывает также, что личность есть категория духовная, а не натуралистическая. Частные науки могут, конечно, исследовать человека в качестве тела – в физиологии, в качестве общественного существа – в социологии, души – в психологии, они могут (и исследуют) отдельные стороны человеческого бытия, но не его целостность. И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев утверждали, что величие человека – не в качестве биологического организма или социального существа, а именно как личности. Личность – это работа духа над телесным и душевным составом человека. Личность – это цельность человека. Цельность, с точки зрения постмодернистов, лишь мешает развитию

“меновых практик” [4, с. 72]. Но за этим внешним “рыночным” рационализмом скрывается рационализм иного типа – рационализм скрытого Большого субъекта, стремящегося к раздробленности национальных культурных и экономических капиталов, чтобы без труда погубить или поглотить их. Именно ему глобалисты-постмодернисты оставляют право ставить долговременные цели существования. “Малые субъекты” не могут интересоваться большим будущим, а потому лишаются функции накопления, обращенного в отдаленные временные периоды. Вместо цельности культуры возникает “цельность” варвара [там же].

В качестве одной из ценностей в аксиологии русской культуры всегда выступал феномен дарения. Это, безусловно, базисная ценность русской семьи, а, следовательно, и государства. Современное общество постмодерна в значительной степени выхолащивает содержание ценности дарения. В сознании большинства она превращается в своего рода симулякр, сублимирующий стремление к выгоде, пользе, прибыли. Но все виды активности, относящиеся к формированию человека и «человеческого капитала» очень четко вписываются именно в архетип дара и дарения. Брак, семья, воспитание детей, обращение к учащейся молодежи, отношения к престарелым, инвестиции в будущие поколения – все это превращается в пагубную профанацию, как только утрачивает соотнесенность с парадигматикой дарения. Современные девизы легко узнаваемы – «не тормози, сникерсни!», «бери от жизни все, не дай себе засохнуть!»... Там нет и намека на жертвенность, аскетизм, соучастие и сострадание. А ведь смысл индивидуального существования в России виделся не в устроении собственного материального благополучия, хотя естественное стремление к нему не отвергалось, но, прежде всего в спасении души, в памяти о жизни вечной, которая последует после временной земной, в приоритете духовных ценностей перед остальными.

Список литературы

1. Августин Блаженный. О Граде Божием. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 1296 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург, 1998. 160 с.
3. Нарочницкая Н. Споры вокруг Византии. Российская газета, № 26, 2008.
4. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., Алгоритм, 2002. 496 с.
5. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 560 с.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В СУБКУЛЬТУРЕ ДЕТСТВА

Суворкина Е.Н.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
г. Рязань, Россия

В статье анализируется феномен времени в субкультуре детства. Указывается, что существование трех форм времени – прошлого, настоящего и будущего – усложняется субъективностью второго. Кроме того, рассмотрена возможность бытия членов детского сообщества без учета времени с позиции эпистемологии.

Ключевые слова: субкультура детства, детство, игра, время, вневременность, эпистемология, теория познания, истина.

THE CATEGORY OF TIME IN THE SUBCULTURE OF CHILDHOOD

Suvorkina E.N.

Ryazan State University named after S.A. Esenin, Ryazan, Russia

In the article is analyzed the phenomenon of time in the subculture of childhood. In the article is showed that existence at three forms of time – the past, the present and the future – is complicated the subjectivity of second. Besides, is examined the possibility being members of childhood's community without registration time at position of epistemology.

Keywords: subculture of childhood, childhood, play, time, out time, epistemology, theory of cognition, truth.

Категории пространства и времени являются одними из важнейших, как в мироустройстве отдельного человека, так человечества в целом. Данный факт не теряет своей актуальности на всем протяжении развития человеческого рода. В свою очередь потребность в «овеществлении» этих понятий инициировала череду открытий, свя-

занных, в частности, с их измерением (изобретение календаря, часов и пр.).

В настоящем исследовании наша цель состоит в анализе феномена времени в рамках такого социокультурного образования как субкультура детства.

Обратимся к определению этих указанных дефиниций.

В.В. Абраменкова определяет субкультуру детства как «все, что создано человеческим обществом для детей и детьми» (в широком смысле) и как «смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в детских сообществах в той или иной конкретно-исторической социальной ситуации развития» (в узком значении понятия) [1, с. 109].

И.С. Кон, в целом говоря о мире детства, подчеркивал, что его важно изучать «не только как продукт социализации и научения со стороны взрослых, но и как автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями» [3, с. 63].

Соответственно, субкультура детства – это особый мир детей, конструируемый ими и находящийся на положении автономии по отношению к миру взрослых ввиду наличия комплекса определенных традиций, правил, норм, общих интересов, ценностей, имеющих примерно равную значимость для большинства членов данного сообщества, но не востребованных и не приемлемых старшим поколением. Картина мира детей и взрослых различны, что обуславливает отличное восприятие и интерпретацию одних и тех же явлений, суждений, понятий, категорий.

В настоящее время в «мире взрослых» принято следующее определение категории времени, как одного из множества. Так, согласно «Философскому энциклопедическому словарю», время – это «атрибут, всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире» [6, с. 94]. Автор энциклопедической статьи С.Т. Мелюхин указывает в рамках диалектико-материалистической концепции на то, что время одномерно, ассиметрично, необратимо, однонаправленно (изменения осуществляются от прошлого к будущему через настоящее); кроме того, как он свидетельствует, «время объективно и независимо от человеческого сознания» [6, с. 94].

Данная интерпретация лежит в основе концепции В.В. Абраменковой, которая рассматривает систему отношений ребенка («плоскости отношений»): «ребенок – ребенок» (горизонтальная плоскость), «ребенок – взрослый» (наклонная плоскость), «ребенок – окружающая среда» (панорамная плоскость), «ребенок – Творец» (вертикальная плоскость), «ребенок – информационная плоскость» (экранная плоскость) в трех временных формах – прошлом, настоящем и будущем [2, с. 5–6].

Но предложенная интерпретация времени в условиях субкультуры детства, с нашей точки зрения, требует уточнения и дополнения.

В лексикографической статье С.Т. Мелюхина подчеркивается, что время объективно, но нельзя отрицать того факта, что для каждого человека оно обладает и разной длительностью, то есть для кого-то оно «тянется», а для кого-то «бежит». Соответственно, можно говорить о том, что время также субъективно, что определяется характером ощущений отдельного индивида. Следовательно, существование трех форм времени – прошлого, настоящего и будущего – усложняется субъективностью второго.

В субкультуре детства время оказывается непосредственно включенным в игровую деятельность. Так, в сюжетно-ролевых играх дети могут создавать аналогичные жизненным эпизодам ситуации с учетом временного цикла. Как правило, это утро–день–вечер–ночь или день–ночь. То есть, играя, в частности, в дочки–матери, девочки знают о необходимости кормления «дочки» утром, совместной прогулки днем, обеда и послеобеденного сна, второй прогулки с «дочкой», ужина и ночного сна.

Интересен анализ времени в играх, в которых необходимо стать неподвижным, замереть на какое-то время. Например, в момент произнесения заклинательной конструкции «Я в домике!». В этом случае ребенок на некоторое время становится во внеигровую позицию, его не могут посалить, в частности. То есть он оказывается вне игры, вне действия, внеигрового пространства и времени.

Но можно ли в целом говорить о вневременности для субкультуры детства?

В эпистемологии, как теории познания, основанной на идеях Декарта и Ньютона, как указывает Л.А. Микешина, «вневременность, внеисторичность принимались как условия истинности и преодоления релятивизма. <...> Соответственно, рассмотрение чувственного и ло-

гического познания, категорий субъекта и объекта, природы истины и других проблем осуществлялось в теории познания, как правило, без учета времени» [4, с. 391].

В субкультуре детства важнейшей деятельностью является игровая. Примечательно, что при общей увлеченности ею дети не замечают времени, голода, жары. Из этого состояния их может вывести вмешательство взрослого или некое событие, не определенное ходом игры.

В свою очередь познавательная деятельность ребенка может быть также рассмотрена в рамках указанной теории познания без учета времени.

Его интересуют вопросы «Как?», «Почему?», обусловленные стремлением достижения знания о чем-либо. Ребенок не успокоится с вопросами по интересующему его предмету до тех пор, пока не получит соответствующую информацию в полном объеме, и которая, по его мнению, будет действительно правильной, истинной, отражающей реальный аспект проблемы.

Вопрос истины в эпистемологии является очень важным, его интерпретация эволюционировала во времени. Но позиция ребенка в большей степени соотносится, по нашему мнению, с классической концепцией Аристотеля, согласно которой истинность выражается в тождестве суждений о действительности с самой действительностью, то есть познание, истина понимается как отражение реальности.

Но отметим, что картина мира ребенка и взрослого отличаются, соответственно, восприятие реальности может быть также различным в силу несовпадающего акцентирования ими на определенных предметах, явлениях, их свойствах, признаках. Следовательно, утверждение взрослого о чем-либо может не совпадать с аристотелевской интерпретацией истины, которую принимает ребенок. Неидентичность картин мира; концепций, в рамках которых ребенку сообщается знание – истина (для ребенка – аристотелевская, для взрослого – любая другая); в определении доминирующих вопросов – все это затрудняет диалог ребенка и взрослого в познавательной деятельности, но не становится препятствием. Ребенок продолжит поиск ответов на вопросы.

Необходимо заметить, что в своем ответе взрослый сообщает адаптированную информацию, оставляя лишь один доминирующий момент, опуская целые системы, сопряженных с ним сведений, в частности, временного характера. Взрослый может не говорить о времени

ребенку, соответственно, у него не будет формироваться представление о нем. Вместе с тем, даже если он получает сведения о времени, ребенок может воспринимать их как не заслуживающие внимание, поскольку прямого воздействия время на ребенка не оказывает, оно не влияет на него (с точки зрения ребенка).

Если другую категорию – пространство он может приблизительно представить на примере освоенной им территории дома, неосвоенной территории за порогом. Кроме того, непосредственно в субкультуре детства есть система запретных мест, образующих в целом некое табуированное взрослыми пространство, которое дети со страхом и удовольствием посещают. Примечательно, что совершение подобных путешествий выступает аналогом обряда инициации. Эта проблема хорошо изучена М.В. Осориной на примере посещения детьми таких мест как: свалки, чердаки, подвалы и пр. [5, с. 97–125].

Если проводить параллель со временем, то в целом как таковое ребенок его не представляет, ограничиваясь лишь знанием о смене дня и ночи, времен года и т.д. По аналогии со «страшными» местами есть, в принципе, «страшное» время – ночь. Но здесь вернее было бы сказать, что инициация, испытание, проводится не самой ночью, а темнотой, категорией иного характера, связанной не обязательно со временем. Инициация может совершаться днем, но в темном помещении.

То есть ребенок не видит свою связь со временем, не воспринимает обусловленность им каких-либо происходящих событий, для его понимания это очень сложная категория. Нужно заметить, что для ребенка достаточно тяжело научиться позже называть время по часам в рамках 24 часового измерения суток, поскольку трудно соотнести и обозначить 4 за 16 (16 часов вечера), определить половину, треть, четверть часа.

Таким образом, категория времени в субкультуре детства является важной, но вместе с тем неоднозначно воспринимаемой ребенком, сложной, противоречивой в его интерпретации категорий. Отношения ребенка развиваются в трех временных формах – прошлом, настоящем и будущем, но усложняются субъективностью восприятия второго. В субкультуре детства время оказывается непосредственно включенным в игровую деятельность. С другой стороны для нее характерна вневременность, существование без учета времени (познавательная деятельность; вневременная позиция в игре и пр.).

Список литературы

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства. М.: ПЕР СЭ, 2008. 431 с.
2. Абраменкова В.В. Социальная психология детства в контексте развития отношений ребенка в мире // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 3–16.
3. Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.
4. Микешина Л.А. Философия науки. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ИД МУ, 2006. 440 с.
5. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. Изд. 5-е. СПб.: Питер, 2010. 368 с. (Сам себе психолог).
6. Философский энциклопедический словарь / [Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев [и др.]. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ И ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИИ

Суслова Р.А.

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

В статье анализируется характер современной глобальной цивилизации. Оцениваются новые вызовы, которые встают перед человечеством в современном мире с развитием научно-технического прогресса. Дается обзор существующих философских и культурологических определений современной эпохи, вводится понятие «суицидальная цивилизация».

Ключевые слова: общество; глобализация; технократизм; постиндустриализм; постмодерн; десакрализованная цивилизация; кризис.

MODERN CIVILIZATION: TYPOLOGICAL LINES AND TERMINOLOGY PROBLEM

Suslova R.A.

Kazan national research technological university, Kazan, Russia

In article character of a modern global civilization is analyzed. New calls which rise before mankind in the modern world with development of scientific and technical progress are estimated. The review of existing philosophical and culturological definitions of a modern era is given, the concept «suicide civilization» is entered.

Keywords: society; globalization; tekhnokratizm; post-industrialism; post-modern; not the sacred civilization; crisis.

Проблема терминологии для определения современности возникла еще в начале XX века, когда понятия модернизм, авангардизм, футуризм довольно быстро перекочевали из сферы художественной в сферу философии и общественного сознания. Ощущение разрыва с традици-

ей классической культуры, а еще более с христианскими основами европейской цивилизации стало центральной идеей первой половины XX века, породившей философию и мировоззрение кризиса европейской культуры. Осмысление этого состояния пронизывает философию эпохи: О. Шпенглер пишет о смерти европейской культуры и наступлении цивилизации, А. Тойнби – о кризисе западного христианства, Й. Хейзинга – о разложении культуры, Э. Гуссерль – о кризисе европейского человечества, А. Швейцер о кризисе европейского мировоззрения, М. Вебер – о конфликте современной науки, К. Ясперс – о трагической духовной ситуации эпохи, Х. Ортега-и-Гассет – о «человеке массы», Р. Гвардини – о конце человека Нового времени, Э. Мунье – о кризисе героического индивидуализма, Г. Маркузе – об «одномерном человеке», Э. Фром – о «манипулятивном интеллекте». При множестве подходов к решению проблемы кризиса все мыслители указывают на одну главную особенность эпохи – утерю высших, религиозных, духовных ценностей, когда они размышляли о приближении человека, свободно от культурного наследия, «грядущего Хама», «нового варвара» [7].

Конец XX – начало XXI века отмечен философскими, социологическими и культурологическими поисками иного рода. Современный мир, по мысли Ж. Бодрийяра, – это мир, прошедший три мировые войны: Первую, Вторую и холодную [2]. Определяющей чертой современности является глобализация, которая при помощи СМИ и компьютерных технологий, а еще ранее силами транс-национальных корпораций создали совершенно новое в истории человечества культурное пространство. Это пространство дарит человеку невиданную доселе свободу и ощущение себя «человеком мира». Но та степень свободы, которую несет с собой глобальный мир, лишь на первый взгляд кажется благоприобретением, т.к. оборотной стороной этого процесса является утверждение и насаждение во всем мире культурной модели либерального общества, с присущими ему ценностями – индивидуализм, прагматизм, секулярность. В результате происходит культурный конфликт разных типов цивилизаций, размывание национально-культурной идентичности и утрата культурной самобытности. При этом страдает и западная культура, т.к. при нарастании доли мигрантов происходит трансформация национальных обществ, государство отказывается от части своих социальных обязательств, в обществе размывается чувство солидарности граждан.

Пока дело касается сферы быта или досуга, потребления или даже языка, проблема глобализации не выглядит катастрофической. Угрожающей она становится, когда затрагивает сферу религии, т.к. конфликт ценностей (в первую очередь религиозных) для традиционного общества не может быть разрешен безболезненно и мирно. Ценности западного мира способны вызвать противостояние и ожесточенный конфликт, самым ярким примером которого стало 11 сентября 2001 г. В этом, по мнению Ж. Бодрийяра, коренится дух терроризма: «От одной войны к другой, мир все больше приближался к установлению единого порядка. Сегодня, возможно, этот порядок близок к своему концу, что выражается в столкновении антагонистических сил, рассеянных по всему миру, выражается во всех современных конвульсиях. Налицо фрактальная война всех ячеек, всех единичностей, которые восстают по принципу антител ...сам мир сопротивляется глобализации» [Цит. по: 8].

Параллельно с глобализацией развивается неразрывно с ней связанная еще одна тенденция современного мира – технократизм. Вторая половина XX века, отмеченная открытием атомной энергии, выходом в космос, автоматизацией производства, созданием компьютера, открытием молекулы ДНК и возникновением генной инженерии, стала временем радикальных преобразований не только материальной культуры, но и системы ценностей современного человечества. Именно научно-технические достижения современности становятся главным критерием для философско-исторического определения современного этапа истории. Речь идет о таких понятиях как информационное и постиндустриальное общество, которые дополняют эпитеты «общество третьей волны» или «сверхиндустриальная цивилизация» (О. Тоффлер), «научное общество» (М. Понятовский), «телематическое общество» (Д. Мартин), «технотронное общество» (З. Бжезинский).

У. Дайзард, анализируя современность, указывает на некоторые черты, выделенные исследователями: «Стремление выразить сущность нового информационного века вылилось в целый калейдоскоп определений. Дж. Лихтхайм говорит о постбуржуазном обществе, Р. Дарендорф – посткапиталистическом, А. Этциони – постмодернистском, К. Боулдинг – постцивилизационном, Г. Кан – постэкономическом, С. Алстром – постпротестантском, Р.Сейденберг – постисторическом, Р. Барнет вносит в этот калейдоскоп прагматическую нотку, предлагая термин «постнефтяное общество». Большинство этих эпитетов восхо-

дят к понятию «постиндустриальное общество», популяризованному гарвардским социологом Д. Беллом» [3, с. 343–344].

Перестройка не только экономики, но и образа жизни, и системы ценностей, связанные с новой ролью техники может называться властью техники, технократизмом, а может называться и технототалитаризмом. Современная культура создает множество вариантов антиутопий на эту тему в самых разных жанрах – от философии до кинематографа, но идея восстания машин не идет ни в какое сравнение с более вероятной и более трагичной перспективой контролируемого и манипулируемого общества, где люди тотально подчинены, либо подключены к глобальным электронным сетям. Футурологи называют новую модель человеческого существования «человеком Н+»: «Человечество-плюс» для преодоления основных психических и физических ограничений тела будет использовать определенный набор продвинутых технологий, таких как стволовые клетки, робототехника, лекарства для улучшения когнитивных функций» [4, с. 66]. Перспектива киборгизации человека не является фантастической на сегодняшний день, так же как не кажется маловероятной перспектива атомизации социума и перемещение людьми своей деятельности в он-лайн, что позволят информационные технологии, а виртуальная реальность станет более привлекательной, чем действительность. Возможно, что именно реальность, т.е. жизнь оф-лайн станет жизнью, за которую надо будет платить и которую смогут позволить себе только привилегированные члены общества. И в том и в другом случае мы рискуем получить общество, лишенное свободы выбора, где место морали занимают системы контроля, слежения и блокирования тех или иных человеческих действий. Стоит добавить сюда и перспективы генной инженерии, которые могут обернуться невиданными в истории человечества искушениями: от клонирования до создания армии рабов, доноров и универсальных солдат.

Современное состояние науки и общества – уникально: впервые в истории человечества научная мысль и технический прогресс опередили гуманитарный прогресс. Сегодня наука позволяет нам совершать действия, которым мы затрудняемся дать морально-этическую, философскую, гуманитарную оценку (будь то технологии создания трансгенной пищи или виртуальной реальности). Но главная опасность – крайняя уязвимость технократической цивилизации, ее зависимость от источников энергии, и ее системный характер, когда сбой в одном звене может привести к разрушению всей системы. Изменяется и роль чело-

века в этой системе: он больше не творит и не контролирует ее в целом. Он является потребителем, пользователем и продуктом этой технологической системы, без понимания ее конструкции, без знания принципов действия ее элементов, и главное, – без возможности влиять или менять создающуюся глобальную информационно-технологическую систему.

Человек в этой ситуации дезориентирован. Поэтому самой характерной особенностью современной цивилизации следует считать ее десакрализованный характер. Отказ от религиозного мировоззрения – долгий путь западной культуры в Новое и Новейшее время. Г. Рормозер называет современную эпоху «постхристианской» [6]. Но только сейчас, когда человек оказался перед новыми научными и социальными вызовами, утрата религии (т.е. утрата сакрального, системы координат, представлений о добре и зле, о предназначении человеку вечности), делает современного человека во первых – беспомощным при поиске ответов на вопросы экзистенциального порядка, а во вторых – лишает человека неприкосновенности со стороны научного вмешательства в его природу. Вот почему современные технологии (например, медицинские – будь то смена пола, использование стволовых клеток с целью омоложения, эвтаназия или методы ЭКО) могут в недалеком будущем изменить как природу человека, так и конфигурацию общества, его моральные нормы и систему запретов.

Современный человек отказывается от универсальности морали и моральных авторитетов, объективности знания и истины, избегает обобщения, отвергает любую идентичность (будь то национальная, культурная, религиозная, социальная или гендерная). Подобная дезориентация и отсутствие иерархии ценностей в современном мире вызвала и новое понятие, характеризующее современный мир как постмодерное общество. Постмодернизм, «блип-культура» (О. Тоффлер), «мозаичное общество» (З. Бауман), «фрагментарная культура», – все эти эпитеты подчеркивают важнейшую идею современного мира, который, по словам З. Баумана «...то и дело меняет центры притяжения и отличается предельной подвижностью своих связей и зависимостей... Для наших дней наиболее характерна внезапная популярность множественного числа... Сегодня мы живем проектами, а не Проектом» [1, с. 70–71].

Именно эта фрагментарность культуры и общества, которой так гордится постмодернизм, и которая причисляется к завоеваниям и приоритетам постиндустриального общества как проявление свободы, на

самом деле есть разложение общества, потеря его интегративного начала, утрата того смысла, который Аристотель вкладывал в выражение: «Человек – общественное животное». Социальная энтропия, социопатия, эскапизм – эти и подобные термины все в большей мере применимы к современному обществу, в котором в равной степени востребованы как наркотики, так и антидепрессанты.

Современная цивилизация порождает очень уязвимое общество, не способное к объединению перед угрозами разного рода – будь то междивизиационный конфликт или экологическая катастрофа. Все утопические проекты постиндустриального общества (а до появления альтернативного источника энергии – это не более чем проект), могут разбиться о более реальные и абсолютно актуальные проблемы физического выживания человека и сохранения среды его обитания, т.к. современная цивилизация потребления существует за счет истощения природных ресурсов.

Анализ понятий «постиндустриальное» или «постмодерное» общество вызывает глубокие сомнения в оптимистичных прогнозах, связанных с постиндустриальным проектом. Указанные выше черты позволяют предложить для характеристики современной эпохи понятие *«суицидальная цивилизация»*, которое можно кратко очертить следующими тезисами:

- усиление технократизма ведет к технототалитаризму, где человек выполняет роль функции (при всей иллюзорной свободе в интернете, пользователь находится в жестких, заданных и контролируемых условиях, будь то модерация или структура сайтов, где он ничего не может менять). Следствием этого становится шаблонность мышления, установка на получение информации, ее воспроизведение и трансляцию, а не на творчество, не на создание уникального, тем более – рукотворного;

- другим следствием технототалитаризма является деградация (энтропия) общества и одновременно концентрация власти над обществом замкнутой корпорацией тех, кто управляет технологиями и разрабатывает их;

- технократизм вызывает глобализацию, что чревато междивизиационными конфликтами;

- технократическое или информационное общество стремится к постиндустриальной модели, но это может вызвать небывалые социальные последствия. Ситуация эта, по мнению футурологов, может ре-

шаться кардинально – «сбросом» 9/10-х населения земли для процветания «золотого миллиарда» [5];

– современная цивилизация становится заложницей собственной экономической конструкции, которая в угоду коммерческим интересам сегодняшнего дня приносит в жертву экологическую безопасность и будущее самого человечества;

– технототалитаризм в перспективе может изменить биологию человека и сделать его продуктом генной инженерии либо элементом глобальной компьютерной сети. И в том и в другом случае мы рискуем получить манипулируемое, лишенное свободы выбора общество;

– технократическое общество порождает массовую культуру, тиражирующую стандартные, шаблонные образцы мировоззрения, ценностей, образов потребления, быта и досуга. Ее главное свойство – десакрализированный, профанный характер, делающий смыслом жизни само физическое существование и отрицающий высшие смыслы бытия. С культурологической точки зрения этот процесс следует трактовать как деградацию культуры.

Список литературы

1. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. М., 1995. № 4. С. 69–80.
2. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. М., 1994. № 3. С. 33–36.
3. Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 343–355.
4. Дедулина М.А. «Человечество плюс» и высокие технологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (8). Ч. 2. С. 65–68.
5. Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Современные тенденции мирового развития. М.: Либроком, 2009. 240 с.
6. Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. с нем. М.: ИФРАН, 1996. 298 с.
7. Сулова Р.А. Культура и антропологический кризис: современное понимание // Credo new. 2011. № 3. С. 201–205.
8. Уваров М.С. Постмодернистская цивилизация? // Цивилизация: Вызовы современности: сб. статей / под ред. М.С. Уварова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2009. С. 163–179.

СТРАТИФИКАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ МИФОВ

Тараненко Л.И.

Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт», Киев, Украина

В статье на основе ретроспективного анализа стратифицировано пространство результатов исследований мифов. Доказана адекватность структур научной картины результатов изучения мифов и вытекающей из нее парадигматической схемы соподчинения подходов, направлений и аспектов их исследований. Подчеркнута методологическая целесообразность подобной стратификации пространств результатов научного познания иных речевых феноменов и систематизации возникающих в процессах их исследования подходов, направлений и аспектов.

Ключевые слова: миф, мифология, результаты исследования, стратификация пространства, подход, направление, аспект.

SPACE STRATIFICATION OF THE RESULTS OF MYTHS STUDIES

Taranenko L.I.

National Technical University of Ukraine «Kyiv Polytechnic Institute»,
Kyiv, Ukraine

In the article on the basis of a retrospective analysis the author stratified the space of results of myths studies. It proves the adequacy of scientific picture structures representing the results of myths studies and the subsequent paradigmatic scheme of the subordination of approaches, direction and aspects of myths research. The author emphasizes the methodological feasibility of such a stratification of the results of scientific knowledge of other speech phenomena as well as systematization of approaches, directions and aspects occurring in the processes of their research.

Keywords: myth, mythology, the study results, space stratification, approach, direction, aspect.

Мифология как наука, развивающаяся на протяжении двух с половиною тысячелетий, накопила и продолжает активно увеличивать багаж уже существующего в ней широкоаспектного знания. И, тем не менее, до настоящего времени в ее рамках не синтезировано, как это справедливо отмечалось [10, с. 18], единой убедительной теории, поскольку созданию таковой должно предшествовать решение ряда не простых философско-методологических проблем. Одной из них в создавшейся ситуации является необходимость систематизации результатов мифологических исследований, отсутствие которой не только сдерживает создание единой теории, но даже не дает возможности трансформировать существующее научное знание в некий простой логически непротиворечивый элемент общеобразовательного знания.

Поэтому с учетом добытой предшественниками разноаспектной, порою, избыточной и противоречивой информации в нашей работе и была поставлена цель стратификации общего пространства идей, подходов, частных теорий, взглядов, мнений и фактов, накопленных в процессах исследований мифов.

Даже беглый нестрогий ретроспективный анализ позволяет убедиться в том, что собственно исследование мифов началось еще в античные времена. Так, например, в силу того, что устаревшие мифы требовали своего объяснения, еще Гесиод (VIII–VII века до н.э.) в «Теогонии» систематизирует отдельные мифы гомеровской эпохи и придает им нравственно-богословский колорит [5, с. 363]. В свою очередь, в поэзии Стесихора (VII–VI века до н.э.) и Пиндара (VI–V века до н.э.), в трагедиях Эсхила (525 до н.э. – 456 до н.э.) появляется рационалистическое и этическое толкование мифов. Впоследствии, занимаясь изучением мифов, Платон (V в. до н.э.) отмечал бесполезность их рационалистического толкования. Известно также, что перипатетики и стоики активно собирали и толковали мифы. При этом они использовали в основном два метода: либо шли путем произвольной этимологии, в результате которой сущность мифа выводилась из нарицательного значения имени божества (Гера – воздух, Деметра – хлеб и т.п.), либо объясняли происхождение богов обожествлением выдающихся, особо отличавшихся людей [5, с. 363]. На основе обобщения взглядов предыдущих мыслителей, Эвгемер (IV–III вв. до н.э.) стремился доказать, что в мифических образах обожествляются исторические деятели. С этим и связано известное понятие «эвгемерического» толкования мифов [13, с. 377].

Основы абстрактно-рационального анализа событийной стороны мифа впервые были заложены Аристотелем, рассматривавшим его как сюжет, повествующий об определенных событиях, и подчеркивающим его социо-нормативную функцию [10, с. 64–65]. Представляется, что эти два обстоятельства сыграли в дальнейшем значительную роль в развитии современной мифологии.

Вполне симптоматично, что в среде средневекового богословия тексты большинства мифов приравнивались к греховному заблуждению, в результате которого язычники сошли с пути истинного и извратили присущую человеку от его сотворения «истинную веру» [5, с. 364]. Попытки возвращения к научному трактованию мифов возрождаются лишь в конце средневековья. Это происходит в частности и благодаря работе Дж. Бокаччо «*De genealogia deorum gentilium*», рассматривавшей греческие и римские религию и мифы как заимствованные выдумки восточных жрецов [там же].

Закладывая философско-исторические основы понимания природы и сущности мифов, Дж. Вико (XVIII в.), как бы предвидя направления будущих исследований, высказывает свое мнение о том, что при учете своеобразия мифологического отражения действительности целесообразно использовать миф как своего рода исторический источник, для того, чтобы понять, каким образом определенным историческим лицам приписывались по законам мифа родовые качества и деяния, как формировались на реальной основе мифическая география и космография и т.д. [12, с. 96]. При этом он исходит из целесообразности поиска аналогии между своеобразием мифа и неразвитыми специфическими формами мышления, присущими детской психике (напр., конкретность, телесность, эмоциональность, проекция человеческих качеств на предметы окружающего мира) [13, с. 377].

Резкое изменение отношения к мифу возникает в эпоху просвещения, такие представители которой, как Вольтер, Б. Фонтенель, Дидро, Монтескье объявили миф продуктом невежества, обмана и суеверием [13, с. 378].

Переходной ступенью от просветительского взгляда на миф к романтическому принято считать концепцию Гердера, предложившего рассматривать его с точки зрения духа своего времени [9, с. 17; 11, с. 198]. Увлеченный естественностью, эмоциональностью, поэтичностью и национальным своеобразием мифов разных народов [9, с. 17],

он полагал, что носителем подлинного искусства является как раз не культивированный, но «естественный», близкий к природе человек – человек больших, не сдерживаемых рассудком страстей, пламенного и прирожденного, а не культивированного гения и рекомендовал в связи с этим обращаться к более ранним (молодым) периодам национальной истории, поскольку благодаря знанию ее можно приобщиться к наиболее мощному и чистому выражению духа нации [5, с. 365].

Возникшая на этой почве романтическая философия мифа, подготовленная работами Хр. Г. Гейне, К.Ф. Морица, научными и теоретико-литературными выступлениями братьев Шлегелей и других авторов и получившая, наконец, завершение в трудах Ф.В. Шеллинга, рассматривала миф как эстетический феномен, занимающий промежуточное положение между природой и искусством и содержащий символизацию природы [13, с. 378]. Важно здесь, пожалуй, то, что ее представители придавали значение мифу как прототипу художественного творчества, имеющему глубокое символическое значение, и реализовали первые попытки исторического подхода к его исследованию [9, с. 17].

В научной среде немецких романтиков (начало XIX в.), акцентировавших внимание на творческой художественной стороне мифа, благодаря трудам Шеллинга и братьев Гримм, зародилась мифологическая школа, представители которой видели в мифе отражение народного духа, одну из древнейших форм творчества [2]. Развитие осуществляемых ими исследований проводилось в двух направлениях: этимологическом (лингвистическая реконструкция мифа с помощью «палеолитической» методологии – А. Кун, М. Мюллер, Ф. Буслаев и др.) и сравнительном (сравнение схожих по содержанию мифов – В. Шварц, А. Афанасьев и др.) [7, с. 452]. Невзирая на то, что со временем указанные направления самоисчерпались, методология и теория мифологической школы способствовали активному изучению фольклора и заложили основы сравнительной мифологии, поставив перед фольклористикой ряд существенных теоретических проблем [6, с. 565–566].

В рамках существования мифологической школы возникла также относительно автономная солярно-метеорологическая теория Миллера [6, с. 565–566], представители которой, вслед за М. Мюллером, А. Куном и др., усматривали сущностное содержание мифа в толковании ветра, погоды, цвета неба и т.п. [9, с. 23]. Развитие этого направления завершилось формированием ряда частных весьма близких по своей

сути научных школ, названных впоследствии «натуралистической», «метеорологической» и «этимологической» [6, с. 565; 7, с. 452].

Важным моментов в конечном счете здесь является то, что во второй половине XIX в. уже имело место противостояние двух магистральных школ толкования мифа: 1) лингвистической, опиравшейся на достижения научного сравнительно-исторического языкознания (А. Кун, В. Шварц, М. Мюллер, Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня) и 2) антропологической (или эволюционистской) [13, с. 378; 6, с. 565–566], развивавшей свои идеи на основе сопоставления социально-культурных особенностей развития архаических племен с реалиями функционирования цивилизованных человеческих сообществ (Э. Тайлор, Э. Лэнг, Г. Спенсер и др.) [2].

Характерно при этом, что представители антропологической школы в качестве первых попыток осуществления сравнительной этнографии сводили сущность мифов к анимизму, к некоему представлению о душе, возникшего у дикаря из размышлений о смерти, снах, болезни [13, с. 378].

Этой концепции противостояла теория Дж. Фрезера о мифе как остаточном явлении ритуала [2], под влиянием которой и получила свое развитие кембриджская школа классической филологии (Д. Харрисон, А. Кук, Г. Марри, Ф.М. Корнфорд), доминировавшая (С. Хук, Т. Гестер) в 30–40 гг. XX в. [13, с. 378]. В сфере идей данной школы сформировались также мировоззрения русского филолога А.Н. Веселовского, создателя теории “бродячих сюжетов”, суть которой состояла в том, что принципиальное биологическое сходство функционирующих человеческих циклов приводит к сходству ритуалов у представителей различных этнических образований. Однако во второй половине XX века ритуалистическая школа, сыгравшая значительную роль в истории мифологии как науки, подверглась серьезной критике за ее крайний ритуализм (У. Баском, В.И. Гринуэй, К. Леви-Стросс) [2].

Относительно особенностей развития функциональной школы, в основу суждения представителей которой был положен тезис о том, что общество прошлого и общество настоящего всегда нуждаются в механизмах, объединяющих их в единое целое, имеет, пожалуй, смысл напомнить следующее. Основанная английским этнографом и социологом Б. Малиновским (1884–1942), эта школа рассматривала миф как некую священную силу, влияющую на судьбы мира и человека, и вы-

полняющую сугубо практические функции по поддержанию традиций и обеспечению непрерывности развития культуры этноса [2].

Несколько иным направлением исследований мифов характеризуется, возникшая на рубеже XIX–XX вв. во Франции социологическая школа (Д.Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль) [13, с. 378], в рамках которой мифология оценивалась как результат, выражающих социальную реальность коллективных представлений, которыми управляет закон сопричастности: между тотемической группой и страной света, страной света и мифическими животными и т.д. [2].

Параллельно с этим развивалась, сформированная немецким философом Э. Кассирером (1847–1945), символическая теория мифа, в понимании которого весь космос построен по единой модели и представлен в качестве оппозиции сакрального (священного) и профанного (эмпирического), а мифическое сознание является кодом, для раскрытия которого нужен ключ, поскольку в мифе конкретные предметы могут становиться знаком других предметов и явлений, т.е. символически их заменять [1, с. 867; 8, с. 57]. Вполне естественно при этом усматривать влияние его идей на попытки связать мифологию с бессознательным или аффективным началом, предпринятые Вундтом и так конструктивно развитые в несколько автономных аспектах З. Фрейдом и К. Юнгом [8, с. 58].

Похоже, что воистину мощный толчок развитию современных фольклористических и лингвистических исследований дала предложенная Аланом Дандесом (1934–2005) неопрейдистская концепция анализа мифов [14, с. 579]. Согласно этой концепции, мифы являются ни чем иным как проективными системами психики взрослых людей, базирующимися на архетипах, характеризующихся стабильной схожестью во всех этнических группах.

Не менее значимым представляется, имеющее место в наше время, активное развитие идей структуралистической теории мифа К. Леви-Стросса (1908–2009), вышедшего, как известно [13, с. 378], из французской социологической школы. Квинтэссенция его теории состоит в том, что, независимо от происхождения, все мифы имеют общую бинарную структуру построения, закономерность которого описывается математически в силу того, что взаимодействие противоположностей в мифах является отражением процесса мышления, одинакового для всех наций мира [14, с. 579].

Оставляя за рамками ретроспекции современные исследования мифов, отметим, прежде всего, то, что наиболее активное развитие изысканий в сфере мифологии охватывает теперь такие аспекты: этнографический, религиоведческий, структуралистический, культурологический, социокультурный, философский, исторический, семантический, парадигматический, суггестивный, психологический, психо-генетический, эстетический и т.п.

Теперь мы видим, что представленная выше картина результатов исследований мифов весьма исторически запутана и сложна для ее целостного восприятия. Это лишний раз свидетельствует, что назревшая необходимость решения проблемы систематизации подходов, направлений, а также аспектов исследования закономерностей и особенностей функционирования мифов как языкового феномена, имеющего место в социокультурных средах далекого прошлого и настоящего, очевидна. Трудности такой систематизации связаны, прежде всего, с тем, что ни в одной из известных нам работ, содержащих обзор доктрин, идей, теорий, концепций, подходов, методов и т.п., т.е. методологического инструментария, применяемого при исследовании мифов представителями широко разветвленных научных школ, не предложено четкой системы размежевания уже сформировавшихся в мифологии подходов, направлений и аспектов, осуществляемых в рамках ее научных поисков. Это вполне естественно, поскольку решению такой глобальной задачи должно в качестве первого шага предшествовать более или менее полное системное описание так называемой обобщенной картины результатов исследований мифов.

Возвратившись к проведенному выше условно-ретроспективному обзору, нетрудно убедиться, что, с одной стороны, существующее в мифологии знание можно рассматривать как бессистемную совокупность частных научных картин результатов исследований мифов. С другой – вполне очевидно, что смысловая насыщенность этого знания является достаточной для стратификации элементов пространства некой обобщенной картины исследований мифов.

Поэтому в результате системного анализа всех сложностей и потенциальных возможностей такой стратификации нами с использованием известной методологии украинского философа [4, с. 204–206] была синтезирована соответствующая модель, графическая интерпретация которой представлена на рис. 1.

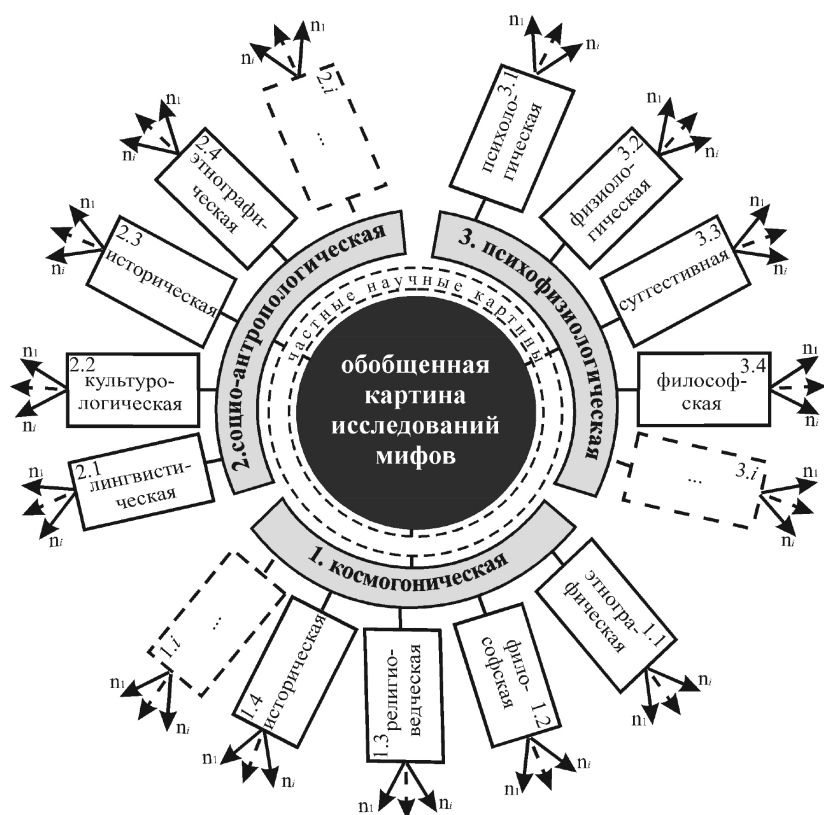

Рис. 1. Фрагмент модели стратификации пространства обобщенной картины исследований мифов

В основу дифференциации обобщенной картины исследований мифов на ее более конкретные частные научные картины нами была заложена идея отражения логики реального функционирования мифов в социуме. Эта логика предполагала, что в силу характерной особенности их функционирования, исследование мифов может осуществляться лишь в пространстве, ограниченном психофизиологическими особенностями человека, обеспечивающими восхождение его познания через социокультурную среду к космогоническим представлениям. Именно поэтому на модели указано, что обобщенная картина исследований мифов включа-

ет в себя три следующие частные научные картины: космогоническую, социо-антропологическую и психофизиологическую. Следует при этом отметить, что в зависимости от интенций исследователей реверсивный вектор познания может быть ориентирован равно как от космогонических представлений через социо-антропологические к психофизиологическим особенностям человека, так и в обратном направлении.

Излишне, пожалуй, дополнительно доказывать, что любой из упоминаемых в проведенном выше ретроспективном обзоре элементов добытого в мифологии знания, не может по определению существовать автономно за пределами трех дифференцированных на рис. 1 частных картин (элементов системы, обозначенных цифрами 1, 2, 3).

В то же время, имеет смысл напомнить, что в силу комплексной природы влияния факторов, обеспечивающих продуцирование и восприятие содержания мифов, а также его трансформации психическими сферами отправителей и адресантов, частные картины результатов исследований, расположенные на втором иерархическом уровне рассматриваемой системы (ее элементы: 1.1-1.i; 2.1-2.i; 3.1-3.i), могут и реально дублируются в пределах космогонической (1), социо-антропологической (2) и психофизиологической (3) картин. Не менее важно и то, что, во-первых, фрагменты научных представлений, из которых образуются элементы 1.1-1.i, 2.1-2.i и 3.1-3.i могут повторяться, а, во-вторых, порядок изучения веера образуемых ими альтернатив зачастую имеет произвольную реверсивную направленность, выбираемую исследователем. Образно говоря, логика последовательного познания любой совокупности фрагментов может брать свое начало от вектора (n) как исходного научного вопроса и развиваться с принятой исследователем степенью детализации в направлении вектора (ni), а также – реализоваться в обратном порядке.

Опираясь на результаты авторской ассоциативной рефлексии, основанной на парадигматической схеме соподчинения направлений и аспектов исследований в рамках функционального подхода, предложенной украинским филологом А.А. Калитой [3, с. 29], мы получаем возможность утверждать, что в мифологии имеет место три основных научных подхода: психофизиологический, социо-антропологический и космологический. В рамках любого из них реализуется альтернативное множество направлений исследований (например, историческое, культурологическое, психологическое и т.п.), характерной особенностью которых является их дублирование в объеме каждого из указанных под-

ходов. В свою очередь, любое направление исследований четко дифференцируется на конкретные аспекты рассмотрения мифа как объекта познания. При этом аспекты исследования зачастую имеют хаотическую направленность, обусловленную стремлением познающего заполнить в первом приближении пробелы в уже существующем знании с точки зрения одного из двух смежных направлений мифологических исследований. Поэтому чаще всего аспекты дефинируются сложными терминами, как например, социо-космогонический, антропо-космогонический, психо-антропологический, социо-физиологический и т.п. Кроме того, именно в названиях аспектов четко отражается причинно-следственная реверсивность природы процессов познания индивида, например: историко-лингвистический, лингво-исторический, психо-генетический, генетико-психологический, психо-прагматический, прагма-психологический аспекты и т.п. Такая их широкая вариативность является непосредственным следствием специфической природы отражения сознанием человека многообразия тесно связанных между собой проявлений окружающих его материального и духовного миров.

Резюмируя изложенное, отметим следующее. Во-первых, со всей определенностью, которую может внести логическое прогнозирование, следует предполагать, что наиболее эффективным путем поиска центрального звена обобщающей теории в мифологии в ее широком современном понимании целесообразно считать формирование системных представлений о мифе как фокусирующем элементе, лежащем в основе веера проблем когнитивного мышления индивида.

Во-вторых, факт адекватности структур обобщенной картины результатов исследований мифов и классификации подходов, направлений и аспектов их исследований, а также максимально возможное совпадение смыслододержательного и терминологического насыщения их элементов свидетельствует об эффективности использования обоснованной в данной работе методологии перехода от стратификации пространства результатов исследований иных речевых феноменов к систематизации соответствующих подходов, направлений и аспектов этих исследований.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Мифы // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. / Гл. ред. А.А. Сурков / Т. 4: Лакшин-Мураново. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 876–881.

2. Гекман Л.П. Мифология и фольклор Алтая: Учебное пособие для студентов вузов искусств и культуры. Барнаул: Изд-во АГИИК, 2000. 131 с. [Электронный ресурс]. – Источник ресурса: <http://www.altaiinter.info/project/culture/Mythology/Folklore/Myphology/myph01.htm#pre>
3. Калита А.А. Актуалізація емоційно-прагматичного потенціалу висловлення: Монографія. Тернопіль: підручники і посібники, 2007. 320 с.
4. Клименюк О.В. Технологія наукового дослідження: Авторський підручник. К.-Ніжин: ТОВ «Аспект-Поліграф», 2006. 308 с.
5. Литературная энциклопедия: В 11 т. / Гл. ред. Луначарский А.В.; ученый секретарь Михайлова Е.Н. Т. 7. М.: ОГИЗ РСФСР, Советская энциклопедия, 1934. 888 стб.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
7. Літературознавчий словник-довідник / За ред. Р.Т. Гром'як та кол., друге видання, виправлене, доповнене. К.: Видавничий центр «Академія», 2007. 386 с.
8. Мелетинский Е.М. Мифологические теории 20 в. на Западе // Культурология. XX век: Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.Я. Левит, Т. 2: М.-Я. СПб.: Университетская книга; Алетейя, 1998. С. 54–59.
9. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.
10. Найдыш В.М. Мифология: Учебное пособие. М.: КНОРУС, 2010. 432 с.
11. Процина Е.Г. Идеи Гердера о народной поэзии и их развитие в философии мифа у ранних немецких романтиков // Мировая культура XVII–XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили: Материалы Международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». Серия «Symposium». Вып. 26. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. 2002. С. 198–200.
12. Романовская Е.В. История, память и традиция в культурологии Дж. Вико. Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. статей по материалам конгресса / Отв. ред. Д.Л. Спивак. М.: Новый хронограф: Эйдос. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. 2009. С. 92–104.
13. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
14. Folklore: An Encyclopedia of Beliefs, Customs, Tales, Music, and Art / Ed. by Thomas A. Green. Santa Barbara, Denver, Oxford: ABC-CLIO, 1997. 892 p.

МЕТАМОРФОЗЫ МЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ МЕДИЦИНЫ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Шестерикова О.А., Галковская О.А.

Северо-Западный государственный медицинский университет
им. И.И. Мечникова, г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются проблемы медицинской этики как следствие процесса социализации медицины XVIII века. Указываются экономические и социальные причины социализации медицины, связанные с ростом городов на фоне изменения общей культурной ситуации. Современные проблемы медицинской этики представлены как продолжение тенденций эпохи становления госпитальной медицины.

Ключевые слова: медицинская этика, социализация, социализация медицины, социальная практика, медицинский дискурс, госпитальная медицина, информированное согласие, новоевропейская культура.

METAMORPHOSES OF MEDICAL ETHICS AND SOCIALIZATION OF MEDICINE: CULTUROLOGICAL ASPECTS

Shesterikova O.A., Galkovskaya O.A.

North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov,
Saint-Petersburg, Russia

The article analyses the problems of medical ethics as consequences of XVIII century medicine socialisation process. Economical and social grounds of medicine socialization are pointed out, the latter related to growth of cities with the background of general changes in cultural situation. Current problems of medical ethics are represented as a sequel to the tendencies of hospital medicine formation times.

Keywords: medical ethics, socialization, socialization of medicine, social policy, medical discourse, hospital medicine, informed consent, new European culture.

За время существования клинической медицины, т.е. с XVIII века до наших дней, медицинская этика претерпела ряд изменений, которые были продиктованы изменением культурной ситуации. В это время процесс социализации идет во всех формах культуры: возникают академии и институты, утверждающие структуру своего содержания и функционирования. Коренное изменение в отношениях «врач-пациент» следует отнести ко времени распространения госпитальной медицины, то есть с начала процесса ее социализации, когда медицина становится социальным институтом и социальной практикой.

Без госпитальных учреждений, поставляющих богатый практический и эмпирический материал, медицина не стала бы наукой, но в качестве платы потеряла пациента, получив взамен «клинический случай». Известно восклицание Филиппа Пинеля, опытного клинициста, известного более заслугами в области психиатрии: «Какой источник обучения – два медицинских пункта, рассчитанных на 100–150 больных каждый!.. Какой разнообразный спектакль лихорадок, злокачественных и доброкачественных воспалений, то развившихся в ясных проявлениях, то слабо выраженных и как бы латентных, во всех формах и модификациях, которые могут предложить возраст, образ жизни, времена года и более или менее выраженные болезни духа» [6, 138]. Кто остался больше обделен в результате изменения отношения врача к пациенту – пациент, не получивший достаточного внимания к своей болезни при утрате целостного восприятия врача, учитывающего обстоятельства его жизни, окружение, привычки, наследственность, характер и проч. или сама медицина, зачастую получавшая искаженную картину болезни по причине объективных недостатков госпитального лечения, включая оставляющие желать лучшего условия содержания больных – сказать затруднительно. Но способ функционирования первых госпитальных учреждений показывает эту дилемму – интересы больного или интересы науки.

Классический тип гиппократовой этики регламентировал отношения между врачом и пациентом принципом «не навреди», утверждая приоритет интересов пациента, но первые госпитальные учреждения предполагали использование пациентов в качестве эмпирического или учебного материала. В этом смысле показательно устройство Геттингенского родильного дома, одного из первых бесплатных государственных родовспомогательных учреждений. Тот факт, что роддом был частью университета, определяло его цель, не смотря на высокие

заявления о гуманистическом предназначении, необходимые для получения государственных дотаций. Этой настоящей целью было обеспечение студентов практикой, что диктовало и стиль родовспоможения и контингент рожениц. Роженицы чаще всего были незамужние, из достаточно низких социальных слоев – в подавляющем большинстве горничные или служанки, обращавшиеся в Геттингенский роддом для получения бесплатной помощи. Директор, занявший должность в 1792 году и пробывший в ней тридцать лет, Фридрих Беньямин Озиандер, открыто заявлял: «Это беременные женщины, будь то замужние или не замужние, находятся здесь ради нужд лечебного заведения» [8, с. 82], подчеркивая, таким образом, что Геттингенский родильный дом был учебным учреждением, а не благотворительным или лечебным.

Из сохранившихся записей Озиандера видно, как клинические случаи использовались в практической деятельности студентов. Кроме этого, сложные ситуации создавались искусственно, если была необходимость продемонстрировать мастерство профессора или дать возможность совершить студентам нужные манипуляции. Записи содержат информацию о том, что Озиандр ускорял или замедлял ход родов в зависимости от расписаний студентов и использовал хирургические инструменты (щипцы) для формирования практических навыков, а не по необходимости: «Родоразрешение совершено благополучно, ради упражнения – со щипцами» [8, с. 92–93]. Выбор способа родовспоможения диктовался исключительно приоритетами учебного заведения, зафиксированными также директором заведения: «И поскольку весь смысл данного института заключается в том, чтобы... учащиеся получали благоприятную возможность, наблюдая роды и собственноручно участвуя в них, становиться настоящими, полезными человечеству специалистами родовспомогательного дела и акушерками; далее в том, чтобы преподаватель имел возможность наглядно демонстрировать своим слушателям принципы родовспомогательного дела, то принимаемые в клинику беременные и рожаящие рассматриваются в качестве как бы живых муляжей, на которых (разумеется, всегда наиболее щадящим для здоровья и жизни их самих и ребенка образом) осуществляется все то, что можно предпринимать для пользы учащихся и акушеров и для облегчения родовой деятельности» [8, с. 97]. Как видно из приведенного текста, «облегчение родовой деятельности» замыкает список приоритетов данного учреждения. Очевидно, что здесь принцип «не

навреди» не является первостепенным, а всего лишь учитывается в спорных случаях использования тех или иных практик, направленных, как указывается, на «нужды учебного заведения».

В это время можно наблюдать слияние медицинского языка с ожидаемым диагнозом в пространстве болезни, симптом понимается как знак заболевания, ее визуальный образ. Совпадение «видеть и говорить», как называл этот феномен Фуко, или «совпадение симптома и знака», приводит к тому, что картина болезни является плодом медицинского дискурса, и все, что не попадает в область дискурсивности, не попадает во взгляд врача, то есть «не вписывается» в картину болезни – лишено внимания, а соответственно лечения. Дифференциальная диагностика работает таким образом, что сужение рамок для обрисовки наиболее четких контуров заболевания, является неизбежным, при этом неизбежным является игнорирование «несущественных» черт заболевания, если они не вписываются в уже сложенную картину. Картина получает легитимность от патологической анатомии, стремительно равнивающейся в этот период, ставит окончательную точку в понимании той или иной патологии. Но при многообразии собранных картин болезней, сопоставление «увиденного» с ожидаемой картиной анатомического вскрытия все более расходится, что приводит к осознанию недостаточности взгляда, который скользит на поверхности. В анатомическом зале внутреннее пространство пораженного органа доступно зрительному восприятию, но совершенно иная ситуация складывается у койки больного. Эта проблема приводит к развитию диагностических методов, освоение которых требует длительной практики, что возможно только в условиях госпиталя. Таким диагностическим методом становится стетоскопия.

Возникновение стетоскопии, по мнению немецкого исследователя Йенса Лахмунда, знаменует начало слушающей медицины, которое является сложным культурным процессом, «в ходе которого были совершенно по-новому определены взаимоотношения между медициной, пациентом и его телом» [1, с. 134–136]. По мнению Лахмунда, появление стетоскопа маркирует получение медициной авторитета и власти, и одновременно стимулирует их развитие ввиду властного поведения врача во время первичного осмотра, указывающего, что делать пациенту, как дышать и т.д. и сложности обучения методу, предполагающему многочисленные практические упражнения.

Процесс социализации медицины – это история движения от койки больного в клинику и одновременно – история получения медицинской властных полномочий по мере расширения медицинского опыта. Как пишет Б.Г. Соколов, «субъект, метод и властный контроль – это те характеристики, которые появляются еще на «заре» того культурно-исторического типа сознания, который мы называем новоевропейским. Но подобно динамике, которая проявляется в логике соотношения господина и раба, когда раб оказывается господином своего господина, властный контроль и метод, который призваны обеспечить достоверность и центральное положение субъекта, быстро подчиняют этого субъекта» [4, с. 167]. В данном случае, в процессе социализации, как субъект – исследователь, так и пациент, выступающий в роли объекта, теряют своё «опорное», центральное положение. Наделение субъекта властными полномочиями, при сохранении бинарных субъектно-объектных отношений, характерных для классической науки в целом, «размывают» его, сращивая с властными структурами.

До распространения госпитальной медицины, в области частной практики, диагноз ставился на основе расспроса больного и, как уже отмечалось, на основе «взгляда врача», то есть, с опорой на зримые симптомы. При этом Йенс Лахмунд отмечает «примат дискурса пациента», согласно приведенной Лахмундом инструкции для врачей частной практики, пациент говорил «в своей собственной манере» при этом «во время рассказа врач должен был иметь радостное выражение лица, не пожимать плечами, не кривить лицо и не ходить в сомнении туда-суда». От начала контакта и постановки диагноза до исхода лечения, согласно традиции, берущей свое начало от этики Гиппократов, врач ориентировался на пациента, его самочувствие и настроение. В случае если «затянувшиеся расспросы раздражают пациента», следовало прервать общение и нанести повторный визит, с учетом, что возможна ситуация, когда «понадобятся несколько дней повторных расспросов» [1, с. 111]. «Примат дискурса пациента» маркировал наличие власти пациента над врачом, что имело и слабые стороны: ориентированность на пациента, окруженного домочадцами, которые платили врачу за лечение, могла подспудно мешать объективной постановке диагноза и не исключала психологическое давление на врача. Тем не менее, эта практика обеспечивала пациента полным вниманием.

В правилах биомедицинской этики, существующих с XX века, утверждается, что последнее слово в любых клинических случаях остается за пациентом за исключением ситуаций, когда пациент в силу состояния здоровья не способен принимать ответственные решения. Но если целью сегодняшних этических ориентиров является защита пациента от экспансии медицины и одновременно защита врача от общественных организаций, представляющих интересы пациента, то в XIX веке власть пациента являлась показателем низкого авторитета врача, которому приходилось конкурировать с имеющими обширные практики знахарями и шарлатанами.

История сохранила множество записей, показывающих карикатурное изображение врачей и недоверие к ним пациентов вплоть до XIX века. Например, Элизабет Монтегю жалуется на врачей в 1739 году: «Я проглотила столько лекарств, что сколько весит целый аптекарь, и не знаю, чем мне стало лучше, помимо того, что я стала более терпеливой и менее легковерной. Я научилась переносить мои недомогания и не полагаться на умение врачей в деле лечения. Я стараюсь пить большими глотками из чаши философии и быть мудрой, если не могу быть веселой, спокойной, когда не могу радоваться» [3, с. 64]. Рой Портер в статье «Взгляд пациента. История медицины «снизу»» приводит запись некоего Дадли Райдера: «Кузен Уоткинс пошел со мною к доктору Водсворту. Я спросил его, что он думает о холодной ванне и Танбридже, однако он проигнорировал эти вопросы, отделавшись поверхностным ответом, и прописал какие-то средства. Он сказал, что после того, как я его приму, он поговорит со мной о холодных ваннах, выкроив себе дополнительный гонорар» [3, с. 65]. Пациент пишет «какие-то средства» и его заботит «выкроенный», то есть не заслуженный гонорар, – все это говорит о пренебрежительном отношении к врачебным рекомендациям. Не менее показательным является запись в дневнике Горация Уолола: «Мой хирург хочет, чтобы я дышал свежим воздухом, ... но я настолько боюсь рецидива, что пока еще не дал согласия».

Совсем другая ситуация складывалась в госпиталях. Пациент находился в госпитале на «территории» медиков, без поддерживающих его домочадцев, подчинялся установленному распорядку заведения. Не могло быть и речи о беседах с больными по несколько дней, как это допускалось при необходимости в частной практике. Сбор анамнеза доверялся обычно ученикам и был кратким, поскольку уделялось

первостепенное внимание тому, что говорит о больном медицинское сообщество, а не он сам. Дискурс пациента постепенно оттеснялся научным медицинским языком, при этом полностью исключая пациента из обсуждения своего состояния.

Процесс социализации медицины видится закономерным в общем контексте социокультурной ситуации – скопление людей на относительно небольших территориях диктуют новые проблемы и, соответственно, требуют нового решения. Можно сказать, что эпоха Просвещения, а вслед за ней – XIX век – это время социальное, с постепенной утратой индивидуализации во всех формах культуры, время появления профессиональных сообществ и академий, необходимое вследствие «стягивания» эмпирических данных в единую систему. Соответственно этому, частные врачебные практики, теряют автономию, бытовавшую в эпоху Античности, Средневековья, Возрождения и начала Нового времени. Пространство медицинского дискурса теперь включает вопросы гигиенические, эпидемиологические; медицина занимается вакцинацией, диспансеризацией, статистикой рождаемости и смертности, утверждая за собой притязания на социальную деятельность.

Экспансия медицины во многом была неизбежна ввиду изменения общекультурной ситуации, скопления большого количества граждан и необходимости защиты их здоровья от эпидемий в результате антисанитарии больших городов. Ответственность за здоровье на социальном уровне стимулировало вторжение в частную жизнь, поскольку от здоровья одного зависело здоровье и благополучие многих. Причины подобных процессов следует искать в изменении экономической ситуации и перспективе роста промышленности. Как пишет Фуко, «государственную администрацию здравоохранения интересовало в те годы не тело трудящихся, но тело индивидов вообще, из союза которых образуется государство. Речь идет не о рабочей силе, но о силе государства, столкнувшегося как с экономическими, так и политическими конфликтами, противопоставлявшими государство его соседям. Для этой цели медицина должна совершенствовать и развивать рабочую силу» [7, с. 88]. Кроме того, медицине вменялась забота о среде обитания горожан. То, что от здоровья одного, чаще всего представителя бедной городской прослойки, зависело здоровье многих, под которыми понимались состоятельные горожане, сообщало медицине дополнительные полномочия. Не случайно первый обширный труд по гигиене, вышед-

ший в конце XIX века из-под пера Иоганна П.Франка, носил название «Система полной медицинской полиции» [2, с. 108].

Процесс распространения госпитальной медицины начинается с эпохи Нового времени и тот факт, что в это время, в отличие от Античности или Возрождения, мы не найдем какого-либо яркого этического учения, регулирующего отношения врача и пациента, является симптоматичным. Этические отношения ускользают от глаза исследователя, он сосредоточен на эмпирии и рациональном осмыслении собранных данных в противовес эмоциональному сопереживанию в страдании. Дальнейшее развитие медицины как науки и процесс ее социализации усиливают эту тенденцию вплоть до настоящего времени.

Утверждения, что генеалогически наша современность относится к Новому времени, что мы продолжаем, хотя бы отчасти жить в той же парадигме, не лишены основания, и сохранение и развитие медициной своих социальных функций подтверждают эту мысль. Продолжая заявленную в Новое время тенденцию, современная нам медицина также является социальной практикой, индивидуалистическим является только один ее аспект – отношения между врачом и больным в определенном незначительном фрагменте, который рискует исчезнуть с течением времени. Подобная тенденция позволяет современным исследователям определять фигуру врача как социальную функцию, необходимую в любом обществе и в любой культуре, а постепенную утрату пространства интимности, объединявшего врача и пациента в переживании страдания, связывать с утратой внимания к боли, ведь «именно боль и болезнь оказываются теми редутами, которыми фиксируется зона интимности» [5, с. 187], утраченная в процессе социализации.

XX век, век научных открытий и технологических достижений в различных областях человеческого знания и практики, в том числе в биологии и медицине, предлагает новый тип взаимоотношений врача с пациентом. Современная медицина, оснащенная технически и организованная по принципу клиник, становится все более похожей на заводской конвейер, теряя отчасти при этом человеческое лицо, что не может не сказаться на отношениях врача и пациента. Врач клиники не имеет возможности (а иногда и желания) на длительное и детальное изучение природы и условий возникновения заболевания конкретного пациента. От него требуется лишь максимально быстрое принятие решения и действие, при этом роль больного остается пассивной, несмотря на

признание положения об автономии личности, предполагающее осознанный выбор пациентом тех или иных врачебных манипуляций.

В современных клиниках господствует технический тип отношений «врач-пациент». Пассивная роль больного низводит его до положения механизма, требующего срочного ремонта. «Ремонт» идет по стандартным схемам, в которых своеобразие деталей, как правило, не учитывается. Конвейер, как некий обобщенный образ нашей культуры, охватывает практически все формы деятельности современного общества, в том числе и биомедицину. Технический тип отношений между врачом и пациентом оказывается более ущербным в моральном смысле, чем патернализм, господствующий в госпиталях XVIII–XIX веков, подразумевающий непрерываемый авторитет врача. Пациент госпиталя был исключен из процессов обсуждения своего состояния и принятия решений о необходимом лечении, но и ответственность за постановку правильного диагноза, выбор методов лечения и результат медицинских манипуляций брал на себя врач, а не больной. В условиях современных клиник при техническом типе отношений пациент все также исключен из процесса обсуждения своего состояния, поскольку врач ориентируется на данные объективных научных исследований, а мнение больного субъективно и ненаучно. При этом пациент вынужден подписывать информированное согласие, документ о том, что он полностью информирован о состоянии своего здоровья, выбранном методе лечения, возможных альтернативах и осложнениях, принимая на себя ответственность за результат лечения.

В настоящее время предпринимаются попытки изменить ситуацию, устранить перекося в отношениях врача и пациента при помощи возрождения и развития института семейного врача или врача общей практики. Попытка вернуть пациенту активную роль во взаимоотношениях с врачом, вновь рассматривать болезнь с учетом особенностей конкретного больного, его образа жизни, окружения, наследственности и т.д. в силу большого количества больных и чрезвычайной загруженности медиков представляется неосуществимой. Деятельность врачей часто вновь сводится к функциям посредников или диспетчеров, направляющих пациентов к врачам-специалистам, что приводит все к тому же техническому типу отношений «врач-пациент», который, как видно, берет начало в эпоху становления клинической медицины.

В силу общей тенденции институализации науки, введения практик, которые делали социальные учреждения необходимыми для диагно-

стики и исследований, обогащая пространство медицинского дискурса, можно утверждать неизбежность социализации медицины. Научные достижения и открытия наряду с проживанием в городе размыли традиционные константы человеческого существования, снимая необходимость общинного проживания и дав взамен скученность населения. Можно наблюдать постепенное нарастание обособленности человека новоевропейской культуры по социальным, экономическим и историческим причинам. Общекультурные изменения вызвали метаморфозы, которые претерпели отношения врача и пациента, и нашли свое продолжение в настоящее время.

Список литературы

1. Лакмунд Йенс. Изобретение слушающей медицины. К исторической социологии стетоскопии // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. Серия переводов Европейского университета в Санкт-Петербурге и Института истории Общества Макса Планка. СПб: Алтейя, 2008. С. 104–136.
2. Мейер-Штейнег Т. Медицина XVII–XIX веков. М.: Вузовская книга, 2007. 120 с.
3. Портер Рой. Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. Серия переводов Европейского университета в Санкт-Петербурге и Института истории Общества Макса Планка. СПб: Алтейя, 2008. С. 41–72.
4. Соколов Б.Г. Генезис истории. СПб: Алтейя, 2004. 372 с.
5. Соколов Е.Г., Соколов Б.Г. Мыслить (со) временность. I Блок. СПб: Издательство РХГА, 2011. С. 187.
6. Фуко М. Рождение клиники. Пер. с фр. М.: Академический Проект, 2010. 252 с.
7. Фуко М. Рождение социальной медицины. Мишель Фуко. Интеллектуалы и власть. Часть 3. Статьи и интервью. Пер. с фр. М., 2006. С. 79–106.
8. Шлюмбом Юрген. «Беременные находятся здесь для нужд учебного заведения» Родовспомогательная больница Геттингенского университета в середине XVIII – начале XIX века // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. Серия переводов Европейского университета в Санкт-Петербурге и Института истории Общества Макса Планка. СПб: Алтейя, 2008. С. 73–103.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕТИПА ГЕРОЯ В КОНСТРУИРОВАНИИ ИМИДЖА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОЛИТИКОВ

Шкурко Н.С.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Россия

В данной статье проанализированы культурно-исторические трансформации мифологемы героя в контексте отечественной политической культуры рубежа XX–XXI веков. Перенос востребованных электоратом качеств на архаическую основу защитника против сил хаоса и зла, позволяет политтехнологам создавать аттрактивные имиджи представителей власти. Автор полагает, что профессиональное использование архетипа героя затрагивает глубинные иррациональные пласты политического подсознания населения и обеспечивает устойчивые рейтинги Президенту РФ В.В. Путину, а в Якутии – главе республики Е.А. Борисову. Архетип трикстера работает на рост имиджей лидеров оппозиции.

Ключевые слова: архаическая основа, имидж политика, мифологическое сознание, архетип, средства массовой информации, культурный герой, «отец нации», трикстер, оппозиционер.

USE THE ARCHETYPE OF THE HERO IN THE CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF RUSSIAN POLITICIANS

Shkurko N.S.

North-Eastern Federal University after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia

There are analyzed the cultural and historical transformations of myth of the hero in the context of domestic political culture of the turn of XX–XXI centuries at this article. The transfer of the popular electorate leaders on archaic basis defender against the forces of chaos and evil, allows im-

age-makers and journalists create attractive images of the representatives of the authorities.

The author believes that the professional use of hero archetype touches deep irrational political formations of the subconscious of the population and provides stable ratings to Russian President V.V. Putin, and in Yakutia – the head of the regions G.A. Borisof. Archetype trickster increase of the images of opposition leaders.

Keywords: *archaic basis, image of a politician, mythological consciousness, archetype, media, culture hero, «father of the nation», the trickster, a member of the opposition.*

Кардинальные перемены в политическом самосознании россиян, жесткая конкуренция правящей и оппозиционных партий за голоса потенциальных избирателей доказали, что при отсутствии значимых достижений в реализации экономических и социальных программ, успех предвыборных кампаний и «долгожительство» политиков и глав регионов во многом определяется ярким имиджем политика, умело внедренным в массовое сознание населения. Российские избиратели традиционно голосуют не за профессионально написанные политические программы, но «сердцем», выбирая из кандидатов «своего», чей образ наиболее отвечает их запросам и надеждам.

Объект исследования – использование архетипов для конструирования аттрактивных имиджей политических лидеров. Ряд аспектов создания имиджа политического лидера на архаической основе раскрываются в работах Е.В. Егоровой-Гантман, С.Г. Кара-Мурза, М.Е. Кошeluk, Д.В. Ольшанского, Г.Г. Почепцова, А.М. Тулеева, В.М. Шепеля, Е.Б. Шестопал и др.

Так, В. М. Шепель трактует имидж как «индивидуальный облик или ореол, создаваемый СМИ, социальной группой или собственными усилиями личности в целях привлечения к себе внимания» [1, с. 22]. Д.М. Васильковская имидж политика характеризует как искусственно созданный конструкт, действующий в сфере виртуальной политической реальности и влияющий на предпочтения и мотивацию электората. А авторской трактовке имидж представляет собой глубоко и эмоционально окрашенное отношение электоральных групп к политику.

При разработке имиджа политического лидера используется политический перформанс, обеспечивающей инсталляцию востребованных

электоратом качеств на архаическую основу (герой, мудрец, правитель). Пакет перформансов и воспоминаний о них формирует имиджевую легенду – информационную базу рекламной кампании и PR-деятельности. Компонентами имиджевой легенды выступают биография и обзор политической платформы (что данный кандидат собирается сделать для России и конкретных избирателей).

Далее работа по формированию имиджа политического лидера в массовом сознании строится по переводу абстрактного проекта имиджа в адекватную каналам СМК и их аудиториям эмоционально-образную форму и трансляцию по каналам СМК с минимальными искажениями.

Излюбленным орудием политтехнологов и имиджмейкеров в создании «легенды» политического деятеля выступает архетип – способ связи образов, переходящих из поколения в поколение и позволяющих личности погружаться в миф. Архетипы лежат в основе творчества и делают возможным взаимосвязь различных эпох развития и взаимопонимание людей.

Архетип Героя – один из вариантов ритуализированного политического общения – позволяет в условиях предвыборной кампании мотивировать потенциального избирателя к совершению голосования за конкретного кандидата. Использование архетипа Героя для «героизации» имиджа конкретного политика позволяет построить агитационную биографию и презентовать кандидата как уникальную, харизматичную личность, истинного пассионария, готового к подвигам на благо нации.

Героизация личности кандидата осуществляется следующими способами:

- Акцентируется или приписывается выполнение социально значимых действий (учитель в третьем поколении..., боевой офицер, служивший в «горячих точках»);
- Придание уникальности деятельности кандидата, отмеченной наградами или признанием в профессиональных кругах (разработала уникальную технологию возрождения тундровых экосистем..., заложил основы суверенитета республики, создатель региональной научной школы);
- Наличие опекаемых и защищаемых (в агитационных текстах в этом статусе выступают: дети, пенсионеры, инвалиды, представители коренных малочисленных народов Севера);

- Созидательная деятельность кандидата разворачивается на фоне хаоса, правового беспредела, разрухи, материальной неустроенности и др.;
- Характерная черта Героя – наличие врагов-антагонистов, чьи профессиональные и человеческие качества находятся в бинарной оппозиции.
- Апелляция к национальным (этнокультурным ценностям). Рождение в трудовой семье, нравственная чистота (женат, имеет четырех сыновей, старший сын в многодетной семье колхозника), достойная жизнь – в агитационных текстах прослеживаются черты агиографического повествования.

Владимир Путин – бывший офицер КГБ – имеет в глазах российских избирателей репутацию руководителя, которому удалось восстановить порядок после потрясений ельцинской эпохи и развала Советского Союза. Он определяет себя как «государственника» и считает, что необходимо в стране восстановить порядок и эффективную экономику.

Политтехнологи в полной мере реализуют в СМИ архетип героя, полного сил и энергии: фотография с обнаженным торсом, восторженно принятая женским электоратом, погружение в подводной лодке, пилотирование истребителя, полет на дельтаплане. Президент РФ занимается в тренажерном зале, уверенно держится в седле, метко стреляет, мастерски катается на горных лыжах, поднимает со дна морского амфоры – это хорошая проработка архетипов (мифический герой также поднимается к высотам, спускался в глубины, побеждал хищников и спасал детей). Владимир Путин посещает семьи простых россиян, дарит детям из бедных семейств нарядные платья и компьютеры, трудоустраивает их безработных отцов, ест борщ с комбайнерами, общается с байкерами, выходит на татами с дзюдоистами, – т.е. демонстрирует свою близость электорату и понимание его радостей.

Он немногословен, ответственен, в отличие от своего престарелого предшественника сторонник ЗОЖ, посадил за решетку зарвавшихся олигархов, наказывает чиновников, посещает благотворительные концерты.

Архетип Героя – защитника интересов своей территории реализуется в возрождении статуса России в мире, в «умиротворении» Кавказа, в посещениях территорий, пострадавших от стихийных бедствий. За повышение роли России в мире и весомый вклад в международное сотрудничество Президенту России было присвоено звание «Человек

года». Имидж В. В. Путина как гаранта стабильности и «спасителя России» обеспечил его победы на трех президентских выборах.

Политическое лидерство в Республике Саха (Якутия) реализуется в условиях удаленности от федерального центра, экстремальности, алаасного менталитета (алаас – маленькая поляна с озером, окруженная тайгой, – северный вариант «родного хуторка»), этатизма и патернализма. Необходимость ускоренного социально-экономического развития территорий и построение продуктивных отношений с Президентом РФ и главами федеральных структур требует от местных руководителей гибкости, компетентности и оперативности в принятии нестандартных решений.

В этнических республиках статус Президента символически ставит регионального лидера почти вровень с главой государства [2, с. 17]. Так, в Якутии, где стоит вопрос о сохранении специфики региона, заключенного, – по мнению ряда политиков, ученых и общественных лидеров республики – в культуре титульного этноса, политические вопросы неизбежно сталкиваются с национальной составляющей, что накладывает определенную специфику трактовку политических образов в региональных СМИ.

Как полагает исследователь с Урала Н.Р. Балынская, этнокультурность выступает важным ресурсом в борьбе за социальные и политические права. [3, с. 211]. В «идеальном» случае при полностью контролируемых информационных потоках и консолидированной элите региональный лидер обретает классические «мифологические» характеристики творца нового мира и борца со злом. Так, эпоха М.Е.Николаева – первого Президента РС(Я), который уже 11 лет занимает пост сенатора – продолжает трактоваться региональными СМИ, как десятилетие «радикального обновления строительства новой демократической Якутии»; «расцвета науки, культуры и духовности республики»; поступательно-неуклонного дрейфа Якутии к «стабильности и благополучию» в рамках «циркумполярной цивилизации». Заслуга такого политического долгожительства – продуманное обращение к социальной памяти народа саха – сопоставление деятельности Первого Президента РС(Я) с Тыгыном [4, с. 25], могущественным вождем хангаласских якутов в долине Туймаада, После многочисленных побед над независимыми родами хангаласский князец стал тойоном межплеменного объединения якутов и заложил, – по мнению ряда региональных историков, – основы якутской государственности (первая четверть ХУП вв.).

Первый Президент Республики Саха (Якутия) Михаил Николаев также родился на хангаласской земле и, хотя политическую карьеру сделал в северных улусах, пройдя путь от молодого ветеринарного врача до главы региона, реализовал в полной мере надежды и мечты честолюбивых земляков о создании «алмазного эмирата». Ни в одном российском регионе в «лихие 90-е» не уделялось такого внимания вопросам образования (сеть Президентских школ), обучению студентов за границей, 25% доплатам сельским учителям, врачам, культработникам. Часть «алмазных» денег была вложена в развитие высшего образования, медицины, международные конференции и акции, направленные на популяризацию культуры титульной нации: конгрессы по шаманизму, варганной музыке и др.

Все решения М.Е. Николаева – умелое использование суверенитета в отношениях с федеральным центром, экономическое благоденствие, создание «алмазного эмирата», возрождение традиционной культуры народа саха, культ высшего образования, ЗОЖ и спорта, – подавались региональными СМИ как исторические деяния «отца-основателя», очередная победа в трудном деле соперничества-противостояния с федеральным центром во имя новой Якутии, высокообразованной и духовно богатой: «По характеру мысли, по значительности совершаемых дел, по устремленности в будущее он оправдал право быть Первым Президентом республики» [6, с. 57]. Уход М.Е. Николаева с поста Президента Республики Саха(Якутия) в 2001 году стал поводом для создания серии локальных политических мифов о Якутии «золотого века».

Народу саха – титульной нации Республики Саха (Якутия) – свойственен патриархальный тип политической культуры, компонентами которого выступают этатизм, патернализм, иерархичность, концентрация власти в одних «сильных» руках [5, с. 57]. Электорат Е. Борисова – население традиционно непромышленных улусов республики – ожидает от идущего на выборы в 2015 году Е.А. Борисова решений социальных проблем якутского села, так каждая пятая сельская семья официально живет ниже уровня бедности (долги фермерских хозяйств республики превышают их годовые доходы).

СМИ транслируют такие мифы о региональном лидере, как:

1. Глава региона – защитник своей земли – сильный, агрессивный при отстаивании ключевых решений, при этом образованный специалист для которого главное – конкретные дела.

2. «Всеприсутствие» главы региона в повседневной жизни республики. Выходец из простой сельской семьи, он прочно связан со своими избирателями через проведение выездных заседаний, прямых эфиров, работу общественных приемных, щедрое финансирование «малой родины», включая льготное строительство престижных учебных и медицинских учреждений, предоставление дополнительных квот для обучения за счет республики в центральных вузах и бюджетных мест в СВФУ.

Так, в своем родном селе Октемцы первый Президент Республики построил больницу, чье оборудование не уступает находящемуся в Национальном медицинском Центре, и политехнический лицей, ученики которого зимние каникулы проводят, занимаясь в научных школах Новосибирска и Подмоскovie, благоустроенного жилья для работающих в этих учреждениях специалистов. Егор Борисов инициировал открытие в 4 км от своего родного села института физической культуры и спорта федерального статуса (при функционирующем на базе СВФУ крупнейшем в ДВФО Институте физической культуры и спорта). XIX Спартакиада по национальным видам спорта «Игры Манчаары-2012» также была проведена в Чурапче, причем главным аргументом в пользу выбора места проведения стало не наличие соответствующей инфраструктуры, а факт отсутствия крупных спортивных соревнований за 27 лет и бывшие олимпийские победы чурапчинских борцов на олимпийских играх в 1972 (Мюнхен) и 1976 (Монреаль).

Глава региона разделяет беды и заботы своего электората: карает прощтрафившихся чиновников (так, только весной 2013 г. в РС(Я) были сняты за злоупотребление служебным положением министр профобразования РС(Я) Г.С. Куркутов и министр по молодежной политике и спорту А.Г. Подголов) облетает отдаленные территории, организует помощь при ликвидации стихийных бедствий (пожары, летняя засуха и наводнения). Его деяния транслируются в прайм-тайм региональным телевидением, занимают передовые полосы русско- и саха-язычной прессы.

Архаическим культурным героям, твердо ориентированным на сохранение мира и порядка, противостоит темная натура трикстера, разрушителя существующего миропорядка и создателя альтернативных путей развития. Архаический трикстер и его современный вариант – оппозиционный политик – лавируют в борьбе за выживание, нарушают существующие правила политических игр, переходят границы и вносят в стагнирующее общество дух авантюризма и перемен [8, с. 156].

Эпатажность, «откровенность» разоблачений политических врагов из противоположного лагеря, азарт, декларации об изменении мира волевыми способами выступают слагаемыми ярких имиджей типичных политических трикстеров – лидера российской ЛДПР В.В. Жириновского и лидера Якутского регионального отделения «Справедливой России» Ф.С. Тумусова.

С первого появления на политической арене глава ЛДПР России остается в оппозиции действующей власти. Критика деятельности Б.Н. Ельцина, расстрела Парламента, непопулярных законов, ухудшающих положение рядовых россиян, но принимаемых депутатами «партии власти» в Госдуме, позволили В.В. Жириновскому легко набрать политический вес, а харизматичность и умелый пиар превратили его в общественно значимую фигуру. Громко и эффектно разыгрываемая роль честного оппозиционера принесла ему седьмую строчку в топе «7 самых честных политиков» агентства РБК и третье место у пользователей Facebook (Иван Грозный, Алексей Навальный, Владимир Жириновский, Иосиф Сталин и Иван Охлобыстин).

Федот Тумусов – талантливый политический игрок регионального уровня, чей электорат составляют нижний слой среднего класса, низкоквалифицированные труженики из промышленных улусов и жители северных регионов. Он резко критикует партию власти и лично главу республики за «сдачу» природных богатств Якутии федеральным концернам, активно занимается политизацией экологических проблем, ратует за развитие заполярных территорий. Разрушая мифы якутских единорогов о грядущем процветании региона, чьи ресурсы теперь принадлежат megаконцернам, Тумусов действует как трикстер.

Имидж современного политического лидера, создаваемый с учетом особенностей информационного и социокультурного пространства пространства, имеет манипулятивный характер, усиливающийся благодаря применению «вечных» архетипов героя, трикстера, затрагивающих глубинные иррациональные пласты политического сознания и подсознания населения. Профессиональное использование архетипа героя обеспечивает устойчивые рейтинги В.В. Путину и главе РС(Я) Е.А. Борисову. Применение архетипа трикстера как разрушителя старого мировоззрения, борца с консервативными силами работает на рост имиджей лидеров оппозиции.

Список литературы

1. Шепель В.М. Имиджелогия. Как нравиться людям. URL: <http://evartist.narod.ru/text14/30.htm> (дата обращения 11.08.2011).
2. Лейченко О.Ф. Политическое лидерство в России на рубеже XX–XXI веков: Автореф. ... дисс. к.п.н. Владивосток: ДВФУ, 2010. 22 с.
3. Новиков А.Г. О менталитете саха. Якутск, изд-во АЦ, 1996. 146 с.
4. Балынская Н.Р. Специфика участия СМИ в политическом процессе современной России. Екатеринбург: УрАГС, 2009. 234 с.
5. Гоголев А.Е. Социальная история якутов в XVII – 50-х гг. XIX веков // Общество, право, личность в условиях российской колонизации. Якутск: СО РАН, 2004 С. 18–28.
6. Николаев М.Е. Власть. Общество. Доверие. Якутск: Бичик, 2009. 144 с.
7. Уххан И. Уххнсирэ: Игры «Манчаары-2012» пройдут в Чурапче // URL: <http://uhhan.ru/news/2009-06-25-1079> (обращение 28.09.2013).
8. Лубский Р.А. Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6 (16). С. 156–157.

КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Яковлева Л.А.

Тюменская государственная академия искусств, культуры
и социальных технологий, г. Тюмень, Россия

В статье рассматривается место культуры в структуре общественных отношений с позиции сторонников теории общественно-экономических формаций. Автор обращает внимание на возможность более глубокой интерпретации трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, которые в своих работах не исключали роль культуры в становлении гармоничного общества, а также рассматривает теорию общественно-экономических формаций в качестве основы для построения многих современных теорий, включая концепцию постиндустриального общества.

Ключевые слова: культура, теория общественно-экономических формаций, структура общества, труд, деятельность, общественная культура, духовная сфера, постиндустриальное общество.

CULTURE IN THE SOCIO-ECONOMIC STRUCTURE

Yakovleva L.A.

Tyumen State Academy of Art, Culture and Social Technologies,
Tyumen, Russia

The article discusses the place of culture in the structure of social relations with the proponents of the socio-economic formations theory's. The author draws attention to the possibility of a deeper interpretation of the works of Marx and Engels, who in their studies did not exclude the role of culture in the development of a harmonious society. Also the author considers the theory of socio-economic systems as a basis for the construction of many modern theories, including the concept of post-industrial society.

Keywords: culture, the theory of socio-economic formations, the structure of society, work, work, social culture, the moral sphere, post-industrial society.

Многими исследователями в сфере гуманитарных наук подчеркивается сложный характер развития общества, определяемый особенностями его структуры, а также действием в нем различных неоднородных факторов.

Целью данного исследования является поиск особенностей представления места культуры в работах сторонников теории общественно-экономических формаций. Среди теоретиков вопроса следует выделить К. Маркса, Ф. Энгельса, а также В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, В.М. Фриче, В.М. Межуева и В.П. Кузьмина.

На современном этапе наиболее продуктивными являются теория общественно-экономической формации, а также индустриального и постиндустриального общества.

Теория общественно-экономической формации наиболее ярко представлена в работах советских ученых. В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон дают следующее определение понятия «общество»: «...Это наиболее сложно организованная система по сравнению с любыми органическими, а тем более неорганическими образованиями». Авторы рассматривают общество с позиций «исторически конкретных форм его существования» [4, с. 11] и считают, что общество, а соответственно его сферы проходят несколько этапов в развитии на пути к коммунизму.

Культура в качестве одного из элементов формации упоминается в письмах Ф. Энгельса. В частности, он пишет К. Шмидту в Лондон, 5 августа 1890 года: «...Хотя материальные условия существования являются *primus agens* (первопричиной), это не исключает того, что идеологические области оказывают в свою очередь обратное, но вторичное воздействие на эти материальные условия...» И повторяет свою мысль в письме Йозефу Блоху, где отмечает что «на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки», такие, как «политические и другие условия, даже традиции, живущие в головах людей». Причем вся система общественного бытия рассматривается как «бесконечная группа параллелограммов сил», во всей совокупности составляющих общество сфер и факторов, влияющих на состояние как системы в целом, так и на каждую из сфер в отдельности [8].

Роль труда, а значит и культуры как основы общественных отношений имеет огромное значение в становлении человеческого общества. В частности, в рукописи «Роль труда в процессе превращения обезьяны

в человека» одним из первых выводов Ф. Энгельса становится положение «труд создал самого человека». В данном случае Энгельс уделяет внимание физическим аспектам развития человеческого тела, таким, как переход от передвижения на четырех конечностях к прямохождению, а также «эволюции» неразвитой руки «даже самых высших человекообразных обезьян» в «усовершенствованную трудом сотен тысячелетий человеческую». Энгельс замечает что развитие человека в физическом плане, произошедшее в основном за счет труда, способствовало появлению человека умелого, человека труда, а следовательно – и человека разумного. Проследив историю труда, возможно изучить историю появления культурных артефактов. В качестве «результатов труда» Энгельс также рассматривает развитие общественных отношений и речи, мышления, появление первых орудий, облегчавших этот труд и позволивших человеку становиться в надприродном качестве [9].

К. Маркс, в свою очередь, обращает внимание на то, что «труд для рабочего является чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы». Термин «культура» в «Экономическо-философских рукописях» напрямую Марксом не используется, однако, на наш взгляд, вполне очевидно, что подразумевается именно не физическая природа человека, а некая надприродная, неорганическая категория, а именно культура: «...Человек живет неорганической природой, и чем универсальнее человек по сравнению с животным, тем универсальнее сфера той неорганической природы, которой он живет». Артефакты, результаты деятельности приобретают черты произведений искусства вследствие развития мастерства человека-деятеля-творца [5].

Своеобразный взгляд по поводу соотношения сфер общества представлен в работе В.М. Фриче «Социология искусства», в которой он раскрывает одну из основополагающих черт искусства и культуры в целом – цикличность. Исследовав повторяющиеся в истории искусства состояния, автор пришел к выводу о том, существует некий закон, согласно которому расцвет искусства в той или иной стране находится в зависимости от ее экономической мощи [2, с. 267].

В.М. Межуев указывает на особое значение формальной, специфической общественной культуры [6, с. 56]. По словам автора, со-

гласно пониманию действительности как чувственно-практической деятельности, любая историческая форма этой действительности должна рассматриваться не как независимое от человека природное тело, а как предметное воплощение его субъективной, то есть исходящей от него как от субъекта, деятельности, активности [6, с. 67].

По замечанию В.М. Межуева, «культура – это не чисто духовная субстанция, ограниченная рамками сознания и существующая лишь посредством сознания, а особого рода объективная действительность, которая, в отличие от природной, имеет субъективный (не «сознательный», а «деятельный») источник происхождения». Материальность культуры заключена в «источнике ее происхождения», которым является человек, т.е. она определяется «материальным характером и способом существования человека в истории» [6, с. 70]. И «будучи всегда синонимом человеческого развития, культура совпадает с общественным развитием, то есть развитием человека как человека общественного». Именно в таком понимании, по словам В.М. Межуева, культура оказывается выражением подлинного единства «человеческого» и «общественного», процессом становления «человеческой сущности» общества и «общественной сущности» человека [6, с. 131].

По мнению автора, на высшей ступени общественного развития возможно становление культуры в качестве основной сферы в общественной системе, подразумевающей открытость, развитие интернационального характера взаимоотношений, созидательный характер хозяйственной, организационной, политической и творческой работы.

Аналогичный взгляд на место культуры в общественной системе можно увидеть в работах Кузьмина В.П.: «Экономическое развитие общества, достигнув определенного достаточно высокого уровня, перестает быть самоцелью развития... и на его плечах, как на своем базисе, вырастает царство свободы – коммунизм, где социальные критерии, в том числе и этот, в соответствии с которым «свободное время есть главное богатство общества», становятся важнейшими принципами общественного развития» [3, с. 146]. В данном утверждении В.П. Кузьминым раскрывается принцип перехода от низшей к высшей стадии развития человеческого общества, обусловленного взаимодействием всех общественных сфер, в том числе и культуры. Культурная составляющая данной фазы развития становится координирующим элемен-

том системы, определяющим возможность самосовершенствования и саморазвития человека как общественной единицы.

Таким образом, можно видеть, что формационный подход в своей сути не является закоснелой системой взаимоотношений, характеризующейся строгой иерархией структуры систем экономики, политики и культуры, а подразумевает возможность последующего развития, зависящего исключительно от вектора общественных устремлений.

Несомненно, что формационный подход несет в себе потенциал для построения других моделей развития и взаимоотношений сфер, составляющих основу общества. Кроме того, при более детальном изучении трудов исследователей, придерживающихся теории общественно-экономических формаций, становится очевидным то, что многие элементы данной теории стали основой для разработки концепций современного общества, в частности – постиндустриального (коммуникативного, информационного), где культура выступает как один из «параллелограммов сил» общества.

Список литературы

1. Гадельшина А.И. Формационный подход как методология анализа социального развития. [Электронный ресурс] / А.И. Гадельшина. Официальный сайт электронного научного журнала «Современные проблемы науки и образования». Режим доступа: <http://www.science-education.ru/99-4841>
2. Захарова Л.Н. Культура как цикл [Текст] / Л.Н. Захарова // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Том I: Теория культуры / Отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. С 266–273.
3. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса [Текст]: 3-е изд., доп. / В.П. Кузьмин. М.: Политиздат, 1986. 399 с.
4. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса) [Текст] / В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон. М.: Политиздат, 1981. 288 с.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года [Электронный ресурс] / К. Маркс. Официальный сайт библиотеки «Psylib». Режим доступа: <http://psylib.ukrweb.net/books/marxk01/txt04.htm>
6. Межуев В.М. Культура и история. (Проблема культуры в философско-исторической теории марксизма) [Текст] / В.М. Межуев. М.: Политиздат, 1977. 199 с.

-
7. Фриче В.М. Социология искусства [Текст] / В.М. Фриче. М.: Либроком, 2011. 208 с. – ISBN 978-5-397-01778-7.
 8. Энгельс Ф. Письма об историческом материализме 1890–1894 г. [Электронный ресурс] / Ф. Энгельс. Электрон. дан. Режим доступа: <http://libelli.ru/works/engels2.htm>
 9. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека [Электронный ресурс] / Ф. Энгельс. Официальный сайт библиотеки «sbiblio.com». Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/engels_rol

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ RELIGIOUS

СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ В РУССКОЙ ФАУСТИАНЕ

Бортнюк О.А.

Дальневосточный государственный медицинский университет
Минздрава России, г. Хабаровск, Россия

Данное исследование есть результат соединения религиоведения и филологии. Статья посвящена исследованию вариантов интерпретации сюжета о Фаусте в русской литературе. Русская фаустиана избирательно рассматривается в сотериологическом контексте и классифицируется по принципу трансцендентной альтернативы «оправдание/осуждение». Выявлено сосредоточение сотериологических интерпретаций на временном аспекте феномена спасения, выраженном антагонистической парой «прекрасное мгновение»/«ужасное мгновение».

Ключевые слова: сотериология, религиоведение, спасение, оправдание, осуждение, фаустиана, «сквозные сюжеты», «прекрасное мгновение», «ужасное мгновение».

SOTERIOLOGICAL ALTERNATIVES TO RUSSIAN FAUSTIANE

Bortnyuk O.A.

Eastern State Medical University, Ministry of Health of Russia,
Khabarovsk, Russia

This study is the result of the connection of religious studies and philology. The article is devoted to the research of the interpretation of the plot

about Faust in Russian literature. Russian Faustiana is constitutently considered in the soteriological context and classified on the basis of the transcendent alternative «justification/condemnation». It is found out concentration of soteriological interpretations on the temporal aspect of the phenomenon of salvation. The phenomenon is represented by antagonistic pair «beautiful moment»/«horrible moment».

Keywords: *Soteriology, Religion, salvation, excuse, condemnation, Faustiana, «Cross-cutting themes», «beautiful moment», «horrible moment».*

Исследование «сквозных сюжетов» культуры, детерминирующих её ценностную структуру, её смысловые поля, уже не одно столетие выступает ключевым направлением науки о культуре. Подобные сюжеты, проявляющие себя не только в словесном искусстве, но и в музыке, живописи, повседневных структурах, задают ритм и динамику культуры. Через посредство таких «сквозных сюжетов» происходит культурное заимствование. Вместе с тем, каждый акт интерпретации «сквозного сюжета» вносит в него собственные коннотации, детерминированные эпохой, религией и т.д. К такого рода сюжетам, без сомнения, можно отнести историю о докторе Фаусте, воплотившуюся в разных жанрах, в разные эпохи и в разных уголках Европы.

Центральное литературное произведение фаустианы – «Фауст» Гёте. С точки зрения феноменологии, «Фауст» представлен многообразием способов его данности (живопись, музыка, киноискусство) и обнаруживается как горизонт возможностей: вариативность интерпретаций расширяет смысловое поле данного феномена, переводя его в статус концепта [7, с. 186]. Становящиеся концептами образы ждут истолкования, перевода, интерпретации, переосмысления содержания, обновления формы. Многообразное прочтение сюжета о Фаусте достаточно многопланово представлено зарубежной и русской литературой. В богатой на парадоксы русской культуре, с её вечным сакраментальным вопросом «что есть истина?», Фауст-идея осмысливается как тема, у которой много вариаций. Интересно, что «русские» фаустианские ассоциации достаточно часто кардинально отличаются от общеевропейских. Фауст для русской души – результат поиска, итог. Для европейца же – в силу особенностей его мировосприятия, ментальности, Фауст – всегда только процесс поиска, и никогда – его окончание. Поэтому, даже заканчивая «жизнь» в некой статичной точке (рай/ад), запад-

ноевропейский Фауст продолжает «существовать» в морализаторских послесловиях.

При всём различии интерпретаций, в фаустиане можно выделить ключевой элемент, воспроизводящийся во всех текстах, – мотив спасения, выступающий в качестве архетипического элемента сюжета. Сотериологические интерпретации фаустианы в наиболее известных произведениях русской художественной литературы «после Гёте» сосредоточились на временном аспекте феномена спасения – вечности и пути к ней, условно заключённом в полярно-антагонистической паре «прекрасное мгновение»/«ужасное мгновение».

В драме для чтения А.В. Луначарского «Фауст и город» [5], достаточно оптимистичной по содержанию, действие первой картины начинается с того момента, на котором оборвалась земная жизнь Фауста у Гёте: с приёмного кабинета в выстроенном дворце. Фауст – седой старик в бархатной шапочке мастера, добрый и приветливый, окружённый семьёй и статуями античных мудрецов, по-прежнему ведёт неустанную борьбу с природой ради ещё одной башни. Служащий ему барон Мефисто, комментируя неутолимую жажду деятельности Фауста, по сути, оглашает условия сделки: «Ты будешь метаться, метаться... пока не согласишься на настоящего покоя... И тогда ты мой» [5, с. 151]. Трагедия Гёте заканчивается апофеозом-гимном: «Спасён высокий дух от зла произволением Божиим» [3, с. 456]. Луначарский добавляет к фаустиане новую промежуточную коду радости как локальную кульминацию произведения: Фауст живёт долго и счастливо, построил город, взрастил сад, воспитал дочь, держит на руках внука. Но сад Фауста – не аналог Эдема; скорее, это Гефсиманский сад, место предательства за «миллион дукатов звонкой монетой» [5, с. 233]. Луначарский проводит своего героя через интриги Мефистофеля, революционный бунт, изгнание из собственного дома-дворца, время безвестной и бездеятельной жизни в маленьком домике на окраине города. Ограниченный пространством, занятый чтением Фауст, как и герой Гёте, через открытое венецианское окно встречает весну – символ возрождения его души к новой жизни: «Сердце моё от сомнения и смущения шло к трепетной любви», – скажет он в финале драмы [5, с. 240]. Синоним любви Фауста – польза: железный человек-машина, преподносимый народу в финале драмы как подарок. Луначарский отождествляет прекрасное мгновение с мгновением счастья, испытываемого от осознания выполненного долга: «Чув-

ствую себя счастливым. ...Мгновенье счастья, стой!», – восклицает Фауст, и эту прощальную сольную реплику сопровождает аккомпанемент трелей карильона соборных колоколов, «словно небесный хор в высоте» [5, с. 242].

Для главного героя путь спасения становится долгожданным итогом жизни [4]. Преодолевая испытания, продолжая работать и служить народу, старик Фауст удостоивается приобщения к внеземному бытию, достойно завершая свою земную жизнь. Сотериологические мотивы поэмы представлены более сдержанно, нежели у Гёте: к примеру, Луначарский не описывает жизнь после жизни «своего» Фауста, сосредотачивая, напротив, всё внимание на его земном существовании и деятельности, а также на представлении, оставленном им о себе в памяти горожан.

Весьма необычно осмыслены сотериологические идеи в романе Л.Н. Андреева «Дневник Сатаны» [1]. Представляя землю в качестве сценической площадки для очередного театрального представления, маску актёра на время надел служитель зла. Повстречав на сцене жизни достойного соперника в лице Фауста – Фомы Магнуса, мистер Вандергуд (человеческая ипостась сатаны) прислушивается к его советам по вопросам общения с человечеством. Люди, согласно убеждению Магнуса, нуждаются не в самом бессмертии, но лишь в его идее, и потому вполне допустимо, что эта идея в своей сути будет духовным симулякром: бессмертие человеку заменит настенная живопись, изображающая «райские кущи» и «эдемские сады» [1, с. 226]. В романе происходит смещение ролевых позиций: запрограммированный на искушение человечества чёрт сам искушается Магнусом-Фаустом и получает при нём роль, аналогичную роли Фауста при Мефистофеле у Гёте. Бессмертное бытие с Богом отвергается, но чётко артикулируется экзистенциальная выброшенность – гибель человека-куклы после театрально-земного представления: «У бедной куколки разбили её фарфоровую головку. [...] Потом я увидел мусорный ящик, и оттуда торчали две неподвижные ножки в розовых туфельках» [1, с. 224]. Роман заканчивается полным крахом Вандергуда на попрание человеческой жизни; проводится аналогия между его судьбой и уделом Прометея, осужденного на муки [1, с. 239].

В середине XX века продолжается диалог советской литературы с трагедией Гёте. Достаточно яркой параллелью к сюжету «Фауста»

представляется философско-публицистическая драма И.Л. Сельвинского «Читая «Фауста»» (1947) [9, с. 19], где теме спасения предпосылаются различные смыслы. Один из них, сугубо прагматичный и в соответствии с советской эпохой идеологизированный, прочитывается в историческом контексте и звучит патетично и конкретно: «Спасение близко. Придёт спасение. Есть на свете Москва!» [8, с. 658]. В описываемых в драме обстоятельствах второй мировой войны вполне оправдан призыв надеяться на спасение, должествующее изойти из коммунистической столицы, ибо «третий Рим» действительно одолел мировой фашизм – как его содержательную сущность, так и внешнюю агрессивную форму. Намеченный в пьесе фразой-вестью Вернера «русские подходят к Днепру» [8, с. 654] поворот действия предуготовывает спасительный финал: ожидаемая человечеством победа в войне с фашизмом близка. Но главная героиня Валеска не воспользуется спасением, вынесенным на первый план: её физический уход с земли осмыслен автором как некий тональный «устой», своего рода закономерное музыкальное разрешение, завершающее череду аккордов-событий. В финале Сельвинский воссоздаёт сцену, с которой Гёте начинает экспозиционировать образ Фауста. Тот же весенний день: у Гёте – пасхальное утро, у Сельвинского – ожидаемая майская заря Победы. Тот же монолог разочарования: «Зачем я живу? – вторит гётевскому учёному советский учёный-физик Валеска, – Во имя дыхания? Биения пульса на столько-то лет?» [8, с. 666]. У Гёте Фауст подносит к губам бокал с ядом, но звон пасхальных колоколов останавливает его, Валеска же осушает сосуд со смертельным напитком – но ради освобождения собственной матери Анны Кроне из плена обстоятельств, побуждающих её создавать символ смерти, бомбу [8, с. 666]. Таким образом, Сельвинский намечает второй план спасения: от злоупотребления достижениями технического прогресса, неминуемо приведшими бы мир к гибели (бомба есть аналог смерти) спасает заместительная жертва Валески – вечной женственности, пришедшей в мир ради того, чтобы своим устремлением ввысь показать человечеству спасительный путь.

Третий план спасения Сельвинским выписан неявно, скорее – скрыт. Но он открывается как эзотерическая тайна Валеске во сне: «Мы сами над собой свершаем суд! Спасенье – только в правде! В ней одной!» [8, с. 640]. Но эту спасительную правду, по размышлению героини, необходимо восстановить, что невозможно без идеи Бога. И в момент наи-

высшего поиска правды-истины Валеска призывает не Мефистофеля, но Бога: «О Господи!.. Ты должен быть! Ты есть!» [8, с. 640]. По аналогии с «Фаустом» Гёте, призванный отзывается на зов: девушке отвечает «голос из кресла», именующий себя «аз есмь Господь с техническим образованием» [8, с. 642]. «Встреча» Бога и человека окружена библейской атрибутикой, что усиливает сознание необычайной важности завуалированного автором пути к спасению. Ремаркой «Комната Анны Кроге. Горящий камин» в VI картине обозначена предстоящая встреча двух миров (небесного и земного) возле неопалимой купины – горящего куста, представшего взору легендарного Моисея. «Сознайтесь! Вам приятен мой приход? – вопрошает Валеску голос из кресла. – Вы рады «купине неопалимой?»» [8, с. 642]. Валеска заключает договор не с традиционным в данном случае Мефистофелем, но с Богом, и претендует на безусловное спасение и души, и страны. Сельвинский инсказательно заканчивает драму картиной «горящего Моисеева куста»: сожжением чёрных папок, в которых находятся «смертельные» технические разработки [8, с. 676]. Озаряя пространство драмы очистительным огнём костра, автор наделяет земное пространство сакральным смыслом порога в инобытие и гимнически манифестирует результат, ради которого была пожертвована жизнь: «Во имя радости на земле».

В драме весьма тонко проведена тема вечной молодости: Валеска вступает в вечность молодой, но не благодаря сложным магическим манипуляциям Мефистофеля, а, скорее, вопреки: концентрационный лагерь «Освенцим» как аналогия кухни ведьмы в произведении осмысливается во всём его ужасном масштабе. Примечательно, что образ Фауста в драме Сельвинского «примеряют» несколько человек: доктор Забальд Норден, Анна Кроге, Валеска. И только одна Валеска достойно выдерживает искушение Фауста и не соглашается на сделку с силами зла (фашизмом и его стратегическими задачами).

В драме Сельвинского порогу в вечность предшествует серия «ужасных мгновений» из событий войны и миг воспоминания о матери, которая была для героини «путеводной звездой» в жизни [8, с. 666]. Это воспоминание о женственности, о матери, вынесенное Валеской в тост, становится для девушки «нитью Ариадны», способом выйти из лабиринта обстоятельств и приобрести свободу. Необычность решения Сельвинским «фаустовской задачи» (выбора пути) позволяет обозначить финал драмы как вариацию на тему финала «Фауста» Гёте и про-

вести аналогию с романом В.О. Пелевина «Священная книга оборотня», где главная героиня также добровольно покидает земное бытие, совершив на велосипеде смертельный прыжок с трамплина [6, с. 381].

Среди фантастических повестей и рассказов И.И. Варшавского переосмыслением сюжета о Фаусте стал рассказ «Поездка в Пенфилд» [2]. Автор не фиксирует внимание на трансцендентальных понятиях, но только поворачивает время вспять. Сотериологической доминантой произведения выступает идея заместительной жертвы, выраженной через добровольную смерть за любимого. По сути, главный герой Лин Крэг уподобляется на страницах книги Орфею, пошедшему в Аид за своей возлюбленной. Ради исправления смертоносной ситуации сорокалетней давности Крэг заключает договор с доктором и физиком Мэфом Эзрой [2, с. 73], оказывается в счастливом прошлом вместе с прототипом Маргариты Ингрид [2, с. 84], и во время лыжного спуска с горы теряет равновесие и гибнет. Смерть Крэга-Фауста ради спасения любимой женщины переводится писателем в ранг «тихого подвига», своего рода результата любви и ответственности. В некоторой степени, похожее осмысление смерти как спасения содержится М.А. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита». Традиционный же для фаустианы мотив «прекрасного мгновенья» переосмысливается в «решающее мгновение», которое не менее «прекрасно»: момент повторного лыжного спуска героев с горы воспринимается как преодоление роковой воли обстоятельств и является эмоциональным пиком, смысловой кульминацией рассказа Варшавского. Фауст Гёте хотел повторить молодость ради того, чтобы познать мир; Крэг Варшавского стремится только повторить один день из жизни – для того, чтобы изменить две судьбы: подарить любимой женщине жизнь и принять на себя предназначенную ей смерть.

Таким образом, сотериологические мотивы в русской литературно-музыкальной фаустиане проявляются достаточно разносторонне: мотив осуждения трансформируется, усиливается, раскрывается в социальном ключе, заменяется оправдательным вариантом сотериологической парадигмы. Опираясь на эстетическую категорию прекрасного, А.В. Луначарский, Л.Н. Андреев, И.Л. Сельвинский, И.И. Варшавский, вслед за И.-В. Гёте, открывают её смысл, актуальный на конкретном временном отрезке. Удел настоящего – это жестокая реальность, пот и страдания (труд и любовь). Но только это настоящее и есть залог прекрасного мгновения: перехода секунды – в вечность.

Список литературы

1. Андреев Л.Н. Дневник Сатаны: Роман // Л.Н. Андреев. Дневник Сатаны: Роман, рассказы. СПб.: Азбука-классика, 2008. 272 с.
2. Варшавский И.И. Поездка в Пенфилд // И.И. Варшавский. Лавка сновидений: фант. повести и рассказы. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1970. С. 71–87.
3. Гёте И.В. Фауст: трагедия. Пер. с нем. Н.А. Холодковского / И.В. Гёте. М.: Белый город, 2006. 672 с.
4. Луначарский А.В. Ленау и его философские поэмы // А.В. Луначарский. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5. Западноевропейские литературы. Статьи, доклады, предисловия, рецензии. М.: Художественная литература, 1965. С. 7–82.
5. Луначарский А.В. Фауст и город: поэма для чтения // А.В. Луначарский. Пьесы. М.: Искусство, 1963. С. 131–242.
6. Пелевин В.О. Священная книга оборотня: Роман / В.О. Пелевин. М.: Эксмо, 2004. 384 с.
7. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика / К.А. Свасьян. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1987. 199 с.
8. Сельвинский И.Л. Читая «Фауста» // И.Л. Сельвинский. Собрание соч. в 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1973. С. 555–678.
9. Шор Г.А. «Фауст» И.-В. Гёте и русская литература XX века: мотивы, образы, интерпретации: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.03, 10.01.01 / Г.А. Шор. Екатеринбург: 2009. 24 с.

МИФ ОБ УТРАЧЕННОЙ ПРАРОДИНЕ В РУССКОМ НЕОЯЗЫЧЕСТВЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв.

Яшин В.Б.

Омский государственный педагогический университет;
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;
Центр гуманитарных, социально-экономических и политических
исследований – 2, г. Омск, Россия

По мнению автора, популярные в русском неоязычестве представления об утраченной священной прародине предков призваны подчеркнуть сакральный статус русского народа как коллективного культурного героя и организатора священного порядка в планетарном масштабе. Тем самым преодолевается кризис этнокультурной идентичности, вызванный распадом СССР, и создается альтернативный русифицированный проект глобализации – обращенный в прошлое, но нацеленный на «возрождение» в будущем.

Ключевые слова: *русское неоязычество, миф, неоархаика, сакральная география, символика пространства, священная история.*

THE MYTH OF A LOST HOMELAND IN THE RUSSIAN NEOPAGANISM LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

Yashin V.B.

Omsk state pedagogical University;
Omsk state University named after F.M. Dostoevsky;
Centre of humanitarian, socio-economic and political studies – 2, Omsk, Russia

According to the author, popular in the Russian neopaganism views about the lost sacred homeland of ancestors are designed to emphasize the sacred status of the Russian people as a collective cultural hero and orga-

nizer of the divine order in the planetary scale. Thus overcome the ethnocultural identity crisis caused by the disintegration of the USSR, and created an alternative Russian project of globalization – converted in the past, but aimed at «Renaissance» in the future.

Keywords: *Russian neopaganism, myth, neo-archaic, sacral geography, the symbolism of the space, sacred history.*

Одной из ключевых тенденций динамики религиозности в современном мире выступает ремифологизация, реактуализация архаических психоментальных комплексов и ритуальных практик. Наиболее эксплицитно эти процессы нашли выражение в феномене неоязычества – религиозном, культурологическом и идейно-политическом движении, направленном на реанимацию и (ре)конструкцию доавраамических локально-этнических верований и культов, а также связанных с ними традиционных социальных институтов. При этом, как справедливо отмечает В.А.Шнирельман, в неоязычестве «миф играет инструментальную роль - он обслуживает совершенно конкретную современную задачу, будь то территориальные претензии, требования политической автономии или стремление противодействовать культурной нивелировке и сохранить свое культурное наследие» [5, с. 14]. Тем самым любая модификация неоязычества представляет собой продукт селекции архаического наследия: харизматические основоположники и идеологи неоязыческих движений отчасти планомерно, отчасти бессознательно отбирают из его исторического многообразия только то, что соответствует их вкусам и убеждениям, то, что способствует достижению целей, актуальных для них. Следовательно, неотъемлемой составляющей анализа неоязыческих концепций является выявление логики и направленности этого отбора.

Объектом анализа в данном исследовании служат этноцентрические версии русского неоязычества конца XX – начала XXI вв., предметом содержащиеся в них мифологические и квазиисторические представления о прародине русского народа.

Учитывая, что основной пафос неоязычества сводится к возвращению к истокам и реактуализации наследия предков, вполне закономерен повышенный интерес адептов данного духовного течения к этногенетической тематике (хотя одновременно этот интерес свидетельствует о несоответствии неоязычества аутентичной традиции, поскольку

в собственно архаической модели мира этногония не вычленяется из космогонии). В связи с этим для неоязычества принципиально важен образ прародины предков.

Относительно локализации русской прародины (как, впрочем, и относительно всего остального) в среде неоязычников консенсуса нет. В одних случаях речь идет о тех или иных реальных регионах: Русском Севере, Южном Урале, евразийских степях, Центральной Азии и т.д. В других – прародина русского народа помещается на гипотетических либо вовсе мифических материках типа Арктиды, Атлантиды или Лемурии; достаточно распространена в неоязыческой среде и версия об инопланетном происхождении русских. При всех различиях образ прародины в русском неоязычестве имеет две инвариантные черты. Во-первых, она отличается колоссальной протяженностью (так, по А. Асову, исконные владения гипербореев простирались от Северного Полюса до Кавказа [1; 2]), поэтому говорить о локализации русской прародины можно только условно. Во-вторых, эта прародина утрачена в далеком прошлом; перефразируя К.Э. Циолковского, можно сказать, что она исполнила роль колыбели русского народа и, как всякая колыбель, была им покинута.

Попробуем разобраться в причинах, по которым идеологи русского неоязычества предпочитают мотив утраченной прародины автохтонизму, и для этого обратимся к символике архаических мифов.

Прежде всего, образ прародины неотделим от архетипической символики сакрального Центра Мира, житнетворной точки Начала Начал. Прародина наделяется атрибутами первозданного Рая на Земле и неразрывно связывается с мифологемой Золотого века: это территория с благодатным климатом и сказочным плодородием, населенная праведными и премудрыми людьми, подобными божествам. Оставление священной прародины дублирует в пространственном коде представления об окончании Золотого века, нарушении изначального благодатного состояния человека и природы.

С другой стороны, мотив утраченной земной, тем более – инопланетной прародины «вырывает» русский народ из жесткой системы географических координат, придает ему статус экстерриториальности и потому неотмирности. Утрата прародины по сути дела означает, что практически на любой территории русский народ является пришельцем. Но статус пришельца представляет собой неперемнный атрибут

архетипического образа культурного героя. Во всех мифологических традициях создатель социокультурного Космоса появляется откуда-то со стороны – спускается с неба, приплывает из-за моря и т.д. Тем самым маркируется принадлежность культурного героя к миру иному, то есть к сфере сакрального, акцентируется его надчеловеческая природа, дающая ему безоговорочное право учить людей и подчинять их священным законам. Между тем в исторических схемах русских неоязычников русский народ представлен именно как культуртрегер, как коллективный культурный герой – «святотудрые предки» изображаются создателями всех великих цивилизаций и государств древности, просветителями и учителями всех прочих народов.

Утрата прародины, необходимость покинуть ее, как правило, объясняется в неоязыческих доктринах некой вселенской катастрофой или серией катастроф. Чаще всего имеются в виду глобальное оледенение, потоп, столкновение Земли с какими-то космическими объектами. Следует отметить, что мотив космической катастрофы входит в число мифологических универсалий, выступая как рубеж, разделяющий сакральное время мифа от профанного течения повседневности [7, с. 671]. В архаической мифологии на этой катастрофе, собственно, все и заканчивается: после нее мир стабилизировался в наличном онтологическом статусе, дальше имеет место только «вечное возвращение». В неоязыческих же доктринах, наоборот, со всемирной катастрофы начинается самое интересное: героическая эпоха великих предков, их триумфальное шествие по планете, собиравшие и освоившие ими все новые и новые земли. Не случайно в русском неоязычестве, как правило, именно с мировой катастрофы и последующего исхода предков из первоначальных мест обитания ведется хронологический отсчет [6].

В этом смысле русское неоязычество реанимирует не столько архаическую мифологию с ее акцентом на космогонической и этиологической тематике, сколько эпическое мировоззрение. Вместе с тем классический эпос призван перекинуть мост от вневременной сакральности мифа к текущему течению времени, переместить в центр внимания исторические реалии народной судьбы, тогда как неоязычество, напротив, растворяет историю в мифологических схемах. К историческим изысканиям неоязычников в полной мере применимы слова Г.А. Левинтона о том, что функция предания заключается «в мифопоэтическом корректировании истории, превращении бессодержательной с

мифопоэтической точки зрения цепи событий в набор осмысленных, то есть канонических сюжетов, в приписывании историческим персонажам таких свойств, которые позволяют им быть значимыми персонажами и с фольклорно-мифологической точки зрения» [3, с. 332–333].

Парадоксальным образом неоязыческая мифологизация истории осуществляется, в первую очередь, посредством рационализирования мифологических сюжетов, а также их эвгемеризации. В значительной степени именно этим объясняется популярность в среде русских неоязычников мотива утраты священной прародины вследствие космической катастрофы, поскольку он дает именно логичное и рациональное объяснение «гипермиграционному синдрому» в (ре)конструируемой ими национальной истории.

При этом конкретная локализация прародины для русского неоязычества, по большому счету, не так уж важна. В какой-то степени это соответствует общей логике мифа: мифологическая реальность не тождественна географической, главное, что точка антропо/этногонии соответствует сакральному Центру Мира, точнее, символически им и является. С другой стороны, русское неоязычество выводит священную прародину за скобки, чтобы сконцентрировать внимание на последующей одиссее великих предков. Фактически эти героические странствия предстают в неоязыческих доктринах апофеозом космогонии: миссия предков связывается со структурированием мира, организацией пространства, повсеместным установлением священного космического порядка. В результате последствия мировой катастрофы преодолеваются и возвращается благодатный Золотой Век.

Отсюда – поэтизация и идеализация мобильного пастушеского быта, довольно широко распространенная в русском неоязычестве. Так, один из пионеров этого движения В.И. Скурлатов воспринимал мнение о земледельческом укладе праславян чуть ли не как проявление русофобии – на самом же деле, с его точки зрения, древние «русы» изначально были пастухами, заселявшими бескрайние степи Евразии [4, с. 331]. В этом отношении этноцентрическое русское неоязычество хорошо вписывается в ведущие тренды современных глобализационных процессов, которые нередко трактуются как «новый номадизм», поскольку утверждают свободное передвижение идей, капитала, трудовых и иных ресурсов поверх государственных и этнокультурных границ, культивируют социальную и территориальную мобильность.

Возвращаясь к тезису об инструментальном характере использования мифологических архетипов в неоязычестве, отметим, во-первых, что образ утраченной прародины не ограничивает этнокультурную идентичность какими-либо территориальными рамками, автохтонизм же неизбежно в той или иной степени локален. В отношении к русскому народу, рассеянному по бескрайним просторам Российской Федерации и иным землям, миф об утраченной прародине обладает большим консолидирующим потенциалом: предполагается, что, куда бы ни забросила судьба русских людей, где бы они ни жили, все они выходцы из одного гнезда и потому образуют нерушимое национальное единство.

Во-вторых, актуализация мотива утраченной мифологической прародины выступает механизмом символической компенсации глубокой психологической травмы, вызванной исторически недавней утратой реальной Родины – Советского Союза, позволяет преодолеть кризис этнокультурной идентичности, вызванный этим геополитическим ка-таклизмом.

С другой стороны, в неоязыческих доктринах с утратой прародины начинаются грандиозные миграции, и ареной русской истории становится весь Земной Шар. Тем самым русский народ включается в число ведущих акторов планетарного масштаба, во все времена определяющих ход мировых событий. Учитывая, что многие исследователи расценивают всплеск популярности неоязычества в современном мире в качестве реакции на глобализацию, нивелирующую любое проявление локально-этнической самобытности, неоязыческую интерпретацию русской истории следует рассматривать как попытку снять дихотомию «национальное vs общечеловеческое», придав национальному всемирное измерение. В этом отношении отказ доминирующего крыла русского неоязычества от идей автохтонизма, связанный с мотивом исхода предков русского народа со своей священной прародины и последующими их гипермиграциями по всей Земле, выступает альтернативным проектом глобализации, русификацией глобальных процессов современности – обращенной в прошлое, но нацеленной на «возрождение» в будущем.

Список литературы

1. Асов А. Атлантида и Древняя Русь. М.: АйФ-Принт, 2001.
2. Асов А. Священные прародины славян. М.: Вече, 2008.

3. Левинтон Г.А. Предания и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. II. М.: Советская энциклопедия, 1982.
4. Скурлатов В.И. След светоносных // Тайны веков. Кн. 1. М: Молодая гвардия, 1977.
5. Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов М.: Гендальф, 2000.
6. Шнирельман В.А. От «советского народа» к «органической общности»: образ мира русских и украинских неоязычников // Славяноведение, 2005. № 6.
7. Эсхатологические мифы // Мифы народов мира. Т. II. М.: Советская энциклопедия, 1982.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://nkras.ru/vmno/ru/rules.html>)

В журнале публикуются статьи проблемного и научно-практического характера, представляющие собой результаты завершенных исследований, обладающие новизной и представляющие интерес для широкого круга читателей журнала. В журнал принимаются статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с требованиями ВАК.

Серии журнала: «Проблемы науки и образования», «Экономика и инновационное образование», «Гуманитарные и общественные науки», «Математика. Механика. Информатика».

1. Условия опубликования статьи:

1.1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, вывод;

1.2. соответствовать правилам оформления.

2. Правила оформления статьи:

2.1. Объем статей 7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10. Рукописи большого объема принимаются по специальному решению Редколлегии.

Поля все поля – по 20 мм.

Шрифт основного текста Times New Roman

Размер шрифта основного текста 14 пт

Межстрочный интервал полуторный

Отступ первой строки абзаца 1,25 см

Выравнивание текста по ширине

Автоматическая расстановка переносов включена

Нумерация страниц не ведется

Формулы в редакторе формул MS Equation 3.0

Рисунки по тексту

Ссылки на формулу (1)

2.2. В конце статьи помещается Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008. Библиографические ссылки в тексте статьи следует давать в квадратных скобках в соответствии с нумерацией в списке литературы. Список литературы для оригинальной статьи –

не более 15 источников. Список литературы составляется в алфавитном порядке – сначала отечественные, затем зарубежные авторы. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяются запятой. Например:

В тексте: [10, с. 81]

В затекстовой ссылке (Список литературы): 10. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

Запрещается использовать ссылки-сноски для указания источников.

2.3. Название статьи должно кратко, но максимально точно отражать затронутую проблему. Избегайте неконкретных названий типа «К вопросу о ...», помните, что названия всех статей каждого выпуска производятся в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals directory» в целях информирования мировой научной общественности, а слова, фигурирующие в названии, используются как ключевые в различных информационных системах. Четкое и точное название статьи – важнейший способ привлечь внимание широкого круга ученых к Вашей работе.

2.4. Текст статьи должен быть тщательно вычитан, ясным и лаконичным.

2.5. Рубрикация текста – необходимый элемент всех статей, кроме кратких рецензий и информационных сообщений. Чем четче рубрицирован Ваш текст, тем выше вероятность адекватного понимания Ваших идей читателями. Редакция приветствует традиционное членение текста на разделы Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение результатов, Заключение (Выводы), но приемлет и иную структуру соответственно специфике конкретной статьи при условии ограниченного объема и четкого именования разделов.

2.6. Статья обязательно должна содержать:

Блок 1 – на русском языке: УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (-ов); аннотация (резюме); ключевые слова;

Блок 2 – информация Блока 1 в той же последовательности:

– авторы на латинице;

– заглавие, аннотация, ключевые слова – на английском языке;

Блок 3 – полный текст статьи на русском языке;

Блок 4 – список литературы на русском языке (название «Список литературы»);

Блок 5 – список литературы в романском алфавите (название «References»).

Блок 6 – данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; должность; ученая степень; ученое звание; адресные данные автора (-ов) (организация(-и), адрес организации (-й), электронная почта всех или одного автора).

Блок 7 – информация Блока 6 в той же последовательности:

– авторы на латинице;

– должность, ученая степень, ученое звание, название организации, адрес организации – на английском языке.

Блок 8 – сведения о рецензенте (фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, название организации (место работы)).

2.7. Статья оформляется только в текстовом редакторе Microsoft Office Word. Формулы должны выполняться только во встроенном «Редакторе формул» (Equation Editor). Формулы необходимо набирать прямым шрифтом (основной размер символа 14 pt) и нумеровать справа в круглых скобках. Длина формулы вместе с номером не должна превышать 10 см. Рисунки и графики, содержащие серые заливки должны быть заменены на штриховку или на черную/белую заливку. Не допускаются сканированные рисунки.

Убедительная просьба не использовать панель рисования MS Word для создания диаграмм, т.к. статьи редактируются и вид диаграмм, полученных таким способом, нарушается, что резко увеличивает трудоемкость редактирования. В статьи надо вставлять не сами диаграммы, полученные таким способом, а их скриншоты или изображения, созданные с помощью графических редакторов. Для создания диаграмм специально предназначена система MS Visio (редактор диаграмм и блок-схем). Наличие в статье диаграмм, созданных с помощью панели рисования MS Word может являться основанием для отклонения статьи.

2.8. Таблицы должны содержать только необходимые данные и представлять собой обобщенные и статистически обработанные материалы. Каждая таблица снабжается заголовком и вставляется в текст после абзаца с первой ссылкой на нее.

2.9. Количество графического материала должно быть минимальным (не более 5 рисунков). Каждый рисунок должен иметь подпись (под рисунком), в которой дается объяснение всех его элементов.

2.10. Все части статьи (таблицы, рисунки и подписи к ним) должны быть приведены полностью в общем тексте.

2.11. Допускаются сокращения и условные обозначения лишь принятые в Международной системе единиц сокращения мер, физических, химических и математических величин и терминов.

2.12. Кроме статьи авторы должны представить в редакцию Авторскую справку, которая содержит сведения обо всех авторах.

2.13. Материалы, направляемые в редакцию, должны иметь стороннюю рецензию кандидата или доктора наук (с указанием полных сведений о рецензенте), подписанную и заверенную печатью организации (отделом кадров). Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

2.14. По просьбе автора могут представляться дополнительные платные услуги (научное рецензирование, литературное редактирование, перевод на английский язык названия статьи, информации об авторах, расширенной аннотации и ключевых слов, транслитерирование библиографического описания).

2.15. Электронный вариант статьи, авторская справка (доступно на сайте издания) и сканированная рецензия (в графическом формате JPG, BMP, TIFF или PDF) предоставляются по электронной почте. Оригиналы запрашиваются редакцией при необходимости.

2.16. В одном номере журнала автор имеет право публиковаться один раз, второй раз в соавторстве. Рекомендуемое количество авторов одной статьи – не более трех.

2.17. Статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации, не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право отбора статей. Статья может быть отправлена авторам на доработку или отклонена как по формальным, так и по научным признакам. Критериями отбора являются соответствие профилю серии журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

2.18. В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

2.19. Статьи в журнале публикуются за счет средств авторов (соавторов), подписчиков, либо третьих лиц, заинтересованных в публикации.

2.20. Плата с аспирантов (единственный автор) за публикацию рукописей не взимается. Обязательное представление сканированной справки об обучении в очной аспирантуре, заверенной руководителем учреждения. Аспирантам необходимо иметь в виду, что им при положительном решении редколлегии необходимо будет оплатить срочную почтовую доставку авторского экземпляра журнала. Указанная стоимость и процедура оплаты доводится после положительного решения редколлегии по электронному адресу, с которого поступила статья.

2.21. При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться досрочно.

Электронный вариант статьи, авторская справка, сканированная рецензия и справка из отдела аспирантуры (для аспирантов) направляются в редакцию в соответствии с сериями издания по e-mail: open@nkras.ru

Более подробная информация о журнале (образец оформления статьи, рецензии, авторская справка, тематические разделы серий) представлена на сайте журнала <http://nkras.ru/vmno/ru/rules.html>

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 31.10.2013. Заказ ВМНО11.32013.
Тираж 1000. Усл. печ. л. 25,94. Формат 60×84/16.